

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

МЛЖСЛЛ ФРСНЧУЭ

НЧ НОРРОЕ
МЛРС

Во все века государства и правители тратили огромные суммы на создание суперсолдат. Но что будет, если однажды у них это получится? На порог какого Мира поставит такой солдат Человечество.

Мир далёкого будущего. Где люди вышли в космос, освоили сотни и тысячи планет, численность их достигла 7–8 триллионов человек. Но есть вещи и неизменные. Войны, спецслужбы, интриги, тайны... любовь, дружба, верность...

Михаил Француз

На пороге мира

Зачистка секретного лабораторного комплекса Л-51 происходила силами аж восьми специальных штурмовых подразделений. Упакованные в тяжелую броню, вооруженные штурмовым лазерным оружием, профессионалы все равно гибли, раз за разом напарываясь все на новые и новые плоды экспериментов этой проклятой лаборатории.

Мужчины, женщины, дети, животные, растения — все здесь таило опасность и несло смерть.

Этаж за этажом, сектор за сектором, хмурые, озлобленные бойцы, сцепив зубы вламывались в помещения лаборатории и давили сопротивление взбунтовавшихся и захвативших базу подопытных. Вот только злость и ненависть военных копилась не в адрес этих несчастных, а в адрес яйцеголовых, сотворивших с людьми такое.

Стоило где-то только мелькнуть белому халату, и тут же туда летела плазменная граната, а то и не одна, что бы уж точно, гарантированно, произошла «случайная ошибка».

Был зачищен уже практически весь комплекс, а еще ни одного ученого «найти живым не удалось».

Капитан Коршунов, позывной «Коршун», командир СКООН шел во главе тройки на одном из самых нижних уровней комплекса. Еще совсем немного, и проклятая «база ужасов» будет, наконец, зачищена. Еще немного, еще чуть-чуть...

Но очередной отсек оказался на удивление пуст. Если не считать четырех мертвых яйцеголовых в одной из комнат. Это настораживало. Заставляло крепче держать рукояти лучевиков и лазерных винтовок в ожидании подвоха и внезапного нападения. Но секунды шли за секундами, помещение проверялось за помещением, а нападения не происходило.

И лишь в последнем боксе-камере. Запертом и бронированном, под прицелом десяти камер, сидел на стуле десятилетний мальчик.

Он спокойно читал детскую книжку о Волшебнике Изумрудного Города. Лысый мальчик в сером комбинезоне подопытного с пятизначным номером 11013 на спине. Спокойный и даже умиротворенный.

Коршун подал знак одному из бойцов вскрыть дверь. Тот кивнул и приступил к минированию замка. Несколько отточенных, выверенных движений и дело сделано. Бойцы разошлись по сторонам от двери. Короткое шипение сработавшего направленного термитно-плазменного заряда, и на месте замка лишь сквозная прожженная дыра. Дверь откидывается и со стволами на перевес в бокс врывается боевая тройка.

И все замирает.

Мальчик медленно, спокойно встал и положил книжку на стул. Он сделал три шага к бойцам и остановился напротив них, прямо под дулами лучевиков и лазеров.

Он стоял и смотрел. Не нападал. Не угрожал. Не просил. Не кидался в ноги и не молил. Просто стоял и ждал решения. Жить. Или умереть.

И бойцы ждали решения командира. А Коршун все медлил. Секунда шла за секундой, а он все никак не мог заставить себя нажать на курок. Но и опустить оружие тоже не мог так вот просто.

— «Первый Медведю: все чисто, сектор зачищен», — пришел доклад по линии связи.

— «Первый Дятлу: у нас тоже чисто», — последовал еще один.

— «Первый Кунице: чисто».

— «Первый Цыплёнку: сектор чист».

— «Первый Волку: сектор чист».

— «Первый Ежу: чисто», — продолжали приходить доклады от командиров подразделений о выполнении поставленных задач.

— «Удав Первому: что у тебя?» — запросил командующий операцией предпоследнее подразделение.

— «Чисто, Первый. Удав закончил», — пришел ответ от Кости Усова, высокого жилистого капитана, чем-то и правда напоминавшего удава. Его подразделение в этой операции пострадало больше всего: одиннадцать бойцов убитыми, пятеро тяжело ранеными.

— «Коршун Первому: что у тебя там?» — пришел запрос от командующего операцией. Коршунов медлил.

— «Коршун Первому: Коршун Первому! Ответь, Коршун, что у тебя?» — капитан медлил.

— «Коршун, мать твою за ногу!», — начал проявлять беспокойство и нетерпение командующий.

— «Первый Коршуну: чисто.» — вышел на связь капитан и опустил лучевик.

— «Первый циркулярно: закончили, сбор на пункте сбора через тридцать минут. Мы свое дело сделали, уходим, господа!» — пришел по связи долгожданный сегодня приказ.

— «Медведь: принял».

— «Дятел: принял».

— «Куница: принял».

— «Волк: принял, выполняю».

— «Цыпленок: принято».

— «Еж: принял».

— «Удав: есть».

— «Коршун: вас понял. Выполняю», — доложил капитан командующему.

— Живи, парень, — со вздохом отключив канал связи, сказал Коршунов мальчику и махнул своей тройке на выход. Затем обернулся и махнул мальчику тоже. Штурм лабораторного комплекса Л-51 закончился.

* * *

— Жестянкин Леонид Васильевич, десять лет, воспитанник детского дома номер четыре Новопитер, планета Терра, — зачитывал в слух с экрана планшета мужчина неопределенного возраста в сером гражданском костюме, сидящий за дорогим письменным столом из натурального дуба. Напротив него стоял другой мужчина, подходящий под то же самое описание: тот же неопределенный возраст, та же незапоминающаяся внешность, такой же неброский костюм. — Родители неизвестны. Место рождения не установлено. Воспитателями и учителями характеризуется как очень способный и талантливый мальчик, имеющий успехи в освоении предметов школьной подготовки и отличное физическое развитие. Прямолинейный и целеустремленный. В возрасте восьми лет был отобран для участия в программе «Фобос» и доставлен в лабораторный комплекс Л-51 в группе с еще сорока девятью участниками разного возраста и пола. В программе получил кодовое обозначение «объект 13». В общем реестре лабораторного комплекса проходит под номером

11013.

Программа «Фобос» признана бесперспективной. Единственный выживший участник, «объект 13» переведен испытуемым в программу «Мемориал».

Программа «Мемориал» также признана не перспективной: из пятидесяти, сорок три подопытных погибло, шестеро сошли с ума. Выжил снова только «объект 13»... — мужчина за письменным столом сделал паузу и задумчиво потер подбородок. — А что за программы? Подробности?

— По материалам из лабораторного комплекса, программа «Фобос», это эксперимент по созданию абсолютно бесстрашного солдата. Подопытным, по экспериментальной методике, при помощи специальных препаратов и процедур, физически, необратимо атрофировали чувство страха. Эксперимент удался, у команды ученых действительно все получилось. Но... — начал отчитываться второй мужчина.

— Но?

— Испытуемые, потеряв чувство страха, в последующем быстро и глупо погибали. Видимо, вместе со страхом, был задет и инстинкт самосохранения. Методика весьма не дешёвая, а результат практически нулевой. Экономически не оправдано. Бесперспективно.

— Но один-то выжил? — заметил мужчина за столом.

— Исключение только подтверждающее правило, — пожал плечами второй мужчина. — К тому же, по отчетам испытаний, «объект 13» оказался единственным на ком методика дала сбой. Чувства страха он не потерял. Даже наоборот.

— Методика сохранилась?

— Нет. Все материалы по способу, препаратам и процедурам уничтожены в процессе штурма лабораторного комплекса. Также, как и сами ученые, принимавшие участие в программе. Суть программ удалось установить по отчетам, присланным ранее руководству. Но отчет это только отчет, — развел руками он.

— Понятно, — побарабанил пальцами по столу первый мужчина. — Что за «Мемориал»? Подробности.

— Программа направленная на развитие памяти. По экспериментальной методике, также медикаментозно.

— Результаты?

— Бесперспективно. Память у подопытных стала абсолютной. И в течении двух дней после процедуры все испытуемые либо сошли с ума, либо умерли. Как говорится в отчетах, они пережили заново свои самые худшие моменты жизни с бесконечно подробной детализацией. Большинство не перенесло уже процесс рождения. Остальные сломались позже.

— А 11013-тый?

— Снова забракован. Долго болел, больше двух месяцев после процедуры, но по результатам тестирования, память осталась на прежнем уровне. Видимо какая-то врожденная аномалия.

— Методика осталась?

— Нет. Также уничтожена при штурме.

— Что ж... Выходит пацан бесполезен?

— Совершенно.

— Безопасен?

— Вполне.

— Ваши предложения по дальнейшей его судьбе? — отложив планшет, сложил на столе руки первый мужчина.

— А что тут думать? Вернуть его обратно в приют и забыть. Других дел выше орбиты.

— Что ж, в этом вы правы, — вздохнул первый мужчина. Затем снова взял планшет и вписал под документом резолюцию: «Вернуть в приют и снять наблюдение», затем заверил электронной подписью со снятием биометрических параметров и отправил на исполнение.

— Забыть, так забыть... А теперь вернемся к нашим проблемам, тем которых выше орбиты. Кто-то еще вообще уцелел в этом штурме? Сколько мы потеряли ученых?...

Детский дом номер четыре города Новопитера одной из центральных планет Новой Российской Империи Терры мало чем отличался от сотен других таких же по всей этой самой Империи. Не самое приятное место. Да по-другому быть и не может. Ведь дети оставшиеся без родителей не становятся от этого счастливее, послушнее, добродушнее и приятнее в общении.

А государство не может себе позволить тратить на содержание таких детей, малоперспективных, если быть цинично честными, слишком большие деньги. Такие, как например тратит на содержание и обучение кадетов в Училище, что стоит меньше, чем в квартале от детского дома. Естественно: тут сироты и полукриминальный элемент, а там будущие офицеры — костяк и командование, высококвалифицированные кадры для армии. Но это с точки зрения государства.

Дети же видят просто таких же детей, только по другую сторону забора. У которых красивая форменная одежда, роскошная пайка, прекрасные, хоть и казарменные, жилищные условия, спортивный инвентарь, досуговые мероприятия, экскурсии и даже свой собственный клуб...

Естественно такое положение вещей рождает зависть. И агрессию.

И встретить кадету детдомовцев где-то на улице... Быть однозначно битому. Но и кадеты не ходят по здешним улицам в одиночку.

А бывает, что и устраивают групповые самоволки для «стрелок» и «разборок» с «местными» или «голодранцами». Точно так же, как и сами «голодранцы» устраивают облавы и засады на «красноперых»... Бывало, что и со смертельным исходом, ведь «перо» непременный спутник шпаны. Но редко. Ведь в таком случае вмешаются взрослые, устроят настоящую облаву с настоящими разборками, следствием и судом. И подобное уже случалось.

Этой ночью на территории кадетского училища проводилась спецоперация детдомовских. Целью был спортивный комплекс. А еще точнее кладовая спортивного инвентаря.

Группа «голоногих» мальчишек разного возраста из восьми человек, оставив пять фишек по всем возможным подступам к объекту, тихо вскрыла окно и организованно проникла в помещение.

Тактическое руководство группой осуществлял известный и даже авторитетный в определенных кругах Ленька по кличке Отмор. Уверенность в командах и жестах, по-военному четкое распределение ролей внутри группы, несомненные лидерские качества...

Все это создавало атмосферу серьезной боевой операции и ореол военной романтики...

Вообще, с возвращением Леньки из последних «бегов» (а «в бега хоть раз, а уходил каждый из воспитанников детского дома. У кого-то они заканчиваются через пару дней, у кого-то через пару месяцев, кто-то вовсе не возвращается. Кто-то возвращается сам, кого-то приводит полиция... Ленькины «бега» затянулись на два года и привели его крепкие мужики, на которых гражданская одежда смотрелась чужеродно и неправильно. Им бы куда больше подошла форма или боевая экипировка штурмовика), война кадетских с детдомовскими резко перешла на иной уровень. И чаша весов клонилась все больше и больше в сторону «голоногих». Парень быстро завоевал авторитет кулаками и полной безбашенностью (за что собственно и получил прозвище Отморозок, сокращенно «Отмор») и

случилось так, что попал на группу кадетов, которой и был жестоко бит... И с того момента, как вышел Ленька из «больнички» у «красноперых» началась черная, буквально чернейшая полоса.

Ленька ничего не говорил о том, где и как провел свои «бега», на все вопросы об этом только отмалчивался и хмурился, но где-то он понахватался военных терминов, приемчиков, словечек, сигналов и тактики. Да еще все свободное время стал посвящать штудированию книг по этой тематике, благо Интернет позволял отыскать почти все, что угодно, а уж разные «Наставления» по тактике малых групп, «Учебники сержанта» и «учебники младших специалистов» различных родов войск, пособия по партизанской деятельности и организации разведки, план-конспекты «в помощь молодому офицеру» уставы и т. д. так и вовсе вываливались по первому же запросу.

И под руководством Леньки Отмора детдомовцы успешно все это начали применять против будущих кадровых военных.

Руководство детдома не вмешивалось, как и всегда. Руководство же Кадетского Корпуса радостно ввело для своих питомцев новый предмет: «Контрпартизанская война и противодействие малым развед группам». Выписала из других Училищ и боевых частей соответствующей направленности инструкторов, и будущие офицеры Империи усердно принялись за его изучение, качественно мотивированные жаждой реванша и стимулированные крепкими кулаками резко поумневших «местных».

А Ленька перевел «войну» на территорию «врага». Вот уже месяц в Корпусе происходили диверсии. Причем все они касались только кадетов и не касались руководства: снимались по ночам дневальные и патрульные, потрошились и портились личные вещи «красноперых» прямо в кубриках казарм, минировались санузлы и клозеты, похищались конспекты и учебники кадетов...

Руководство свирепо сыпало нарядами и наказаниями, но не выносило сор из избы. Разборки детей оставив детям. Начальник Корпуса вовсе не мог нарадоваться этой ситуации, ведь успеваемость и прилежность учеников достигла недостижимых доселе высот, поскольку ничто так не подстегивает прогресс военного дела, как война! И Ленька Отмор дал мальчишкам эту войну!

И продолжал вести ее с разгромным счетом: дофига — ноль в пользу детдома. Кадеты, сцепив зубы, учились у присланных инструкторов, но все равно, гадские «голоногие» оставались на пять шагов впереди, оставляя им незавидную роль обороняющейся стороны.

И этой ночью группа «местных» после тщательной предварительной разведки вскрыла охраняемый патрулем объект на территории Училища.

Операция шла, как по нотам: проникновение, наблюдение, вскрытие объекта и вскрытие кладовой... И вот в тот момент, как мальчишки, груженные сетками футбольных мячей пробирались через спортивный зал к выходу, кто-то из них заметил в темноте человека.

Тот двигался медленно и плавно, словно в каком-то танце. Но в темноте зала, нарушаемой рассеяным светом далеких уличных фонарей через зарешоченные окна, это смотрелось жутко. Иррационально жутко.

А фигура двинулась в сторону ребят. Ужас накрыл мальчишек и те, с криками, побросав сетки, пустились на утек.

И только сам Ленька Отмор споткнулся о брошенный мяч и растянулся на полу. Последний из убежавших мальчишек со страху захлопнул за собой окно, тем самым, отрезав

Леньке путь к бегству.

Он быстро перевернулся, фигура была уже почти совсем рядом. Он, перекатом назад, принял вертикальное положение и приготовился подороже продать свою, если не жизнь, то свободу.

Но фигура, почти дойдя до него, повернула на девяносто градусов и двинулась дальше, игнорируя чуть больше, чем полностью готового драться мальчика.

Ленька, прислонившись спиной к стене, медленно сполз на пол. Он облегченно выдохнул, не отпуская взглядом таинственной фигуры.

Напряжение готовности к бою отпустило. Но на смену ему пришло любопытство.

Ленька поднялся со своего места и двинулся потихоньку следом за фигурой.

Это оказался высокий поджарый мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, в спортивном костюме. Он двигался действительно в каком-то опасно-красивом, запредельно-медленном танце, и, казалось, не замечал вообще ничего вокруг.

Снаружи зала Училище наполнялось суетой, бегом и криками. Но тут было тихо. И в этой тишине «танцевал» мужчина, за которым неотрывно наблюдал мальчик.

И так продолжалось еще около двадцати минут. Затем мужчина закончил свой «танец» и повернулся к мальчику.

Минуту длилось их взаимное разглядывание.

— А ты почему не убежал? — наконец нарушил тишину мужчина, правильно оценивший раскиданные по полу сетки с мячами.

— Не знаю, — пожал плечами мальчик. — А что это такое было?

— Тебе понравилось? — хитро прищурился мужчина.

— Завораживает, — не стал таиться мальчик.

— Одно из древних боевых искусств, — ответил мужчина.

— Боевых? — удивился мальчик. — Это можно применить в бою?

— Можно, — подтвердил мужчина. — Научиться хочешь?

— Хочу, — упрямо кивнул мальчик, уже представляя сколько трудностей и боли последует за этим его коротким «хочу». Но отступить он был не намерен. Не тот характер.

— Тогда становись рядом и повторяй, — улыбнулся мужчина.

* * *

Ленька вернулся в детдом под утро. Взрослые еще спали, но воспитанники, в полном составе ждали его внизу, в общей комнате, не включая света.

Лица их были хмурыми и злыми. А у полутора десятков еще и носили следы побоев. Ленькино лицо же было чистым, а одежда не порванной. Что заставляло ребят хмуриться еще сильнее.

— Ты где был, Отмор, — строго спросил Леха Злой. В любой общности есть номер первый. И сейчас этим номером первым был несомненно Ленька. До этой ночи.

Но точно также в любой общности есть и номер второй. И этим Вторым был Леха, который сейчас и задавал вопрос на общей сходке детдома.

Ленька промолчал, обводя лица еще раз внимательным хмурым взглядом. Он знал, что так будет, еще когда думал перед коротким «хочу» сказанным им мужчине в ночном спортзале. Знал, но это был осознанный выбор.

А еще, сейчас все только начиналось, и это он знал также четко.

— Пацаны попали в засаду! «Красноперые» навалились целым Училищем! — продолжал Леха Злой.

— Еле ноги унесли, — хмуро добавил Витек Сивый, один из тех, кто был этой ночью вместе с Ленькой в Училище.

— А где в это время был ты, Отмор?! — обвинительно указал на Леньку пальцем Злой.

Ленька продолжал упорно молчать. Он топил себя этим, но продолжал молчать. Да, можно было сейчас заговорить зубы сходке и заткнуть пасть Злому, воодушевить, накрутить на операцию-возмездие (а десяток идей и наработок в этом направлении у Леньки уже было заранее подготовлено) и снова стать неоспаримо Первым... Можно. Но...

Но Ленька молчал. Топил себя этим, но молчал.

— Трус! — выплюнул Злой.

— Отсиделся в каком-то схроне, пока нас по училищу гоняли! — поддержал его Славка Рябой.

— Завел нас в засаду, сволочь! — послышался выкрик Сивого. Затем подключились остальные, и в общем шуме отдельных слов было уже не разобрать.

— Трус, — дождавшись тишины, повторил Леха Злой. Подошел и смачно харкнул прямо в лицо Леньке.

Каких усилий ему стоило сдержаться и не броситься на Злого, не узнает наверное никто. Но сдержался. Не бросился.

А вслед за Злым потянулись ребята, что были на ночной вылазке, потом остальные... И каждый плюнул. Ни один не воздержался...

Дети. Дети самые жестокие и безжалостные существа на свете. Наивно думать, что это не так. Просто взрослые, вырастая забывают об этом. Подсознательно затирают травмирующие воспоминания, смакуя лишь приятные моменты детства. Но объективно, нет коллектива страшнее подросткового. Тем более из сирот и «неблагополучных».

В этот день Леньку не били. Но дорога в Первые для него закрылась раз и навсегда.

Жизнь все равно остается жизнью, что бы не произошло в ней. Особенно, когда ты идешь на это что-то осознанно. Сознательно делаешь выбор.

А Ленька сделал свой выбор осознанно. Сознательно, понимая на что идет, сбросил с себя ношу лидерства. Да, при этом он упал на самое «дно» того сообщества, в котором до этого был лидером. Но!

Сильный, не физически, а душевно, морально сильный человек на «дне» никогда на долго не останется. Не остался и Ленька Отмор. Ведь отморожком его назвали не просто так.

День после сходки был днем тяжелым. Ведь «упасть» тоже надо суметь, не свернув себе шеи. Все «голоногие» весь день, всячески пытались выказывать свое презрение к «трусам»: норовили толкнуть, подставить подножку, опрокинуть вместе с подносом еды, отодвинули его кровать в общей спальне к самым дверям туалета...

К вечеру попытались, наконец, избить. Не удержались все-таки. Их было четверо. Он был один. Но «не большой побеждает, клыками украшенный, а маленький, злой и безбашенный»? Все пятеро угодили в больничку почти на неделю.

Досталось ему крепко, но отпор он дал. Дрался до конца, до самого момента, когда прибежали воспитатели и оттащили его от визжащего комка боли, в который он превратил последнего стоящего на ногах из той четверки. Он откусил нос ему и почти вырвал из глазницы глаз. Остальные отделались переломами пальцев, одним сотрясением, гематомами и колото-рваными ранами (Ленька сорвал со стены картину в раме и расколотил ее о нападавших, а после добивал острым обломком рамы. Последний сумел вцепиться в него и повалить, но Отморозок Ленька, как уже писалось ранее, отгрыз ему нос напрочь и пальцами свободной руки выковырнул глаз из глазницы, но оторвать совсем не успел — оттащили).

После такого, когда Жестянкина выписали из «больнички», трогать его уже не решались. Игнорировали, выказывали всяческое презрение, но прикоснуться к нему боялись, словно к прокаженному.

Особенно, когда Леха Злой ночью поскользнулся в туалете и разбил лицо об унитаз, да так неудачно, что лишился восьми зубов.

Как его не распрашивали, Леха, ставший после этого случая из Злого Щербатым, стоял на своем: поскользнулся, упал, ударился — все! И никакого Леньки Отмора рядом не было. Хоть и стоит его койка ближе всех к туалету.

Тем более, когда все десять ребят, что были с ним на «последней операции», в течение месяца перебивали в «больничке». И опять же, как и Щербатый твердили одно и то же: сам, случайность (с лестницы упал, от машины уворачивался, от собаки убежал, споткнулся, из окна выпал...) Но никак не Жестянкин. Что угодно, но не Ленька Отмор.

Да и фиг бы с ним, этим трусом Жестянкиным! Тут «красноперые» оборзели!

Впитав, словно губки, те знания, что щедро передавали им пришлое инструктора, кадеты с воодушевлением ринулись возвращать детдомовцам долги. И у них это великолепно получалось, поскольку место тактического командира, опустевшее после «падения» Леньки, занял бывший Второй номер Леха. Но! Кроме лидерских качеств и энтузиазма, парень не обладал необходимыми тактическими познаниями. Ведь для того, чтобы лопатить подходящую литературу по теме он не имел достаточной усидчивости (да и желания не

имел), а для того, чтобы пойти за советом к Леньке, был слишком горд.

Победы, однако, это не поражения. Они не мотивируют к развитию, а потому быстро приедаются.

Администрации.

Начальник Училища, видя, что «война» с детдомовцами перешла в разряд избиения и уличных беспорядков, просто посадил всех кадетов «на казарму» на месяц, а после стал сурово карать за драки в городе.

Собственно, так все и вернулось на круги своя.

* * *

— И как там наш тринадцатый? — поинтересовался мужчина в невзрачном костюме, сидящий за дубовым письменным столом, у невзрачного мужчины, стоящего напротив этого стола.

— Вы же распорядились снять наблюдение? — изобразил удивление тот.

— Наблюдение снять, — согласился он. — Пригляд оставить. Вы ведь до конца читали документ, с должным вниманием?

— Так точно, — вытянулся стоящий напротив стола мужчина.

— Так, как там тринадцатый? — повторил свой вопрос мужчина, сидящий за столом.

— Ничего сверхвыдающегося, — начал докладывать второй. — Время, что длилось разбирательство по Л-51, мальчик провел ведь на базе подготовки СКООН (капитан Коршунов взял под свое крыло). Вот и понахватался всякого...

— Чего же? — заинтересовался первый.

— Тактики, теории в основном, практики немного...

— Ладно, это не страшно. Как он в детдоме прижился?

— Прижился... Устроил войнушку с соседним Кадетским Училищем и, используя то, чего набрался за месяц в СКООНе развернул форменный террор кадетам. Настолько, что начальник Училища ввел новый предмет и выписал инструкторов из действующих боевых частей и высших военных училищ.

— А говорили, что ничего выдающегося, — ухмыльнулся первый.

— Хватило его запала, правда, ненадолго. Всего на два месяца, — проигнорировал комментарий второй. — Потом сорвалась очередная «операция» и «объект-13» потерял свой «авторитет». Собственно на этом все и кончилось. Была драка, мальчик попал в больницу. Вышел из нее, и все успокоилось. Учится теперь, в тайне от всех к поступлению готовится... в Кадетское Училище.

— То самое, с которым «воевал»? — уточнил первый мужчина.

— То самое, Имени Его Светлости Князя Александра Федоровича Вертынского Кадетское Училище Связи.

— Откуда известно?

— Так он уже документы подал через директора детского дома.

— Хорошо учится? — насторожился мужчина, сидящий за столом.

— Не гений, — пожал плечами второй мужчина. — Но на проходной балл может рассчитывать. На бюджетное место. Возможно, даже на стипендию вытянуть сможет.

— Думаете, последствия «Мемориала»?

— Может быть, конечно, — снова пожал плечами второй мужчина. — Но, судя по данным отборочных тестов, он и до Л-51 был мальчиком умным и способным.

— А как он по личным качествам?

— Лидер. Достаточно харизматичный уже в этом возрасте. Способен вести за собой и взять командование на себя. Одновременно ярок и общителен, но так же очень скрытен и замкнут. Скрупулёзен, дотошен, работоспособен. Излишне жесток. Способен творчески подходить к решению задачи. Проявил незаурядные тактические способности, как при разработке «операций» детдомовцев, так и при проведении их «в поле»... Очень перспективен, как будущий полевой агент. О лабораторном комплексе и опытах, не обмолвился ни разу. Как и о пребывании на базе СКООН.

— Что ж, — задумчиво постучал мужчина ручкой по своему столу. — Поступлению не мешать. Сможет — молодец, возможно, еще полезным членом общества станет. Нет — значит нет. А на счет вербовки и обучения... С этим торопиться не будем. Л-51... неизвестно еще как аукнется.

— Присмотр оставить?

— Естественно. Но не пристальный. Нечего ресурсы в пустую тратить. Просто держите в поле зрения. Почему-то мне кажется, что об этом парне мы еще услышим... Войну, говорите, Училищу объявил? — хекнул мужчина, сидящий за столом. — Ладно, отдохнули, а теперь к делу. Что мы имеем по «Черному Солнцу»?...

Было сложно. Очень сложно. Сохранять от всех в тайне подготовку к поступлению в Кадетское Училище. К «красноперым». К врагам «местных».

Еще труднее было сдавать все экзамены так, чтобы не попасть на глаза «своим». А экзаменов было много.

Не трудные для Ленки, ведь он очень серьезно к ним готовился. Нет. Но сложность вся была в том, что сдать их необходимо ровно так, чтобы пройти, получить стипендию, но не засветиться слишком выдающимися способностями.

Трудно. Но Жестянкин справился. Сдал. Прошел. Поступил. И теперь наступало самое-самое трудное: уйти.

То есть настал день, когда больше не скроешь того, что Ленка Отмор кидает «голоногих» и переходит к «красноперым».

Тот факт, что «войны» уже почти полгода нет, что семь месяцев Отмор уже не Первый, а презренный «трус», мало что менял.

Ведь это же ТОТ САМЫЙ Ленка Отмор, что гонял в хвост и в гриву этих самы «красноперых». Этого ведь никто не забыл. И не простил.

Ни «красноперые», ни «голоногие», которые мигом записали в предатели и свалили все свои поражения и неудачи на него. Как же! Ведь они же такие крутые, умные и хитрые! Они же не могли проиграть этим лохам в фуражках. Если бы предатель Отмор не сливал все их планы «красноперым»!

Покарать предателя!

И покарали.

Ленка медленно спускался с лестницы второго этажа в холл. На плече у него висела сумка с пожитками. Тощенькая такая сумишка...

А внизу стояли уже все «голоногие». Общий сбор. Общая «сходка». Стояли молча. Молча и плотно, перекрывая спинами выход и окна.

Ленка Отмор, не ускоряясь и не замедляя шага, спустился с лестницы и вышел на середину комнаты.

Он молчал. И они молчали.

Минута. Две...

— Предатель! — все же прозвучал выкрик из толпы. Как спусковой крючок, сработало это слово...

Из «больнички» Жестянкин вышел только через две недели. И оттуда он отправился уже напрямую в Училище, не заходя в детдом. Долгов на нем больше не было. За «предательство» он ответил кровью. Не смысл, пятно навсегда останется в памяти детдомовцев на нем. Не смысл, но ответил. Именно поэтому, он не сопротивлялся, когда начали бить. Не выхватил ножа, не стал вцепляться в глотки, глаза и яйца. Не стал.

Возможно, прояви он свой напор и достаточную жестокость с жесткостью, и смог бы шокировать, подавить, опрокинуть, разогнать толпу, благо это не нереально. Да даже, прояви он достаточную силу духа, надави взглядом, и ему могли вовсе уступить дорогу без драки... Такое тоже могло быть возможным.

Но. Но тогда бы долг на нем остался висеть. И этот долг вернули бы рано или поздно в какой-нибудь подворотне «пером» в бок, ибо сидеть за стеной вечно — невозможно.

Поэтому не стал Ленька давить в психической атаке, не стал кидаться в бешенную, безбашенную, дикую, яростную физическую, хотя и очень хотелось. Очень.

Он дал себя избить, четко группируясь, как однажды показывал Коршунов на базе, так, чтобы атакующая в пинковую толпа, не покалечила и не убила.

Досталось ему все равно крепко, да и не могло быть иначе, но задачу свою выполнил — быть «местным» и интересным для «местных» перестал.

А по выходе из больницы, попал туда, куда изначально и ставил целью себе попасть — в Училище. Туда, где он мог теперь спокойно заниматься с Дядей Пашей — старым инструктором по физдо, живущим при спортзале его странными и завораживающими ночными танцами.

Кто-то скажет, что не стоило оно того. Не стоило таких жертв, не стоило таких сложностей, не стоило оно положения Первого в стае, которое он легко мог за собой сохранить после того ночного провала, даже наоборот — упрочить. Но...

Но это был его сознательный выбор и его план. Четкий и безупречно приведенный в жизнь, непреклонно и безжалостно, как к себе, так и к другим. Пусть приз и спорный, но это был приз, который он выбрал себе сам, и который он получил собственными усилиями, без посторонней помощи и несмотря ни на что. Многие могут похвастаться подобным в одиннадцать лет?

* * *

— Товариш полковник, кадет Жестянкин по вашему приказанию прибыл! — четко доложил бывший беспризорник, войдя в кабинет Начальника Училища.

— Проходи, Леонид, — ответил тот из-за стола, поднимая глаза от бумаг. — Ты не против, если я буду тебя так называть?

— Никак нет, товарищ полковник!

— Присаживайся, — указал он на стул перед своим столом. — Разговор у нас будет не совсем официальный. Скорее даже вовсе неофициальный.

— Я вас внимательно слушаю, — ответил мальчик, садясь на указанное место и поправив воротник (форма была совсем новая, и он еще не успел к ней привыкнуть, что не мешало ему уже сейчас четко соблюдать все правила ее ношения). Руки свои он сложил на коленях, спину продолжал держать ровной и прямой, голову не опускал.

— Ты для меня загадка, Леонид, — чуть недовольно постучал дорогой перьевой ручкой по крышке стола полковник Сомов. — Ребенку из неполной семьи очень сложно попасть в наше училище, собственно, как и вообще любое, выпускающее командные кадры. Как и в любые гвардейские части, даже на рядовые должности. СИБ таких просто не пропускает... В твоём же случае СИБ не имел возражений, хоть о не только полной, но и вообще семье, говорить вовсе не приходится.

Полковник замолчал в ожидании, внимательно глядя в лицо своего нового воспитанника, еще носящее желтые следы не до конца сошедших синяков (били его в детдоме с душой, со старанием и усердием). Но кадет молчал, не меняя осанки и выражение вежливого внимания на этом самом лице. Страха или волнения он не выказывал.

— Ладно, СИБ это СИБ. Все их планы и резоны нам с тобой никогда не понять. Меня гораздо больше интересует другой вопрос, — Сомов снова сделал паузу. — Ведь кадет

Жестянкин Леонид Васильевич — это тот самый Ленка Отмор, что меньше полугода назад командовал, именно командовал, а не руководил, организованной по всем правилам военного дела, войной, не побоюсь этого слова, против нашего Училища. Причем делал это грамотно, эффективно и последовательно. Откуда такие познания?

— Из Интернета, — ответил Жестянкин, не меняя положения тела и выражения лица.

— Из Интернета? — неподдельно удивился Сомов. — Что-то я не припомню такого онлайн курса. Объяснишь?

— Отдельного курса там нет, но в свободном доступе лежат различные наставления, учебники, пособия, уставы, готовые планы-конспекты занятий для молодых офицеров. Разнообразные статьи, воспоминания и мемуары участников боевых действий...

— То есть, ты хочешь сказать, что перелопатил это все самостоятельно, без учителя, и применил на практике только ради... А чего ради? Из-за чего вообще ты развязал эту «войну»?

— Я встретил компанию кадетов-третьекурсников на улице. Недостаточно быстро, по их мнению, уступил дорогу. Меня оскорбили. Избили. Собственно, вся причина.

— Избили? — нахмурился Сомов. — Из-за пары затрепанных, устроить такое?

— «Война» уже была. Я не начинал ее. Просто воспользовался.

— Ты не просто воспользовался, ты возглавил ее! Четырнадцати и шестнадцатилеток, в десять! — мальчик только пожал плечами. Ему нечего было на это сказать. Сомов тоже помолчал, внимательно разглядывая собеседника. — Что ж, оставим это как есть. В конце концов история знает и не такие примеры: тот же Гайдар в восемнадцать полком командовал. Меня больше волнует другое: ты развязал войну против училища, но вот я вижу тебя перед собой в форме «красноперых», которых ты так ненавидел. Как ты это мне объяснишь? Учти, предателей никто не любит. И они никому не нужны.

— Повторюсь: я не развязывал «войну», я воспользовался ситуацией для личной мести. Те шестеро, что нанесли мне обиду... В результате моих действий, они все вылетели из Училища. Месть свершилась. Остальное было лишь информационным прикрытием.

— Пусть так, — принял ответ Сомов. — Но ты повел людей за собой, взяв на себя командование, ты взвалил на свои плечи ответственность за них. А потом бросил их.

— Меня свергли. Общей сходкой свергли и заклеили трусом после первой же провалившейся операции...

— Настоящего командира нельзя свергнуть! Если свергли — значит не командир, а дерьмо собачье. Либо он предатель, который всех бросил! — мальчик не менял положения тела. Не менял выражения лица. Но на щеках его ненадолго вздулись желваки. Затем пропали. — Ты не нравишься мне, крысеныш детдомский! Пусть я не стану оспаривать твое поступление, хер с тобой, учись, раз пролез, пусть. Но следить я за тобой буду очень пристально! И не дай Бог... Вон отсюда! — закончил свою речь Сомов. Жестянкин встал, вытянулся по стойке «смирно», выполнил воинское приветствие, четко развернулся и покинул кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— ...таким образом «Черное Солнце» набирает вес в нашем регионе. Уже пять мелких терактов, предотвращенных силовиками, можно однозначно приписать этой организации. Считаю переброс в Новопитер дополнительного спец. подразделения целесообразным, — закончил свой доклад мужчина, стоящий перед дубовым столом.

— Что ж, — побарабанил пальцами по столешнице мужчина, сидящий за этим столом. — Санкционирую, перебросьте СКООН. Они как раз полностью восстановили свой штат после потерь штурма Л-51. Продумайте место дислокации.

— Слушаюсь, — кивнул мужчина, стоящий напротив стола.

— Кстати про Л-51, вы упоминали, что есть новости?

— Да, — кивнул тот. — Как вы несомненно помните, разбор и восстановление данных с различных поврежденных носителей, оставшихся после штурма лаборатории, продолжаются по сей день. Так вот, наши спецы выдали очередной кусок остатков пирога. Соответствующие файлы вам уже должны были прислать.

— Должны, значит прислали, — спокойно сказал мужчина, сидящий за столом. — Вы мне кратенько перескажите сейчас, подробно я буду изучать позже. Если там есть, что изучать, конечно. Они подобными «кусочками остатков», как вы выразились, практически каждый месяц «радуют».

— Этот раз не исключение. С единственным отличием: в одном из отчетов фигурирует 11013-тый.

— Да? Что-то интересное?

— Только факт, что он участвовал не в двух проектах, а в трех. По времени между «Фобосом» и «Мемориалом», «объект-13» был задействован еще в программе под названием «Хипнос». И как обычно...

— Единственный выживший подопытный, — с усмешкой предположил мужчина, сидевший за столом. Второй кивком подтвердил.

— Вообще единственный выживший участник проекта, считая и разработчиков. Программа была закрыта после несчастного случая. Взрыв оборудования и дальнейший пожар. Автоматические системы пожаротушения не справились, произошел выброс токсичных газов и реагентов. ЧП затронуло целый сектор. Переборки в соответствии с инструкцией 1401/1 были герметично задраены и заблокированы. Результаты программы, все данные по экспериментам, методикам и материалам уничтожены пожаром и последующей его ликвидацией. Все, кто там был, а это двадцать девять подопытных, пятнадцать участников и пятьдесят человек охраны, погибли в течении десяти минут. Кроме «объекта-13». Он в момент происшествия находился в карцере. И пробыл там без еды и воды трое суток, прежде, чем его обнаружили.

— Не хило, — присвистнул первый мужчина. — В девять лет? — второй утвердительно кивнул. — А за что угодил в карцер?

— Четыре побега и нападение на охранника.

— Серьезное нападение? — уточнил первый мужчина.

— Проломил череп и сломал пять пальцев: два на левой руке и три на правой.

— Серьезно. Минимум на полгода нетрудоспособность... Погодите, получается, мальчик этим нападением парню жизнь спас?

— Получается так, — задумался второй.

— Пробежите этого охранника. Может он тогда и штурм пересидел в больнице? Появится живой свидетель.

— Сделаем, — пометил себе в планшете второй мужчина.

— А что вообще за программа? В чем суть этого «Хипноса»?

— Смогли раскопать только в общих чертах. Конкретики никакой — все уничтожено, а программа закрыта.

— Выкладывайте, что есть.

— Программа «Хипнос» — очередная попытка воплотить в реальность много раз использованную в фантастических боевиках идею. В данном случае экспериментаторы рассчитывали научиться закачивать знания, информацию и даже навыки напрямую в мозг реципиента во время специального сна, вызванного химическими препаратами. Как-то так.

— И как результаты? Получилось у них? — заинтересовался первый мужчина.

— Неизвестно: сектор уничтожен пожаром, все, кто над ним работал, мертвы, проект закрыт. Единственное, что есть, это результат обследования 11013-того после ЧП.

— И что там?

— Ничего особенно выдающегося, кроме сильного истощения, крайнего обезвоживания, на полградуса пониженной температуры и серьезных нарушений сна.

— Нарушения сна?

— Хроническая бессонница. Причем, не помогают даже самые сильнодействующие препараты. Не берут даже транквилизаторы.

— Вообще не спит?

— Нет, спит конечно. Но не каждую ночь.

— Да? И как часто? — заинтересовался первый мужчина.

— Судя по отчетам, где-то раз в две-три недели.

— Как он там, кстати?

— Поступил. Учится, — пожал плечами второй. — И учится хорошо. Один из лучших на курсе. В черном списке у Начальника Училища. В увольнения пока не ходил, так что с бывшими однокашниками не пересекался. Собственно, все.

— Все? А эта его бессонница?

— Ни один наблюдатель, не отмечает за ним ничего подобного.

— Прошло или притворяется?

— Скорее всего второе. В отчете упоминалось, что это «необратимые изменения организма, вызванные многократным применением экспериментального препарата для введения в состояние «искусственного сна»». А необратимо, значит необратимо.

— Вот, значит как... — побарабанил пальцами по столу первый мужчина, затем просветлел лицом. — А знаете, что? Давайте расшевелим этого притворяшу! Совместим, так сказать, приятное с полезным. Размещайте СКООН в его Кадетском Училище. Пусть разворачивают там постоянную базу. Место там есть. А пареньку будет чем по ночам заняться!

— Слушаюсь, — кивнул второй мужчина и пометил что-то в своем планшете.

— ...таким образом, в результате этой операции СКООН по освобождению заложников, обезврежено тридцать восемь боевиков, четверых взяли живыми, остальные уничтожены в ходе штурма. Двадцать четыре заложника освобождено, из них с ранениями и травмами различной степени тяжести пятеро. Трех спасти не удалось — были убиты еще до штурма, — рапортовал, сверяясь с планшетом, невзрачный мужчина, стоя напротив дубового письменного стола.

— Вот как... — хмурился другой стольже невзрачный мужчина, барабня по этому столу пальцами. — Проворонили! Под собственным носом проворонили! Дожили! Райотдел полиции террористами захвачен!!! Я еще понимаю — больница, понимаю — школа, институт какой-нибудь, мэрия наконец! Но полиция!!!! Ни в какие ворота не лезет! Всех работников захваченного отдела, независимо от того, где они были на момент захвата, на переподготовку с последующей переаттестацией! Не сдавших — вон из органов! С волчьим билетом!

— Слушаюсь, — кивнул мужчина, стоящий напротив стола, делая пометку в своем планшете.

— Есть еще что добавить? — уже спокойнее спросил мужчина, сидящий за столом.

— Мелочь, — пожал плечами второй мужчина.

— Что за мелочь?

— В операции, в составе СКООН, принимал участие «объект-13», — доложил мужчина стоящий перед столом.

— Тринадцатый? — удивился первый мужчина. Морщины на его лбу разгладились. Он убрал руки со стола и откинулся на спинку своего кресла, готовясь слушать. — Рассказывайте.

— По вашему указанию, три месяца назад, в Кадетское Училище, в котором проходит обучение «объект-13», был переведен Серпуховский Контртеррористический Отряд Особого Назначения Службы Имперской Безопасности, чтобы «расшевелить притворюшку». Цели была достигнута: «притворюшка» «расшевелился». Наше предположение подтвердилось: нарушения сна у «объекта-13» никуда не делись. Просто он научился их качественно скрывать.

— На операцию-то он как попал?

— Все прошедшее с момента перевода подразделения время, «объект-13» тренировался вместе с основным штурмовым составом СКООН. С «ветеранами».

— А как же распорядок дня Училища? Кадетский Корпус, это не детдом, там с этим строго, не забалуешь.

— Сперва только по вечерам, после занятий, в личное время. Затем Коршунов организовал ему индивидуальную подготовку на тренажерах в ночное время. Потом начал проводить совместные ночные тренировки ветеранов с мальчишкой. Насколько я понял, их заело, что какой-то шкет показывает результаты лучше них. Постепенно в глазах СКООНовцев, «объект-13» стал «своим». А тут и Коршунов снова подсутился, и теперь у паренька официальные занятия «индивидуальной подготовкой» по четыре часа в дневное время, каждый день. Те предметы, что он из-за этого пропускает — сдает экстерном. Ну и ночь, естественно...

— Предсказуемо, — отметил мужчина в кресле. — Примерно такого результата мы и ожидали, перекидывая отряд именно туда. Но как он на боевую операцию попал?

— Сигнал пришел внезапно, — пожал плечами мужчина, стоящий напротив стола. — Трое бойцов СКООН были не боеспособны, находясь в госпитале. Решать надо было быстро: Коршунов принял решение привлечь «объект-13» вместо хотя бы одного из отсутствующих парней.

— Что ж, — вздохнул мужчина в кресле. — Моральная сторона дела — это не по нашей части. Если Коршун решил дать ребенку в руки оружие и отправить его в бой, то останется это на его совести... Как проявил себя в деле Тринадцатый?

— Положительно. Действовал четко, команды выполнял точно, вперед не лез, в герои не рвался, товарищей прикрывал.

— Убитые на его счету есть?

— Пятеро. Прямой огневой контакт. Умудрился отреагировать первым, чем спас двоих бойцов своей тройки. Четыре секунды: пять выстрелов — пять целей. Наповал.

— Неплохо-неплохо, — постучал пальцами по подлокотнику мужчина. — Значит так: награждать не будем. Лишнее это. Оформить «объект-13» как нештатного сотрудника СИБ. Выплатить положенные оклад и боевые по должности бойца, место которого он занял на операции. Продолжение обучения санкционирую. Но через Начальника Училища не проводить. Оформить легенду-прикрытие: конкурс, там какой-нибудь, участие, поездки, гонорары, сертификаты, официальные письма в Училище, грамоты, кубки... Ну, не мне вас учить. Привлекать Тринадцатого к боевым операциям СКООН разрешаю. С соответствующей оплатой.

— Начинаем вербовку?

— Нет, — покачал головой мужчина в кресле. — Только подготавливаем почву и материал. Хочет мальчик учиться — пусть учится. Боец уровня штурмовика-ветерана с внешностью мальчика-зайчика, готовый участвовать в наших операциях, уже окупает затраты на его обучение. Но всерьез вербовать, пока не разберемся как следует с тем, что же заложили в пацана в этой трижды проклятой Л-51... Понаблюдаем, пока. Пусть идет, как идет. Но предусмотрите возможность повышения сложности подготовки в дальнейшем. Как для него, так и для всего СКООН. Есть мысль... И это не моя мысль, — многозначительно посмотрел на собеседника мужчина в кресле. — Создать некое небольшое, универсальное, мобильное, сверхбоеспособное подразделение для выполнения особо сложных задач в любой обстановке. Повторяю — В ЛЮБОЙ. Глупость, конечно, но не нам решать. Ничего еще не точно, но вариант со СКООНом пока один из основных.

— Принял, — кивнул мужчина, стоящий напротив стола, делая пометки в своем планшете.

— Что с выжившим охранником из «Хипноса»?

— Наши. Действительно, во время штурма, лежал в госпитале. Сейчас он переведен на охрану Новотверского Института Энергетики на планете Урал-3.

— Что ж, отправте аккуратного оперативника к нему. Пусть побеседует, распросит. Вежливо и без нажима. Понятно, что охранник знает о проекте чуть больше, чем ничего. Но меня в первую очередь интересуют личные впечатления, как о происходившем вообще, так и о Тринадцатом в частности.

— Сделаем, — кивнул второй мужчина, ставя очередную пометку.

— Вижу, вопросы есть?

— Да, есть. Не жирновато ли будет мальчишке?

— В каком смысле?

— Он подменял не рядового бойца, а командира дюжины. Старшего лейтенанта элитного подразделения. Даже всего одна боевая операция по его должности — очень не маленькая сумма. Простому рабочему на заводе, за такую три месяца работать надо. Не наделает малец глупостей?

— Справился?

— Справился.

— Значит заработал. А глупости... Вот и понаблюдаем, каких глупостей от него стоит ждать. Стоит ли вообще с ним работать.

— Звание присваивать?

— Нет. Нештатный гражданский специалист. Точка.

— Вопросов больше нет. Разрешите исполнять?

— Исполняйте.

Леня смотрел на врученные ему капитаном Коршуновым деньги в своих руках. Много денег. Целых семь сотен полновесных рублей. При зарплате рабочего на заводе в двести и стоимости буханки хлеба в пять копеек, это действительно очень большие деньги. Флаер, конечно, не купишь (нормальный флаер, какую-нибудь бэушную жестянку — легко), а вот легкий спидер, не из самых дорогих, вполне можно потянуть.

Леня таких денег в жизни не видел, не то, что в руках держать. До этого дня. А тут — на тебе, «получите, распишитесь». Получил. Расписался.

А потом подошел еще некий «серый» человек. Представился Петровым Петром Петровичем из Службы Имперской Безопасности. Сразу же взял подписку о неразглашении. Объяснил, что ни в какой «операции» Леонид не участвовал, со СКООНом не ездил, а был все совсем-совсем по-другому. Всего-навсего поездка на музыкальный конкурс исполнителей-скрипачей в Нерезиновске, где он, Леонид Васильевич Жестянкин, занял почетное седьмое место. Сценический костюм, грамоты, скрипка, сувениры для однокашников, счета из гостиниц и проездные документы прилагаются.

От таких новостей Леня слегка подзавис. Скрипка и то, чем он занимался в компании с Коршуновскими парнями в его голове как-то совсем не складывались. Тут же, пока Жестянкин осмысливал происходящее, Петров Петр Петрович заполнил с Лениных слов форму на допуск к секретным сведениям. Дождался электронного подтверждения. Затем начал объяснять. Точнее ставить в известность, что он, Жестянкин Леонид Леонидович, теперь является нештатным гражданским специалистом, которого, с его согласия, могут отныне привлекать к силовым операциям СИБ в составе СКООН. Позывной «Кашим». И оплату будет получать в полном объеме по той штатной должности, на которой будет привлечён к работе.

А еще намекнул, что возможно, и не только в составе СКООН, если только он будет готов к этому.

Еще добавил, что оформляться все это будет, как участие в подобных этому, конкурсах. А оплата оформляться как призовые деньги.

«Серый» человек ушел, а деньги в руках остались. И Леонид смотрел на них, соображая, как же теперь быть и на что их потратить. Ведь деньги же надо тратить? Или не надо?

Неделя пролетела быстро. Однокашники, хоть и удивились музыкальным талантам мальчика, но темой тем это не стало. Посудачили немного, да и успокоились. Сам же он, в тренажерном зале подготовки СКООНА, стал выделять по паре часов в ночь на занятия с выданной ему скрипкой. Даже что-то получаться стало. Не на седьмое место в региональном конкурсе, конечно, но удовольствие от процесса мальчик получать начал. А большего ему и не требовалось.

Неделя пролетела быстро. Пришли выходные, а с ними увольнение в город. И деньги в кармане.

Куда пойти? На что потратить?

У ближайшего лотка купил себе самое дорогое мороженное. Две штуки. И ушло всего шесть рублей. Из семисот. Печаль-беда. Съел их и больше не хочется. Совсем. Вообще о еде не думается.

Сходил в кино на рубль. Помотался в парке на аттракционах рублей на шестнадцать,

пока не надоело. В конце увала зашел в магазин электроники и купил себе самый дорогой ноутбук, какой у них был в наличии. Вышло пятьсот семьдесят рублей.

Собственно на этот день и закончился. Остальные деньги положил в свой шкафчик в раздевалке тренажерного зала СКООН.

А меньше чем, через неделю Петров Петр Петрович позвонил и предложил поучаствовать в «новом престижном конкурсе исполнителей». Леонид думал не долго, прежде чем дать согласие. А еще через пару недель еще один «новый конкурс»...

* * *

— Что там наш Тринадцатый? — спросил мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

— «Кашим»? — уточнил второй мужчина, стоящий с планшетом напротив стола.

— Это его новый позывной?

— Да. Придуман исполнителем в ходе оформления документов.

— Что ж, «Кашим» так «Кашим». Как он? Не вскружили голову деньги? — повторил вопрос первый мужчина.

— Как сказать, — пожал плечами второй. — На первую «зарплату» купил хороший ноутбук. Вторую, третью и четвертую пока еще не тратил. Мелкие траты на конфеты-пряники я не считаю.

— Хм... — задумался первый мужчина. — Копит на что-то?

— Возможно.

— И большие были «зарплаты»?

— Первая: семьсот, вторая — восемьсот пятьдесят, третья и четвертая — по тысяча восемьсот семьдесят и тысяча девятьсот восемьдесят рублей соответственно.

— А что так?

— Операции проводились за границей Империи. Вторая на планете Альянса, третья и четвертая в странах Третьего Мира. Длились они по четыре и пять дней соответственно. Так что «боевые» плюс «загранка» плюс «секретка» плюс посуточные. Вот и набежали такие суммы. А применялся он все так же на должности командира дюжины штурмовиков.

— И как себя показал «Кашим» в деле?

— Все также безупречно. Четко и эффективно. Хотя и излишне жестко, но формально все его действия оправданы условиями поставленной задачи.

— Жестко?

— Его дюжина живых не оставляла никого, полностью зачищая периметр. Он лично добивал раненых бойцами. Сам же стрелял только наповал. Один выстрел — один труп.

— Гражданские?

— Гражданских на объекте не было. Его дюжина во всех трех случаях выполняла задачу поддержки, прикрытия и организации отхода основной группы. Дополнительно еще и зачистку объекта: уничтожены не только свидетели, но и вся следяще-записывающая аппаратура.

— Все четко, как в учебниках: ни следов, ни свидетелей, — задумчиво хмыкнул первый. — Трафик его анализируется?

— Так точно.

— И что там? Соцсети?

— Нет. Учебники и методички, учебные планы и теория всего подряд, что относится к боевке: взрывное дело, тактика малых групп, огневая подготовка, оружие, основы и правила стрельбы и так далее и тому подобное, все перечислять долго.

— И это все есть в открытом доступе? — приподнял бровь первый.

— Сам удивляюсь, — развел руками второй. — Как он это все выкапывает, но факт. К тому же не забывайте, что он учится в Кадетском Училище — их библиотека тоже в его распоряжении. Так же ему был оформлен допуск к секретным сведениям, которым он тоже научился пользоваться по всем правилам и процедурам. Ничего серьезного, но опять же учебники и методички.

— Деятельный парень. Может «Мемориал» все же сработал?

— Не исключено. Трафик у него очень большой.

— Что еще?

— Программирование и защита информации. Лопатит с тем же размахом.

— Защита информации?

— Да. А еще онлайн уроки игры на скрипке.

— Скрипка-то тут причем? — удивился первый мужчина, тот что сидел за дубовым письменным столом.

— Информационный отдел оформил ему прикрытием первой и последующих операций конкурсы исполнителей-скрипачей, — пояснил второй.

— Дотошный, — хмыкнул первый.

— Будут распоряжения на его счет?

— Будут. Добавьте ему в нагрузку по линии СКООНа настоящий базовый и возможно продвинутый курс взлома и защиты информации. Конкретный СИБовский. Пусть учится. Посмотрим насколько его хватит. А будущему агенту не помешает.

— Слушаюсь, — сделал пометку в планшете второй.

— Теперь по СКООНу... Мысль окончательно оформилась в приказ. На их базе формируется группа «Скунс». Штатной численностью в двенадцать человек. Отбор в нее по жесточайшему конкурсу из всех СИБовских подразделений. Участники не старше двадцати трех, с боевым опытом. Формирование начать немедленно. Упор в отборе делать на здоровье, выносливость, интеллект и обучаемость. «Быки» и «тупые штурмовые шкафы» не нужны. Учебная программа уже разработана, инструктора отобраны. Я скинул ее на ваш планшет. Учебно-материальная база, оружие и оборудование будет доставлено в Новопитер через две недели. Программа курируется с самого верха, так что обязаны успеть. Иначе со своими креслами можем распрощаться «на раз-два». Все понятно?

— Разрешите исполнять?

— Разрешаю. Приступайте...

— Конкурс проведен, группа набрана и переброшена в распоряжение СКООН и Кадетское Училище Новопитера. Инструктора прибыли и размещены. Оборудование, присланное из Москвы, установлено. Занятия начались со вчерашнего дня, — рапортовал невзрачный мужчина в невзрачном костюме с планшетом в руках. — Проект группа «Скунс» запущен. Можем смело докладывать наверх.

— Наконец-то, — хмуро ответил такой же невзрачный мужчина, сидящий за дубовым письменным столом. — Сроки превышены в полтора раза. Мне уже всю плешь проели запросами. А сегодня утром уже непрозрачно намекнули, что пора собирать вещи из кабинета.

— Вы же прекрасно знаете, что причины были более чем объективны...

— Их это не волнует.

— Понимаю... Но сейчас можно расслабиться.

— Расслабляться нельзя даже в собственной постели, с собственной женой за бронированной дверью! — жестко сказал мужчина, что сидел за дубовым письменным столом. Второй вытянулся и замолчал. Первый поднял трубку стилизованного под старину телефонного аппарата, стоящего на столе, соединенного прямой шифрованной проводной линией со станцией дальней космической спецсвязи. В столе открылся маленький прямоугольный экранчик, повернутый в сторону сидящего за этим столом мужчины. Второй мужчина, вытянувшийся напротив стола по стойке «смирно», происходящего на экране видеть не мог, но не мог и иметь уверенности, что его самого «на том конце» не видят. Камер ведь может быть и больше, чем одна.

— Полковник Васин... Разрешите доложить... Да, программа «Скунс»... Так точно, запущена... Сегодня в полном объеме... Так точно... Я, товарищ генерал... Слушаюсь, товарищ генерал... Будет выполнено, товарищ генерал... Я понял, товарищ генерал... Долбоебы, так точно, товарищ генерал... Так точно, товарищ генерал... Нет вопросов, товарищ генерал... Разрешите выполнять, товарищ генерал... Есть! — мужчина положил трубку, экранчик опустился, снова сровнявшись с поверхностью столешницы, сбоку на чернильнице мигнула лампочка, сообщая, что на станции связи передача сигнала окончена (в базовой комплектации пульта связи этой лампочки предусмотрено не было, она появилась тут только по личному распоряжению хозяина кабинета и была его маленькой гордостью, поскольку прежний хозяин перестал быть таковым как раз, однажды попавшись на «эффект страуса», что мол ты не видишь, значит тебя не видят, и наговорив лишнего после исчезновения экранчика).

Мужчина достал платочек и отер пот со лба.

— Ладно, с делом пока все. Как там «Кашим»?

— Делает успехи. Шесть операций на счету. Опять безупречен, эффективен и крайне жёсток. СКООНовцы «Ваншотом» прозвали за эту жесткую эффективность. Побавивают его... Слишком легко убивает. Вообще без эмоций и колебаний нажимает на курок. Что в бою, что после боя. Осторожен также до крайности: действует только наверняка, не рискует даже тогда, когда его к этому подталкивают. Но при этом действует с крайней дерзостью. Вообще — человек крайностей. Как командир дюжины, еще ни разу не потерял ни одного бойца.

— Учеба как? Выдерживает темп?

— Вполне. Даже к «Скунсам» прибился в первый же день начала программы. Там неразбериха была со списками, так что инструктора не прогнали...

— Тринадцатым опять стал значит, — задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику первый мужчина. — Судьба, чтоли у него такая?

— Дать указание инструкторам?

— Нет. Пусть остается, как есть. Официально в списки «Скунсов» не вносить, но препятствий в учебе не создавать. Пусть попытается потянуть все сразу, раз уж замахнулся. Не сможет — его неудача. Сможет — его победа. А собственный, неподотчетный Центру «Скунс» нам пригодится. Главное, чтобы он таковым, неподотчетным и оставался. Я понятно выражаюсь?

— Понятно, — ответил второй мужчина, делая пометку в своем планшете.

— Нештатный гражданский специалист «Кашим» по бумагам к программе «Скунс» отношения иметь не должен! И ни одна проверка, ни один отчет, что б... Ну, вы меня поняли.

— Так точно, вас понял, — кивнул второй мужчина.

— Деньги так и не потратил он? — сбавив обороты, поинтересовался первый мужчина, тот что сидел за дубовым письменным столом.

— Точно так — до сих пор только мелкие траты. — Еще немного, и ему уже на квартиру в центре хватать будет. Но... — развел руками второй мужчина. — Кстати, есть вопрос, требующий вашей санкции.

— Слушаю, — разрешающе кивнул первый мужчина.

— Я предлагаю использовать «Кашима» для решения проблемы с Ковером. В Альянсе. Официально ведь он в нашей конторе не числится...

— Соло, значит? — хмыкнул первый мужчина. — Да еще и на устранение... А потянет малыш-то?

— Более чем. Говорю же: нажимает на курок без раздумий и сожалений. В Альянсе уже бывал, язык на бытовом и базовом уровне освоил (преподаватель говорит, что лучший на курсе). Должен справиться. Задача как раз под него: тихо, дерзко, без следов и свидетелей.

— Что ж, разрешаю. Но кто такой «Кашим», из наших баз должно исчезнуть все: оставьте только позывной и ссылки на операции, в которых участвовал. Официальных операций. Но, ни фотографий, ни биографии, ни характеристик, ни особых примет, ничего остаться не должно. Ни в сети, ни в архивах. Все расчеты с ним по-прежнему исключительно наличными. Обеспечение прикрытия перевести на режим «Альфа». СКООНовцы его СИБовский позывной знают?

— Нет. Он у них на «Малька» откликается.

— Вот пусть и дальше не знают. Отныне, о том, что «объект-13» из Л-51, детдомовец Жестянкин Леонид Васильевич, он же кадет Жестянкин, и «Кашим» один и тот же человек, должны знать только мы двое. По документам «объект-13» умер год назад от последствий многочисленных экспериментов, проведенных над ним в Л-51. Коршунова и тех двоих, что с ним в тройке были на штурме, с повышениями раскидать по другим подразделениям. Денежные расчеты с «Кашимом» производить будете лично. Ковер — это серьезно. А уж если справится...

— Значит, вербовка отпадает?

— Да. Агентов много. Специалисты по улаживанию деликатных проблем, гораздо

ценнее. Для них всегда много работы.

— А как же СКООН?

— Второй слой прикрытия. Пусть продолжает как есть. Для него самого ничего не должно меняться. Просто время от времени будет выполнять задания соло, за двойную оплату.

— И «Скунс»?

— Все в силе. Только учиться с ними будет не «Кашим», а, случайно забредший кадет Жестянкин, позывной «Малек», талантливый мальчишка, трущий возле СКООНа.

— Легенда в легенде... Будет исполнено, — сказал второй мужчина, делая пометки у себя в планшете.

— Вот и определились с тобой, Тринадцатый, — задумчиво проговорил первый мужчина. — Ладно, теперь к делу, о Ковере надеюсь прочитать некролог к концу следующей недели, а пока, что у нас по Черному Солнцу? Смогли выяснить источник их финансирования?...

— Я не знаю, как он это сделал, — развел руками мужчина, стоящий перед дубовым письменным столом с планшетом в одной из рук, которые он развел в своем извиняющемся жесте. — Просто сделал и все тут. Отчет писать, я его заставлять не стал — не тот случай, а просто так: он лишь пожимает плечами.

— Но прямо посреди заседания Совета ООН, Виктор Ковер вышел в туалет и застрелился там из собственного официально зарегистрированного пистолета! Который он и проносит-то в здание не имел права! Ни свидетелей, ни следов... Чисто! Как так? По вашей характеристике Кашима, он должен был влезть в охраняемый особняк, перебить охрану и ликвидировать Ковера, не оставив там никого живого. Но это... Выше моего понимания. Эффективность на грани фантастики! Это точно он? Не мог Ковер действительно сам застрелиться? — экспрессивно задал вопрос мужчина, сидящий за дубовым письменным столом. От эмоций, его переполняющих, он даже не смог остаться на месте и встал. Вышел из-за стола и начал прохаживаться по комнате.

— Не мог, — вздохнул мужчина, продолжающий стоять перед письменным столом. — Кашим сэлфи показал на своем коммуникаторе, с телом, только что прострелившего себе бошку, Ковера. Там еще даже рана на подбородке дымилась.

— Ожидал вопросов? Заранее готовил доказательства? — остановился, нервно прохаживающийся, мужчина и посмотрел на собеседника. — А он, случайно, ваш разговор с выдачей задания на тот же коммуникатор не записал?

— Нет, — уверенно ответил тот. — Наши специалисты прошерстили все его гаджеты и ноутбук. Найти смогли только следы удаления этого сэлфи (удалил он его при мне, как только показал, без просьб и напоминаний). Так что не думаю, что с этой стороны он может нам чем-то угрожать.

— Хорошо... Хотя бы это хорошо...

— Задание выполнено, проблема решена. Не понимаю вашего беспокойства, — решил уточнить мужчина, стоящий с планшетом.

— Действительно, проблема решена. Меня пугает КАК она была решена. Это же не просто какая-то забегаловка или подворотня, это ЗДАНИЕ ООН, черт бы его побрал! Там охраны, камер, жучков, датчиков, сигналок... Там же меры безопасности на самом высшем уровне! Досмотр чуть не на каждой двери в комнату. Мышь не проскочит! Там главы государств, между прочим, в тот день присутствовали! Там сам Император был! И это в десять лет!

— Ему одиннадцать.

— Пусть одиннадцать, черт с ним. Что будет в двадцать?

— Не могу сказать.

— Ладно, — вздохнул, успокоившийся, наконец, мужчина, возвращаясь к себе за стол и закуривая. — Правда ваша: задание выполнено, проблема решена. Эффективно и безусловно удачно. Но, что б об этом ни одна собака не узнала! Напоминаю — там присутствовал лично Император. И с нас голову снимут за такую самодеятельность, если просочится информация, что рядом с Его Императорским Величеством, в непосредственной близости, работал ликвидатор нашей службы. В СОИ сидят параноики — тут же угрозу монарху найдут и припишут. Нам.

— Убрать Кашима? — предположил мужчина с планшетом. Первый задумался, продолжая курить.

— Нет, — после достаточно продолжительного молчания сказал он, затушивая окурок в пепельнице. — Исполнитель, способный повернуть такое, нам точно еще пригодится. Тем более сомневаться в нем у нас нет причины, так ведь?

— Точно так.

— Оплата его устроила?

— Да, вполне. Он даже не пересчитывал. Просто взял деньги и расписался в липовой ведомости, которую я ему дал. Кстати, начинаю подозревать, что он не копит на что-то. Просто не знает, на что их тратить.

— А на что ты их потратишь, когда тебе одиннадцать лет? Квартиру не купишь, флаер тоже, в казино не пустят, в бордель сам еще не пойдешь, поскольку не знаешь еще, что делать с женщинами, алкоголь и наркотики не рассматриваем... Компьютеры? Техника? Одежда? Золото? Так он кадет — ему хранить это все негде, а носить разрешено только форму. Вот и остается еда, сладости, мороженное... А все это не так уж и дорого стоит.

— Пожалуй, — не стал спорить мужчина, стоящий напротив стола.

— Кашима не трогать, — вынес окончательное решение первый мужчина. — Пусть живет, как живет. Учится, работает. Он полезен, и у него хороший потенциал. Такие Коверы еще не один и не два раза появляться будут. И иметь инструмент для решения такого рода проблем необходимо. Иногда жизненно. Главная задача наша — обеспечить сохранение тайны. Причем именно с нашей стороны. Кашим, со своей, следов и зацепок не оставляет пока. Так что переходим к другим проблемам. А их у нас хватает и без Ковера. Источник финансирования Черного Солнца. Когда? Когда вы мне его сможете назвать, наконец? Сколько агентов удалось внедрить в их ряды?

— Мы работаем! Работаем. Внедрили уже трех агентов. Но они не в состоянии пока серьезно продвинуться в иерархии. Нужно время.

— Время? День? Час? Неделя? Месяц? Год? Сколько? До следующей крупной резонансной акции? Так нас в таком случае, раньше с должностей снимают за такую работу!

— Мы работаем, работаем...

— Как там Кашим? — поинтересовался мужчина в невзрачном костюме, сидящий за дубовым письменным столом. Два года уже прошло с его поступления. Сколько ему сейчас?

— Тринадцать, — ответил мужчина с планшетом в руках, стоящий напротив стола.

— И как он?

— Учится, — пожал плечами второй мужчина. — Лучший на курсе. Один из лучших среди «Скунсов». Двадцать четыре боевых операции. В основном, в Альянсе и Султанате. Пять операций соло. Неизменно эффективен и безупречен. На курок нажимает без колебаний и сожалений. Прозвище «Ваншот» закрепилось за ним намертво, и он его полностью оправдывает. У «хакеров» так же высокие показатели. Купил недавно дорогой ноутбук на смену прошлому. В увольнениях ходит на флаердром и участвует в любительских гонках. Увлёкся фехтованием. Я взял на себя смелость подобрать и перевести в его училище профессионального тренера по этой дисциплине.

— Одобряю, — кивнул мужчина за столом. — Ноутбук насколько дорогой?

— Пять тысяч, — пояснил мужчина с планшетом. Мужчина, сидящий за столом, присвистнул.

— В целом же, за прошедшие полтора года практически ничего не поменялось. Только подрост немного.

— Я ставил задачу побеседовать с выжившим охранником проекта «Хипнос». Выполнили?

— Так точно. Я лично летал на Урал-3. Запись беседы давно уже у вас, — отчитался мужчина, сверившись со своим планшетом.

— Позже просмотрю. Сейчас коротко, своими словами, общий смысл.

— Общий смысл сводится к тому, что «объект-13» напал совершенно без повода и немотивированно. Особенно, учитывая, что Царевин Павел Семенович (так зовут тогс охранника) проявлял некую заботу о тринадцатом. В рамках служебных обязанностей, конечно.

— Конкретнее?

— Угощал конфетами, иногда помогал дойти до камеры-бокса после особенно тяжелых опытов.

— Инструкцию нарушал значит? — хмыкнул мужчина, сидящий за дубовым письменным столом. — На режимном объекте, при работе с потенциально опасным подопытным?

— Получается так. Напал «объект-13» внезапно и действовал быстро. Царевин даже понять ничего не успел: помнит только боль в пальцах одной руки, потом второй, которой он пытался схватиться за первую, дальше темнота. Как позже выяснил — череп ему проломил Тринадцатый его же парализатором, сдернутым с пояса. Выстрелить из него «объект-13» не смог бы, так как там стоит блокировка по биометрическим параметрам владельца, а вот как следует ударить... Что собственно тот и сделал, предварительно пнув под колено Царевина, чтобы достать до затылка, не подпрыгивая.

— Продуманная атака, безупречное исполнение, максимальная эффективность при минимуме действий... Очень похоже на то, как вы описываете Кашима.

— Именно так, — кивнул мужчина с планшетом. — О самом проекте Царевин

практически ничего не знает. Только то, что атмосфера там царилась самая, что ни на есть гнетущая. Подопытные повально были неразговорчивы, мрачны и подавлены. После «процедур» длящихся по двенадцать-пятнадцать часов, выползали, словно, цитирую: «на них черти в аду уголь возили. И веяло от них тоской и жутью какой-то запредельной. А взгляд, словно в могиле побывали», — зачитал со своего планшета, стоящий напротив стола мужчина. — «Объект-13» прошел более сорока процедур за два с половиной месяца, хотя многие другие подопытные умирали после одной-двух.

— Занятно... Очень занятно... — побарабанил пальцами по столу первый мужчина. — Получается Тринадцатый обдуманно зачем-то напал на охранника, угощавшего его конфетами и сбежал, после чего был пойман и посажен в карцер. А буквально на следующий день в том секторе погибли все, кроме него и того самого охранника, угощавшего его конфетами... Случайность?

— Не могу сказать, — ушел от ответа второй мужчина, стоящий напротив стола с планшетом в руках.

— Очень уж похоже на некий план. Простой и, по неопытности, топорный. И все сходится, если предположить, что о ЧП Тринадцатый знал заранее. И знал, что единственный, хоть и исчезающе малый шанс на выживание у него будет только в карцере.

— Только откуда он мог знать о предстоящем ЧП?

— Вопрос, на который ответить может только сам Тринадцатый, — вздохнул мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

— Попытаться расспросить его?

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Тогда что делать?

— Продолжать кормить его конфетами, надеясь, что перед следующим «ЧП» он не забудет и нас, как того охранника...

— Проломит череп?

— Спасет жизнь.

— Леонид! Ты полный бездарь! Настолько, умопомрачительно антиталантливому ученика у меня еще никогда не было! — возмущалась невысокая стройная девушка-инструктор по пилотированию. Перед ней, понунив голову, стоял кадет Жестянкин, которому, собственно, она и высказывала свое возмущение. И у нее были на это причины! Девятая пересдача зачета. Девятая! И снова полный провал.

Фееричный, можно сказать. Умудриться собрать учебным малым космолетом все, ВСЕ(!) препятствия на маршруте, посадить машину за край посадочной площадки и при этом не угробить себя, инструктора, сидящего в соседнем кресле и сам космолет, надо еще суметь! И это уже девятый раз!

И каждый раз именно так, словно назло, словно издевается! Но невозможно так издеваться! Чтобы специально изобразить такое, надо обладать, даже не талантом, а гениальностью.

И самое гадское — его нельзя с курса пилотирования отчислить, так как курс не профильный, в основную программу обучения не входит и является добровольным. А этот... упертый тип точно придет сдавать зачет и десятый раз точно. А перед этим заново проходить все этапы подготовки по теории, часы налета и зачет на тренажере. И опять ей с ним мучаться. Поскольку, в этом году, он один из трех «добровольцев» записавшихся на курс пилотирования. Причем, один уже сдался и бросил, а второй сдал и курс окончил. Вот и получается, что ходячая катастрофа Жестянкин является ее единственным и основным учеником на этот год. И с завтрашнего дня они будут проходить этот курс в юбилейный десятый раз! Господи помози, спаси, помилуй и дай ей сил не прибить это недоразумение, с упорством достойным лучшего применения, штурмующее непростую науку управления летательным аппаратом класса «универсал» атмосфера-космос.

— Ну, как это у тебя получается? Ну, вот как? Мы же с тобой это все уже столько раз отработывали! Этот маршрут тебе уже во сне должен являться, сколько раз ты его на тренажерах проходил! Ну, почему, почему ты не можешь сдать этот проклятый зачет! — продолжала возмущаться Инструктор. Звали ее Валаньева Анастасия Константиновна. И сама она являлась буквально «вчерашней» выпускницей Новопитерского Высшего Военного Летного Училища, по распределению (и по протекции мамы — не последнего человека в военном ведомстве. Причем о протекции сама Анастасия не знала и считала, что ей просто «не повезло») попавшая Инструктором в Кадетское Училище на курс, который не пользовался большой популярностью из-за высоких требований по здоровью и соответствующих им нагрузок. Кадеты-связисты особенным физическим здоровьем и данными не блистали. Блистающие шли сразу в пилоты и десант, а не в связь.

Но и тут находились исключения. И одно из них стояло сейчас перед Анастасией Константиновной. И звали его кадет Жестянкин Леонид Васильевич.

Он стоял, понунив голову и осторожно поглядывал на девушку из-под бровей. Валаньеву нельзя было назвать такой уж ослепительной красавицей, нет. Но безусловно очень симпатичной она была. И смотреть на нее было приятно, даже под такие слова: покрасневшая, слегка встрепанная, возбужденная и часто глубоко дышащая в летном комбинезоне «слегка не в порядке», как можно назвать расстегнувшуюся «чуть дальше» положенного Уставом молнию на груди, открывающую завораживающий вид на

соблазнительное декольте девушки. А «достоинства» в этом декольте прятались хорошего такого второго размера.

— Ну что с тобой делать, Леонид! Ведь девятый раз уже! — поутих, наконец, боевой запал девушки. Она вообще не умела долго злиться. Особенно на Жестянкина. На него никто не умел долго злиться. Слишком открытый, веселый и непоседливо-непосредственный, потрясающе жадный до жизни мальчишка, умеющий улыбаться так, что губы собеседника сами собой начинают разъезжаться в ответной улыбке.

— «Понять и пррростить?» — ответил древней как мир шуткой Жестянкин и улыбнулся. — Никто же не пострадал, Анастасия Константиновна?

— Только мои нервы, — уже окончательно успокоившись, ответила девушка.

— Снова сначала, да? — осторожно, с непоймешь на что надеждой, спросил он.

— Нет, — ответила она, чуть подумав. — В этот раз я заберу тебя на две недели на орбитальную станцию подготовки пилотов-истребителей НВВЛУ. Если уж там из тебя пилота не сделают, то это невозможно в принципе!

— На орбитальную станцию?! — восхищенно округлил глаза Жестянкин. — А вы и правда это можете?!

— Не скажу, что легко, — вздохнула она. — Но думаю, что могу. Ты-то сможешь догнать потом программу обучения? Сумеешь доздать экстерном хвосты за две недели?

— Конечно! Я уже так делал, чтобы на Конкурсы скрипачей попасть!

— Скрипачей? — удивилась она. — Ты умеешь на скрипке играть?

— Немного, — смутился Жестянкин и отвел взгляд в сторону.

— И чего смущаешься? — улыбнулась девушка. — Это же хорошо. Возьми с собой скрипку, сыграешь мне как-нибудь. Там же не целый день занятия! — парень все еще смущаясь, молча кивнул. — Ну, беги, собирайся!

— Слушаюсь, товарищ лейтенант! — вытянулся по стойке «смирно» Жестянкин, козырнул и выполнил команду Инструктора буквально.

* * *

— Ну что, дождались?! Черное Солнце таки нанесло удар, а мы до сих пор практически ничего не знаем! — повысив голос, начал высказывать вошедшему мужчине с планшетом, мужчина сидящий за столом. — Полтора года вы мне твердите: «работаем, работаем, работаем!»! А результат — ноль! Даже меньше, чем ноль! Минус! — мужчина опустил в свое кресло и закурил. — Я чего-то не пойму: у вас орбитальную станцию Высшего Военного Училища захватили, а вы спокойны, словно удав.

— Что вы! — улыбнулся мужчина с планшетом. — Очень волнуюсь: что нам опять не останется живых террористов для работы.

— Живых террористов? — удивился первый мужчина. — А живых курсантов? В случае штурма орбитальной станции, по расчетам аналитиков, до двух третей заложников погибнет: часть от разгерметизации отсеков, часть от применения тяжелого вооружения, без которого штурм невозможен.

— Я советую максимально оттянуть штурм станции. Создать видимость подготовки, стянуть силы, начать переговоры, ультиматумы... Но сам штурм не начинать.

— Все-таки я чего-то не знаю. Что заставляет вас быть столь самоуверенным,

подполковник, — затянулся и медленно выпустил дым в воздух мужчина сидящий за дубовым письменным столом.

— Там Кашим, товарищ полковник, — тихо ответил мужчина с планшетом.

— Земля им пухом, — затушил в пепельнице недокуренную сигарету сидящий в кресле и вмиг успокоившийся мужчина. — Передайте на станцию открытым текстом: «Кашим, фас!».

Отбыть на орбитальную базу только вдвоем с Жестянкиным Анастасии Константиновне не удалось. Нет, поначалу все шло нормально: бывший Начальник Курса ответил на звонок бывшей курсантки Валаньева и легко согласился «поучить летать ее непутового ученичка». При этом улаживание вопросов с командованием базы взял на себя.

Сложность возникла, когда Анастасия Константиновна отправилась к Начальнику Училища отпрашивать кадета Жестянкина в командировку для обучения пилотированию на базу подготовки пилотов.

Там выяснилось, что у Сомова есть дочка, на полгода младше Жестянкина, страстно желающая стать пилотом. И, что она уже отцу плешь проела своим желанием.

А заодно и то, что либо лейтенант Валаньева берет с собой двух учеников, либо не берет никого и сама никуда не летит.

Дочку Сомова звали Сашей. Была она на полголовы выше Жестянкина и совсем не похожа на отца. Тот был блондин с голубыми глазами и с легкой горбинкой на носу. Она же шатенка с карими глазами и прямым слегка курносый носиком. На этом различия не заканчивались: Сомов-старший напоминал грозовую тучу, часто хмурился и редко улыбался. Сомова-младшая много двигалась, много улыбалась, хлопала длинными ресницами, и от улыбки ее на щеках играли озорные ямочки.

Леонид неожиданной попутчицы стеснялся. Непривычен он был к обществу девчонок. Что в детдоме, что в Училище, круг его общения состоял из лиц одного с ним пола. Единственное исключение как раз и составляла Анастасия Константиновна. Так что, как себя вести, что говорить и что делать, он не знал совершенно. Часто краснел, путался в словах и прятал за спину чехол со скрипкой.

Валаньева смотрела на все это и только подсмеивалась. Ей не терпелось уже попасть в свою Альма Матер, в Училище, в котором прошли пять лет ее жизни, с которым связано столько воспоминаний, забавных случаев и веселых историй.

Встретил на станции их лично Феофанов Василий Геннадьевич. Майор Феофанов занимающий должность Начальника Курса у нынешнего состава обучающихся на станции пилотов. Тот самый человек, что в свое время, учил летать саму Валаньеву. И, что примечательно, научил!

Им троим выделили каюты, дали время разложить вещи и начались занятия. Именно так, с ходу: теория, тренажеры, тренажеры, снова теория и опять тренажеры. Полетать на настоящих, пусть и учебных, истребителях им разрешили на третий день. К концу недели, они уже проводили в них по восемь-десять часов кряду, отрабатывая летные упражнения, фигуры и задачи. Сомова блистала, Жестянкин в своем непередаваемом стиле тупил, подвергая в предынфарктное состояние, работающих с ним инструкторов.

А по вечерам они втроем собирались в каюте Валаньевой и Жестянкин играл на скрипке, перекидывались в картишки, рассказывали страшные истории и травили пилотские байки...

Вот только к середине второй недели стало вдруг не до смеха. Очередной транспорт, долженствующий доставить на станцию запас воды, продуктов, прочих расходных материалов для поддержания функционирования систем и аппаратов, принес на своем борту совершенно другой груз. В просторных трюмах его прятались шесть с половиной десятков

вооруженных людей, имеющих некое подобие организации и дисциплины.

Курсантов вместе с Преподавателями и обслуживающим персоналом станции насчитывалось около восьмидесяти душ. Казалось бы — перевес численный на их стороне. Но! Дерзость нападения, внезапность, время нападения (за два часа до подъема), слаженность, проработанный план действий, превосходное знание плана станции и, опять же, превосходство в оружии свое дело сделали.

Итог: станция захвачена. Дежурный по станции и помощник дежурного по станции убиты при оказании сопротивления. Эти два офицера, капитан и старший лейтенант, из табельных пистолетов успели убить пятерых террористов и троих ранить. Также послать сигнал на планету и объявить тревогу по станции... Выполнили свой долг и обязанности до конца. Вот только помогло это мало, так как курсантов и Преподавателей уже, в это же самое время, брали сонными в собственных каютах и кубриках. Восемь из них (опять же в основном дежурная смена) были убиты при попытке оказать сопротивление: с табельным штыком против автоматов много не навоюешь.

Капитанский мостик и рубка управления были взяты столь же быстро и эффективно. Хоть и потеряли захватчики при ее штурме еще семь человек убитыми и двух ранеными.

Валаньева, Сомова и Жестянкин вместе с еще десятью курсантами были отконвоированы в рубку управления, совмещающую в себе еще и функции комнаты видеосвязи с планетой для демонстрации серьезности намерений террористов.

— Мы — Черное Солнце! Мы — Восход Нового Миропорядка! Ваше общество прогнило! Коррупция во всех эшелонах власти! Богатеи и дворяне эксплуатируют труд простых рабочих, притесняют и считают людьми второго сорта! Полиция продажна, власть преступна, но мы не хотим мириться с этим! Мы — Черное Солнце! И мы — Сила! Мы требуем свержения Императора! И мы готовы пожертвовать ради этого своими жизнями! Но нас много! Погибнем мы — на смену придут другие! — вещал в экран высокий мужчина одетый в гражданскую версию армейского коммуняка с автоматом на груди и черной балаклавой на голове. — Надеюсь вы записали это обращение, господа безопасники? — продолжил он уже без прежнего пафоса, уже вполне нормальным голосом. — Через два часа оно должно крутиться на всех центральных каналах телевидения Империи. И еще вот эти два ролика, которые вам сейчас пересылаются. Иначе мы начнем убивать заложников. По одному каждые полчаса промедления. Для демонстрации серьезности наших намерений... — он сделал жест своим подчиненным, и из десятка курсантов вывели одного. Подвели к камере, поставили на колени и прострелили затылок.

— Мы поняли вас, — пришел ответ от человека с экрана монитора связи. — Как к вам обращаться?

— Сначала представьтесь, — потребовал мужчина в балаклаве.

— Полковник Службы Имперской Безопасности Васин. Уполномочен вести с вами переговоры. Так как к вам обращаться?

— Обращайтесь: Кондор. Я лидер группы, захватившей станцию. Это мой официальный позывной для вас.

— Итак, Кондор. Мы записали ваше сообщение. Руководство рассматривает возможность выполнения ваших требований. Но учитывайте — все, кто находится на захваченной вами станции — военные. Они все давали присягу. И являются сейчас не заложниками, а военнопленными. И по Женевской Конвенции от 2354-го года, исправленной и дополненной, требуют соответствующего содержания и обращения. В

случае нарушения этих условий, вас будут судить не только как террориста по законам Российской Империи, но и как военного преступника в Международном Трибунале, если каким-то чудом вам удастся покинуть живым эту станцию! И я говорю вам: «Кашим, фас!», что означает — «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет»!

Валаньева смотрела на экран из-за спин террористов, только что хладнокровно казнивших перед камерой курсанта, и не понимала, что говорит этот человек: он угрожает террористу-смертнику Международным Трибуналом. Террористу у которого в руках целая орбитальная станция!

— Вы угрожаете мне, полковник?! — выразил ее мнение представившийся Кондором. — Я полностью контролирую ОРБИТАЛЬНУЮ станцию! В случае штурма, просто дам команду на маршевые ускорители и грохну ее прямиком тебе на голову, петух СИБовский! Где ты там сейчас сидишь? В Новопитере? В Новоспаске?!!

— Ну-ну, не стоит так кипятиться, Кондор, — мягко ответил человек с монитора. — Я не угрожаю тебе. Я информирую. Просто, чтобы ты не делал глупостей и начинал думать о последствиях своих действий сейчас, пока еще что-то можно исправить, или скорее недопустить... — мягкий голос, говорящий убедительные слова уверенным тоном, лился из динамиков, успокаивая, убаюкивая, сглаживая резкость предыдущих речей.

Валаньева оглянулась на своих подопечных, чтобы подбодрить их, успокоить, сказать, что все будет хорошо... Вот только ни Сомовой, ни Жестянкина рядом уже не было. Когда, как и куда они успели исчезнуть, девушка так и не поняла.

* * *

Саша Сомова, СС, как ее дразнили в школе, кралась за своим товарищем по этому приключению, Леней Жестянкиным, веселым стеснительным мальчиком-скрипачом, с которым их познакомила Анастасия Константиновна — Инструктор по пилотированию с работы отца. И с которым они вместе прилетели на эту станцию.

Когда все началось, их всех троих вытащили из кают странные вооруженные люди. Вытащили и погнали в рубку управление, на самый Капитанский Мостик. Жестянкин тогда выглядел таким же растерянным, напуганным и ничего не понимающим, как и она сама, как и окружавшие их полуголые курсанты, как Анастасия Константиновна.

Саша инстинктивно в этой ситуации старалась держаться поближе к «своим», к знакомым лицам, к Жестянкину и Валаньевой, которые успели за это время стать своими. Потому и оказалась рядом, когда назвавшийся Кондором террорист в черной маске застрелил в затылок курсанта перед камерой.

От страха и шока, после выстрела, она отвернулась и зажмурилась. Но дети не могут долго пугаться, и она открыла глаза. Открыла и увидела спокойное лицо Жестянкина, внимательно слушающего человека с экрана монитора. Еще раз — СПОКОЙНОЕ Тринадцатилетний мальчик спокойно смотрит, как перед ним убивают человека! Как такое возможно? Что же это за мальчик такой?

И тут Жестянкин вздрогнул, когда прозвучала странная фраза человека с монитора. Из которой Саша поняла только вторую часть — знаменитые слова древнего полководца Александра Невского. А вот Жестянкин, похоже, понял и первую часть фразы, потому что не успели эти слова отзвучать, а он уже тихонечко пополз к двери.

Причем, делал это настолько осторожно и незаметно, что на него никто не обращал внимания. Все смотрели на экран, где продолжал что-то говорить СИБовский полковник.

Саша выждала чуть-чуть и тоже поползла за товарищем. Самое удивительное, что это у нее получилось. До самой двери. И за саму дверь тоже.

И там девочка застыла в полном непонимании происходящего: стеснительный мальчик-скрипач Леня Жестянкин в три быстрых, точных движения, совершенно бесшумно убил перочинным ножом двух здоровенных бугаев с оружием.

Убил и аккуратно уложил на пол, совершенно не пугаясь пачкающей его пижаму крови из ран на телах бандитов.

После этого мальчик снял с одного из тел автоматическую лазерную винтовку АШК-17 (автомат штурмовой Козырева образец 2417-го года), быстро осмотрел ее, привычными движениями проверяя энергозапас в обоймах и переводя оружие в боевое положение. Затем снял и надел на себя ремень с десантным ножом и запасными обоймами к винтовке.

Саша, видя все это, замерла и боялась дышать. Почему-то быть замеченной в этот момент мальчиком, ей казалось страшнее, чем бандитами. Как только он отвернулся, девочка отползла в уголок и забилась там.

Мальчик, тем временем, вернулся к двери, встал так, чтобы иметь хороший обзор, но при этом не быть заметным самому, после чего хладнокровно, спокойно, как в тире, расстрелял всех террористов в помещении, начиная с Кондора. Девять секунд: двенадцать выстрелов — двенадцать целей. Затем также спокойно нажал на панели кнопку закрытия переборки и раскурочил пульт прикладом АШК так, чтобы ее нельзя было разблокировать ни изнутри, ни снаружи.

И тут мальчик заметил девочку. Он посмотрел прямо ей в глаза. И глаза его были пусты, прозрачны и безмятежны, словно у ангела, сошедшего с небес на землю. Маленький ангел в белой пижамке, заляпанный кровью и с тяжелой штурмовой винтовкой в руках.

— Леня, не убивай меня... пожалуйста, — жалобно попросила девочка мальчика, сжавшись в комочек, словно ожидая удара. Мальчик опустил винтовку, и так до этого ненацеленную на девочку, и улыбнулся, слегка стесняясь.

— Не буду, — сказал он и пожал плечами. — Мы же друзья!

От этих слов у Саши буквально гора с души рухнула. Почему-то ей было страшно не умереть, а быть убитой именно им, мальчиком-скрипачом, с которым они подружились на этой станции.

Девочка не смело улыбнулась мальчику. Тот протянул ей руку, помогая встать. Девочка с благодарностью помощью воспользовалась, поскольку после потрясений крайних минут, ее и правда, не слишком держали ноги.

— Только держись сзади и не отходи далеко от меня. На станции еще полно террористов, — девочка согласно кивнула.

А дальше было все, словно в каком-то триллере или, скорее шутере. Жестянкин, неспеша, шел вперед, держа АШК-17 в положении изготовления для стрельбы стоя, плотно зажав приклад щекой и намотав для упора ремень автомата на локоть левой руки. А из-за угла коридора выскакивали люди с оружием. Точнее группы людей с оружием. Выскакивали, чтобы тут же падать замертво, сраженными убийственно-точной стрельбой мальчика.

Жестянкин стрелял только одиночными, но очень быстро и очень метко, в лучших традициях «Малька-Ваншота».

Так продолжалось уже третий коридор. За спиной осталось уже больше тридцати трупов, если считать и тех, что были на капитанском мостике.

Внезапно все изменилось. Жестянкин выстрелил, но на том конце труп не упал. Тень, что, было, высунулась в коридор, резко отпрянула обратно, за долю мгновения до выстрела.

Леонид, не оборачиваясь, тут же подал знак Саше остановиться. После чего знак отступить. И сам же начал быстро отходить от угла, не отпуская его взглядом. И не зря! Оттуда не выпрыгнул человек, нет. Оттуда вылетела граната, которую Жестянкин и прострелил в воздухе.

Грянул плазменный взрыв, но дети были более, чем в сорока метрах от его эпицентра и не пострадали. Вслед за первой гранатой вылетели еще две. И тоже были сбиты, а Жестянкин отходил все быстрее и быстрее. Вылетели три гранаты: две были сбиты, а третья отскочила от стены и прокатилась по коридору дальше, почти до его середины и только там взорвалась. Да еще и оказалась осколочной, а не плазменной, а у нее радиус поражения до двух сотен метров. Грохнуло так, что аж звон в ушах. Повезло, что Жестянкин с Сомовой в последний момент успели нырнуть в коридор-ответвление, и взрывом их не задело, также как и осколками.

Жестянкин жестом скомандовал Сомовой: «уходим». И они побежали.

— Что там? — на бегу спросила Саша Леню.

— Кто-то, кто ничуть не хуже меня. Плюс — у него преимущество в людях и вооружении. Бой продолжать опасно. Надо перегруппироваться и поменять тактику, — также на бегу ответил Жестянкин. Затем остановился и быстро, с заметным в каждом движении опытом, поставил растяжку посреди коридора (видимо с тех двух тел мальчик прихватил не только винтовку с магазинами, просто девочка была недостаточно внимательна).

— Боишься?

— Нет. Оцениваю риски.

— Тогда бежим.

— Ну побежали, — улыбнулся Жестянкин, и они действительно побежали.

— Да, что ты мне зубы заговариваешь, полковник! — вскипел Кондор. — Выполняй, что тебе сказано, не то я начну убивать заложников прямо сейчас! Запомни, я контролирую эту станцию!

— Ты ничего не контролируешь, дурачок, — вздохнул человек на экране, бросив взгляд куда-то за спину Кондора. — Ты вообще уже мертв... — произнес он. И одновременно с окончанием этих слов, прозвучало специфическое тихое шипение-свист лазерных выстрелов. Первым луч прямо в затылок получил Кондор. Следом за ним стали падать, начавшие разворачиваться и поднимать оружие, его люди. Один за другим, все одиннадцать.

Происходило это так стремительно, что никто даже сообразить ничего не успел, а на месте декоративной деревянной двери захлопнулась герметичная бронированная переборка.

— Без паники, господа офицеры! — раздался голос человека с экрана. — Все под контролем! Спецоперация по очистке станции от захватчиков началась. Не покидайте помещение. Капитан Тарасик!

— Я! — отозвался один из присутствовавших в рубке офицеров, пригнанных сюда вместе с остальными заложниками.

— Принимаете командование станцией по праву старшинства и штатной очередности, так как полковник Артурян, подполковник Чернов и майор Остроухов, — перечислял СИБовский полковник фамилии и воинские звания высших офицеров, лежащих на полу рубки, погибших при ее штурме террористами. — Выполнив свой Долг до конца, не могут этого сделать.

— Есть, принять командование, — ответил новоявленный ВрИО Начальника Станции.

— Передайте приказ по Станции: своих мест не покидать, сопротивления террористам не оказывать. Идет спецоперация по очистке объекта от захватчиков. Лишние жертвы никому не нужны. Все, кто находится в этом помещении, разбираете оружие, барикадируете вход и занимаете места согласно штатному расписанию работы рубки. Занимайте места погибших товарищей, но управление станцией должно работать!!! — прозвучало с экрана, и в помещении началась деловая суета. Немного бестолковая, но уже вполне рабочая. Опустевшие пульта постепенно занимались новыми операторами, запускались, пошли первые данные и доклады...

— Товарищ Капитан! Проблема с маршевыми двигателями! Они не отвечают на пинг! Мы не можем ими управлять! — прозвучал первый пугающий доклад. В следующий момент, словно по заказу или закону подлости, все почувствовали рывок запуска тех самых, с которыми потеряна связь, будь они трижды неладны, маршевых двигателей.

— Глушите реактор! — тут же поступила команда ВрИО Начальника Станции. — Немедленно!

— Пытаемся! Не выходит! Нет ответа от систем управления реактором! Сигнал не проходит! — пришел следующий неприятный доклад.

— Товарищ полковник! — обратился Тарасик к человеку на экране связи. — Маршевые двигатели запущены! Заглушить их или реактор возможно только вручную! Разрешите отправить группу на выполнение!

— Не разрешаю! Куда летит станция? Прогноз траектории?

— Летит к планете. Прогноз — Новопитер!

— Включите общий канал громкой связи и оповещения по станции! — поступил приказ человека с экрана.

— Канал включен!

— Внимание...

* * *

Саша с Леной бежали по коридору. Саша всегда считала себя спортивной девочкой и даже занимала призовые места на легкоатлетических соревнованиях в городе. Но тут она выкладывалась чуть ли не на полную, а получалось лишь не отстать от друга. А если еще учесть, что на том еще был пояс с ножом, запасными обоймами и двумя осколочными гранатами, а в руках он тащил АШК со снаряженной обоймой и прицельным приспособлением общим весом в четыре с половиной килограмма, то... Крепкий такой скрипач получается.

За поворотом, который они оставили позади, грянул взрыв и раздались крики боли.

Леня тут же остановился и резко рванул обратно к углу. Там он с разбегу принял положение для стрельбы лежа, выкатился в коридор и открыл огонь. Крики быстро оборвались. Бросил гранату. Снова начал стрелять. Прозвучал плазменный взрыв, за ним еще один. Затем грохнула осколочная. Снова несколько выстрелов. Мальчик прекратил огонь и откатился обратно за угол. Кувыркком принял вертикальное положение и снова побежал в прежнем направлении.

— Минус десять, — тихо сообщил Леня Саше. Та лишь кивнула на бегу.

Тут по коридорам разнесся голос из динамиков, знакомый обоим еще по рубке управления, голос СИБовского полковника с монитора связи.

— Внимание! Агенты, Кондор был подставой, обманкой. Цель террористов сбросить станцию на Новопитер. Маршевые двигатели запущены. Заглушить реактор можно только вручную. Время до точки невозврата: девяносто восемь минут. Даю отсчет. По истечении отведенного времени, станция будет сбита планетарными силами ПКО. Девяносто семь минут... — мальчик остановился у ближайшего плана эвакуации, висящего на стене.

— Итак, что мы имеем, — спокойно начал он. — Неизвестное количество «мяса» с плохой подготовкой, но хорошим оружием и промытыми мозгами. Один или несколько серьезных дядей с серьезной подготовкой и хорошим планом. И задача — сбросить станцию на планету.

— А те от кого мы бежим? Нам не стоит поторопиться? — уточнила Саша, судорожно отдышываясь.

— Подумать время есть, — отозвался мальчик. — И подумать надо.

— Хорошо, давай думать.

— Как бы я решил эту задачу? — задал сам себе вопрос Леня. — Первый этап — захват. Время и способ доставки мяса я бы выбрал примерно такой же. Если курсантов примерно пятьдесят, Преподавателей десять, обслуги и командования еще двадцать, получаем восемь десятков экипажа. Из них вооружены меньше десятка. Для захвата и удержания в повиновении требуется примерно пять-шесть десятков «мяса» с оружием...

— Девяносто шесть минут, — разнесся по станции механический голос компьютерного таймера, запущенного человеком с экрана.

— ...Для основной задачи требуется наличие плана станции и тех. специалист с охраной и координатором. Охрана должна быть из серьезных дядей три-пять человек. Программировать реактор и маршевые я бы стал непосредственно вблизи реактора. Перерубаются дистанционные линии управления, переводится на ручное, ставится небольшой управляющий компьютер... И блокируются переборками подходы. Намертво. Далее план отхода. Он любому должен быть: координатор не смертник, да и тех. спец не за идею трудится. А серьезные дяди из охраны координатора вообще без плана отхода не работают. На то они и серьезные дяди, а не шпана...

— Девяносто пять минут.

— ...Итак план отхода. Палуба учебных истребителей!

— И куда теперь? — спросила, отдышавшаяся, наконец девочка.

— На палубу учебных истребителей. Реактор любому сейчас заблокирован. Вскрывать слишком долго. Надо перехватить координатора. У него может быть дистанционная связь с управляющим компьютером.

— А преследователи?

— Нет там больше никого. Переиграл я серьезного дядю. Теперь их на одного меньше. Вперед! — скомандовал Леня, разобравшийся, наконец в кратчайшем маршруте.

— Девяносто четыре минуты.

И маршрут пролегал через тот же коридор, что они уже пробежали. Но теперь в нем валялись трупы. От их вида и запаха Сашу начало мутить, но пробежали участок быстро. Правда, Леня ненадолго остановился у одного из тел и снял с него наушник портативного приемо-передатчика и пистолет с запасом обойм к нему.

Дальше бежали уже не останавливаясь до самой палубы.

У крайнего поворота, мальчик жестом призвал девочку к тишине и велел ей оставаться на месте, вручив для храбрости пистолет.

Сам же вдохнул-выдохнул и выскочил из-за угла.

Снова послышалось специфичное шипение-свист выстрелов и крики.

— Семьдесят девять минут, — бесстрашно проинформировал пространство таймер.

Крики, выстрелы и взрывы продолжались.

— Семьдесят восемь минут.

Бой все еще длился.

— Семьдесят семь минут.

— Семьдесят шесть минут.

Повисла оглушительная тишина, нарушаемая лишь звуком горения чего-то.

— Семьдесят пять минут.

Терпение девочки кончилось и она осторожно выглянула за угол. И тут же была схвачена крепкой и грубой мужской рукой за волосы.

К виску ей оказался приставлен ствол пистолета.

— А кто это у нас тут?! — раздался самодовольный громкий голос. — Разве тебе не говорили, что не стоит маленьким девочкам гулять в одиночку по захваченной террористами станции? — ехидство из этого голоса так и сочилось. — Выходи, давай «герой»! А то я твоей соплюшке шею сверну! Вылезай давай, Крутой Парень! Эй! — тишина была ему ответом. — Ты думаешь, я шу... — прозвучало шипение-свист, и голос за спиной оборвался неприятным бульканьем. Вот только шипение было чуть длиннее, чем обычно. Примерно вдвое.

Девочка обернулась назад и увидела бьющееся в предсмертных конвульсиях тело, со

сквозной дыркой от лазерного выстрела прямо между глаз, впрочем, быстро затихшее. А прямо под ногами валялся дымящийся и слегка оплавленный в районе напрочь отсутствующего спускового крючка пистолет. Пересиливая тошноту и отвращение, девочка присмотрелась: на правой руке затихшего уже окончательно мужчины нехватало двух пальцев — указательного и безымянного. На их месте был свежий лазерный ожог.

— Семьдесят четыре минуты, — бесстрашно прозвучал над палубой голос таймера.

Саша не выдержала, и ее все же стошнило.

Неслышно подошел Жестянкин и устало сел на покрашенный в красный цвет ящик с белой трафаретной надписью «песок» на верхней крышке и поставил рядом с собой на пол стволom вверх все ту же, верой и правдой отслужившую сегодня ему АШК-17.

— Ушел, гад, — спокойно и немного устало, сообщил Леня. — Десять минут назад убыл на двухместном учебном Универсале. Эти, — кивнул он на множество тел, в беспорядке валяющихся по всей палубе. — Должны были вторым заходом лететь. Вон на том транспортнике, — показал он пальцем на массивный корабль в дальнем конце палубы.

— Семьдесят три минуты, — разнеслось очередное сообщение таймера из динамиков оповещения по всей станции.

— Итак, что мы имеем? — задумчиво проговорил мальчик, опустив подбородок на сложенные на обойме АШК-17 руки. — Станция от захватчиков очищена. Координатор с тех. спецом смылся. Станция падает, реактор и подходы к маршевым двигателям заблокированы аварийными переборками... Весело.

— Может просто взорвать эти переборки? — предложила девочка.

— Было бы чем, — вздохнул мальчик. — Мощности ручных гранат не хватит, даже если два десятка разом подорвать, что, вообщето, возможно только в теории, но никак не на практике.

— А выбить чем-нибудь?

— Чем ты их выбьешь? Там не меньше, чем флаером таранить надо...

— Шестьдесят девять минут.

— А далеко он, реакторный отсек этот?

— На нашем этаже пять коридоров, шесть поворотов отсюда, — на полном автомате ответил мальчик, внимательно разглядывая ближайший учебный универсал. Потом коридор. Снова универсал...

* * *

— Пятьдесят три минуты, — прозвучало очередное сообщение таймера.

— Дети, не пытайтесь повторить это дома... — под нос самому себе сказал Жестянкин, сидящий в кабине универсала, опуская руки на штурвал и запуская двигатели. — Хотя... откуда у вас дома истребитель? — добавил он, поднимая тяжелую машину в воздух.

— Что ж, попробуем впихнуть невпихуемое, — добавил он, медленно подводя на посадочно-маневровых движках нос универсала к центру технического коридора, ведущего в глубь станции.

— Это лишнее, — пробормотал он, глядя, как обламываются и отваливаются крылья об углы коридора, в момент «пропихивания» истребителя в него. Даже по диагонали машина без «усовершенствований» не пролезала. А вот с обломанными на половину крыльями, дело постепенно пошло.

— А это тут вообще для красоты было, — пожал плечами мальчик в кабине пилота, видя как отвалился хвост истребителя, предназначенный для добавления маневренности, при полётах в атмосфере, во время буквально втискивания в поворот.

— «Пока что все идет неплохо,» — думал оптимист, пролетая мимо пятнадцатого этажа, — все также безразлично бормотал себе под нос мальчик, повторяя маневр «поворот» шестой раз. Впереди обзору открылся прямой коридор перекрытый аварийной переборкой.

— Что ж, «спорим он первый свернет?» — предложил сам себе Жестянкин, включая маршевый движок на разгон вперед, а стыковочные и маневровые движки на тягу назад. Затем начал повышать мощность и тех и других.

— За КДВ!!! — проорал он, ударом кулака вырубая маневровые вместе со стыковочными. Машина мгновенно сорвалась с места и с разгону протаранила переборку.

— Рожденный ползать, летает боком, — заметил мальчик, вылезший из кабины

универсала, оглядывая получившуюся композицию.

Из-за того, что в процессе «впихивания» крылья истребителя обломались неровно, машина потеряла устойчивость и центровку. Так что на скорости в том коридоре, из-за наличия атмосферы и искусственной гравитации, универсал стал совершенно неуправляем. Его закрутило вокруг своей оси, словно пулю в стволе, и в переборку истребитель вошел уже вовсе под прямым углом к полу. Но массы машины помноженной на набранную скорость хватило, чтобы пробить аварийную переборку. Но не до конца. В итоге универсал в ней и застрял, словно нож в куске фанеры. Повезло, что кабина пилота оказалась с нужной стороны переборки и смогла открыться, не переклинив.

Мальчик отдышался и встал с пола, где отдыхал, после того, как выкарабкался-таки из покореженной кабины универсала.

— Сорок одна минута, — прозвучало очередное сообщение таймера.

Найти место подключения и управляющий компьютер отыскать оказалось не сложно. Отключить его и восстановить прерванные линии управления реактором и двигателями, тоже задача не для гениев (отцепить провода от компьютера и соединить с такими же в щитке. Даже изолента не потребовалась — там специальные разъемы имелись). Гораздо сложнее — выбраться теперь из заблокированного переборками сектора!

* * *

— Пятьдесят три минуты, — безэмоционально сообщил голос таймера в рубке управления, также, как и во всей остальной станции.

И также как во всей остальной станции, тут царило напряжение, ожидание и страх. Умирать никому не хотелось. Но и сделать ничего было нельзя.

Даже посмотреть, что же именно происходит за пределами рубки, было невозможно: террористы, захватывая станцию, методично уничтожали камеры видеонаблюдения.

Но кое-что люди здесь все же могли. Система слежения за противопожарной обстановкой, другие вспомогательные системы с датчиками различных излучений и контроля искусственной гравитации работали.

И по показаниям датчиков примерную картину боевых действий составить можно было. Собственно этим все находящиеся здесь и занимались.

— Раптор 8 запустил двигатель! Идет проверка систем!

— Есть возможность связаться с пилотом? — спросил человек с экрана связи.

— Проверяем.

— Связь с пилотом только из центра управления полетами.

— Есть связь! — воскликнул лейтенант Веснушкин. — Но только односторонняя. На Восьмерке неисправная станция стоит, она все время на передачу работает в эфир. Новую уже поставили, а старую не размонтировали до сих пор. Можем услышать, что происходит в кабине.

— Включайте! И включите запись сразу.

— «...не пытайтесь повторить это дома...» — прозвучал хриплый до неузнаваемости от помех голос. Неприятно скрежещущий. Но интонация в нем еще улавливалась.

— Почему такой странный голос? Можете сделать четче?

— Нет, радиостанция неисправна. Это все что мы можем выжать!

— «...Хотя, откуда у вас дома истребитель?...»

— Раптор-8 двинулся!

— «...Попробуем впахнуть невпихуемое...

— Он движется не наружу! Раптор-8 движется вглубь станции!

— Перегрузка поля искусственной гравитации в коридоре А-8/7.

— Да, кто этот идиот?! Пытаться летать на универсале по коридору орбитальной станции! Он же в полтора раза шире коридора! — воскликнул майор Феофанов.

— «...это лишнее...»

— Повышение температуры в том же коридоре!

— Задымление в А-8/7. Повышение температуры!

— Он движется по коридору! Поворачивает!

— «...а это вообще для красоты...»

— А может и не идиот... — шокированно сказал Феофанов. А в голове Валаньевой появилось подозрение, что одного такого идиота она знает. Малолетнего...

— Перегрузка поля гравитации в коридоре А-9/7.

— Задымление там же!

— Повышение температуры!

— Повреждение кабелей дежурного освещения!

— Повернул в А-5/7!

— Задымление, перегрузка, повышение температуры...

— Свернул в А-4/7!

— Так он же к реактору летит!

— Но сектор заблокирован! В А-2/7 опущена переборка!

— «...Пока что все идет неплохо, — думал оптимист, пролетая мимо пятнадцатого этажа...»

— Свернул в А-2/7!

— Перегрузка...

— Остановился.

— Задымление! Резкий рост температуры! Поле гравитации не справляется! Дежурное освещение повреждено!

— Маршевый двигатель Раптора-8 вышел на рабочий режим! Мощность повышается! Вышел на режим стартового разгона!

— «...что ж, «спорим он первый свернет?»...»

— Нет, он не идиот! Он псих конченный! Он же на таран идти собрался! — понял наконец Феофанов.

— «...За КДВ!!!!...» — оглушил всех крик пилота. Оказывается, раньше он едва-едва шептал себе под нос и лейтенант Веснушкин вывернул громкость на полную. А вот в этот момент пилот заорал во все горло. И акустический удар получился в рубке настолько мощным, что все присутствующие аж пригнулись.

— Связь потеряна!

— Двигатель останавливается!

— Поле гравитации выходит на нормальную мощность!

Это сообщение было крайним. После него повисла тишина.

— Что там? Что там происходит? — спросил человек с монитора связи.

— Ничего. Датчики ничего не показывают.

И лишь когда таймер выдал сообщение: «Тридцать одна минута», раздался оглушительный доклад. Оглушительный не по громкости, а по смыслу.

— Есть пинг от маршевых двигателей! Есть пинг реактора! — дальше помещение заполнил звук восторженных криков, аплодисментов и оваций.

Впрочем не надолго. Дальше пошла работа в обычном режиме.

— Начинаем высадку на станцию! Откройте доступ на все палубы! Через пятьдесят минут первые партии будут у вас, — прозвучал приказ СИБовского полковника.

— Есть, — козырнул Феофанов.

— А почему сразу нельзя было десант с резаками высадить на станцию? А не ждать таких превозможаний?! — влез майор Феофанов.

— Не дурнее вас, майор! — резко ответил полковник. — Операция по высадке на станцию десанта начала готовиться еще при живом Кондоре! О готовности доложили три минуты назад. Будут у вас через пятьдесят минут! Вопросы есть?!

— Никак нет, — отвел взгляд Феофанов.

И тут неожиданный доклад отвлек всех от обсуждения этого неприятного вопроса.

— Фиксирую запуск двигателей на Рапторе-8! — прозвучал внезапный доклад, заставивший всех обернуться на говорившего.

— Маршевый двигатель набирает мощность! Фиксирую перегрев! Фиксирую перегрузку всех систем Раптора-8! — и в этот момент пол под ногами дрогнул, оповещая о далеком мощном взрыве.

— Обрыв связи с Раптором-8... Мы его потеряли, товарищ капитан...

— Что с реактором?!

— Реактор не задет. Работает в штатном режиме. Связь устойчивая...

— ...в итоге пятьдесят три боевика убиты Кашимом. Двенадцать — дежурной сменой станции. Пятеро скончались от полученных ранений. Троице удалось уйти. Живыми взять не удалось никого. Информации по ЧС ноль. Четырнадцать человек личного состава, из них семь кадровых офицеров и семь кадетов — убито при захвате. Потеряно два учебных истребителя. Взрывом разрушен технический коридор с аварийной переборкой. Это из минусов, — отчитывался мужчина в невзрачном костюме с планшетом, стоящий перед дубовым письменным столом. — Из плюсов: Новопитер все еще существует, планетарного масштаба катастрофа предотвращена, станция не расстреляна силами ПКО и вообще почти не пострадала. О ЧП в СМИ практически ничего не просочилось. Три матерых наемника, за которыми не первый год наша контора охотится, уничтожены лично Кашимом. За них и награда была назначена... И главный вопрос: как быть с Кашимом?

— Нда уж, есть над чем подумать... — вздохнул мужчина, сидящий за дубовым столом. — По уму бы объявить, что агент «Кашим» умер при проведении операции в результате взрыва истребителя, дать пацану новый позывной и закрыть дело...

— Что нам мешает именно так и поступить?

— То, что весь ход операции был записан и задокументирован, со свидетелями и участниками сейчас работают следователи из Центра. Дело взято на контроль лично Императором. И уже, по предварительным даже результатам, вынесено решение о награждении Кашима Звездой Героя, — ответил мужчина, сидящий за дубовым столом.

— Награждение посмертно еще никто не отменял, — пожал плечами мужчина с планшетом.

— Награждать-то будут не безликого «Кашима», а вполне конкретного человека. И от нас уже требуют раскрытия его личности для оформления наградного листка. Кашим-то может и мертв, а кадет Жестянкин живее всех живых, делает большие глаза и хлопает ресницами на вопросы следователей. И уже внесен во все списки людей, находившихся на станции.

— Можно назвать Кашимом любого другого человека, — пожал плечами мужчина с планшетом. — Просто ткнуть пальцем в любую фамилию из списка...

— Дело на контроле у Императора! Рыть будут так, что каждую нитку в резинке от трусов под микроскопом посмотрят. Не прокатит в этот раз «ткнуть пальцем».

— А чем плох вариант с раскрытием реального Кашима?

— Тем, что ему тринадцать лет, он не давал присягу, а еще является ликвидатором и «решил» уже пять «проблем». Причем очень громких и «воняющих» проблем! Нас с вами живьем сожрут за такое сочетание. И это не говоря уже о Л-51, которое, надеюсь, ни при каких условиях не выплывет...

— Да уж, человек-проблема... Может: нет человека — нет проблемы?

— Не тот случай, — вздохнул мужчина за дубовым столом.

— А может... Что если Кашима нет в списке людей, присутствовавших на станции официально?

— Поясни?

— Что если Кашим — глубоко законспирированный агент, внедренный в Черное Солнце? И он среди тех троих, кому удалось уйти?

— ...и раскрыть мы его не можем, поскольку он все еще выполняет задачу! Гениально! — закончил мысль подчиненного мужчина за дубовым столом.

— А единственным свидетелем, видевшим Кашима, назначим кадета Жестянкина, — добавил мужчина с планшетом.

— Зачем? — насторожился мужчина за дубовым столом.

— Пора кончать с Черным Солнцем... Надоели они мне, хуже горькой редьки!

— И ты хочешь пустить утечку и натравить их на Кашима? Радикально.

— Они хотели сбросить орбитальную станцию на Новопитер, — пожал плечами мужчина с планшетом. — Что посеешь, то и пожнешь.

— Хорошо, — пристукнул по подлокотнику кресла мужчина, сидящий за дубовым столом. Он снова вернул присутствие духа, был собран и готов к принятию решений. — Значит сделаем так: на станции работал специальный агент Кашим. Именно он сорвал теракт. Подробности засекретить: слишком многое там будет несходиться и может испортить нам всю игру с ЧС. Кашим официально, для тех, кто был на станции, мертв. Для Московских следователей и Императора — выполняет задачу в Черном Солнце, глубоко под прикрытием и раскрыть его личность мы не можем. Пустить утечку, что Кашим продолжает внедрение, а кадет Жестянкин — единственный, кто его видел и остался жив.

— Слушаюсь, — сделал несколько пометок в своем планшете мужчина, стоящий напротив дубового стола.

— А Жестянкина мы все же наградим. Воля Императора — закон. Проведем по нашему ведомству, внесем в личное дело Жестянкина под грифом «сов. секретно». Сам Орден вручите лично, вместе со всеми положенными выплатами, как за боевую операцию, так и за Звезду Героя. Ежегодные выплаты оформите на его личный счет. Кстати, заведите его ему. И в Москву отрапортуем, что награда наша Героя. Думаю такой вариант их устроит.

— Пожалуй, — согласился мужчина с планшетом. — Сложностей, конечно, будет много, но, думаю, все решаемо. Будем инструктировать Жестянкина по поводу ЧС?

— Скажите, что живых брать не обязательно. Остальное на его усмотрение.

— Жестоко...

— Новопитер — мой родной город. Здесь я родился, здесь моя семья живет... Не жестоко — справедливо!

Вечером, как и всегда, после отбоя, Леня шел в учебно-полигонный комплекс, где отряд «Скунс» проводил плановые занятия по отработке боя в условиях пром. зоны города.

Обычно это было весело. Леня и ребята делились на команды, разбирали учебно-иммитационное оружие, с шутками-прибаутками, взаимными подколами в эфире, отрабатывали бой. Иногда просто играли в войнушку.

Сегодня и намечалась именно такая «войнушка». Леня шел в приподнятом настроении, не смотря на то, что кровь он видел неоднократно, как и пускал ее, играть в войну ему нравилось.

Но, войдя в комплекс и поприветствовав «Скунсов» взмахом руки, мальчик остановился в недоумении. На месте были все двенадцать членов группы. И все они мрачно молчали. Мрачно и молча смотрели на него.

— Привет, ребята, — все же сказал он. — Чего мрачные такие? Умер кто?

— Пока нет, — ответил Шмель (в отряде не назывались имена, использовались исключительно позывные), неформальный лидер отряда.

— Настораживает слово «пока», — заметил Леня.

— Иди сюда, Малек. Разговор есть, — махнул рукой Лапоть. Мальчик, слегка настороженно, но все равно спокойно подошел к стоящим. И подойдя, заметил еще одну странность: ребята были с оружием. Причем с боевым, а не учебно-иммитационным.

— Ты на орбитальной станции Заря-1 был? — спросил Говорун.

— Был, — не стал отпираться Леня. Вот только вопрос ему не понравился.

— Что делал?

— Летать учился, — честно признался мальчик, засовывая обе руки в карманы и беспечно пожимая плечами. На лицо его выползла открытая и доброжелательная улыбка. В широко открытых глазах плескалась безмятежность и свет. Весь его вид выражал дурашливость веселье. Беспечный малыш, ни больше, ни меньше.

— Кого-то знакомого видел там?

— Да, — снова пожал плечами он.

— Кого же? — уточнил Шмель.

— Его, — кивнул на Ромалэ мальчик. Тот мгновенно спал с лица и начал озираться на товарищей в поисках поддержки. А лица всех присутствующих повернулись к нему.

В этот момент Леня вытащил из кармана активированную светозумовую гранату и бросил под ноги Ромалэ. Эту штуку Жестянкин положил в свой карман сразу после разговора с «серым» человеком по поводу Черного Солнца.

Граната сработала. Белый яркий свет вспышки на несколько мгновений залил всю комнату, а акустический удар стукнул по ушам, дезориентируя и сбивая с мысли.

Когда свечение погасло, на площадке уже никого не было. Ни Лени, ни «Скунсов».

— Малек, сука! — послышался голос Шмеля откуда-то из глубины комплекса. — Значит «Кашим» — это ты?!!

Но ответом ему была лишь тишина. Леня вообще воевал молча, отдавая команды лишь знаками. Исключение составляли лишь операции СКООНа, когда он командовал дюжиной.

— Пацаны! Валите его! — прозвучал снова голос Шмеля. — Он один, нас двенадцать — хана ему! — вот только этот крик стал последним в его жизни, так как в следующее

мгновение в его глаз вонзился метательный нож, направленный уверенной рукой Жестянкина.

Еще секунда, и над телом Шмеля склонился мальчик, подбирая его оружие и обоймы к нему...

* * *

— У нас проблемы, — сказал, входя, мужчина с планшетом.

— Конкретнее! — мгновенно подобрался мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

— Кашим исчез.

— Мы же этого и ожидали, нет?

— Мы ожидали похищения.

— А там что произошло?

— Группа «Скунс» уничтожена. Прямо в тренеровочном центре. А еще точнее в комплексе для отработки боя в условиях пром. зоны города. Одиннадцать тел, два со следами пыток. На всех телах боевое оружие. И вообще в комплексе следы серьезного боя. Записи боя отсутствуют — следящая аппаратура была отключена еще до начала действий.

— При чем тут Кашим?

— Он исчез в тот же вечер. И до сих пор о нем ни слуху, ни духу. Информационный отдел запустил прикрытие (очередной музыкальный конкурс). Но дело в том, что мы не знаем, куда он делся.

— И в чем проблемы? — нахмурился мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

— Я полагаю, что «Скунсов» порешил именно Кашим, — выдохнул мужчина с планшетом.

— На чем основано такое предположение?

— По оставшимся следам эксперты, которые сейчас работают на месте, утверждают, что весь отряд бился с одним человеком. А по следам на трупах (некоторые убиты ножом в упор) делают вывод о небольшом росте и малой физической силе убийцы.

— Допустим, Кашим порешил отряд, с которым до этого больше года тренировался. Что из этого? Слетел с катушек?

— Боюсь, хуже...

— Что может быть хуже?

— То, что он сделал это с нашей с вами санкции...

— То есть вы хотите сказать, что «Скунс» и ЧС...

— Не хочу, но говорю, — вздохнул и вытер пот со лба мужчина, стоящий напротив дубового стола.

— Но, целый отряд СИБ не мог действовать сам по себе...

— Следы пыток на телах... И Кашим исчез.

— Да не может такого быть! — ошарашенно откинулся на спину своего кожаного кресла.

— Вы сказали передать ему, чтобы «действовал по обстоятельствам». Я передал.

— Сколько он отсутствует?! — тихо спросил побледневший полковник.

— Вторые сутки идут, — ответил не более румяный подпол.

Тут зазвонил телефонный аппарат на столе. Оба мужчины вздрогнули от этого звука. Полковник дрожащей рукой потянулся поднять трубку. Отдернул ее как от горячего утюга. Сделал над собой усилие и все же поднял ее.

— Полковник Васин... Слушаю... Принял, — сказал он в трубку, экранчик в этот раз не открывался. Затем опустил трубку обратно на телефонный аппарат.

— Директор СИБ умер, — вмиг севшим голосом сказал он мужчине с планшетом. Того перестали держать ноги. Он отошел к стене и сел на один из стоящих там стульев. — Передозировка снотворного... Двадцать минут назад нашли...

Снова раздался звонок.

— Полковник Васин, слушаю... — ответил на звонок уже не просто бледный, а мертвенно бледный с зеленым отливом, полковник. — Понял вас... Принял... — после чего вновь опустил трубку на аппарат. Руки его уже не просто дрожали, они тряслись, как у паралитика.

— Полчаса назад взорвался особняк Брата Императора, Великого Князя Севостьяна Васильева. Неисправность автоматической фуры, везущей взрывоопасный реагент. Фура выпала из транспортного потока и упала на особняк, протаранив все системы защиты. При ударе о стену особняка реагент сдетонировал... Завалы разбирают. Найдено уже восемь тел. Живых нет. Опознан сам Великий Князь и два зама Директора СИБ. Остальных еще не опознали.

Снова зазвонил телефон.

— Полковник Васин, слушаю... Принял...

— Что там? — не выдержал подпол молчания, повисшего после того, как полковник повесил трубку.

— Пять минут назад в СМИ попала запись, где ответственность за теракт взяло на себя Черное Солнце...

— ...ужасающий террористический акт, прогремевший в Москве и волна самоубийств, захлестнувшая верхушку руководства Службы Имперской Безопасности на прошлой неделе — остаются главными новостями на этот час. К этому моменту число жертв теракта достигло пятнадцати человек. Разбор завалов на месте особняка Брата Императора Великого Князя Севостьяна Васильева продолжается. Число «самураев», как уже окрестили покончивших жизнь самоубийством чиновников СИБ достигло восемнадцати. Среди них практически вся верхушка Службы. Имена и должности держатся в секрете, но уже точно известно, что это директор СИБ, его первый заместитель, региональный координатор Центрального округа и три его зама... — вещала с экрана монитора миловидная дикторша новостного канала.

— Эффект толпы... — задумчиво проговорил Леонид, рассматривающий врученную ему за освобождение Зари-1 Звезду Героя. — Я ведь «самоубил» всего семерых... Остальные сами потянулись, как бараны за козлом... Занимательно, — поворачивая орден на свет и играя бликами, рассуждал мальчик. — Надо запомнить... Вдруг, когда еще пригодится?

Сидел он в раздевалке спортивно-тренировочного комплекса СКООН и ждал «серого» человека, одновременно надеясь и опасаясь, что и того тоже захлестнула «самурайская» болезнь.

Но нет. СИБовец все же появился. Мальчик убрал орден в коробочку и спрятал в карман.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич, — встал он и поприветствовал вошедшего.

— Здравствуй, Леонид, — протянул руку для пожатия СИБовец. — Рассказывай, что ты тут устроил.

— Выполнил ваше указание — действовал по обстоятельствам, — ответил на рукопожатие мальчик и беспечно пожал плечами.

— Давай сначала, — вздохнул «серый» человек. Причем серым он был сегодня буквально. По цвету лица. Было заметно, что прошедшие дни дались ему очень и очень нелегко. И по некоторым реакциям, что мужик под действием сильных успокоительных препаратов.

— Как всегда, пришел к Скунсам поиграть в войнушку с ммгэшками. А у них у всех стволы боевые. Мрачные все. И вопросы задают про Зарю-1. Я «шумку» бросил и в укрытие... Ну, и поиграли... в «войнушку». У двоих крайних я про ЧС спрашивал Говорун, к сожалению, сбежал.

— Об этом мы и сами догадались. Дальше-то что? Причем тут брат Императора?

— А он и был основателем ЧС. Точнее одним из них. Вторым был директор СИБ. Третьим военный министр — его еще пока не опознали среди тел, извлеченных из-под завалов...

— А остальные? Зачем было вырезать ВСЮ верхушку СИБ?

— А это не я! Честно-честно не я! — захлопал глазами мальчик. — Я только семерых первых — тех кто в деле был. Остальные сами... Правда не я!

— Дурдом, — вздохнул «серый» человек. Был бы он не под успокоительными, эмоций было бы куда больше. — А сообщение ЧС в СМИ?

— На компьютере у директора нашел заготовку. Не пропадать же?

— На компьютере? Ты залез в его компьютер?

— Ну да, — пожал плечами мальчик и улыбнулся. — Должен же я был узнать, кто еще в теме. Кого «самураем» назначать...

— Никак не привыкну к тому, как легко ты говоришь об убийствах и смерти, — снова вздохнул «серый» человек.

— А что такого-то? Умирать ведь также естественно, как дышать, как кушать, как ходить в туалет. А если естественно умирать, то также естественно и убивать... Вы же не стесняетесь того, что дышите? Или того, что едите мясо? А ведь мясо — это убитое животное. Его убили для вас. Значит вы его «заказали». Значит соучаствовали в его убийстве. Так почему убивать лично — неправильно? — рассуждал мальчик, искренне непонимающий, насколько кошмарные вещи для нормального человека он говорит. — Не понимаю я этого двуличия. Я вообще многого не понимаю.

— Например?

— Почему есть дворяне и «простые люди»? Чем Великий Князь отличается от простого бандита? Умирают-то они одинаково. Я проверял. И Смерти боятся одинаково...

— А еще? — передернуло СИБовца от таких откровений, даже несмотря на успокоительные.

— Зачем мы живем? Почему существуют мужчины и женщины? Почему мужчин тянет к женщинам? Что такое «любовь»? Почему родители бросают своих детей и уходят?

— Не знаю, Кашим, — признался «серый» человек. — Не задумывался над этим. Это для меня слишком сложные вопросы. Я — практик. А с этим нужно к философам.

— Философам? Ницше, Макиавелли, Аристотель, Диаген, Сунь Цзы, Конфуций, Лао Цзы? Я читал их.

— Тогда ты лучше меня должен знать ответы на эти вопросы, — свернул тему «серый» человек. — Забудь все, что ты сделал в эти дни. Не знаешь ты ничего, ни про Черное Солнце, ни про «самураев», ни про Великого Князя, ни про «Скунс». Вообще в Москве не был. Понял?

— Говоруна не искать, значит? — уточнил Леня.

— Нет. Его другие люди найдут. Ты теперь просто кадет Жестянкин. Агент Кашим погиб, пытаясь предотвратить Московский теракт. «Объект-13» погиб еще раньше — полтора года назад.

— Я понял вас, Сергей Сергеевич, — вздохнул Леня. — К операциям СКООН получается меня привлекать больше не будут?

— Нет, — покачал головой «серый» человек. — Слишком большое осиное гнездо ты разворошил, Леонид. Слишком опасно теперь отсвечивать. СКООН переводится обратно в Свердловск. Так что у тебя теперь будет много свободного времени, чтобы читать философов и искать ответы на свои вопросы.

— А отдельные операции? Будут?

— А ты хочешь?

— Хочу, — кивнул мальчик. — Это весело.

— Иногда...

* * *

— Что у нас в результате? — спросил осунувшийся, со следами хронического недосыпа

и использования стимулирующих препаратов на лице, мужчина в невзрачном костюме, устало откинувшийся на спинку своего кожаного кресла.

— Не так уж все и плохо, — вздохнул такой же уставший и осунувшийся мужчина с планшетом, сидящий на стуле по другую сторону дубового письменного стола.

— Покончили с собой в общей сложности тридцать четыре чиновника СИБ. Вся верхушка подчистую, как корова языком слизала.

— Вот ведь, пустили козла в огород...

— Самое интересное, что Кашим устранил всего семерых. И он уже неделю, как в своем училище здесь в Новопитере. Там реальные самоубийцы!

— А еще подсиживание и сведение старых счетов... Знакомо.

— В связи с таким жесточайшим бардаком, который у них там творится, расследование зашло в тупик... Ну, и Кашим, как всегда, сработал чисто, следов не оставил.

— Говорили с ним? — уточнил первый мужчина.

— Да. Все, что вы велели, довел. Но...

— Что «но»?

— Он просит не оставлять его без «отдельных заданий».

— Просит? Зачем ему это? Деньги нужны?

— Нет. Он... Он вообще странный. Правда, только когда пообщаешься с ним подольше. Так-то мальчик, как мальчик, пока не приоткроется немного.

— Да? И какой он на самом деле?

— Ангел Смерти, если коротко. Идеальный хищник. Для него убивать также естественно, как дышать. И при этом все еще совершеннейший ребенок. Наивный и пытливый, любознательный, жестокий... Аж дрожь берет.

— И он сам хочет продолжать работать ликвидатором?

— Да. Хочет.

— А может его самого ликвидировать? Опаснейший же свидетель. Притом, единственный.

— Товарищ полковник, — прямо посмотрел мужчина в глаза начальнику, отложив планшет в сторону. — Я тогда в отставку уйду и в бега подамся.

— Трусись?

— Вы просто не общались с ним лично.

— Все смертны, — пожал плечами первый мужчина. — И он смертен.

— Смертен, — согласился второй мужчина. — Но у нас будет всего одна попытка. И не дай Бог снайпер промахнется! Напомню: он убрал директора СИБ и еще шестерых начальников, меньше, чем за неделю. Практически без подготовки. Думаете, у нас будет шанс?

— Что ж, раз так, то так, — пожал плечами первый мужчина. — Будут ему «отдельные задания». Вы свободны.

— Слушаюсь, — встал со стула и покинул кабинет мужчина с планшетом.

— Не единственный Кашим свидетель, не единственный, — тихо пробормотал себе под нос оставшийся в одиночестве мужчина. Он достал из кармана коммуникатор и набрал некий номер, предварительно включив шифрование канала связи на устройстве, благо его коммуникатор имел такую функцию.

— Дориан? Есть работа... Семенов Сергей Сергеевич подполковник СИБ должен стати еще одним «самураем»... Сегодня... И вторая цель: кадет Жестянкин Леонид Васильевич

2415 года рождения, информацию по целям и фото высылаю... Сразу после первой цели... — полковник завершил вызов.

— Не клади все яйца в одну корзину... Я принимаю вашу отставку, Сергей Сергеевич, — пробормотал мужчина доставая и закуривая сигарету. — Не промахнется снайпер... Не промахнется...

По коридору, от кабинета начальника шел невзрачный усталый мужчина, подполковник СИБ Семенов Сергей Сергеевич. Он сунул руку в карман и достал старенький, классический кнопочный мобильник. Пощелкал кнопками, на ходу, выбирая нужный номер и приложил аппарат к уху.

— Леонид?... Есть работа...

Леня вышел из кабинета и аккуратно притворил за собой дверь. Минуту назад региональный координатор планеты Терра полковник Васин Василий Дмитриевич покончил с собой, застрелившись из своего табельного оружия. Об этом стоило сообщить «серому» человеку, давшему это задание. И мальчик собирался именно это и сделать. Он достал свой коммуникатор и набрал нужный номер. Мелодия звонка, не раз слышанная Леонидом раньше, раздавалась из-за соседней двери, мимо которой мальчик как раз и проходил.

Леня подумал, а почему нет? И постучался в эту дверь. Не дожидаясь ответа, взялся за ручку и повернул ее, открывая.

Картина открывшаяся в кабинете, дверь которого отворил Леонид, была знакома ему. Даже слишком хорошо знакома: подполковник Семенов лежал головой на своем письменном столе. В правой руке у него покоился табельный ЛПН. В голове зияла дыра прожженная именно этим оружием. А в кармане трупа звонил мобильный телефон.

Мальчик осторожно подошел к телу своего куратора и достал из кармана пиликающий мобильник. Единственный и последний след, ведущий от СИБа к нему. Последняя ниточка... Толщиной с швартовочный канат.

Мобильник — это островок государства в вашем кармане: история вызовов, коротких сообщений, паспортные данные владельца, возможность отслеживания интернет-трафика, отслеживание местоположения с точностью до нескольких метров в любой момент времени, не говоря уже о прослушке разговоров... И это лишь самые явные возможности государства по контролю за своими гражданами. Причем, граждане носят с собой этого шпиона совершенно добровольно, даже догадываясь, если не о всех, то о половине его шпионских функций точно.

Леня набрал малоизвестную служебную команду на аппарате, и на экране высветились данные владельца. И это был совершенно не Семенов Сергей Сергеевич.

Что ж, практика покупки ворованных телефонов для звонков, которые не стоит афишировать, существует столько же, сколько и сами телефоны.

И это немного упрощает ситуацию. Официальный телефон эсбэшника проверят обязательно. А до этого могут и не добраться. Особенно, если стереть на нем свой номер из записной книжки, а сам аппарат выбросить куда-нибудь в реку. В местечко поглубже, предварительно нарушив герметичность корпуса.

* * *

Мальчик стоял по среди чьей-то квартиры у открытого окна, выходящего на улицу рядом с его училищем. Под ногами у него лежал труп. Возле трупа снайперская винтовка. Мальчик смотрел историю вызовов на телефоне незадачливого киллера. Последним был номер уже неделю, как покойного, полковника Васина.

На аппарате самого полковника, номер этого аппарата тоже был последним вызовом. Леонид не поленился это проверить, выполняя заказ Семенова.

Получается... все?

Получается, он теперь свободен?

Базу СИБ по своим параметрам он проверил не раз, что с компьютеров Московских боссов этой службы, что с компьютера регионального куратора Терры. И Семенов, ныне покойный, не врал — «Объект-13» мертв, Кашим мертв, Жестянкин Леонид Васильевич награжден Звездой Героя России «за особые заслуги перед отечеством» и все. Никаких подробностей.

Все... Оба человека, что знали о нем, мертвы. Это значит, что все — свободен, словно ветер. Теперь он снова обычный среднестатистический мальчишка тринадцати лет, обучающийся в Кадетском Училище под опекой государства до совершеннолетия.

Тринадцатый снова остался единственным выжившим... Пора бы уже привыкнуть, наверное.

Осталось теперь только почистить гаджет киллера от данных о себе, как уже почистил гаджеты Васина, с которых собственно и узнал, что заказан. А просчитать действия другого убийцы было не сложно. Леонид сыграл с ним в игру на жизнь. И выиграл. А киллер проиграл. Все просто, как выстрел в затылок, оборвавший жизнь убийцы.

Юноша, семнадцать лет от роду, с темными волосами, подстриженными по-военному, одетый в светло-зеленую рубашку с коротким рукавом и такого же цвета легкие брюки, с подобранной в тон обувью и носками, стоял спиной к воротам Имени Его Светлости Князя Александра Федоровича Вертынского Кадетского Училища Связи города Новопитер планеты Терра. В руке он держал спортивную сумку с вещами. На губах его играла легкая улыбка.

Юноша был невысок, но красив, статен, ладно, пропорционально сложен и имел явную военную выправку.

Звали юношу Леонидом. И его только что выгнали из этого самого Училища. С выпускного курса. Без диплома. Личным распоряжением Начальника Училища.

И сейчас он был свободен. По-настоящему свободен. Независим (опека государства закончилась в шестнадцать, с получением паспорта) и никому не нужен. Не интересен.

Перед ним расстилался целый огромный мир, в котором он до сих пор очень многого не понимал.

И сейчас он не знал, что делать. Чем заняться. Куда пойти. Но его это не беспокоило. Он дышал свежим весенним воздухом и улыбался небу.

Приняв какое-то решение, Леонид двинулся вдоль по улице, прочь от ворот.

На самом деле, его уже несколько месяцев ничего уже не держало в этих стенах — умер Дядя Паша, тот самый инструктор по физподготовке, что показал однажды ночью детдомовцу Ленке Отмору загадочное и завораживающее Тайцзицюань. Просто не проснулся очередным утром. Тихо и мирно. А больше... А больше ничто в этом месте Жестянкина не удерживало. Не диплом же ему, в самом-то деле выслуживать?

Юноша двигался размеренным легким шагом, набросив сумку с вещами на плечо. Он никуда не спешил. Он наслаждался солнечным днем.

Где-то минут через двадцать, он дошел до парка и присел на лавочку, опустив сумку рядом с собой.

Лавочка была не пуста. На другом ее конце расположилась девушка, читающая что-то на своем планшете.

На девушке было легкое белое платье в горошек и белые туфельки-босоножки. Рядом с ней, на скамейке лежала белая сумочка.

— Девушка, а как вас зовут? — обратился юноша к ней. Без особых изысков, без поиска поводов. Просто и прямо.

— Анна, — смерив юношу взглядом, вынужденно оторванным от планшета, ответила девушка. Юноша был симпатичный и не вызывал отторжения.

— А меня Леонид, — белозубо улыбнулся он. — Будем знакомы! А, если не секрет, что вы делаете?

— Готовлюсь к вступительным экзаменам в институт, — ответила Анна.

— А в какой, если не секрет? — спросил он, при этом выглядел искренне заинтересованным. Или, возможно, именно таким и был?

— В Политехнический на Автоматизацию Химических Производств, — призналась девушка.

— Сложно наверное?

— Четыре человека на место, — с ноткой гордости ответила она.

— А предметы какие сдавать? — продолжал допытываться юноша, представившийся Леонидом.

— Стандартно: математику, физику, русский, информатику.

— А где занятия проходить будут? В главном корпусе или по всему городу мотаться придется?

— Не знаю, пока, — пожала плечами она. — Еще поступить надо для начала.

— А ты местная, из Новопитера? — вдруг задал слегка невежливый вопрос юноша.

— Нет, — чуть смутилась девушка. — Я из области. Из Сорска.

— Сорск... — ненадолго призадумался юноша. — Это на юго-западе, да?

— Да, — ответила девушка. — Километрах в пятидесяти.

— Далековато, если каждый день добираться до учебы, — задумался юноша.

— А я квартиру тут, недалеко снимаю, — ответила она. — Двухкомнатную. Дороговато выходит, но думаю, ближе к началу учебы, найду соседку, чтобы на двоих снимать — так дешевле будет.

— Снимать квартиру, как это? — удивился юноша. Казалось, что он и в самом деле удивлен.

— Ну, — даже немного растерялась Анна. — Это, когда владелец квартиры, за деньги, разрешает тебе жить в ней.

— То есть, он живет в квартире вместе с тобой? — удивился юноша.

— Есть, конечно, и такой вариант, — ответила она. — Но, чаще всего хозяин просто владеет квартирой, сам же живет в каком-то другом месте, время от времени навещаясь и проверяя, все ли в порядке.

— Какая интересная система, — заметил юноша. — А дорого это?

— Не очень, — отозвалась девушка. — А ты, что, правда никогда раньше не слышал о таком?

— Нет, — беззащитно улыбнулся он. — Я раньше в казарме жил, — и видя непонимание, пояснил. — В Кадетском Училище. А до этого в детдоме, так что не задумывался как-то. Крыша над головой всегда была.

— А сейчас?

— Выгнали, — виновато развел руками он, продолжая светло улыбаться. — Меньше часа назад, — уточнил он, глянув на наручные часы.

— И как же ты теперь? — в голосе девушки прорезались нотки сочувствия.

— Не знаю, — еще светлее улыбнулся юноша. — Руки-ноги, голова есть, придумаю что-нибудь. Может квартиру сниму, как ты сказала. Как, кстати это делают?

— В интернете объявления смотрят, созваниваются с хозяевами. Если цена и условия подходят, то платишь деньги и живешь.

— Значит так и сделаю, — улыбнулся он.

— Но, это может несколько дней занять. Тебе переночевать-то есть где?

— Не думал пока, — честно признался юноша.

— Может тогда у меня переночуешь? — предложила девушка, затем поняла, что предложила и сама же смутилась, но на попятную идти было поздно. — Комната вторая пустует.

— Если это не доставит тебе неудобств и неприятностей, — пожал плечами юноша.

— Не доставит, — порозовела девушка. Сердце ее против воли забило немного чаще.

Почему-то ситуация начала ее волновать, хотя ничего предосудительного они друг другу не предложили и не сказали.

— А то, вот Начальник Училища застал меня со своей дочкой одних в раздевалке спорткомплекса. Бучу поднял. Сашке влетело, я из Училища вылетел. Не хочу неприятностей доставить еще и тебе.

— Сашке? — удивилась Анна услышав мужское имя.

— Александре, — уточнил юноша. — Мы с ней дружим давно, вот я и привык ее попростому называть. Забыл что это может быть понято неправильно.

— А было за что «влететь»? — не зная даже почему, заинтересовалась девушка.

— Да, нет вроде, — пожал плечами он. — Там бассейн был неисправный. Я как-то со скуки починил его. Вот мы и хотели искупаться, проверить. Тут входит полковник Сомов с какой-то комиссией очередной, а мы такие стоим, Сашка в верхе от купальника и юбке, а я без кителя и рубашки, штаны расстегиваю... Кричать при посторонних не стал, но через три часа я уже форму на склад сдавал и обходной лист подписывал.

— Сурово, — почему-то Анна, услышав это, испытала иррациональное облегчение.

— Да ладно, — отмахнулся Леонид. — Мы с ним и так на ножах были, еще с поступления, так что ничего удивительного. А сколько ты платишь за квартиру?

— Восемьдесят пять рублей в месяц, — ответила девушка.

— Всего-то? — удивился юноша.

— Да нет. За двушку это нормальная цена. На двоих, думаю, по сорок два поделим — вообще хорошо будет.

— А может, я тогда с тобой вместе снимать буду? — вдруг загорелся юноша. — Или тебе нужна именно «соседка» принципиально? Ты скажи, я пойму.

— Да как-то... Почему бы и нет? Тебе далеко за вещами идти?

— У меня все с собой, — приподнял свою спортивную сумку парень.

— Так мало? — ужаснулась девушка.

— Уж, что осталось, после того, как все казенное имущество на склады посдавал, — пожал плечами он. — Я ж кадетом был, им много вещей уставом не положено.

— Ну, пошли тогда, — вспрыгнула с лавки Анна.

Юноша был странный. Этот вывод для себя сделала Анна после первого дня общения.

Слишком светлый, слишком открытый, слишком счастливый, слишком беззаботный. Он, как ребенок, радовался буквально всему: хорошей погоде, весеннему солнышку, прохладному ветерку, мороженому, которое он сам же и купил для них двоих, поездке на сделанном под старину трамвае, походу в кино, куда они все же пошли, по купленным им же билетам, сразу после того, как Леонид оставил вещи в теперь уже своей комнате, самой комнате, дивану, стоящему в этой комнате, окну, виду из окна, двери и особенно защелке на этой двери, словно его из тюрьмы выпустили, а не из училища выгнали.

Большой ребенок. Именно так он ассоциировался в голове у девушки. Но ближе к вечеру, когда они вернулись в квартиру, Анна из совместно купленных продуктов приготовила ужин и они его под солнечно-восторженную улыбку Лео, как стала называть Леонида девушка, съели, выяснилось, что этот «ребенок» шпарит в физике, математике и информатике, хлеще самой Анны!

А еще парень правда не знал чем заняться. Он с одинаковым удовольствием решал особенно сложные задачи для Анны и ремонтировал канализацию в этой квартире.

То, чего опасалась Анна, в этот вечер не произошло: приставать к ней парень не начал. Слишком увлечен был работой.

Девушка ушла спать, а юноша остался возиться с трубами.

А утром уже все работало. Во всей квартире все работало, словно парень трудился всю ночь. Но при этом был он свежим и все таким же солнечным, как и накануне. Вот только завтрак у него не вышел совершенно. Оказалось, что готовить он не умеет. Совсем. Даже в теории. Только продукты перевел. Пришлось к плите вставать Анне и готовить на двоих, под смущенно-виноватую улыбку Лео, который развлекал девушку разговором, пока та жарила яичницу с колбасой.

— Чем думаешь заняться? — поинтересовалась она у нового своего соседа, ковыряясь вилкой в тарелке.

— Не думал еще, — пожал плечами юноша. — Деньги у меня на жизнь есть. Не очень много, но если не шиковать... Так что в поиске работы я не слишком заинтересован.

— Откуда, если не секрет?

— От государства, — пожал плечами парень. — В училище у нас небольшой несчастный случай произошел. Так всем пострадавшим пенсию назначили пожизненную. И льготы кое-какие...

— Что же это за случай такой, что молодому, здоровому парню пенсию платят? — удивилась Анна.

— Не могу сказать, — беспомощно развел руками он. — Подписку давал о неразглашении. Но там ничего интересного не было, — скривился парень, словно раскусил что-то острое и неприятное на вкус. — Куча людей погибла...

— Только раздражил любопытство, — вздохнула девушка. — Но подписка, есть подписка — пытаться не буду, — пошутила Анна. — И чем же тогда займешься, если работу искать не планируешь, учиться тоже, как понимаю, не особенно жаждешь?

— Думаю, — почесал подбородок он. — Учиться как раз буду... Не в институте конечно. Но учиться чему-то новому мне нравится.

— А почему не в институте? — удивилась девушка. — Чем институт плох?

— Не плох. Наоборот — очень хорош, — пожал плечами Лео. — Просто, пока хочу пожить свободным. Без расписания занятий, зачетов, экзаменов, сессий. А поучиться я могу и по твоим конспектам, — улыбнулся он.

— Нахал, — обвиняюще ткнула в его направлении вилкой Анна.

— На том стоим, — улыбнулся парень.

* * *

Новопитер — город большой. Его население давно перевалило за десять миллионов жителей. Более того, этот город можно по полному праву назвать столицей планеты Терра. И как любой большой город, да и вообще город, Новопитер имеет, как «лицо», так и «изнанку». Некую теневую жизнь, которую видят только те, кто «в теме».

И вот один из примеров «изнанки»: совершенно незаконная арена для проведения боев без правил. В том числе и до смерти бойца. Естественно тотализатор, ставки...

В центре пустующего ангара архаичная железная клетка пять на пять метров площадью и пять же метров высотой (не ради функционала, но ради красоты). В клетке бойцы, вокруг клетки зрители. Музыка, крики, комментатор...

Входят в клетку двое, выходит один. Вот и все правила. Естественно, оружие с собой в клетку не берут... обычно. А так, всякое бывало: иногда, даже с пистолетами, лазерными и даже со старомодными огнестрельными, дуэли устраивались (правда для этого клетка бронировалась ферритом, чтобы шальная пуля или луч зрителей не зацепили), не говоря уж о самом разнообразном холодном оружии. Шоу должно продолжаться, и если зрители хотят видеть кровь, то кто-то непременно ее им покажет. Такой вот простенький закон жизни, хоть и неприглядный, но действующий: спрос рождает предложение.

С одной стороны в клетку вошел невысокий, коротко по-военному стриженный юноша, с кроткой, слегка смущенной улыбкой и глазами ангела, как их себе представляют из покон веков верующие. Светлый и располагающий.

— Встречайте новичка нашей Арены: Лео! Парень молодой, но подает очень большие надежды! Поприветствуем смельчака, возможно, он даже уйдет сегодня на своих ногах... — оптимистично представил его комментатор.

С другой стороны вошел хмурый мужчина, на голову выше парня, лысый и с неприятным шрамом на щеке. Заметно было, что боец опытный, тертый жизнью, серьезный. Превосходил пацана он не только ростом и возрастом, но и шириной плеч, телосложением. Вообще выглядел внушительнее.

— А теперь, любимец публики, можно сказать, ветеран боев — Злыбыдееень! — растягивая гласные, прокричал комментатор. — Делайте ваши ставки, господа! Новичек против ветерана, юность против опыта! Ангелочек против матерого демона!.. — продолжал он накручивать толпу. Бойцы сошлись в центре клетки и замерли на расстоянии двух шагов друг от друга. Злыдень хмурился, Лео смущенно улыбался.

Прозвучал гонг и бой официально начался.

И почти тут же кончился. Юноша, не меняя выражения лица, метнулся к противнику, заходя немного левее, а затем как-то уже оказался сверху противника, на его плечах в некотором хитром захвате, короткий влажный хруст и соскок с падающего тела. Все —

Злыдень умер. Ангар мгновенно накрыла ошарашенная тишина: слишком быстро, слишком безжалостно, слишком неожиданно... А особенную нереальность произошедшему придавал, смущенно чешущий затылок, юноша с глазами ангелочка, стоящий над трупом только что убитого им бойца.

— Внезапно, но... победитель — Лео!!! — первым пришел в себя комментатор. Вслед за ним криками взорвались и все остальные зрители. И в большинстве своем — криками восторга.

Затем новый бой, новый противник и старый победитель. Точно так же быстро, жестоко и эффективно. Зал уже просто неистовствовал.

Еще один бой — еще один труп.

И следующий...

И еще один...

И опять...

Юноша с глазами ангелочка не уходил из клетки, ожидая очередного боя. Вот только входить к нему никто не спешил. Умирать что-то желающих больше не было. Прошла минута, две, три...

Юноша пожал плечами и вышел.

— Ммм... Лео, — обращался к юноше с глазами ангелочка и смущенной полуулыбкой администратор боев, невысокий, полнеющий мужчина неопределенно-среднего возраста, выкладывая перед ним деньги на стол.

— Что-то не так? — осторожно спросил юноша, с искренней тревогой в голосе.

— Эмм...

— Но ведь я победил, да?

— Конечно победил, — поднял в защитном жесте руки перед собой администратор. — Деньги твои, Лео! Никто не оспаривает, все честно...

— Но? — уловил недосказанность Лео, не спеша прикасаться к деньгам.

— Понимаешь, Лео... — попытался начать объяснение администратор. — Ты убил шесть бойцов меньше, чем за десять минут... Тут так... не принято... — трудно подбирать слова, когда на тебя внимательно смотрит глазами ангелочка юноша, который только что с точно таким же взглядом голыми руками убил шесть человек. Тяжело они подбираются, когда страх холодными пальцами касается сердца. Вроде бы понимаешь умом, что не кинется, не нападет, что есть охрана, что ты в безопасности... Но это умом.

— Я не понимаю, — огорчился юноша. — Это ведь бои без правил, верно?

— Верно, — кивнул администратор.

— Незаконные бои без правил до смерти бойца?

— Верно, — снова кивнул администратор, на лбу которого сами собой выступили бисеринки пота.

— Я вошел в клетку и убил своего противника, — без всякой угрозы, с искренним желанием понять, продолжал спрашивать юноша. — Что не так-то?

— Слишком быстро... — словно прыгая в ледяную воду, выдохнул администратор.

— Слишком быстро? — снова не понял, что от него требовалось, юноша. — Но ведь, чем быстрее, тем лучше? Меньше вреда успеет причинить враг, меньше шанс получить урон самому... Также быстрое и безжалостное убийство оказывает серьезное деморализующее действие на оставшихся в живых врагов, являясь одним из видов психологического давления и психической атаки. Убивая быстро, демонстративно и без колебаний, можно вообще

обратить в паническое бегство значительно превосходящего по численности противника при прямом зрительном контакте, особенно, если начинать с лидера или наиболее сильных особей. Можно еще давить на психику, изображая садистическое наслаждение от процесса или имитируя признаки сумасшествия с маниакальным уклоном... Это же прописные истины — азбука боя!

— Это в бою, — от сочетания ангельской внешности, приятного голоса, наивного взгляда и прогматичной кошмарности того, что говорится этим юношей, а также от осознания того, что это совсем не пустые слова, администратора передернуло. — На арене совсем другие правила...

— Правила? — вновь удивился юноша. — В боях без правил?

— Неудачно выразился, — поспешил поправиться администратор. — На арене должно быть шоу! Зрителей должно захватить происходящее!.. А ты, как сам только что сказал, оказал на всех «психологическое давление». Особенно на других бойцов...

— Но ведь это тоже азы! Победить дух противника, значит победить еще до боя! — все еще не понимал юноша.

— Да не будет больше никакого боя! — чуть ли не плакал уже администратор. — Не войдет больше никто с тобой в клетку!

— Правда? — заметно расстроился Лео. Он буквально пожух после этих слов. — Я все испортил, да?

— Да, — вздохнул сочувствующе администратор. Этот чертов «ангелочек» был настолько харизматичен, что против воли заставлял идти за его эмоциями. Когда улыбался он, то губы смотрящего на него человека так и норовили тоже расплыться в улыбке, когда грустил, то и у смотрящего на него человека начинали кошки скрести на душе...

— И теперь все? Никогда больше?...

— Ну, не в ближайший месяц точно, — повторил свой вздох администратор. — Да, именно! — сложил что-то в своей голове он. — Приходи через месяц, подберем тебе сильных противников. Сам-то, не боишься умереть? Фортуна переменчива!

— Смерть естественна, как дыхание. Вы же не боитесь дышать? — удивился вопросу юноша.

— Иди с Богом, парень, — махнул рукой администратор, решивший поберечь свои нервы и закончить этот разговор.

— Хорошо, — кивнул юноша. — До свиданья.

— Деньги не забудь, Ангелочек! — усмехнулся администратор.

— Неплохое прозвище, — задумался юноша. — Ангелочек Лео! Звучит?

— Звучит... Как кличка шлюхи, — хмыкнул администратор.

— Хм... — задумался юноша, затем просветлел лицом. — Пусть так! Мне все равно нравится! — сказал он, сгребая в небольшую матерчатую сумку с ремнем через плечо свой сегодняшний гонорар: восемь тысяч в рублях. Не малая сумма. Совсем не малая, учитывая, что за Звезду Героя в месяц Империя выплачивает всего семьсот пятьдесят, причем не тысяч, а просто рублей. Но юноша сгребал деньги равнодушно, словно простую бумагу, будто не видел в них ценности. А может и правда не видел — кто их, этих блаженных разберет...

На безлюдной слабоосвещенной подземной стоянке, через которую пролегал короткий путь из того ангара, где проводился бой, дорогу юноше преградила группа из шести, одетых в черные деловые костюмы мужчин. Пиджаки их оттопыривались с левой стороны весьма характерным образом, выдающим внимательному наблюдателю наличие пистолетов в оперативных кобурах. Тот мужчина, что стоял в центре группы, оружие не прятал. Наоборот, демонстративно похлопывал по ладони стволом мощного лазерного пистолета.

— Лео, Лео, Лео... — уверенным и норочито скучающим голосом начал он. — Жестокий мальчик, взявшийся ниоткуда! Поломавший многим такие хорошие планы... — юноша, молча остановился. И так же молча разглядывал представших перед ним мужчин. — Из-за тебя я потерял деньги! Много денег! Сто пятьдесят тысяч! И бойца... — в ярости выкрикнул старший этой группы. — И кто-то мне за это ответит!!! Ты мне за это от... — крик прервался сумкой юноши, внезапно влетевшей в лицо мужчины. Сам же юноша, выполнив длинный прыжок-кувырок-перекат, ни мгновения не сомневаясь перед ним, оказался ровно под ногами мужчины и, не поднимаясь, ударил того кулаком в пах. Затем быстрым движением подсек ослабевшие ноги.

Мужчина упал почти на юношу, тем самым загородив его своим телом от возможных выстрелов оставшихся на ногах товарищей упавшего (или скорее подчиненных). Далее парень перехватил руку мужчины с пистолетом и, не пытаясь вырвать сам пистолет, не тратя на это времени, пять раз выстрелил, нажимая своим пальцем на палец мужчины, лежащий на спусковом крючке пистолета.

Все эти действия не заняли и пяти секунд. По просшествии которых, с пола поднялся один только юноша. Все остальные были окончательно и безповоротно мертвы. Пять секунд: шесть выстрелов (шестым был контрольный, произведенный в голову предводителя практически в упор) — шесть трупов.

Юноша спокойно отряхнулся, подобрал свою сумку, пошарил в карманах убитых, насобирал из бумажников рублей триста наличными, сбросил их в свою сумку к остальным деньгам и спокойно пошел себе дальше.

Новый сосед Анны ушел «гулять» утром, после завтрака и не появлялся весь день. Девушка уже даже начала волноваться — не случилось ли чего. Вроде бы и совершенно чужой человек, а все одно жалко — красивый парень, наивный...

Но еще до того момента, как девушка дозрела до обзвона моргов и больниц, «блудный» парень вернулся. Часам к одиннадцати вечера.

— Ой! Что это с тобой?! — воскликнула Анна, всплеснув руками.

— Со мной? — удивился парень и окинул себя взглядом.

— У тебя кровь на лице! И рубашка порвана! — обличительно ткнула она в небольшую царапинку возле брови и разошедшийся на пару сантиметров шов на рукаве рубашки. — Ты что, дрался? На тебя напали?! Кто это был?

— Эмм... — растерялся юноша и почесал в затылке, смущенно улыбаясь.

— За что они тебя?! — продолжала сыпать вопросами девушка, уже усаживая парня на табуретку в кухне и доставая ватные палочки, перекись водорода и зеленку.

— Да, не бери в голову, — вяло попытался отмахнуться от распросов он. — Шел с подпольных боев без правил, меня попытались ограбить, я их всех убил, в процессе вот пряжкой сумки поцарапался. Забей.

— Все бы тебе шутить! — неодобрительно покачала головой Анна. — Терпи! Терпи, говорю! — требовала она, нанося на, уже обработанную перекисью, ранку «боевую раскраску» зеленкой и ватной палочкой. К слову, парень и не думал дергаться или шипеть, он спокойно терпел «издевательства». — Seriously, что случилось?

— Споткнулся на лестнице, дернулся, поцарапался, рубашку порвал, — вздохнул и сделал голос серьезным Леонид.

— Слава Богу! Я-то уже невесть чего себе напридумывала! — быстро, также, как и вспыхнула, успокоилась девушка. — А где ты вообще пропадал-то целый день? Если не секрет, конечно. Я волновалась.

— На подработку хотел одну устроиться, — погрустнел парень.

— И как? — заинтересовалась Анна, убирая медикаменты на места.

— Неудачно, — отозвался юноша. — В первый же день все испортил... Перестарался... Заплатить заплатили, конечно, но настоятельно просили ближайший месяц больше не показываться.

— Ну, заплатили — уже хорошо, — успокоила девушка парня. — А что за подработка?

— Развлекательные выступления на частных вечеринках, — ответил юноша. — И первое же выступление я завалил.

— Расстроился?

— Не то чтобы расстроился, — пожал плечами он. — Скорее уж меня это просто заело. Теперь дело принципа — научиться и суметь добиться успеха. Так что через месяц еще попытаюсь. Теперь уже с учетом своих ошибок.

— Вот как? — хмыкнула Анна, усаживаясь через стол от Леонида. — А говорил, что в работе не заинтересован.

— Так это и не работа вовсе. Так, развлечение, хобби, за которое еще и деньги платят. Чем плохо?

— И много платят? — поинтересовалась девушка, доставая кружку и наливая кипяток в

нее.

— На поход в театр завтра хватит, — улыбнулся юноша. — Составишь компанию?

— В театр? — изумилась девушка. — Ты серьезно?

— Вполне, — пожал парень плечами. — Я в книжках читал, что это интересно.

— В книжках?

— Ну да, — пожал плечами юноша. — В училище нас только в музеи водили, на экскурсии на заводы разные... Так что в театре и в опере я сам ни разу не был. Но в книжках читал про это.

— В книжках? — еще раз, с совершенно непонятной интонацией и выражением лица спросила Анна.

— В книжках, — перестал улыбаться Леонид. — А что, я так сильно непохож на человека, который читает книжки? Или... похож на человека неумеющего читать вовсе?

— Ну... — красноречиво отвела взгляд она. — Не похож ты на книжного мальчика.

— А на кого похож? — заинтересовался он.

— На спортсмена, пожалуй, — отозвалась она. — Легкоатлета или гимнаста...

— Я скрипач, — улыбнулся юноша.

— Врешь, — отмахнулась Анна. — Скрипкой такие мышцы не накачаешь!

— Мышцы? — удивился он.

— Не прикидывайся. Я утром мимо комнаты твоей проходила, ты дверь забыл закрыть.

— А причем тут мышцы? — не понял Леонид.

— Ты в одних трусах стоял кверху ногами и отжимался от пола. По центру комнаты. Ни на что не опираясь...

— И? Обычная разминка, — пожал плечами юноша.

— И мышцы все были очерчены круче, чем в анатомическом атласе! И это не мышцы скрипача!

— Между прочим, в прошлом году я занял второе место в Конкурсе Исполнителей имени Ванессы Мэй! — немного обиженно ответил Леонид.

— Что за конкурс такой?

— Большая Имперская Консерватория планеты Москва каждый год проводит в своих стенах конкурс среди скрипачей-победителей региональных конкурсов в день рождения великой исполнительницы конца двадцатого века Ванессы Мэй, — пояснил юноша.

— И ты там занял второе место? — недоверчиво спросила Анна.

— Да, — не без гордости сказал он. — У меня и сертификат есть с медалью за второе место. А если интересно, то в интернете должна быть трансляция с конкурса. Событие же не маленькое. Там мое выступление записано должно быть.

— Сыграешь? — сдалась девушка. Уж очень убедительно говорил Леонид.

— Прямо сейчас? — удивился он, глянув на часы. Те показывали без двенадцати полночь. — Соседи, думаю, не оценят, — скептически хмыкнул юноша.

— Пожалуй, — сразу скисла Анна, представив возможную реакцию. — Но, признай — ты спортсмен! Пусть и скрипач, но кроме того все равно спортсмен!

— Ладно, — «тяжко» вздохнул юноша. — Фехтовальщик-саблист я. Чемпион училища.

— Вот! Вооот! — победно вскинула она палец. — Говорила же — скрипкой так не накачаешься!

— Пусть так, — улыбнулся, соглашаясь, Леонид. — Так что на счет театра? Составишь мне компанию?

— Мне, вообще-то готовиться к поступлению надо, — задумалась она.

— Готовься, — пожал плечами он. — Кто же мешает-то? День весь в твоём распоряжении. Могу даже помочь, если хочешь. Погоняю по материалу, поспрашиваю. А в театр идти все равно только вечером. Так, как?

— Ладно, — решила Анна. — Идем. Но с мат. анализом ты мне завтра поможешь!

— Без проблем, — солнечно улыбнулся юноша. — Утром схожу на пару часиков на тренировку, и весь остальной день я в твоём распоряжении!

— Все! Я тогда пошла спать! Не то завтра буду как пожеванная тряпка! Пока-пока!

— Пока, — пожал плечами парень.

* * *

— Кто такой, этот «Ангелочек», — спрашивал немолодой уже, начинающий сесть, мужчина в дорогом костюме, с большой серебрянной печаткой на пальце, попивающий, попижонски отставив мизинчик, кофе из маленькой белой фарфоровой чашечки.

— Не знаю, — пожал плечами администратор подпольных боев без правил, стоящий перед столиком, за которым пил в плетеном кресле свой кофе первый мужчина. — Он как-то сам умудрился выйти на меня через Жоржика Липку. Как тот рассказывает: прижал его в подворотне на точке, где он наркоту толкал распространителям и вытянул из него место проведения боя. А там сразу подошел ко мне и напросился в клетку.

— И он на самом деле настолько хорош? — отхлебнув маленький глоточек из своей чашечки, поинтересовался первый мужчина.

— Более чем, — возбужденно начал администратор боев. — Злыдня уделал меньше, чем за три секунды. Гробовщика за две. А Скалу вовсе убил одним точным ударом, пробив голой рукой горло в районе сонной артерии.

— И сколько всего бойцов он убил?

— Шестерых за десять минут. Больше против него никто не решился выйти, — отчитался администратор боев. — И, насколько я слышал, на выходе его Коготь со своими людьми подкараулил — рассчитаться хотел, круглую сумму проиграл из-за него... Так вот, их утром мертвыми нашли. Всех шестерых. Полиция расследование ведет, но как мне шепнули: там ни следов, ни улики, ни видеозаписей не осталось.

— А фотографии этого Лео у кого-то остались?

— Нет, — пожал плечами администратор. — Бои были настолько быстрыми, что никто из зевак не успел камеру включить. Да и не принято это у нас как-то... Можно и по шее получить за съемку — не в бирюльки чай играем. Попадет такая запись к властям — проблем не оберешься.

— Что ж, — снова отпил маленький глоточек богато одетый мужчина. — «Ангелочек» этот точно не из легавых — те стараются не убивать, даже под глубоким прикрытием, тут же: двенадцать жмуров за один день. Даже СИБ так не работает. Так что и не из тихушников он... Думаю, с ним можно работать.

— Я тоже так подумал, — сказал администратор боев. — Поэтому и пригласил его приходить через месяц, когда шум немного поуляжется.

— И ты хочешь выставить его против Касселя? Я правильно тебя понял?

— Именно.

— И на кого советуешь поставить?

— На «Ангелочка», конечно!

— Так ведь Кассель тоже не пальцем деланный. Он в боях уже пятый год участвует. И еще ни одного поражения. Уверен ты в этом Лео? Ведь разговор, как я понимаю, идет о действительно крупных ставках. Сколько, кстати, планируешь?

— Я на пятьсот рассчитываю, минимум. О парне ведь практически никто не знает пока. Можно Лабертовского на слабо взять — он своим Касселем гордится, хвастается постоянно. При каждом удобном случае твердит, что тот непобедим.

— Ладно, поверю твоему чутью, Василий, — отставил чашечку мужчина в дорогом костюме. — Попробуем растрясти Лаба... Но что будет, если парень не появится через месяц?

— Думаю, что появится. Просто уверен в этом!

— Ну смотри, Василий. Репутацией своей ответишь. А то и головой!

— Я тебя убью, Лео! — тихо и вкрадчиво сказала идущему рядом Леониду Анна.

— Зачем? — ощутило напрягся юноша, словно действительно ожидал, что девушка прямо сейчас достанет из сумочки пистолет и примется выполнять свою угрозу.

— Затем, что это ты мне все время твердил: «Не парься, не парься...»! А в результате оказалось, что под словом «театр» ты подразумевал не какой-нибудь дом культуры с самодеятельностью или учебный театр одного из институтов, а именно Новопитерский Большой Драматический Театр!!!

— И что? — не понял парень. — Не театр разве? Не вижу связи и причин для убийства. Зачем убивать?

— Затем, что мы тут словно белые вороны!!! Все вокруг в костюмах и вечерних платьях, а мы... — от возмущения девушка не нашла даже подходящего слова, чтобы выразить всю глубину владеющего ей чувства.

Юноша непонимающе осмотрел себя и свою спутницу: сам он был одет в легкие бежевые брюки со светло-коричневым ремнем, бежевую приталенную рубашку с коротким рукавом, расстегнутую на две верхних пуговицы и макасины под цвет остальной одежды, надетые поверх белых носков; спутница его была в белой блузке и светлых классических брюках, на плече несла светлую же дамскую сумочку на длинном тонком ремешке. Волосы у нее при этом были заплетены в простую косу до середины спины, прихваченную на конце зеленой резинкой.

Юноша пожал плечами.

— Ну и что? Слегка выделяемся, но ведь и задачи слиться с толпой, оставаясь максимально незаметными не было.

— Но мы выглядим глупо! — не решаясь, повысигать голос, чтобы не привлечь еще больше внимания, угрюмо сказала девушка.

— Да? — задумался юноша. — Ты так считаешь? — оттянул пальцами отворот своей рубашки и посмотрел на него Леонид. — Нормальная же одежда? По фигуре и по сезону. Не рваная, не мятая, не грязная... Что не так-то? Зачем убивать?

— В том и дело, что она «нормальная»! — выдохнула Анна. — Обычная, повседневная... А должна была быть празднично-выходной! Дорогой и красивой!

— Между прочим, моя рубашка двести рублей стоит. Не назвал бы я ее дешевой, — заметил юноша, поправляя указанный предмет одежды. — А макасины сто восемьдесят.

— Двести рублей?! — уставилась девушка на своего спутника. — За рубашку?

— Она мне понравилась, — пожал плечами юноша. — Сегодня утром мимо магазина шел, в витрине увидел и она мне понравилась, как раз под брюки подходит. Макасины там же присмотрел, а то старые маловаты мне стали, как-никак год назад покупал, подростка немного.

— Брюки-то тогда сколько же? Рублей пятьсот?

— Почему пятьсот? За десять взял.

— Ты точно ненормальный! — вздохнула Анна.

— Почему? — терпеливо уточнил юноша. — Мне понравилась вещь, и я ее купил. Что в этом ненормального?

— Ненормально к дешевым брюкам подбирать дорогущую рубашку и наоборот, —

вздохнула девушка.

— А как нормально? — с выражением глубочайшего внимания на лице уточнил он.

— Нормально, когда к дешевым брюкам подбирают дешевую рубашку или к дорогой рубашке дорогие брюки. Нормально, когда весь наряд выдержан в одной ценовой категории. Это нормально.

— А если мне нравятся именно эти вещи? Если мне в них удобно и комфортно?

— То менее странным и эксцентричным оно от этого не выглядит, — устало закончила она. — И вообще, не дороговаты вещички для человека, живущего на одну пенсию и пособие?

— Ну, не голодаю пока. А прижмет — устроюсь куда-нибудь.

— Смотри, твоя жизнь, — вздохнула девушка, глянула на себя, вокруг и снова скуксилась. — Блин, все пьются!

— Да не бери в голову, — отмахнулся Леонид, беря девушку под руку. — Никаких законов и норм приличия мы не нарушаем. Так что не парься, пойдём места свои в зале поищем.

— Пошли, — почти смирилась с происходящим Анна. — Там хоть свет выключат...

* * *

— Партер в Новопитерском Большом Драматическом Театре значит... Два места... — голосом человека, уставшего уже удивляться, констатировала Анна, увидев куда они пришли, и какие места указал, как их, ее спутник. — Боюсь даже предположить, сколько это стоит.

— Две сотни за билет, — пожал плечами юноша.

— И это на заработок с одного единственного провального дня «подработки»? — уточнила девушка.

— Ну... У меня был очень сложный номер.

— Ты вообще знаешь, что средняя зарплата по городу — двести пятьдесят рублей в месяц. В месяц!

— Значит мне повезло, — пожал плечами парень. — Легко пришли — легко ушли. Не парься. Давай лучше получать удовольствие от того, за что уже заплачено. Я, честно говоря, давно уже хотел посмотреть «Гамлета» на этой сцене. Возможности раньше не было. Шекспир — классика классики. Не порть момент упоминанием о бренном!

— Все, умолкаю-умолкаю, — невольно разулыбалась Анна, глядя на одухотворенное лицо своего спутника, готовящегося увидеть чудо. Он так напоминал в этот момент ребенка, которому вот-вот покажут сказку, что не мог не вызывать умиления.

Большой ребенок. Именно так и ни как иначе. Какие могут быть с ребенком разговоры про деньги? Судя по всему, он до сих пор не понимает толком, что это такое. Знать, знает, но понимания, именно глубокого, приобретенного через опыт их зарабатывания, не имеет. Так что: увидел в витрине рубашку, понравилась — вывалил за нее месячный заработок среднего горожанина. Захотел посмотреть спектакль — выбрал самые лучшие места в лучшем театре на планете, и плевать сколько это стоит, главное — сказка!

Вот только одно странно — откуда же у него на все это деньги взялись? Что это за «выступления на частных вечеринках» такие, что за них платят такие суммы? И может быть расцарапанная бровь была совсем не от падения на лестнице?

С такими мыслями Анна уселась на свое место, рядом с Леонидом и приготовилась смотреть спектакль, тем более, что прозвучал третий звонок, и в зале погас свет.

* * *

Возвращались из театра пешком. Леонид, конечно, предлагал вызвать такси «и не париться», но Анне хотелось прогуляться. Да и Леонид не возражал, оба они были переполнены эмоциями и впечатлениями от просмотра спектакля. И с удовольствием вываливали их друг на друга.

Путь был не близкий, время позднее, холодало. Леонид предложил завернуть по пути в пиццерию покушать и погреться. Предложение было рассмотрено и сочтено приемлимым. И даже горячо поддержано, после того, как Анна вспомнила о наличии отсутствия в их квартире какой-либо готовой еды, а в холодильнике достаточного запаса продуктов быстрого приготовления. А тот факт, что Леонид обладает буквально-таки антиталантом в кулинарии, однозначно определял, того, кто должен будет на них двоих готовить.

Так что в голосовании по вопросу: покушать дома или в пиццерии, ее голос был за пиццерию.

— Кажется я определился со своими планами на будущее, — между прочим, запив кусок пиццы томатным соком, заметил Леонид.

— Серьезно? — удивилась Анна, отставляя в сторону свой бокал с молочным коктейлем. — Поделишься?

— Почему бы и нет? — пожал плечами юноша. — Только чур не смеяться!

— Даже так?

— Именно так.

— Ладно, постараюсь, — убрала с лица улыбку девушка, но в глазах продолжали искриться искорки веселья.

— Я хочу когда-нибудь сам сыграть на этой сцене! — торжественно, как страшнейшую тайну, открыл ей Леонид.

Девушка сдержалась, не позволив себе расхохотаться в лицо спутника, но прикрыв лицо руками, все же хихикнула. Затем руки убрала.

— Ты серьезно? Извини, не могу тебя представить на сцене. Совсем не получается.

— Ничего, не Боги горшки обжигают, — не обиделся юноша. — Я ведь понимаю, что мгновенно ничего не делается, что всему надо учиться, а к мечте идти долго и упорно, преодолевая сотни и сотни препятствий на своем пути. Но тут ведь главное не отступать и не сдаваться.

— Но тогда тебе придется поступать в театральный институт, а ты вроде бы не собирался?

— Тогда у меня не было задачи, — пожал плечами Леонид. — Теперь задача есть.

— Но туда попасть еще надо. Насколько я знаю, там чуть-ли не десять человек на место...

— Что ж, значит надо начинать готовиться, лопатить литературу, нанимать репетиторов, начинать ходить в театральные студии... Работы предстоит много, но задача поставлена — и это главное. Я думаю так.

— Что ж, значит свободного времени теперь у тебя поубавится...

— Что ж, да будет так! Я решил!

У полковника Сомова день не задался с самого утра. Вроде бы ничего серьезного, но мелочи действующие на нервы... Сломался компьютер в кабинете, пропала любимая перьевая ручка с золотым пером со стола. Обнаружилась в запертом сейфе. Да не просто так, а с потекшими из нее чернилами. И чернила эти залили половину бумаг в этом сейфе.

Вот вроде бы давным-давно наступила космическая эра, всеобщая и всеобъемлющая информатизация и оцифровка, а самым надежным носителем информации все равно остается бумага. Пусть от первоначального состава в ней нынче осталось одно лишь название, все натуральные компоненты навроде целлюлозы заменены синтетическими, но форма, цвет, плотность, форматы, свойства остались примерно такими же. И все важные приказы и документы с маниакальным упорством продолжали печататься на ней, не смотря на то, что существуют уже сотни лет и электронные подписи, и крипто-метки и «электронные печати»... Но бумажному документу все одно до сих пор верят больше.

В довершении «великолепного» дня, сломался служебный флаер. Причём сломался серьезно, так, что пришлось его гнать на ПТОР. И даже там не брались сказать, когда именно флаер вернется в строй.

Сомов выдал по первое число и водителю, и ремонтному взводу, и вообще всем, кто подвернулся под руку. Плюнул на все и пошел домой пешком, благо жил он буквально в десяти минутах от училища.

Вот только время было уже позднее. Солнце село, и город накрыли сумерки. А в одном из узких проулков, через который пролегал путь полковника, вообще были испорчены три из четырех уличных фонарей освещения. Вот спрашивается как? Они же все антивандальные, простым камнем не сломаешь, и рогаткой не разобьешь, да даже мощная пневматика, до сих пор популярная у подростков и молодежи, пасует перед этой задачей. Но вот он факт — три из четырех фонарей испорчены.

Сомов только покачал головой. Но в следующий момент остановился под единственным уцелевшим источником света в этом переулке. Впереди темнел человеческий силуэт. Фигура не высокая, мужская, руки убранные в карманы брюк. И стоит этот самый силуэт ровно по середине прохода. А еще веет от него угрозой. Не просто так он тут стоит. Вовсе не просто так. Ждет. И почему-то полковник был уверен, что именно его, Сомова ждет.

Сомов остановился. Силуэт медленно двинулся на встречу. Спустя минуту вошел в круг света. И натренированная за долгую военную карьеру «чуйка» просигналила полковнику, что все неприятности этого дня лишь готовили его морально к этой встрече.

В круг света вошел бывший кадет Жестянкин. Одет он был в легкую рубашку и светлые брюки. Гражданскую рубашку и гражданские брюки. На голове его покоилась кепка, придающая в сочетании с руками засунутыми в карманы вид нарочито хулиганский, агрессивный, который дополняла зубочистка, зажатая между зубов юноши.

Мужчины молча стояли и смотрели друг на друга.

— Ну здравствуй, полковник, — перекинув зубочистку в другой угол рта, сказал Жестянкин.

— Здравствуй, Леонид, — настороженно ответил на не слишком вежливое приветствие Сомов. Ничего хорошего от этой встречи он не ожидал. И жалел о том, что оставил свой табельный пистолет на работе в сейфе. Вот именно сейчас он бы сильно пригодился

полковнику, хотя бы просто ободряя и придавая уверенности, которой почему-то в данный момент не было. Не то, чтобы боевого полковника ВС Империи пугал какой-то сраный молокосос, подкарауливший его в темном переулке. Нет. Но это был не просто молокосос, это был Жестянкин. Ленька Отмор, харизматичная сволочь, лидер курса, Чемпион училища, не раз и не два поднимавший «восстания» против несправедливости и произвола Преподавателей. И самое противное, что каждый раз добивавшийся своего. Два Преподавателя в результате этих «восстаний» вынуждены были уволиться из стен училища. А один несправедливо уволенный восстановлен в правах и в должности.

В тот момент, когда Сомов подписывал приказ об исключении его из Училища, то ожидал взрыва, очередного «восстания». И насколько он был осведомлен, «волна» начала подниматься, но остановил ее сам Жестянкин. А потом была тишина.

Тихо подписал обходной лист, тихо сдал форму и имущество, тихо получил документы и тихо ушел.

Четыре дня прошло. И вот он здесь. И все существо Сомова говорит о том, что ничего хорошего от этой встречи ждать не приходится. А уж в то, что она случайна, не поверил бы и самый наивный в мире человек.

— Тебе повезло, полковник, — сказал Жестянкин, пожевав зубочистку.

— В чем же? — напрягся еще сильнее Сомов.

— Твоя дочь тебя очень любит.

— При чем тут это?

— Сашка взяла с меня слово, что я тебя не трону, — вздохнул Жестянкин. Было заметно, что это обстоятельство бывшего кадета очень расстраивает.

— И это тебя остановит? — приподнял бровь в скептическом жесте Сомов.

— Да, — серьезно ответил Жестянкин. — Сашка — мой друг. И это очень много для меня значит.

— Только друг? Ничего больше?

— Именно, полковник, именно. Если ты про секс и романтику, то скажу прямо — не было ничего между нами. Я слишком ее уважаю, чтобы так поступить.

— С трудом верится, — ответил немного расслабившийся Сомов.

— Дело твое. Не собираюсь ничего доказывать. Я сказал — ты услышал. Точка. Живи, полковник, — припечатал Сомову к груди старомодную папку с бумагами Жестянкин и прошел мимо.

Сделал он это как-то так, ни быстро, ни медленно, что Сомов не смог отреагировать и как-то защититься либо оттолкнуть руку бывшего кадета.

Мужчина взял переданную ему папку и недоуменно на нее посмотрел.

— Полковник! — прозвучал отклик отошедшего на несколько шагов Жестянкина. Сомов обернулся. — Лови, кажется это твое, — и юноша кинул что-то маленькое. Полковник автоматически поймал. Затем раскрыл кулак и увидел в нем колпачек от той самой ручки, что протекла чернилами сегодня в сейфе его кабинета. Сомов недоуменно поднял глаза, но переулок был уже пуст в обе стороны. Никого. А в следующее мгновение включились все три «испорченных» фонаря.

Сомов убрал колпачок в карман и открыл папку. Несколько минут он вчитывался в строки, затем прислонился спиной к фонарному столбу и медленно по нему съехал.

В папке было все: вся грязь, все мелкие и не очень грешки Сомова и его подчиненных, за которые ему пришлось бы нести ответственность, все финансовые документы по

растратам и нецелевому использованию средств, по списанию боеприпасов и вооружения с военной техникой, по даче взяток и «магарычей» разнообразным проверяющим, контролирующим и должностным лицам. Все! Каждая мелочь, казалось бы давно и надежно упрятанные в воду концы... Где, когда, сколько, за что, с кем и кому.

Отдай Жестянкин эту папочку не Сомову, а военному прокурору, и Сомов пошел бы под суд в тот же день. Не один Сомов. Что только ухудшило бы положение.

Не то чтобы нынешний Начальник Училища был настолько плохой человек, взяточник, растратчик и преступник. Нет, ни в коем случае. Наоборот, он был намного честнее, порядочнее и добросовестнее большинства. Но дело в том, что работал-то он в системе. С этим самым большинством. А система во все времена работала по принципу «не подмажешь, не поедешь». И соответственно, чтобы делать что-то, что угодно, просто чтобы держать на плаву Училище и себя, приходилось обходить, заступать, преступать, мутить...

По-человечески он ничего плохого не делал. Но прокурор судить будет не по-человечески, а по Закону...

Вот уж действительно не подвела «чуйка». Жестянкин...

Ведь не одного дня работа в этой папке. Даже не одного года. Выходит этот твареньш затаил злобу на Сомова с самой первой встречи... Значит воспринял предупреждение полковника не по детски серьезно. И все эти годы копал, собирал, следил... Можно сказать держал пистолет у затылка полковника, ожидая лишь малейшего повода, чтобы «спустить курок»...

Не зря, каждый раз, как Сомову случалось общаться с Жестянкиным, у полковника возникало ощущение, что он держит в голых руках скорпиона или смертельно ядовитого паука. Одно неосторожное движение и укусит.

И вот он «укусил». Точнее всего навсего «показал жало», но Сомову этого хватило.

Полковник полез в карман за платком и наткнулся на колпачок, что кинул ему на прощанье бывший кадет. Он достал этот колпачок и присмотрелся. В колпачке лежала записка.

«Папка существует в единственном экземпляре. Все данные, что в ней удалены из всех баз данных СИБ и надзорных органов. Живи, полковник. Скажи спасибо дочери. Если б не она...»

Вот так вот... «Удалены из баз СИБа и надзорных органов». Совсем не простой кадет был Жестянкин. Не просто так его СИБ при поступлении пропустил. Не просто так...

И тут Сомова прошиб холодный пот: «удалены», это значит, что они там были! Значит руку на его горле держал не только Жестянкин. Все эти годы он, полковник Сомов был значит под колпаком у безопасников, даже не зная об этом, думая, что все шито-крыто...

Сомов медленно поднялся и походкой усталого, старого человека поплелся домой, где ждали любимая жена и не менее любимая, а как недавно выяснилось, еще и очень любящая дочь, отведшая от отца «жалю скорпиона» страшного мальчишка с глазами ангелочка Жестянкина Л. В.

На следующий же день собственноручно написанный рапорт полковника Сомова с просьбой об отставке лежал на подписи у Командующего Округом.

В летней открытой кафешке за одним из столиков, попивая сок, сидела девушка в легком светлом платье и широкополой белой шляпе. На вид ей было около шестнадцати лет, юная, с умными карими глазами и упрямо вздернутым носиком.

К ее столику подошел парень в светлых рубашке и брюках. На голове у него была плетеная соломенная шляпа сделанная по типу ковбойских. Он, не спрашивая разрешения, отодвинул свободное кресло и с наслаждением в нем развалился, приспустив на глаза шляпу.

— Сань, закажи мне соку, а? — приподнял край шляпы так, чтобы видеть собеседницу, он.

— А сам чего? — продолжая потягивать сок через трубочку, ответила девушка.

— Мне лениво, я так хорошо устроился, — протянул он.

— Так и быть, — с притворно тяжким вздохом согласилась девушка. Она сделала знак официанту. Тот подошел и принял заказ.

Меньше, чем через минуту, перед юношей на столе красовался такой-же стакан с соком. Только у девушки сок был оранжевый, а у парня зеленый.

— Доволен?

— Счастлив! — отозвался он, втягивая первый глоток. — Ты ангел, Саня! Прекрасный и милосердный! Сок фейхоа в такую жару — именно то, что нужно изнемогающему от жажды ребенку!

— Хватит поясничать, — немного сердито сказала девушка. — Ты уже не ребенок! И твои глазки ангелочка обманут кого угодно, только не меня.

— Я тебя чем-то обидел? — сел в своем кресле нормально и поправил шляпу парень.

— Ты обещал мне отца не трогать!

— Я и не трогал, — недоуменно ответил юноша. — Даже пальцем к нему не прикоснулся.

— Он вчера домой вернулся, словно с края могилы! Маму чуть в объятьях не раздавил, передо мной битый час извинялся, а у самого руки трясутся. Утром написал рапорт на увольнение и повез его в штаб округа. Что ты с ним сделал?!

— Ничего такого. Просто отдал весь компромат, что насобирав на него за эти годы. И велел тебя благодарить, что я ему его отдал, а не прокурору.

— И много там компромата было? — с подозрением уставилась на юношу девушка.

— Не особенно. Лет на десять общего режима с запретом занимать должности на государственной службе. Ничего особо серьезного, он у тебя честный служака.

— Десять лет?! Это по-твоему ничего серьезного?!

— Да там в основном дача взяток, кое-какие махинации со списанием вещевого имущества и энергоносителей. СИБу он особенно интересен не был, так что серьезных подстав ему не устраивали. Ты бы видела, что такое СЕРЬЕЗНЫЙ компромат!

— Даже и знать не хочу! — снова взялась за свой стакан девушка. — А если бы у него сердечный приступ случался?! Ты об этом подумал?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Подумал. У него медкоммисия только на прошлой неделе была. Я результаты посмотрел — сердце, как у быка, давление в норме, нервная система крепкая...

— Какой же ты все-таки расчетливый, циничный монстр, Леня, — со смешанной

интонацией сказала девушка. — У него же седина на висках за один вечер в двое больше стало!

— Ну, прости меня, Сань. Не мог я без ответки его выходку оставить. Просто не мог. Это был бы уже не я.

— Но я же тебя попросила, ты слово дал!

— Так ничего действительно плохого я ему не сделал: он жив, он на свободе, весь компромат в единственном экземпляре у него на руках, все следы во всех базах я потер. Он теперь чист перед законом, как младенец. У него теперь даже штрафов за неправильную парковку флаера нет в личном деле! А то, что я ему открыл глаза на реальное положение дел, так лучше я, чем эсбэшники, как считаешь?

— Довел мне отца до нервного срыва, — все еще дуясь, ответила девушка.

— Думать в следующий раз будет, прежде чем делать, а не наоборот.

— Скажи честно, Лень. А если бы это не был мой отец? Если бы это был просто Начальник Училища? Посторонний человек?

— То он не успел бы меня отчислить. Его бы арестовали еще на подходе к кабинету, а в СИЗО он бы покончил с собой, повесившись на сплетенной из обрывков собственной рубахи веревке, чтобы не выдать своих сообщников и избежать мести семье с их стороны.

— Ты ужасен, Леонид, — тускло проговорила Саша Сомова. — И ты знаешь об этом.

— Знаю, — пожал плечами юноша и снова расслабленно откинулся в своем кресле. — И ты знаешь. Но почему-то продолжаешь со мной дружить. Почему?

— Я уже говорила: ты честен со мной. Никогда не обманываешь меня, даже если тебе это не выгодно. И я ценю это. Да и вообще! Не знаю я! Дружу и все тут! Девушка я или не девушка?! Я должна быть загадочной и нелогичной!

— Уж чего у тебя не отнять, так это нелогичности, — хмыкнул Леонид.

— Ладно, оставим моего отца в покое. Надеюсь, теперь ты удовлетворен и больше не будешь его трогать?

— Вполне, — отозвался юноша после глотка сока. — Я так-то его никогда в своих врагах и не числил. Наоборот, очень уважаю его как человека. Просто, если бы я ответку не сделал, меня перестал бы уважать он.

— Вечно вы, мужики, писюнами меряетесь! — наставительно сказала Александра. — А мы, женщины, страдаем от этого! Мать второй день себе места не находит. Волнуется, понять пытается, что случилось, помочь, поддержать...

— Что сделано, то сделано. Точка.

— Ладно, ты прав, — согласилась девушка. — Сам-то как? После того, как вышибли из кадетов? Нашел, где жить?

— Нашел, конечно, — улыбнулся Леонид. — Это оказалось проще, чем я думал: представляешь, у гражданских есть такая штука, называется «съемная квартира»!

— Знаю я про такую штуку, — невольно улыбнулась девушка. — Ты, между прочим, тоже не военный уже! Работу нашел?

— А зачем она мне? Денег еще со СКООНа запас наличкой почти полная сумка. Да еще и за Звезду Героя каждый месяц семь с половиной сотен приходит. Мне тут сказали, что средняя зарплата по городу — двести пятьдесят. Так что, как-то нелогично работу искать, не находишь?

— Логика... Ты как робот с этой своей логикой и эффективностью...

— Ты же знаешь, что с чувствами и эмоциями у меня проблема. Вот и остается логикой

руководствоваться.

— Знаю я, что у тебя компьютер вместо головы и система наведения вместо сердца. Знаю. Но это не значит, что я привыкла к этому.

— Главное я привык, — улыбнулся Леонид.

— Вот сейчас: это настоящая эмоция? Тебе правда весело?

— Хм... Ну, в этом месте разговора логично пошутить для смягчения жесткости фразы и некоторой разрядки атмосферы...

— Поняла я, не продолжай.

— Как скажешь, — отпил он из своего стакана еще глоток. — Но, заметь, я делаю успехи: даже ты начинаешь сомневаться, хоть и точно знаешь о моей проблеме.

— Чем заниматься-то думаешь, лицедей? — перевела тему девушка.

— А вот как раз лицедейством и займусь! — расплылся в задорной улыбке Леонид.

— То есть? — не поняла девушка и даже отставила на время свой стакан.

— Буду поступать в театральное училище! Чтобы когда-нибудь сыграть Гамлета на сцене Большого Драматического Театра! — аж встал со своего места и, задрвав голову к небу, воодушевленно сжал перед грудью кулак юноша.

— Что ж, сцена по тебе плачет, — улыбнулась девушка.

— Нет, Сань, ты не понимаешь, — сел на свое место и совершенно серьезным голосом начал он. — Я позавчера ходил на вечерний сеанс в Большой Драматический. И я действительно, на самом деле, что-то почувствовал! Они так играли на эмоциях зрителей, так их захватывали, что... Я не знаю, как это описать... Это словно электромагнитная индукция в неподключенном проводе, лежащем рядом с мощным трансформатором... Я, кажется, даже почти уловил СТРАХ... Представляешь?! Страх! А насколько все это будет ярче, когда я буду не сидеть в зале, а стоять на сцене?! Я хочу это испытать...

— Надеешься, что театр сделает тебя полноценным? — хмуро спросила девушка.

— Нет, — покачал головой Леонид. — Ты опять не понимаешь. Я не урод. Я не считаю себя неполноценным. Это мое преимущество — всегда холодная голова и ясный рассудок. Но это, как для вас выпивка или наркотики. Я могу так ПОЧУВСТВОВАТЬ что-то выходящее за рамки моей обыденности. Испытать что-то новое.

— Это еще более странно для меня. Люди наоборот пытаются совладать с эмоциями, охладить голову. А ты, лишенный этих недостатков человечества, стремишься их себе вернуть.

— Не вернуть! — наставительно поднял указательный палец юноша. — Иметь возможность ими насладиться. Это разница!

— Ладно, не насилуй мне мозг. Я — существо слабое, несовершенное, живущее эмоциями и меня это устраивает!

— Как скажешь, — легко отступился юноша. На какое-то время повисло молчание.

— Кстати! — вдруг осветилась пришедшей мыслью девушка. — Я узнала, откуда взялся твой позывной!

— В смысле откуда? Мне его куратор дал, — удивился Леонид.

— Нет, ты не понял! Откуда куратор его взял!

— Как откуда? Придумал.

— А вот и нет! Он его из манги взял!

— Манги?

— В Японии двадцатого-двадцать первого века, еще на старушке Земле, зародился

такой жанр искусства, манга. Это что-то вроде комиксов, с незначительными отличиями. И вот одно из произведений этого жанра называлось Фулметал Паник. На сегодняшний день является уже классикой. Переснимались фильмы и мультсериалы по нему уже больше сорока раз. И главного героя этой манги звали Сагара Соске. Сержант Сагара.

— А при чем тут мой позывной?

— Настоящее имя этого Сагары — Кашим! — торжественно произнесла Александра. — И он вылитый ты! Такой же ушибленный на голову малолетний убиватор! Советую посмотреть, кстати. В сети валяется, найти не сложно.

— Обязательно посмотрю. А над ним тоже опыты ставили?

— Нет, Сагара от природы такой придурошный. И в отличие от тебя, даже не маскируется под нормального. Вполне официально себе работает на спецслужбе. Людей убивает пачками, направо и налево. С супер-врагами борется. В девочку-школьницу влюблен взаимно. В общем живет полной жизнью.

— Я тоже живу полной жизнью! — слегка обиделся Леонид. — Просто сейчас у меня кризис самоопределения.

— Девчонку бы лучше себе нашел, неопределившийся!

— Ну, хочешь, тебя соблазню?

— Обломаешься!

— Это еще не факт, — зажегся энтузиазмом парень. — Я тут уже полгода Нейролингвистическим Программированием занимаюсь и психологией скрытых воздействий...

— Иди на хер, пикап-мастер блин!

— А что ты имеешь против? Сама же твердишь — найди девушку. Ты — девушка. Что не так?

— Я без любви не хочу! А ты, я точно знаю — ледышка бесчувственная, любить не способен!

— Но ты-то способна, — ничуть не обиделся Леонид. — Вот разожгу в тебе пламя страсти, раздую огонь желания, спровоцирую прилив нежности и тепла...

— Я взаимно хочу! — надулась Александра. — А от тебя, чурбана, взаимности не дождешься... Ты и не знаешь даже, что это такое — любовь...

— А ты знаешь?

— Нет, не знаю, — призналась Александра. — Я маленькая еще! Мне можно! А ты не полгода старше! Тебе нельзя!

— Я зависаю с твоей логики...

— Я девушка, мне можно!

— Пошли купаться? — предложил Леонид, решивший не запариваться и не ломать себе голову. — Тут пляж не далеко.

— Пошли, — согласилась Александра.

Юноша оставил на столе бумажку-купюру, и они вдвоем покинули кафешку.

Вечер похода в театр закономерно закончился в постели. У Анны в своей, у Леонида в своей. И нельзя сказать, что девушка была полностью довольна таким развитием событий. Нет, сказать, что она прямо уж так жаждала или вождедела Леонида, тоже нельзя, так как это будет ложью. Но то, что в случае проявления последним инициативы и настойчивости... не стала бы слишком сильно сопротивляться. Возможно. Или стала бы, все зависело бы от юноши: проявит он должную деликатность и романтичность или же пошлостью и грубостью отпугнет... Но! Но дело все в том, что инициативы парень не проявлял совершенно! Ни грубой, ни деликатной. Ни словом, ни полсловом, ни полвзглядом, ни намеком, ни тем более действием. Он оставался все так же весел, добродушен, вежлив, корректен, словно бы девушка в «этом» плане его не интересовала вовсе. Никак.

И это было обидно. Ведь парень Анне нравился. В том числе и в «этом самом» смысле: яркий, спортивный, красивый...

Утром же, сразу после завтрака Леонид убежал по делам. Вчерашняя мысль о поступлении в театральный институт, за ночь из его головы не выветрилась, а лишь, наоборот, окрепла.

Вернулся он во второй половине дня, схватил из своей комнаты какую-то папку и снова убежал, чтобы появиться вновь уже затемно и без нее. Зато с тортиком. И вновь — вечер ушел «в пустую»: разговоры, разговоры, разговоры... ни о чем.

Спать Анна отправилась ближе к часу ночи с легким чувством разочарования и неудовлетворенности.

Дошло до того, что девушка около трех по полуночи (проворочавшись пару часов без сна) встала и тихонечко заглянула в комнату Леонида, которую тот снова забыл запереть на шпингалет.

Вот только самого юноши там не было! Зато было открыто окно. Пятого этажа!!!

Анна также тихо подобралась к подоконнику и выглянула наружу. Увиденное ее поразило: блудный сосед обнаружился прямо тут же, во дворе, на снарядах детско-юношеского спортивного городка. И то, что он на них, одетый лишь в одни облегающие шорты и кроссовки с носками, творил было трудно-постижимо. Олимпийские выступления Чемпионов-гимнастов меркнут перед этим зрелищем. Как и выкрутасы матерых фри-трейсеров, паркурлистов с мастерами воркаута.

Причем делал он все прыжки, выходы, подкруты, упражнения, перевороты, перехваты легко, непринужденно и без всякого напряжения, словно это было элементарно и не требовало вовсе никаких усилий.

После этого дикого выступления он перешел к выполнению простых силовых упражнений, вроде отжимания на брусках и подтягивания на перекладине. Вот только отжимался он кверху ногами стоя на этих самых брусках, а подтягивался на одной руке. Сначала на правой, потом на левой. Причем на втором десятке повторений Анна сбилась со счета, а он все продолжал и продолжал. Затем был пресс и растяжка. Не менее впечатляющая. Продолжилось все чем-то из единоборств: завораживающие ката и «бой с тенью». В заключении парень просто убежал, неторопливым легким темпом вдоль по улице, в свете фонарей.

Анна, все еще под впечатлением от увиденного, осторожно покинула комнату соседа,

направляясь в свою. По пути она глянула на настенные часы — те показывали половину пятого утра...

Сон не шел. Так что Анна слышала, как в шесть утра скрипнула дверь соседней комнаты, а затем в душе полилась вода.

* * *

Утро для Анны было ужасным. Раздражающе-бодрая мелодия звонка будильника, запах паленого с кухни, удручающе-свежее и лучащееся энергией лицо соседа...

С окружающей жестокой к невыспавшейся девушке действительностью Анну смогла примирить только пицца, которая, оказывается, уже ждала ее на столе.

— Понимаешь, — на ее невысказанный вопрос, после того как пожелал доброго утра, ответил юноша. — Я не был уверен в своей способности приготовить что-то съедобное, поэтому решил подстраховаться и заказал пиццу по телефону.

— Основания для сомнений у тебя явно были, — подняла со сковородки крышку девушка и прокомментировала ее содержимое. — Чем это должно было стать по плану?

— Яичницей с колбасой и помидорами, — смущенно улыбнувшись, почесал в затылке юноша.

— В таком случае, я рада твоей предусмотрительности. Есть ЭТО без риска для жизни невозможно!

— Не ошибается только тот, кто ничего не делает, — пожал плечами Леонид. — Рано или поздно, но готовка мне покорится!

— И насколько же хватит твоего терпения?

— Не уверен, — задумался он. — Но экзамен по пилотированию я сдал с двадцать восьмого раза...

— С какого-какого раза?!

— С двадцать восьмого, — подтвердил, что она не ослышалась, юноша. — Правда Инструктор тогда просто физически перехватила у меня штурвал, просто сев сверху мне на колени и положив свои руки поверх моих, сама прошла всю экзаменационную трассу, после чего поставила мне зачет, выдала сертификат об успешном прохождении курса и перевелась из нашего училища, как она выразилась: «плевать куда, лишь бы подальше!». А жаль... — лицо юноши стало печальным.

— Чего жаль?

— У нее такая классная грудь!!! — с чувством ответил Леонид, сжимая кулаки и поднимая лицо к потолку. — А ведь за оставшийся до выпуска год, я мог успеть завалить этот экзамен еще как минимум десять раз!!

Девушка поперхнулась томатным соком, услышав такие откровения, но к счастью прокашлялась достаточно быстро, восстанавливая дыхание.

— Ты в порядке? — участливо обратился к ней юноша.

— Да, в полном, — едва сдерживаясь от смеха, отозвалась Анна и снова поднесла к губам стакан сока.

— Даже и не знаю, что ее так расстроило, — грустно-задумчиво продолжил юноша. — Педагогический провал, должностное преступление или мокрое пятно на юбке... — Анна не удержалась и забрызгала соком скатерть после такого заявления юноши. — Мокрое пятно?!

— Ну, — протянул Леонид, чуть отвернувшись и почесав кончик носа. — Трасса была длинная, попа классная, организм молодой, здоровый... Где-то перед самым финишем, финишировал и я...

Анна промолчала и уткнулась в свой стакан. Уши у нее были помидорно красного цвета и чуть-ли не дымились после таких откровений соседа.

— Эй, не спи, подруга! — толкнула задремавшую Анну соседка по парте на подготовительных курсах. Девушку звали Валерия, они с Анной были родом из одного городка, учились в одной школе и вот приехали в Новопитер поступать в один институт. Правда на разные специальности. Предметы, однако же, предстояло им сдавать почти одни и те же: единственная разница, что вместо физики Лере нужна была история, а в остальном все один в один.

Поселиться вместе в одной съемной квартире девушкам помешало то обстоятельство, что Лере жилье подыскали родители через каких-то своих знакомых, и наотрез отказывались отпускать дочурку жить без присмотра этих самых знакомых.

— А?... — пробудившись от дремы, сонными глазами уставилась на соседку Анна.

— Ты чего такое ночью делала? — с ехидным подозрением спросила Лера.

— Тортик ела, — честно призналась Анна.

— Тортик? — с непониманием переспросила Лера.

— Тортик, — подтвердила Анна.

— А с кем ты его ела? Уж не с тем ли красавчиком, что тебя сегодня ко входу в институт провожал?

— С ним, — не стала отпираться Анна.

— Тааак! Подруга, колись!! Кто такой, откуда, как он в постели? — с азартно разгоревшимися глазами накинута Лера с вопросами.

— Кадет бывший, Леонидом зовут... И не спали мы с ним! Что я тебе, распутница какая-то?! — возмутилась Анна.

— Да? — удивилась Лера и мечтательно закатила глаза. — А я бы пожалуй не отказалась... Таааакой красавчик!

— Да ну тебя, — отмахнулась Анна, но щеки предательски порозовели. Немного, почти незаметно, но все-же...

— Так где вы познакомились? — быстро переключилась с мечтательности Лера. — Давно?

— В четверг прошлый, в парке, — не стала отпираться девушка.

— Четыре дня назад получается? — задумчиво постучала указательным пальцем по нижней губе Лера. — Неплохо-неплохо... И уже до института провожает?

— Ему просто по пути было, — сама не зная почему, начала оправдываться Анна.

— «По пути» откуда?! — подозрение в глазах Леры вспыхнуло, словно прожектор на вышке тюремной ограды.

— И-из дома, — чуть заикнувшись, отозвалась Анна.

— Из чьего дома? — медленно и со значением проговорила бойкая девушка.

— Н-н-нашего...

— В каком смысле «нашего»?

— Ну, мы живем вместе...

— !!!!?

— Квартиру мы на двоих снимаем! — возмущенно отозвалась Анна. — Попрошу без намеков! Ты же помнишь — я соседку себе искала в свободную комнату двушки? Так вот — нашла!

— «Соседку»? Он, что из «этих»?

— «Этих»?

— Ну, гомиков?

— Неет! — возмутилась Анна. — Нормальной он ориентации, — сказала она, вспомнив утренний разговор, и уши сами собой заалели.

— Тогда почему «соседку»?

— Искала соседку, нашла соседа. Что тут такого?

— То есть вы уже четыре ночи под одной крышей и ни разу ни-ни? — удивленно поинтересовалась Лера.

— Да, ни-ни! А что тут такого?! — чуть более гневно, чем следовало бы, чтобы звучать убедительно, возмутилась девушка.

— И что же вы тогда все выходные делали?

— В кино ходили, в театр, по городу гуляли, в пиццерию...

— Конфетно-букетный период, значит... — многозначительно протянула Лера.

— Повторяю по слогам для альтернативно одаренных: мы не встре-ча-ем-ся! Просто снимаем одну квартиру, разные комнаты!

— Да ладно, не кипятись ты, — примирительно сказала Лера. — Лучше расскажи о нем, своем новом «соседе». Интересно же! Судя по фигуре, он спортсмен? Чем занимается?

— Говорит, что фехтовальщик-саблист, — не очень охотно ответила Анна, вытягиваясь на своей половине парты. Учеба все равно с недосыпу не шла совершенно.

— Саблист? — удивилась Лера. — Больше на гимнаста похож.

— Я думаю, гимнастикой он тоже занимается, — припомнила ночные выкрутасы Леонида Анна. — Только не признается почему-то. Вообще утверждает, что скрипач.

— Думаешь, или знаешь?

— Видела. Он ночью во дворе на турниках занимался. Смотрелось круто.

— И невыспавшаяся ты такая из-за этого самого «круто»? — ехидно поинтересовалась Лера.

— Если бы ты видела это своими глазами, то так бы не говорила.

— Настолько впечатляет? — удивилась Лера.

— Более чем впечатляет! Я такого даже в сети ни разу не видела, хотя там чего только не крутят.

— И до скольких же он занимался?

— До шести утра.

— Псих.

— Согласна, — вздохнула Анна. — Псих. Но такой классный...

— А откуда он? Кто он вообще? Ты обмолвилась, что «бывший кадет», это как вообще?

— Выгнали из кадетского училища. Как раз в прошлый четверг и выгнали... — Анна рассказала подруге историю их недолгого знакомства с Леонидом. В кратце, конечно, не вдаваясь в некоторые слишком уж личные подробности и детали. Ей ведь и самой хотелось поделиться с кем-нибудь впечатлениями, выговориться, по-сплетничать... Лера в данном случае была благодарным слушателем, эмоциональным, ярко сопереживающим.

Разговор их плавно перетек из учебной аудитории в небольшую кафешку недалеко от института, где девушки с комфортом устроились после окончания занятий на подготовительных курсах.

— Какой-то он у тебя слишком идеальный получается, — выдала, наконец, свое мнение

Лера. — Молодой, красивый, спортсмен, обеспеченный, начитанный, умный, не жадный...
В чем подвох-то?

— Не знаю. А ты уверена, что обязательно подвох должен быть? — пожала плечами Анна.

Лера авторитетно кивнула, подтверждая, что подвох в любом случае быть обязан, ведь это закон! Закон подлости! А этот закон действует надежнее закона всемирного притяжения.

— Не знаю я в чем «подвох», — вздохнула Анна. — Может в том, что этот «идеальный» на меня, как на девушку и не смотрит даже?

— Хм... Такой подвох был бы самым обидным, — согласилась Лера. — Познакомишь?

— В смысле? — насторожилась девушка.

— Познакомишь меня с ним? Интересно же самой посмотреть на такое чудо, как скрипач-гимнаст, — усмехнулась Валерия.

— Познакомлю, — ответила Анна. Но в голосе и взгляде ее теплоты явно поубавилось, а вот настороженность появилась: увести парня у подруги — святое дело. Тем более, что он вроде бы еще и не «парень» пока вовсе.

* * *

Анна вернулась домой часам к трем дня. С ней же увязалась и Валерия, которой не терпелось своими глазами посмотреть на столь любопытный экземпляр парня.

— Я дома! — проинформировала Анна, входя в квартиру.

— С возвращением! — раздался голос Леонида из его комнаты.

— У нас гости! — добавила девушка на всякий случай, чтобы предотвратить какую-нибудь неловкую ситуацию.

— Сейчас-сейчас, дай мне минутку, — послышалось все оттуда же. — Совсем чуть-чуть закончить осталось!

— Закончить? — удивилась Анна. — Что закончить? — себе под нос поинтересовалась она, разувшись и проходя внутрь квартиры вместе с подругой.

Дверь в комнату Леонида была на распашку, так что девушки не посчитали зазорным в нее заглянуть. Их взору предстал что-то подключающий на полу в позе «на корачках» юноша. Рядом валялись пустые и не совсем коробки, упаковочный материал, провода и инструменты.

Леонид что-то подключил, где-то чем-то щелкнул и выполз задним ходом из того угла, где копался до этого. Он поднялся, с усилием распрямил спину, сладко потянулся и повернулся своей светло улыбающейся солнечной физиономией к вошедшим.

— Вы как раз вовремя, девчонки! — весело сказал он.

— Вовремя для чего? — с некоторым подозрением спросила Анна.

— Я наконец закончил установку домашнего кинотеатра с аудиосистемой. Надеюсь с приготовлением поп-корна вы справитесь? — еще шире улыбнулся парень.

— Это Валерия, — указала на гостью Анна, проигнорировав вопрос парня. — Моя одноклассница и подруга.

— Очень рад знакомству! — взял руку девушки и с поклоном поцеловал ее. К счастью, руку, а не девушку. Хотя, к чьему именно счастью?

— А это Леонид, мой сосед по квартире, — продолжила официальную часть представления Анна.

— И я очень рада, — немного смущенно ответила Лера, не торопясь освободить свою руку из пальцев юноши. Который, в свою очередь, не спешил эту руку отпускать, лукаво заглядывая в глаза девушке. От этого взгляда и затянувшегося прикосновения, щеки Валерии чуть-чуть порозовели. Совсем немного.

— Так что ты там говорил про поп-корн? — решила прервать смущающую сцену Анна.

Вот только, Леонид проигнорировал эту попытку. Не отпуская руки Леры, и не отводя смеющегося взгляда, ответил.

— Там, на кухне кукуруза лежит в пакетах специальных для поджаривания. Сам я не стал рисковать — ты же мои кулинарные способности знаешь, — все так же, не разрывая зрительного и тактильного контакта с Лерой, чуть кивнул он Анне.

— А по какому поводу все это? — обвела рукой комнату Анна.

— Мне Сашка одну вещь интересную порекомендовала посмотреть, — отозвался юноша, продолжая смотреть в глаза, все сильнее краснеющей девушки. Она и хотела бы опустить взгляд, да не получалось, смеющиеся глаза парня обладали буквально гипнотической силой и держали, так же, как и пальцы: вроде бы ненавязчиво, но... но сил для разрыва контакта не находилось. Как и желания. — Вот я и приготовил все, чтобы сделать это с максимальным удовольствием! — причем слово «удовольствие» было ненавязчиво выделено интонацией так, что щеки Валерии запунцовели. Да и не только Валерии. Но та уже трижды пожалела, что напросилась в гости. Готова уже была провалиться сквозь землю... Тут юноша аккуратно освободил руку девушки и разорвал зрительный контакт. И все. И словно бы ничего и не было только что. Мгновенное переключение, словно канал у телевизора. — Вы мне компанию не составите? Или у вас другие планы были?

— Да нет, вроде бы каких-то конкретных планов у нас не было, — пролепетала все еще не до конца отошедшая от только что состоявшейся смущающей ситуации Лера.

— Тогда, на вас поп-корн, а я тут быстренько приберусь и все настрою! — не дожидаясь окончательного ответа, расцвел Леонид и бросился собирать упаковочный материал в коробки.

Девушкам ничего не оставалось, как только последовать его указанию и двинуться на кухню. Причем, сделать это молча, так как говорить после только что произошедшей сцены их не тянуло. Каждая переваривала в голове какие-то свои мысли.

Когда Леонид включил установленную им систему, и развернулся голографический экран, с губ девушек сам собой сорвался вздох восхищения: экран накрыл всю стену от угла до угла. А еще в состав системы входили четыре дополнительных экрана, синхронизированных с основным. Они располагались сверху, снизу и с боков и расходились под тупыми углами, в месте же их соединения были скруглены... Качественная, дорогушая вещь!! То же самое относилось и к аудио системе.

— Сколько же это все стоит... — поражено пробормотала Валерия, чуть громче, чем того хотела.

— Три с половиной где-то, — пожал плечами юноша. — Вместе с доставкой. Установку я сам делал, так что рублей сто — сто пятьдесят сэкономил.

— Ты с ума сошел! — не выдержала Анна. — Это ж чертова уйма денег!

— Да? — удивился Леонид. — И правда, наверное я погорячился... Честно говоря, я плохо себе представляю до сих пор ценность денег. Оставалось у меня от гонорара за выступление сколько-то, я глянул на цену — вроде укладываюсь, вот и купил. А что, это правда так много?

— Ужасно много! — уже спокойнее сказала Анна. — Флаер за такие деньги купить можно...

— Флаер? — поморщился Леонид. — Не очень их люблю. Мне больше спидеры нравятся и космолеты. Особенно военные истребители атмосфера-космос, — мечтательно закатил глаза он.

— Жить-то теперь на что будешь, мечтатель? — вздохнула Анна.

— Как на что? — удивился он. — На пособие, я же тебе рассказывал. Как раз на этой неделе придти должно, — прикинул в уме юноша.

— Ты ужасный транжира, просто ужасный! — уже спокойно и даже слегка обреченно сказала Анна.

— Это не смертельно, — улыбнулся он. — А раз не смертельно, то и беспокоиться не о чем. Так что давайте, наконец располагаться и смотреть кино!

— Давай, — согласились девушки. — А что хоть за фильм? — поинтересовалась Валерия.

— Крайняя адаптация очень старого аниме-сериала. Название переводится примерно как Цельнометаллическая тревога. Сашка сказала, что там главный герой чем-то на меня похож. Хочу оценить насколько.

— Сериал? — удивилась Анна. — И сколько же серий?

— Три сезона.

— Опять не выплюсь, — обреченно вздохнула она.

* * *

Просмотр затянулся до самого глубокого вечера. Точнее ночи. Девушки так и уснули на плечах Леонида. Анна на правом, Лера на левом. И как-то так это у них уютно получилось что парню даже жалко их будить было. Пока руки неметь не начали.

Только тогда он аккуратно, стараясь не потревожить девушек, выполз на свою ночную тренировку, без которой чувствовал себя неполным, неполноценным.

Однако, утром, после душа, чистый и свежий, он вновь вкрутился на свое законное место между двумя молоденькими красотками, на, что характерно, своем разложенном диване. По-хозяйски приобнял их, закрыл глаза и расслабился. То, что из-за хронической бессонницы он не мог уснуть, не означает еще, что его телу не нужен отдых. Просто отдыхал он не засыпая, расслаблялся и лежал в некоем подобии транса или медитации, не отключаясь от окружающего мира, все слыша, все понимая, выровняв дыхание и не шевелясь.

* * *

Анна проснулась в объятиях Леонида. На его плече, обняв и закинув на него ногу. Леонид спал, его дыхание было спокойным и ровным, тело расслабленным.

Ситуация сама по себе смущающая. Мало того: с другой стороны в такой же позе лежала Валерия. И она тоже открыла глаза, из которых мало по малу уходил сон. На его место приходило осознание положения, в котором она проснулась. А в следующий момент взгляды девушек встретились.

Краска залила щеки обеих. Затем обе одновременно отвели глаза и стали потихоньку выбираться из объятий парня, пока тот не проснулся.

Завтрак готовили вместе. Молча.

А потом на запах съестного вышел из комнаты на кухню Леонид.

— Доброе утро, девочки! — с доброй, открытой улыбкой и взглядом ангела поздоровался он, входя. — Найдется чем покормить транжиру-тунеядца?

— Найдется, — не смогла сдержать ответной улыбки Анна, глядя на это заспанное чудо. — Проходи, Лео, завтракай, да начнем мы собираться. Итак проспали уже почти, в институт бежать придется.

— Вас проводить? Или такси вызвать? — поинтересовался юноша, с аппетитом уплетая яичницу с колбасой и помидорами, то что прошлым утром пытался изобразить сам, но потерпел фиаско. Благо продуктов покупал с запасом и перепортить успел не все. — Девчонки, вы просто волшебницы! Что бы я без вас делал! — искренне восхитился он кулинарным талантам прекрасной половины населения квартиры. Или точнее двух третей.

— Зарабатывал гастрит, поедая изо дня в день пиццу с шаурмой и чебуреками, — отозвалась Анна. Валерия подтверждающе кивнула.

— Гастрит современной медициной вылечивается. Как и язвенная болезнь, — наставительно ответил он. — Ну, так проводить вас? Или флаер вызвать? — еще раз уточнил юноша.

— Не надо, — отрицательно мотнула головой Анна. — Хоть и в притык, но мы успеваем пока. Так что не надо флаера.

— Провожать тоже не надо сегодня, — добавила Лера. — Мы хотим посплетничать, а женские разговоры не для мужских ушей. Они от них вянут и в трубочку сворачиваются.

— Да? — насторожился Леонид и с озабоченным видом пощупал свои уши, проверяя их наличие и состояние. Чем вызвал взрыв женского смеха на кухне.

Где-то около трех по полудню в то же летнее кафе вошел юноша с глазами ангела и прямым ходом направился к девушке лет шестнадцати с упрямо вздернутым носиком на симпатичном личике, сидящей за одним из столиков.

— И вовсе я на него не похож! — с капелькой обиды в голосе вместо приветствия заявил девушке парень, усаживаясь на свободное кресло за ее столиком. — Я не маньяк-милитарист повсюду таскающий с собой оружие!

— То есть, ножа у тебя сейчас с собой нет? — деловито осведомилась девушка, с веселой хитринкой в чуть прищуренных глазах.

— Есть... — слегка пристыженно отозвался парень.

— И миниатюрного свето-шумового взрывного устройства ты тоже с собой не взял? — все тем же голосом и тоном, с тем же выражением лица, спросила она.

— Конечно взял, — ответил он.

— А может парочку дымовых мини-гранат прихватить забыл?

— Естественно не забыл, — побужденно ответил парень. — Но это же не оружие! Нож обычный гражданский по всем документам, как перочинный проходит. Световуха и дымовухи вовсе являются сертифицированными петардами!

— Не спорю, — пожала плечами девушка. — Это означает только то, что ты больше подготовлен к «ведению боевых действий в условиях города с активно действующими структурами правопорядка». Я правильно цитирую?

— Вполне, — буркнул юноша. — Но так или иначе, я все равно не такой, как он. Оружия с собой не ношу. То, что ты перечислила — набор последнего шанса. Просто страховка на самый крайний случай.

— Не буду спорить. Оружие ты и правда не носишь. «Зачем? Ведь противник сам его принесет на поле боя. Я просто возьму то, что мне потребуется у него же»...

— Давить моими же цитатами будешь? — обиженно спросил парень.

— Ну, Лен, не только же тебе меня на моих словах подлавливать, — развеселилась девушка. — У меня, конечно, память не идеальная, как у некоторых и Большую Имперскую Энциклопедию с одного прочтения я цитировать любую строчку на любой странице до знака препинания не возьмусь, но уж кое-что я помню!

— Ты мне тот спор всю жизнь вспоминать будешь? — почесал в затылке парень.

— Естественно! Ты в тот раз буквально растоптал мою гордость и самоуважение! Я-то наивная гордилась тем, что наизусть Евгения Онегина знаю в четырнадцать лет! А тут такое!

— Ты же знаешь, что это не моя заслуга.

— Знаю-знаю, эксперименты-опыты-наркотики... Какая разница? Тем более, что ты же мне тогда не говорил этого. До того, как мы поспорили!!

— Ну, так и в кино после выигрыша я тебя за свой счет повел, а не за твой, хоть проспорила ты, а не я, — заметил парень.

— Потому что ты — читер!! А значит спор не был честным, а значит ты обманул девушку и обязан был искупать свою вину!

— Меня убивает твоя логика, — прикрыл лицо рукой парень. — Я бы еще понял, если бы она отсутствовала вообще, но ведь она есть! Но абсолютно нелогичная! Ну как, как(!!) такое может быть: нелогичная логика?

— Не нелогичная, просто женская — смириись!

— Это бесконечный спор, — отмахнулся парень. — Но я же правда не такой, как этот Сагара?! Правда ведь? — состроил просящие глазки юноша.

— Почему ты так настойчиво от него отрещиваешься? Прикольный же перс!

— Он — тупой! — простонал юноша. — Выезжает на одних инстинктах. Никакого планирования, никакого расчета, нулевая наблюдательность, никаких выводов из собственных ошибок, нулевые способности к обучению!

— Вот ты о чем, — рассмеялась девушка. — В этом ты, пожалуй прав. Ты значительно опаснее — убийца с ангельским личиком. Никогда не знаешь, что у тебя там внутри черепной коробки варится, и на сколько ходов вперед. Не переживай об этом. Просто куратор твой плохо тебя знал, когда придумывал позывной.

— А ты бы какой позывной придумала для меня?

— Я бы тебя Ичимару назвала.

— Гин? Из Блича? — удивился парень.

— Ты смотрел Блич? — удивилась в свою очередь девушка.

— Читал, — поправил ее парень. — Услышал от тебя как-то, заинтересовался, нашел в сети — прочитал.

— И как тебе?

— До второго пришествия квинси было интересно. А потом пошла какая-то каша нелогичная. Настолько, что я плюнул на все и не стал дочитывать.

— Значит, кто такой Ичимару Гин, ты знаешь?

— Знаю. Но не очень улавливаю сходства.

— То есть не достаточно, что он «Хозяин Тысячи Ножей» и малолетний гений-убийца?

— Он уж слишком явно опасный гад. Я не такой.

— И снова ты прав, — вздохнула она. — Гин был явный тролль, в отличии от тебя. Твой троллинг просекаешь только через несколько лет общения. Анастасия Константиновна вон до сих пор считает, что ты безнадежен, как пилот... наивная.

— Ну... Я не то, чтобы ее троллил... Просто не хотел заканчивать общение с ней... Она мне нравилась. И как человек и как инструктор... и как женщина. Половое созревание, гормоны, все дела...

— А что же не обольстил? — усмехнулась девушка. — Насколько я тебя знаю, поставь ты себе такую цель — она бы не устояла.

— Я ее слишком для этого уважаю. Она для меня не просто половозрелая самка — объект охоты, а человек, женщина. Красивая, добрая, веселая, с чувством юмора. Мне просто нравилось с ней общаться, быть рядом, учиться у нее... Она, кстати, классный пилот! Объективно, лучшая из тех, кого я видел. На той же Заре-1 ей равных не было. Даже тот майор, которым она так восхищается, по уровню ей значительно уступает.

— Тебе-то откуда знать?

— Так я на ее личные тренировки смотрел. У меня даже записи остались с посекундным разбором элементов, показаниями приборов управления и режимов двигателей.

— Подглядывал значит, — уверенно сделала вывод девушка. — Вуаерист проклятый! Небось и из душа ее личного у тебя также записи имеются?

— Естественно, — ничуть не смутился парень. — И данные медицинских обследований, и снимки зубов, и записи томографа, и детские ее фотографии, и записи с

детсадовских утренников, и школьные праздники, и полное ее досье, и досье ее родителей, братьев и других родственников, и на весь круг ее общения начиная с детского сада до настоящего момента, и конечно же записи каждого ее полета за все время обучения и опять же до сегодняшнего момента...

— Достаточно!! — остановила его девушка. — Я даже не хочу знать, какими материалами ты обладаешь про меня!!

— Хорошо, — пожал плечами юноша.

— Что хорошо?!

— Не хочешь знать, значит не скажу.

— Нет уж, говори!!

— Твоя логика меня убивает...

— К чертям логику! Что ты там на меня накопал?!

— ...

— Нет, стой! Не хочу знать! Не говори, а то поссоримся, — на какое-то время над столиком повисло молчание, которое нарушал лишь легкий ветерок.

— В душе подглядывал? — наконец, прервав молчанье, строго спросила девушка.

Парень коротко кивнул. Снова повисло молчанье.

— И как я тебе? — осторожно спросила девушка. Юноша только открыл рот, собираясь что-то сказать, а девушка его уже остановила, закрыв этот самый рот своей ладонью.

— Нет! Ничего не говори! Я и так знаю, что прекрасна, неотразима и восхитительна! А твои анатомические комментарии строения моего тела, мне не интересны! Совсем! Я права? — парень продолжал молчать, не пытаясь скинуть ладонь девушки со своих губ. — Чего молчишь, я права?!! — юноша саркастически изогнул правую бровь. Девушка убрала руку. — Я права?!!!! — с нажимом и нахмуренными бровями повторила она.

— В чем?

— В том, что я самая очаровательная и привлекательная, расчудесная и вообще сэкси?!! Я права?!!

— Конечно же права, — улыбнулся юноша. — Я ведь помню «два правила».

— Мог и не добавлять, — показала язык девушка.

— Тогда бы это не было так забавно, — сказал он, пряча улыбку за стаканом сока.

— Троль! Матерый и толстый! — парень ничего не ответил, лишь снова отпил.

— Как у тебя дела-то, с твоей новой идеей фикс? С театром?

— Замечательно, — пожал плечами он. — Нашел и записался в три театральные студии с несовпадающим графиком работы, пробил какие экзамены надо сдать для поступления в училище, какие документы надо оформить. Вчера уже на первом занятии был.

— Шустрый, как и всегда, — хмыкнула девушка.

— Разве это плохо?

— Это обыкновенно. Ладно, мне пора. У некоторых нормальных неулучшенных людей, есть такая необходимость — зубрить, чтобы нормально сдать экзамены и поступить в летное училище.

— Удачи, — пожелал ей парень, помахав рукой. — А я, пожалуй, поесть закажу. Три часа до тренировки у Василича, позже уже нельзя будет, а другое кафе искать влом.

— Ты к Василичу продолжаешь ходить? — удивилась она. — Тебя же отчислили из училища. Как ты на занятия к Инструктору попадаешь-то?

— Василич не гонит, а попасть на территорию училища, я еще детдомовцем умудрялся,

не вызывая подозрений у руководства.

— Ладно, бывай, — решила не вникать девушка.

В ангар, где проводились подпольные бои без правил, скромно и не привлекая особого внимания вошел молодой человек приятной внешности, в светлой летней рубашке, таких же брюках и мокасинах под цвет. Через плечо у него была перекинута небольшая матерчатая сумка на широком ремне, с которого была аккуратно убрана железная пряжка, регулирующая его длину.

Юноша подошел к одному из охранников, обеспечивающих порядок, фэйсконтроль и «соблюдение правил клуба». Что-то тихо сказал ему. Тот передал его слава по рабочей станции, и услышав ответ, повел юношу за собой.

— Как я рад, что ты пришел, Лео! — поприветствовал гостя администратор, подходя и «раскрывая объятия». Но когда приблизился, то все же протянул руку для пожатия, а не полез обниматься. Гость со смущенной улыбкой на рукопожатие ответил.

— Ну, мы же договаривались... Ровно через месяц. Как я мог не придти? Я стараюсь всегда выполнять свои обещания и договоренности. Это хорошо для бизнеса, — ответил юноша.

— Все бы так относились к делу, — со вздохом посетовал администратор боев.

— Я могу сегодня поучаствовать в боях? — с интонацией неуверенного просителя, задал вопрос юноша.

— Конечно-конечно! — радостно воскликнул администратор. — Более того, я надеюсь, что ты выступишь также успешно, как и в прошлый раз! В этот раз, как постоянному участнику: четыре тысячи за бой!

— Также? — удивился юноша. — Но ведь в прошлый раз я все испортил...

— Сегодня можно, — расплылся в улыбке администратор. — Сегодня будет подготовка к особенному завтрашнему бою! Там будут действительно крупные ставки! Так что сегодня ты должен поразить зрителей! Должен запомниться! Так что сделай максимум того, что можешь!

— Максимум? — поразился юноша. — Но я же готовился... Я учился убивать... медленнее.

— Даже не хочу спрашивать, как ты этому учился, — передернуло администратора. Глядя в эти открытые, дружелюбные, светлые глаза, слушая такие слова и помня, что творит этот человек на арене и за ее пределами, мужчина с огромным трудом сохранял самообладание и деловой настрой. Холодные мурашки то и дело прокатывались по его спине.

— Вот завтра и покажешь, каких успехов достиг. Шоу будет завтра. Сегодня лишь подготовка к нему!

— А что за бой будет завтра? — заинтересовался юноша.

— Завтра будет участвовать можно сказать Чемпион Арены! И я надеюсь, что ты выйдешь на бой с ним! Более того, серьезные люди с серьезными деньгами будут ставить на тебя!

— Серьезные деньги? — удивился юноша. — Значит и мне за бой должны заплатить больше обычного?

— Естественно! Пятьдесят тысяч в случае победы!

— Звучит приятно, — согласился парень.

— Ну, что ж, публика ждет! — воскликнул администратор. — Переоденешься или так пойдешь?

— Лучше бы переодеться, — чуть подумав, ответил юноша. — Не хочется домой в крови идти...

— Тогда, где раздевалка, ты знаешь, — осторожно хлопнул по плечу юношу администратор.

* * *

— Здравствуй, Виктор, дружище! Как мы давно не виделись! — воскликнул немолодой мужчина в строгом и очень дорогом костюме, подходя к другому мужчине, тоже немолодому, тоже в очень дорогой одежде, но более свободного стиля, сидящему в раскладном кресле на возвышении в ангаре, предназначенном для VIP-персон. Рядом с ним спокойно и сосредоточенно стояли трое телохранителей.

— И тебе не хворать, Игорь, — ответил на приветствие он. — Что-то не замечал между нами раньше особой теплоты отношений.

— Что ж, в этом ты прав, — согласился первый мужчина, усаживаясь на предупредительно разложенное перед ним, одним из его охранников, кресло. — Но Шнырь обещал сегодня нечто особенное! Какой-то новый, очень талантливый боец!

— Это хорошо, но ты тут причем?

— Забиться хочу! — не стал темнить названный Игорем. — Против твоего Касселя. Он же в городе?

— В городе, — не стал отрицать названный Виктором. — Деньги карман жмут?

— Может и жмут. Но, думаю, что Кассель твой — слабак!

— И на сколько же ты так думаешь? В денежном эквиваленте? — усмехнулся названный Виктором.

— Начнем с пятисот, — состроил ответную улыбку названный Игорем. — Если не засышь.

— Глянем сначала на этого самородка, — не стал торопиться названный Виктором. — Может он даже копы не стоит, и вынесут вперед ногами его еще сегодня.

— Ты прав, — легко согласился названный Игорем, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

В этот момент в клетку вошел, смущенно улыбающийся юноша, невысокий, суховатый, с военной прической и осанкой, одетый в одни только белые шорты с черной полоской по поясу. Босой.

— Встречайте! Новичок нашей Арены, пугающий и невинный, Ангелочек Лео!!! — прокричал комментатор.

— Против него, любимец публики, старожил наших боев, Василий Кабан!!! — объявил он второго бойца. Был он высок, внушителен, массивен, широкоплеч и мускулист. Рядом с ним Лео казался пушистым котенком рядом с матерым секачом.

Прозвучал гонг и бойцы бросились навстречу друг другу. Кабан прямо, а Ангелочек кувырком ему в ноги. Каким-то чудом он не был растоптан, и проскочил за спину, где поднялся на колени и резким, точным, буквально молниеносным движением бросил руку вверх, а затем сразу же вниз, отбрасывая кровотокащий кусок чего-то.

Кабан с остекляневшим взглядом остановился. Рот его округлился в беззвучном крике, по внутренней поверхности ног заструилась кровь. Затем колени его подогнулись. Руками он вцепился в свой пах.

Лео же встал во весь рост, обошел противника и прицельно нанес сильный и точный удар коленом в переносицу. Послышался легкий хруст и Кобан упал на пол клетки мертвым: от удара Лео хрящи и кости носа Кабана вмялись внутрь черепа, повредив мозг.

Публика шокированно молчала. Лео брезгливо вытер руку о шорты Кабана и смущенно потупившись, отошел в свой уголок.

Вторым противником Ангелочка был подвижный, словно из одних ремней сшитый, толи каратист, толи таэквондист... Это так и осталось тайной, никому, впрочем неинтересной, так как, сразу, одновременно со звуком гонга Лео прыгнул к нему, провел какой-то прием, окончившийся падением противника на пол, где и сломал ему шею ногами. Предельно эффективно и безжалостно.

Третий противник имел классическую боксерскую стойку и телосложение бойца среднего веса. Одновременно с гонгом Лео нанес быстрый удар ногой в колено боксера. Причем удар столь сокрушительный, что колено не просто согнулось, а сломалось. Боксер опустил руки, потянувшись к кости, вылезшей из ноги, пропоров кожу в месте перелома, а Ангелочек мгновенно ударил той же ногой, что и до этого, но уже точно в кадык, ломая его. Как итог — противник упал на пол, задыхаясь, где был безжалостно добит еще одним ударом в ту же точку.

Четвертый противник просто отказался входить в клетку. Как и пятый. Собственно на этом все и закончилось.

— Не зассал еще, как эти, Витюша? — ехидно осведомился названный Игорем. Хотя это ехидство далось ему не легко: скорость и крайняя жестокость расправы с противниками Ангелочка впечатлила и его, хоть он и слышал о них ранее. Но слышать — это слышать, а видеть самому — это видеть самому. Никакого сравнения!

— Мой Кассель сломает этого выскочку! Восемьсот! — справившись с комком в горле, ответил названный Виктором.

— А девять сотен слабо? — подначил Игорь.

— Девять я до завтра не соберу. Восемь сотен мое слово. Естественно наличкой.

— Принимаю! — протянул руку Игорь.

— По рукам! — принял рукопожатие Виктор.

* * *

— Ну что, сегодня я не облажался? — радостно улыбаясь, подошел к администратору боев, успевший вымыться и переодеться, юноша с глазами ангелочка.

— Нет, сегодня ты был великолепен! Именно то, что было нужно! Произвел впечатление, запомнился, шокировал и заинтересовал!

— Так будет завтра бой, о котором вы мне говорили? — уточнил юноша.

— Будет-будет! Кассель уже в городе! Публика уже оповещена! Это будет гвоздь программы!

— Хорошо, — с доброй улыбкой застенчивого юноши, сказал Лео. — Я постараюсь убить его медленно, кроваво и мучительно, как вы меня учили. Сделаем Шоу!! —

администратор вновь непроизвольно поежился. Ему, почему-то совсем не хотелось быть завтра на месте Касселя, хоть Виктору Лаберттовскому он и пел, что Ангелочек пустышка, приманка для того, чтобы растряссти мощну Игоря Старикова, сыграть на его гордости и азарте, что Лео так легко справляется с противниками лишь потому, что он, Вася Шнырь, выставляет против него слабаков... Но вот так, лицом к лицу с этим исчадием...

— Ладно, парень, забирай деньги и иди выпись, Кассель не мальчик для битья, он противник серьезный! Нельзя относиться к нему легкомысленно!

— Хорошо, — по-детски серьезно кивнул юноша. — Я не буду легкомысленным. Я буду серьезен, — сказал он и сгреб деньги в свою матерчатую сумку. Двенадцать тысяч сторублевыми купюрами с трудом уместились в ней. Юноша, справившись, наконец, с молнией, озабоченно нахмурил бровки и покачал головой.

— Для пятидесяти тысяч придется взять сумочку побольше, — хлопнул его по плечу и расхохотался администратор боев. Юноша потер плечо и несмело улыбнулся незамысловатой шутке.

* * *

Месяц пролетел незаметно. Близились экзамены и стало уже не до глупостей. Учеба отнимала львиную часть времени, заполняя собой мысли и вытягивая силы.

Лерка повадилась бегать «в гости», и была у них с Леонидом чуть ли не каждый вечер, после того, как тот согласился позаниматься с ними, поднатаскать в физике и математике. Вот теперь и натаскивал.

Знал он, как выяснилось, потрясающе много, рассказывал интересно, решения и примеры подкидывал необычные, но очень занятные. На все вопросы отвечал, что в Сети выкопал, в их же учебниках вычитал и вообще, они и сами это знать должны.

Однако, польза от их занятий несомненно была: обе девушки незаметно для себя выбились в лидеры своей подготовительной группы на курсах, где все задания стали казаться для них удивительно простыми и шаблонными, после того, что давал им Лео.

На вопрос, почему с такими способностями, он сам не хочет поступить куда-нибудь в МИУ Московский Имперский Университет) или МАКИ (Московский Авиа-Космический Институт) или же вовсе улететь учиться на международную планету-университет София, парень пожимал плечами и говорил просто: лень. Ему как-то так, трутнем и тунейдцем неплохо живется.

Понять и принять такую позицию Анне было сложно. Ведь с такими мозгами, с таким потенциалом, при должном упорстве можно даже в дворяне выбиться! Пусть не в князья, но уж личное дворянство или даже потомственное заслужить можно! И дело даже не в чинах, хотя Табель о Рангах 2278-го года тоже никто не отменял, так ведь дворянское звание можно и просто за выдающиеся заслуги получить, такие как: серьезное открытие в какой-либо области, награждение высшими Государственными Наградами, такими, как Орден Андрея Первозванного, Орден Святого Георгия и Звезда Героя Империи, достижениями в спорте, искусстве... Тот же самый Конкурс исполнителей имени Ванессы Мэй, как почитала в Сети про него, победитель получал личное, ненаследуемое дворянство. А ведь Леонид Жестянкин действительно занял там второе место в прошлом году! И запись его выступления в сети на самом деле нашлась!

Второй в Империи! Во всей огромной, полуторотриллионной Империи!

На вопрос, будет ли он в этом году участвовать в конкурсе, Леонид пожал плечами и ответил свое коронное: влом. Достал скрипку (стоимость Анна даже уточнять не стала, чтобы побережь свои нервы) и весь вечер играл для них с Лерой. Причем играл потрясающе! Инструмент в его руках стонал и плакал, пел и смеялся, словно и впрямь был живой. Игра Леонида завораживала. Причем, на субъективный, сугубо личный взгляд Анны, играл он значительно лучше, чем на конкурсной записи. Причем, конкурсной записи победителя этого конкурса, а не только своей.

Но в этот вечер Леонид не занимался с ними. Пришел поздно, был молчалив и необычно серьезен. На вопросы отвечал уклончиво, поужинал и засел за своим компьютером (который он подключил к экранам домашнего кинотеатра). Запираться не стал, тоже по обыкновению, так что Анна легко могла видеть, что же именно смотрел Лео. А смотрел он анатомический атлас. Причем, внимательно смотрел, делая уточняющие, понятные только ему запросы.

Мешать ему девушка не стала. Мало ли? Ну, бывает, нет настроения. Или по учёбе какое-то задание сложное (он ведь так и продолжал активно готовиться к поступлению в Театральный Институт). Зачем отвлекать человека?

— Что ж, бой которого мы все ждали! Вызов брошенный Чемпиону! Бой к которому участники шли по трупам своих противников! Встречайте: непревзойденный, неподражаемый, бессменный Чемпион Арены — Валентин Кассель!! — кричал в микрофон комментатор, надрывая горло.

И в этот раз было от чего: ангар большой, просторный, но и в сравнении с его размерами толпа подобралась внушительная. Даже на вскидку больше трех сотен человек. «VIP-ложа» была заполнена «VIP-персонами» так, что на ней было тесно от телохранителей. Да и для простых смертных организаторы расщедрились на грубые, наспех собранные «трибуны».

Шум, крики, музыка, полуголые красотки, разносящие напитки, снующие букмекеры, принимающие ставки...

В клетке же уже стоял вышеозначенный Валентин Кассель. Был он где-то метр восемьдесят шесть ростом, весил немного за восемьдесят, долговязый, смуглый, кудрявый, черноволосый, с колючими черными глазками под тяжелыми надбровными дугами и горбатым, много раз ломанным и восстановленным медиками носом. Двигался он легко и пружинисто, с грацией опасного, хищного зверя.

Про него ходило много не самых хороших слухов, причем именно о его художествах за пределами арены. Поговаривали, что любвеобильный Валентин любит брать женщин силой. Причем объекты его любви довольными не были. Многие из них попали в больницы, кто-то в тяжелом состоянии, кто-то вовсе не выжил, кто-то угодил в психиатрическую лечебницу... Полиция не могла ничего поделать, так как заявлений от пострадавших не поступало. А от кого поступало, от тех они быстро забирались обратно. Ведь Кассель был не маленькой фигурой в теневом бизнесе авторитета Виктора Лабертовского. Он «работал» с должниками...

Но при всем при этом он все равно оставался Чемпионом Арены, иступленно сражаясь за это звание, жестоко карая в Клетке рискнувших бросить ему вызов, получая удовольствие от их страданий и боли, зверя от крови.

И вот к нему вошел новый претендент, новое мясо, совсем еще юный, такой невинный на вид: застенчивая улыбка, ясные добрые лучащиеся светом наивные глаза ангелочка, слегка растрепанные темные волосы, невысокий рост, ладная фигура гимнаста... Такие должны нравиться девушкам.

— И его противник: юное дарование, абсолютно безжалостный убийца, кровью бойцов проложивший себе дорогу к этому бою, милый и хрупкий... Ангелочек Лео!!!! — выдал странное, противоречивое представление комментатор.

Бойцы сошлись на расстояние готовности. Прозвучал гонг и бой начался.

Кассель атаковал своими излюбленными размашистыми и сокрушительными ударами ног. Быстрыми и завораживающе красивыми. Лео на пределе сил уворачивался от них, подпрыгивая, подныривая, кувыркаясь... В какой-то момент он вообще отбежал от противника и как последний трус полез на стену клетки, быстро и ловко вскарабкался до самого ее верха.

Крики, смех и улюлюканье зрительской толпы были ему сопровождением. Но это клетка — тут нет правил, кроме одного: заходят двое — выходит один, второго выносят, хоть

и необязательно мертвым.

Кассель задрал голову удивленно уставился на это «чудо» с ловкостью макаки висящее под потолком клетки — такое поведение он встречал впервые.

А в следующее мгновение Ангелочек воспарил... Точнее прыгнул. С пятиметровой высоты клетки.

И полетел точнехонько в Валентина. К чести того стоит заметить, что он почти успел отреагировать. И почти увернулся. И удар обеих ног Лео пришелся не в голову, куда был направлен изначально, а всего лишь в неопорную ногу... Вот только пять метров помноженные на шестьдесят пять килограммов и еще на ускорение свободного падения... Нога Касселя переломилась, словно сухая палка, и обломки костей пропороли кожу. А сам Лео откатился, гася инерцию и поднялся, словно ни в чем не бывало.

И лицо его оставалось все таким же по-детски добрым, наивным и открытым. Ни следа триумфа, ни следа злобы, ни следа азарта... Чистые глаза ангела.

А дальше было кроваво, мерзко, страшно, жестоко и медленно. Раненый Кассель не мог сбежать, увернуться или защититься, а Лео планомерно, с деловитостью хирурга на операции, настигал его и причинял боль: дробя мелкие косточки пальцев ног и рук, отрывая ухо, и выковырнув один глаз (второй был оставлен этим маленьким монстром до самого конца, дабы Кассель мог видеть и бояться), ломая кости покрупнее, нанося методичные, не очень сильные, но многократные удары по гениталиям, ломая позвоночник в поясничном отделе, ломая нижнюю челюсть и вырывая обломки кости, а после этими же обломками вскрывая брюшную полость и наматывая теплые кишки на шею жертвы. Собственно ими он Валентина и задушил, совершенно не меняясь в лице, все с тем же добрым и по-детски невинным лицом. Ни тени удовольствия, ни тени брезгливости, даже интереса или напряжения на нем не отражалось. Ничего...

Мало кто заметил, еще меньше кто запомнил и вообще уже никого, кто придал бы значение, но еще в самом начале медленного убийства Лео что-то сказал Валентину. На оставшееся целым ухо. Совсем немного. Буквально два слова. Имя. И фамилию. Но это осталось только между ними. Между Касселем и Ангелочком.

Когда Лео отошел от тела под все то же шокированное молчание толпы, выражение: «у него руки были по локоть в крови», было применимо к нему совершенно буквально.

И также в полной тишине юноша покинул клетку. И прошел сквозь толпу, что расступалась перед ним, как стая мелкой рыбки перед акулой, в тишине. И в раздевалке скрылся в тишине. Шум поднялся как только за его спиной закрылась дверь. И ни секундой раньше...

* * *

Администратор боев приветливо улыбался подошедшему, уже принявшему душ и переодевшемуся Лео. Вот только руки, отсчитывающие пачки купюр, дрожали. И в глазах его плескался ужас.

Видя это, юноша не стал ничего говорить. Молча, грузил деньги в черный ученический ранец. Горячо пожал, холодную от страха руку, непосмевшему отказать в рукопожатии администратору.

— Многовато впечатлений для одного дня, Василий, — не отпуская руки, сказал

юноша. — Снотворное хорошо помогает забыться. Напиться, уколиться и забыться, как пел один древний российский бард, — не совсем в тему пошутил Лео, впрочем, продолжая смотреть прямо в глаза застывшему, как кролик перед удавом потеющему от страха, человечку. — Поспи, Вася. Поспи, и все забудется, — юноша отпустил руку администратора и, не прощаясь, ушел из ангара.

* * *

Лабертовский и Стариков были немногословны. Первый передал деньги второму, и тот уехал в окружении своей охраны на бронированном флаере с двумя чемоданами, одним собственным, другим выигранным.

Утром полиция обводила тела восьми охранников и хозяина на асфальте перед особняком Старикова. Лабертовский был найден застрелившимся в рабочем кабинете своего собственного дома.

Василий Шнырев... Эту ночь тоже не пережил: наркотики, алкоголь и снотворное — плохое сочетание. Вредное для организма. Смертельно вредное. Просто сдали нервы у человека. Всего лишь нервы... и гипноз тут совершенно не при чем. Наверное. К делу его все равно не пришьешь.

* * *

Следующим утром в маленьком летнем кафе на набережной сидели за одним столиком двое парней примерно одного возраста. Один был в кадетской форме с нашивками выпускного курса, другой в светлой летней рубашке, такого же цвета летних брюках и макасилах. Пили сок и смотрели на воду.

— Ты намекнул утром, что разговор не телефонный, — обратился один к другому, впрочем, не отводя взгляда от поверхности воды.

— Я все сделал, Паша, — тихо ответил второй. — Как ты и просил.

— Что просил? — удивился юноша в кадетской форме, названный Пашей, поворачиваясь к соседу.

— Убил его. «...заставил страдать, мучиться, вырвал ему глаза... нет, один глаз! Чтобы он до конца видел, а потом задушил эту падаль его же собственными кишками!» — слово в слово процитировал тот.

— Ты... достал Касселя? — слегка дрогнувшим голосом спросил Паша.

— И его. И Лабертовского, — подтвердил второй юноша, отпивая из своего стакана сок фейхоа.

— Но как?...

— Как ты и сказал. Буквально. Слово в слово. И мне за это еще дали пятьдесят тысяч, — поднял юноша рюкзак, стоявший у ноги, и поставил его к ноге Паши. — Отдай их Настьке на лечение и вообще... Как она?

— Лучше. Врачи обещали, что скоро из комы выйдет. Лицо только...

— Вот на них, новое лицо и сделает.

— Лёнь, не надо, — попытался вернуть рюкзак Паша. — Ты и так помог уже... Если бы

ты тогда, три месяца назад с врачами не договорился, Настька бы...

— Оставь, — спокойно и уверенно остановил его Лёня. — Ей нужнее. Особенно теперь, когда она вот-вот очнется.

— Но...

— Паш, как я мог иначе поступить? Мы же с одного детдома все. С тобой и с Настькой. Я же знаю, что остальные ребята, как узнали, дали сколько смогли. Сивый с Щербатым даже точку Старикова накрыли, чтобы денег достать...

— Ищут их теперь, дураков... Стариков из-под земли достанет и туда же опять закопает, — печально вздохнул Паша.

— Не закопает. Не ссы, Одноглазый, — взлохматил Лёня волосы Пашке. — Умер Стариков. Вчера вечером.

— Умер? — удивился тот.

— Умер, — подтвердил Лёнька. — Но впредь думайте головой, кого и когда брать.

— Повезло нам, — ответил Паша. Повисло молчание. Оно не было тягостным. Просто каждый о чем-то своем думал.

— И что, прямо так... кишками? — спросил Паша Одноглазый. Лёнька кивнул.

— Я ж, просто со злости тогда сказал... в запале, — Лёня пожал плечами. Вновь помолчали.

— Спасибо, — тихо сказал Паша.

— Не за что, — тихо ответил Лёня. — Обращайся. На то и нужны друзья.

Под самое утро в квартиру вернулся Лео. Он был уставший, запыхавшийся, вспотевший. В каждой руке держал по дипломату. На спине его болтался школьный рюкзак.

— Что с тобой? — удивилась и немного испугалась Анна.

— Лифт не работает, — пожаловался Леонид. — Пришлось по лестнице подниматься. Устал, запыхался...

— А что в дипломатах? — поинтересовалась девушка.

— Деньги. Крупными купюрами! Тяжелые, дрянь такая!

— Откуда же? — окончательно успокоилась девушка. Раз парень шутит — значит все в порядке.

— Казнил одного маньяка по просьбе друга, попутно грабанул двух авторитетов. Перся потом пешком через полгорода. Почувствуй себя выучным ослом называется...

— Проходи уж, народный мститель, — усмехнулась Анна. — Ужинать будешь?

— Естественно! — отозвался Леонид из своей комнаты. — Только душ приму побыстрому, а то вспотел, как свинья.

— Хорошо, я как раз разогрею все, — крикнула Анна с кухни.

Через пятнадцать минут уже чистый, посвежевший и лучащийся довольной улыбкой Лео, сидел за столом и вдыхал божественный аромат поставленной перед ним пищи.

— Анна! Ты просто сокровище! Что бы я без тебя делал? — восхитился он, вонзая вилку в жареную картошку.

— Давился бы покупной дрянью из круглосутки, — усмехнулась девушка. — Где бродил-то?

— Так выступление было сегодня. Помнишь, я тебе говорил месяц назад?

— Помню, — подтвердила она. — И как результат? Удачно?

— Да как сказать, — задумался он. — С одной стороны — выступил я хорошо, шоу устроил незабываемое, денег мне отвалили не скупясь...

— А с другой?

— А с другой — больше мне там не выступать. Слишком уж яркое шоу вышло. Повторить не получится. Придется что-то другое придумывать.

— Жалеешь?

— Нет конечно, — удивился юноша. — Я никогда ни о чем не жалею. Сделал — это факт, данность, с которой надо работать дальше. Не сделал — то же самое. Смысл думать, что было бы, если бы? Думать надо до, а не после.

— Интересная позиция. Жаль не все и не всегда способны ее придерживаться.

— Логичная, всего навсего, — пожал плечами юноша, продолжая уплетать картошку за обе щеки.

— Спать пойдешь, Логичный ты наш? — улыбнулась девушка.

— К сожалению, нет, — отозвался Леонид. — У меня через полтора часа занятия в студии начинаются, потом тренировка по фехтованию, а днем надо будет с другом повидаться, дело одно уладить. Потом в другой студии занятие. Ну а вечером же Лерка придет, мы ж с вами договаривались позаниматься сегодня. Так что не судьба подремать...

— Я могу Лерке позвонить, сказать, что ты сегодня занят, — предложила Анна.

— Не-не-не! Обещал, значит сделаю! Мое слово крепко. Это хорошо для бизнеса, —

отрицательно помотал вилкой Леонид.

— Какого бизнеса? — удивилась Анна. — Ты же безработный.

— Для любого бизнеса, — наставительно пояснил юноша. — Ведь это же логично!

— Логично — не всегда правильно, — таким же тоном ответила Анна.

— Как это? — буквально завис он. — Не понимаю.

— И не поймешь. Это не понимать, это чувствовать надо.

— Женщины!.. — с совершенно непонятной интонацией проговорил он, вкладывая в одно слово весь свой опыт общения с этими мозговыносящими нелогичными существами.

— Что-то против нас имеешь? — угрожающе подняла половник Анна.

— Нет-нет, что ты! — сразу же выставил руки в защитном жесте Леонид. — Я люблю и уважаю женщин! — в притворном ужасе воскликнул он. И тише добавил, — Больше, конечно, люблю, чем уважаю...

За что тут же получил легкий удар тем самым половником по лбу.

— Ай-ай-ай! Сдаюсь-сдаюсь!

— Доедай давай, — наставительно заметила она. — Нечего за столом болтать!

— Хорошо-хорошо! Когда я ем, я глух и нем! А также быстр и ангельски хитер! — улыбнулся Леонид, вновь набрасываясь на картошку.

* * *

В одном из кафе на набережной за столиком в пластиковом кресле сидел мужчина. Высокий, спокойный, коротко-постриженные остатки волос сохранившиеся по бокам его почти полностью лысой головы, когда-то бывшие темными, нынче были пегими от седины, точно также, как и аккуратная «круглая» борода, красующаяся на его лице.

На переносице его красовались стильные прозрачные компьютерные очки. На столе перед ним покоился разложенный ноутбук с активированным голографическим экраном и клавиатурой.

Из одежды, мужчина носил синюю «джинсовую» рубашку с коротким рукавом, синие же джинсы и мягкие замшевые туфли.

Он расслабленно пил кофе из белой керамической чашки, придерживая другой рукой блюдце и рассеянно проглядывал что-то на экране своего ноутбука, время от времени слегка шевеля пальцем, на котором было надето кольцо-манипулятор, пришедшее с течением времени и технического прогресса на смену компьютерной «мышке» и тачскрину.

К столику подошла девушка в летнем элегантном черно-белом платье с глубоким декольте и без рукавов. На ногах у нее были черные туфельки-босоножки на высоком каблуке. На плече висела маленькая сумочка.

Сама девушка имела небольшой рост и хрупкое телосложение, тонкие, правильные черты лица, светлые прямые волосы, постепенно темнеющие к корням, длиной чуть выше плеч. Она была молода, даже более того, ее можно было назвать почти что девочкой. На взгляд ей можно было дать не больше семнадцати.

И она была красива. Не то, чтобы яркая неотразимая красотка, нет. Но взгляды мужчин как-то сами собой притягивались к ней, приликая и не желая покидать столь притягательный объект.

Она, не спрашивая разрешения и не дожидаясь приглашающего жеста, села на соседнее

с мужчиной кресло.

— Опаздывать на встречу с куратором — непрофессионально, — не меняясь в лице, сказал ей мужчина.

— Но я же девушка, — обезоруживающе улыбнулась она. — Мне приличествует немного потомить кавалера ожиданием!

— Только это тебя и оправдывает, — поставил чашку на блюдце, а блюдце на стол мужчина.

— Перейдем к делу? — поинтересовалась девушка.

— Пожалуй, — согласился мужчина, чуть доворачивая ноутбук таким образом, чтобы девушка могла видеть экран со своего места. На нем была фотография курчавого смуглого мужчины с колючим, неприятным взглядом черных глубоко посаженных глаз. — Этого человека зовут Валентин Кассель. Член преступной организации хорошо известного в криминальных, да и не только, кругах Виктора Лабертовского.

— Я слышала про него, — заметила девушка, заинтересованно разглядывая мужчину на фотографии.

— Про Лабертовского?

— Про Касселя, — ответила она. — Чемпион подпольных боев без правил не только Новопитера, но даже Москвы. Насколько я знаю, приходилось ему гастролировать и в Содружество, где он также остался непобежденным. Я видела один из его боев.

— И каковы твои впечатления? — заинтересовался мужчина, вновь поднимая чашку с блюдцем.

— Сильный боец. Крайне опасный противник. Не в меру жестокий. Явно имеет садистические наклонности. Свиреп и вынослив. Если это возможно, я бы хотела отказаться от такого задания. Про него слухи ходят очень нехорошие. Да и не только слухи. Я точно знаю, что от его рук погибла уже не одна женщина. И десятки попали в больницы с тяжелейшими травмами и увечьями. Не хочется пополнить собой их число.

— Я слышу неуверенность в твоём голосе? — удивленно поднял густую бровь мужчина.

— Нет... — обреченно вздохнула девушка. Но в следующую секунду снова была собрана и деловита. — Я вполне уверена в своих силах. Продолжайте Вадим Саныч.

— Что ж, это хорошо, — кивнул мужчина. — Уверенность в своих силах есть обязательная составляющая успеха. Не достаточная, но необходимая.

— Я помню, — нетерпеливо кивнула девушка. Мужчина неодобрительно покачал головой.

— Не стану над тобой далее издеваться, — сказал мужчина, — Валентин Кассель не является твоим заданием, — девушке хватило самобладания удержать облегченный вздох, но по ее позе было заметно, что она немного расслабилась. — Поскольку вот так он выглядит сейчас, — повинуясь легкому жесту руки с кольцом-манипулятором, фотография на экране сменилась. И та, что пришла на смену предыдущей была совершенно неаппетитна.

Девушка не отвела взгляда, хоть и слегка побледнела.

— Если я еще что-то понимаю в медицине, он мертв?

— Да, — подтвердил ее предположение мужчина. — Окончательно и бесповоротно.

— Как это случилось?

— Убит на арене вчера вечером. С особой жестокостью, многократно перекрывающей его собственную.

— Кем? Он же Чемпион, вообще-то. Достойных противников для него — по пальцам

пересчитать. Да и то одной руки хватит.

— Очень хорошо, что ты так хорошо разбираешься в этой теме, — улыбнулся мужчина.

— И все же, Вадим Саныч, кто?

— Новичок по прозвищу Ангелочек Лео. Появился на боях месяц назад, провел шесть боев подряд, занявших в общей сложности меньше десяти минут. Шесть трупов. После чего исчез на месяц и появился только позавчера. Провел три боя за восемь минут. Три трупа. И соответственно вчера: один единственный бой продолжительностью восемнадцать минут.

— Он был без оружия? — вдруг спросила девушка.

— Да. Бой проходил без оружия.

— Тогда, как он умудрился живот Касселю вскрыть?

— Ах вот ты о чем, — понял причину такого вопроса мужчина. — Осколком челюсти.

— В каком смысле осколком? — не поняла ответа девушка.

— В самом, что ни на есть прямом: Ангелочек Лео сломал нижнюю челюсть Касселю, затем рукой вырвал из нее один из осколков кости и острым краем этого осколка вспорол брюшную полость жертвы, после чего вытащил наружу кишки, обмотал их вокруг шеи Валентина и задушил его ими.

— Мерзость какая, — все же не выдержала и отвела взгляд девушка.

— Собственно твоим заданием и будет найти этого Ангелочка.

— Не слишком ли круто для практики? — поинтересовалась девушка.

— Для лучшей выпускницы — в самый раз, — улыбнулся в бороду мужчина. — Тем более никто не заставляет тебя действовать автономно. Ты можешь использовать для поиска ресурсы конторы.

— И что мне с ним делать, когда я его найду?

— Хороший настрой, — похвалил девушку мужчина. — Вот только слишком оптимистичный. Это будет совсем не просто.

— Почему же? Достаточно дождаться его нового появления на арене.

— Дело в том, что дело куда сложнее, чем кажется, прости уж за каламбур.

— Расскажите?

— Естественно, — кивнул он. — Вчера вечером, после боя был убит у ворот собственного дома вместе со всей охраной Игорь Стариков. А сегодня утром в собственном кабинете найден мертвым Виктор Лабертовский, по предворительной версии — самоубийство. И Василий Шныров, администратор тех самых боев также найден мертвым в своей постели: передозировка наркотиков плюс алкоголь, да еще сверху полная коробочка снотворного.

— Вот даже как... Следы, улики?

— Никаких. Просто стерильно. Работал профи высочайшего уровня. Быстро, тихо, эффективно и чисто.

— Оружие?

— Голыми руками убит один из охранников. Затем из его пистолета застрелены все остальные. Оружие брошено там же на месте. Отпечатков и следов ДНК нет. Камеры ничего не засняли — убийца действовал в слепой зоне.

— Это Стариков, как я понимаю. А Лабертовский?

— Запертый изнутри кабинет. Следов взлома нет. Пистолет его собственный. Один выстрел точно в подбородок. Следов, кроме его собственных на пистолете нет.

— Шныров?

— Там записи камер есть. И на них видно, как он сам нюхает кокаин и запивает снотворное виски. Потом засыпает и больше не просыпается.

— Многовато самоубийц в этом деле.

— Пожалуй, — согласился мужчина. — До «дела самураев» не дотягивает, конечно, но...

— Все это подозрительно, — задумалась девушка. — Но не объясняет, причем тут мы? Зачем Ангелочек конторе?

— Хороший вопрос, — поставил чашку с блюдцем на стол мужчина. — Правильный. Тут надо пояснить кое-что про личность Касселя. На самом деле его зовут, точнее уже звали, Валентин Вениаминович Кощев. И ранее он являлся одним из «исполнителей» конторы. Ветеран одного из силовых подразделений, прошел специальную подготовку, несколько лет выполнял «особые» поручения регионального координатора СИБ, до того самого «дела самураев». Тогда страшная неразбериха была в нашем ведомстве... В общем Кощев заявил о своем уходе. Естественно его хотели ликвидировать, но! У Кощева оказался компромат, достаточно серьезный и «воняющий» на контору, который он обещал пустить в дело в случае своей смерти.

— И теперь Кощев мертв...

— Мертв. Но компромат не всплыл. Прошло уже больше двенадцати часов с его смерти, а бомба все еще не взорвалась.

— И почему же?

— Это странно, но «гарантом» его воли выступал самый обычный нотариус. Ну, почти обычный. Один из так называемых «черных нотариусов». И он передал сегодня утром запечатанный конверт с тем самым компроматом оперативному дежурному СИБ по Новопитеру. Так как «он признал смерть клиента естественной и не связанной с СИБ».

— Забавно.

— Более чем. Вот контора и заинтересовалась настолько аккуратным убийцей. В совпадения «наверху» не верят. Так что твоя задача: найти Ангелочка Лео, и выяснить насколько это все «совпадение».

— А запись боя? Предыдущих боев?

— Нет таких записей, — развел руками мужчина.

— Есть, хотя бы фото этого Лео?

— И фото нет тоже. Наш осведомитель на подпольных боях попал в больницу как раз перед боем.

— Но бой же был не один?

— В первый раз, перед появлением Лео, осведомитель отравился и весь интересующий период времени просидел в туалете, «разговаривая с белым другом». Второй раз поскользнулся и упал с лестницы. Нового внедрить за сутки просто не успели. Так что фотографий нет. Есть лишь словестные описания тех, кто на этих боях присутствовал. А люди это сложные в оперативном отношении. Бой-то незаконные. Так что, все что удалось выяснить, в файлах, которые я тебе уже выслал по закрытому каналу на домашний компьютер. Вернешься — ознакомишься. Результаты экспертиз всех жертв этого Лео прилагаются.

— Сколько у меня времени?

— Много, — ответил мужчина. — Четких сроков начальством тебе не выставлено. Так что... работай.

— Что ж, — обратился немолодой лысеющий мужчина, сидящий за столиком кафе с чашечкой кофе и ноутбуком, к севшей за его столик девушке. — В этот раз ты хотя бы вовремя.

— Видимо, часы спешат, — демонстративно посмотрела на изящные серебристые часики, надетые на левую руку девушка.

— У тебя была неделя. Как успехи?

— Он больше на боях не появится, — убежденно заявила девушка.

— Объясни, — попросил мужчина развить мысль подробнее.

— Я считаю, что это была казнь. Не бой, ради боя, не ограбление, а именно казнь. Лес целеноправленно шел за Касселем. Больше он на арене не появится.

— Из чего ты сделала такие выводы?

— В первую очередь из личности самого Валентина Касселя. Помните, я говорила, что про него ходят очень нехорошие слухи? — мужчина кивнул, подтверждая, что помнит. — Так вот, повреждения и травмы нанесенные Касселю, очень похожи на травмы, нанесенные самим Касселем его жертвам: лицо, область паха, руки, грудь... Вот только Касселю они нанесены гораздо более чисто и хирургически точно. Я бы сказала, профессионально.

— Что ж, возможно, — не стал опровергать ее версию мужчина. — А глаз? Брюшная полость? Сам способ убийства?

— Не противоречат версии.

— Продолжай.

— Все бойцы до Касселя убиты очень быстро и практически безболезненно. Пожалуй, они даже понять не успели, что уже мертвы. Касселя же он методично пытал в течении восемнадцати минут. И как я уже сказала, травмы наносил весьма характерные. Надо искать среди родственников и друзей пострадавших девушек.

— Это все, что ты узнала за целую неделю?

— Нет. Не все. Предполагаемый возраст Лео от шестнадцати до восемнадцати лет. Рост немного ниже среднего, волосы черные, прическа и осанка характерные для кадровых военных. Он сто процентно амбидекстр, применяет весьма специфичные приемы характерные для бойцов специальных подразделений и... полевых агентов конторы. Объект — первоклассный стрелок, пожалуй, даже лучше, чем рукопашник. И... он все делал один. Сообщников у него не было.

— Откуда такие выводы?

— Экспертное мнение специалистов.

— Я такого в материалах дела не нашел, — полувопросительно, полу-утвердительно отметил мужчина.

— В материалах, что вы мне дали, отсутствует еще один важный эпизод.

— Даже так?

— В день первого выступления объекта на арене, недалеко от места проведения боя были найдены шесть трупов. Мелкий авторитет по прозвищу «Коготь» и пять его бойцов. Я запросила материалы полицейского расследования, показала их нашим экспертам. И вывод однозначный — почерк тот же, что и на убийстве Старикова с охраной.

— И в первом и во втором случае, это мог быть не сам Лео, а его сообщник, — возразил

мужчина.

— Есть свидетель, который видел первое убийство. И видел перед этим бой. Он полностью уверен, что убийцей был Лео.

— Что-то еще он рассказал, этот свидетель?

— Да. Описал внешность объекта, как смог описал бой. Сказал еще, что в конце Лео развернулся, посмотрел прямо на него и подмигнул. После чего приложил палец к губам, усмехнулся, помахал рукой и ушел.

— Вот так спокойно оставил в живых свидетеля? — удивился мужчина.

— Именно. С другой стороны, что он действительно опасного для объекта видел? Фото и видео съемки тот не вел, словесное описание самого объекта у нас есть и без него. Описание боя... «он прыгнул, прокатился, схватил пистолет и всех застрелил, я и моргнуть не успел, как уже все лежат мертвые, ужас просто!»

— Действительно, информации маловато, — согласился мужчина. — Допустим, ты права: какие действия планируешь дальше?

— Буду проверять девушек. Их родственников, друзей, знакомых, знакомых знакомых... Рано или поздно след должен найтись. А дальше, по ниточке, по ниточке...

— Это я понял, — кивнул мужчина. — Что ты будешь делать, если... когда найдешь его?

— То есть? Доложу вам, а дальше сами разберетесь. Мое задание только отыскать.

— А теперь попробуем немного проанализировать ситуацию, — отставил на стол блюдце вместе с чашкой мужчина. — Объект — профи...

— Не просто профи, а супер профи. Планирование и исполнение операции идеальны!

— И вот на пятки такого «супер профи» наступает практикантка СИБ. Каковы его действия?

— Грохнет он меня, вас и того, кому вы докладываете, а потом исчезнет, — подумав немного, ответила девушка, совершенно в лице и в интонации не изменившись.

— Судя по тому, как ты это сказала, мысль эта для тебя не новая, — приспустил с носа очки мужчина.

— Более того, — улыбнулась девушка. — Я уверена, что он уже знает обо мне, о вас и о ходе поисков. Возможно, именно сейчас он уже смотрит на нас через оптику винтовки из одного из вот тех домов. Сектор обстрела там великолепный.

— А ведь ты наслаждаешься ситуацией, — заметил мужчина.

— Да. Это так, — не стала отрицать очевидного девушка. — Этот Лео нереально меня заводит. Ощущение его полной власти надо мной и ситуацией... Чувство мышки, с которой играет кошка... Ощущение взгляда в затылок. Постоянное ожидание звука лазерного выстрела... Дыхание Смерти за левым плечом...

— Не боишься заиграться? Ведь он может и нажать на спусковой крючок.

— Поздно, — пожалала плечами девушка. — Я уже влезла в это дело. Уже прошла по тем хлебным крошкам, что он для меня оставил. Я уже в его ловушке... Он поймал меня, оставив крючок в одной из этих крошек, который я азартно заглотила по самые жабры. И по этому крючку он залез мне в голову. Теперь я уже не могу остановиться. Я хочу его найти. И найду. Ведь он уже ждет меня за поворотом тропинки.

— Да, — снял очки и потер переносицу мужчина. — Ты была права — это задание слишком для выпускной практики. Ты отозвана с этого дела. Передай мне все собранные материалы и забудь обо всем, что связано с Касселем, Лабертовским, Стариковым, Шныром

и Лео. Это приказ. Объектом дальше будет заниматься команда профессионалов. По практике получаешь зачет — прекрасная работа! Можешь готовиться к выпускному и считать себя полноправным полевым агентом СИБ. Поздравляю!

— Есть забыть! — не слишком довольна отозвалась девушка. — Материалы передам, как только вернусь домой.

— Не надо делать такое обиженное лицо. Хороший полевой агент должен уметь вовремя останавливаться. Иначе это не хороший, а мертвый полевой агент. И это один из самых главных уроков, какие я могу тебе преподать.

— Вы просто его боитесь.

— Не буду утверждать, что ты не права. Этот Лео — не мой уровень. И проснуться однажды с собственными кишками, намотанными на шею, мне вовсе не хочется. Точно также, как увидеть в столь неприглядном виде тебя!

— Не волнуйтесь, нас он будет убивать быстро. Вы даже не успеете ничего понять. Ангелочек не имеет склонностей садиста. Подозреваю, нет, даже уверена, что именно такой способ убийства был частью заказа.

— Спасибо, успокоила, — хмыкнул мужчина и убрал очки в футляр. — Впрочем ты меня поняла. Это приказ и он не обсуждается. Больше нас с тобой это дело не касается! — сказал он и поднялся со своего места. Деактивировал ноутбук, убрал его в чехол и засунул в нагрудный карман, оставил на столе купюру под блюдцем, после чего не оборачиваясь ушел.

Девушка расслабленно откинулась на спинку своего кресла и достала из сумочки распечатанную фотографию девять на двенадцать сантиметров. На ней был запечатлен юноша в светлой рубашке с коротким рукавом, светлых брюках и мокасинах. Через плечо у него была перекинута небольшая черная матерчатая сумка с железной пряжкой регулятора длины на ремне. Молодой человек сидел в кресле кафешки и салютовал стаканом сока прямо в камеру. Сок в стакане был зеленого цвета, а от брови на пару сантиметров вниз тянулась тонкая кровотокащая царапинка.

Это изображение девушка нашла, просматривая записи камер наблюдения вблизи той самой подземной парковки, где были найдены тела убитых Ангелочком бандитов. Она просматривала все подряд, начиная от дорожных камер полиции, видеорегистраторов флаеров с этой парковки и прилегающего района, камер на магазинах и банкоматах... Потратила на это целую ночь. И лишь под самое утро, по какому-то непонятному наитию натолкнулась на этот кадр. Именно кадр. Один единственный на всей записи. Словно фотография призрака из развлекательной передачи про всякую чертовщину: на предыдущем кадре кресло пустое. На следующем тоже пустое. На предыдущем стол пуст, на следующем посреди стола пустой бокал из-под сока. И как ни пыталась девушка найти следы монтажа, не могла этого сделать. Просто не могла. А потом уснула прямо там, перед экраном, утонув лицом в голографической клавиатуре. Когда проснулась, этого кадра на оригинальной записи уже не было. И в ее компьютере не сохранилось ни одной копии. Только вот эта карточка, что подчиняясь тому же самому наитию девушка успела вывести на принтер. И никаких следов больше. Даже в кэш-памяти принтера. Пусто. Словно и впрямь призрак.

Докладывать об этом куратору она не стала. Как и говорить кому либо еще. Это лицо... эти глаза на фото... Они завораживали. А ощущение того, что о тебе знают... Тебя видят. Насквозь. Каждое движение и действие... Заставляло бежать по спине мурашки, ледянило и горячило кровь одновременно.

В тот момент она окончательно поняла, что попалась...

— Вам стоит послушать своего наставника, — прозвучал тихий голос у нее за спиной, а на плечи опустились мужские руки. Без угрозы и без давления, даже с некоторой долей нежности.

Девушка замерла, боясь пошевелиться или вздохнуть — эти руки убили на ринге десять крепких, сильных, тренированных и закаленных в схватках бойцов. Девять из них за считанные секунды. Ее он убьет, если решит это сделать, еще быстрее.

— Не надо оборачиваться, — продолжил говорить юноша за спиной. То, что это именно юноша, а не взрослый мужчина, было понятно по звуку голоса и по рукам, часть которых девушка могла видеть, не меняя положения головы, лишь немного скосив глаза. — Сейчас они нас не видят. И не будут видеть еще тридцать четыре секунды.

— Я поняла, — справившись с непровольной нервной дрожью, сказала девушка.

— Не делайте глупостей. Вас используют, как приманку, подсадную утку в охоте на меня. Не дайте им повод от вас избавиться. Будьте пайнкой.

— Хорошо, — справившись с колючим комом в горле, ответила она. — Я когда-нибудь тебя увижу?

— Если все еще будете этого хотеть, — раздался шепот над самым ухом, а кожу обдало горячим дыханием.

— Будешь... — тихо поправила девушка. — На «ты». Я хочу на «ты»...

— Как скажешь, — снова почувствовала его дыхание на своей коже девушка. Сладкая дрожь прошла по позвоночнику, заставляя мелкие волоски на коже встать дыбом.

Затем руки исчезли и чувство присутствия человека за спиной пропало. Девушка закрыла глаза и несколько минут не открывала их и не шевелилась. Затем открыла их и посмотрела на свои руки. Карточка пропала...

Она лежала на собственной кровати в собственной комнате собственной квартиры одна. Лежала и смотрела в потолок без сна. Уже третий час ночи, а уснуть она не могла. Она пыталась вспомнить лицо с фотографии, что ОН взял сегодня у нее. Сначала дал, а потом забрал обратно. Зачем? Она не понимала, зачем он ей дал свое фото. Понимала, зачем забрал — если она приманка, то за ней очень плотно следят, даже сейчас, в этот самый момент квартиру прослушивают, за окнами следят и скорее всего внутри понатыканы скрытые камеры. К которым, возможно, уже подключился ОН.

Она пыталась вспомнить ЕГО лицо, и не могла. Это было мучительно. Когда представляла перед своим внутренним взором фотографию, то видела светлую рубашку, ремень сумки, стол, брюки, мокасины, стакан с зеленой жидкостью в руке, глаза... Когда внутренний взор доходил до глаз, ЕГО глаз, все остальное расплывалось и таяло, оставались только глаза, которые становились больше, разрастались, занимая весь ее мир, а потом тоже расплывались и таяли, оставляя лишь звенящую пустоту после себя...

Она хотела вспомнить ЕГО лицо. Она ХОТЕЛА ЕГО лицо вспомнить. Но не могла. Пыталась, но круг за кругом получалось одно и тоже — звенящая пустота на месте растворяющихся глаз.

Она встала с кровати и, не одеваясь, так как в квартире тепло, а в камеры мог смотреть ОН, пусть не только ОН, но главное ОН, подошла к мольберту.

Еще до... До конторы, она училась в художественной школе, ей говорили, что у нее талант. И она рисовала: пейзажи, натюрморты, портреты, фантастических животных, драконов, пегасов, ангелов... Ангел...

Обнаженная девушка подошла к мольберту, включила лампу, направив ее свет на лист. Сама она осталась в полумраке неосвещенной комнаты. Взяла в руки уголек и начала рисовать.

Рубашку, брюки, стол, мокасины, сумку, руку со стаканом зеленой прозрачной жидкости, трубочку в нем, военную прическу, бровь и кровотокающую царапину на ней... глаза...

Больше она не могла вспомнить его внешность.

Она, используя все известные ей специальные техники работы с памятью, которым ее обучали в конторе, и даже приняв пару таблеток из спец. аптечки химически стимулирующих память, деталь за деталью восстанавливала ту фотографию, что забрал ОН. Мелочь за мелочью. Сперва в графите, потом в цвете.

Но получалось только так и никак иначе. Она могла вспомнить и нарисовать все: каждую пуговичку на рубашке, каждую деталь плетения кресла и заднего плана, вплоть до рисунка пола у НЕГО под ногами, но не его лицо. Только прическа, глаза и один висок с кровотокающей царапиной на нем.

Обнаженная девушка с палитрой и кистью в руках на рассвете стояла перед готовой картиной. Через большое панорамное окно, лучи солнца освещали ее тело и путались в пшеничных, темнеющих к корням волосах. И девушку грело, что возможно ее сейчас видит ОН, тот, чей портрет она безуспешно рисовала всю ночь. И от чего-то она была уверена, что ОН видит...

— Как там твое «театральное» увлечение? — поинтересовалась лежащая на пляже, на расстеленном одеяле девушка в купальнике цвета морской волны.

— Нормально, — отозвался лежащий рядом парень в плавках с нарисованным на них улыбающимся тигром. — Подал документы в Новопитерский Театральный Институт. Как раз вчера крайний экзамен был.

— Конкурс большой?

— Не очень: пять человек на место.

— Трудно было? — поинтересовалась она, поворачиваясь на спину, выставляя свой соблазнительный бюст второго размера, обтянутый чашечками купальника, на солнце и на всеобщее обозрение.

— Колготно, — отозвался парень. — Твой батя ведь выгнал меня без диплома об окончании училища. Соответственно документов о среднем образовании у меня не было. А без них поступить бы не получилось.

— И как же ты вывернулся?

— Почему ты решила, что я вообще как-то вывернулся?

— Потому, что ты всегда из всего выворачиваешься. Плюс ты сам сказал, что документы подал. Как ты любишь говорить, логично?

— Вполне, — согласился парень, переворачиваясь на живот и выставляя на солнце свою спортивную спину и подтянутую задницу обтянутую плавками с нарисованным на них тигриным хвостом, прикрывающим тигриный же зад. — Да, вывернулся. Но пришлось суетнуться: устроился в ПТУ, сдал экстерном экзамены за всю программу обучения. Пришлось, конечно подмазать того, этого, но теперь я дипломированный газо-электро-плазмосварщик седьмого разряда.

— Купил диплом получается?

— Нет, это было бы не интересно. Я действительно прошел всю учебную программу, наработал необходимые часы практики, написал и выполнил все положенные курсовые и экзаменационные работы, сдал на отлично все положенные предметы. Только заняло это у меня не три года, как это положено, всего один месяц. Даже меньше. Естественно деньги решают. Но я сам бы себя перестал уважать, если бы просто купил диплом.

— То есть ты теперь действительно настоящий сварщик?

— Да, — не без доли гордости ответил парень. — А еще электрик и электромеханик.

— Это как?

— Ты же знаешь, что я жадный. Особенно до знаний...

— Только до знаний, — поправила его девушка. — В остальном ты ужасный транжира.

— При моих заработках, могу себе это позволить! — вроде бы слегка даже обиделся он, если судить по голосу. Но девушка его знала достаточно хорошо, чтобы не обмануться этим. — Я неделю назад свой первый миллион между прочим заработал. Точнее полтора.

— Это как же?

— Прикончил и ограбил двух криминальных авторитетов, — пожал он плечами.

— Это называется не «заработал», а «украл». В крайнем случае «добыл». Заработал, это когда тебе заплатили за работу и никак иначе.

— Пусть так, — не стал спорить парень. — Но сути не меняет. У меня в комнате под

диваном валяются без дела два чемодана денег. А ты называешь меня транжирой.

— Оставим тему. Тебе все равно доказать что-то невозможно. Не с моими мозгами. Так что там с электриком и электромехаником?

— Там все просто — стоило разобраться, как работает система, и получить две дополнительных специальности оказалось несложно. Чуть больше труда, чуть больше практики, отработки и курсовых с экзаменами. Ну и денег, конечно. Зато теперь у меня есть профессия. Даже три. Ну, кроме убийства людей.

— Уже радуется, — вздохнула соседка парня по покрывалу. — Еще бы девчонку себе нашел, вообще на человека похож стал бы...

— Так я и нашел, — вновь подставил живот солнцу парень.

— О! И он молчал! Ну-ка рассказывай! Я хочу слышать романтические подробности! — повернулась к нему, подперев голову локтем, девушка. — Кто она?

— Лучшая выпускница Академии СИБ. Полевой агент и Аналитик в одном лице.

— И как вы познакомились?

— Никак, — отозвался парень. — Она не знакома со мной.

— Так какая она тебе «девушка»?

— Я слежу за ней днем и ночью. А она знает об этом и пытается меня поймать.

— Извращенец! Поганый вуайерист! — бухнулась на спину девушка.

— Я такой, какой я есть и мне это нравится! Какие-то проблемы?

— Никаких, пока твоя извращенность не касается меня!

— Вот и славно, — улыбнулся солнцу, поправив темные очки, парень.

— А если сначала? Как это все началось?

— Я давно ее знаю на самом деле, — спокойно и задумчиво начал рассказ он. — Мы из одного детдома с ней.

— Выходит, она тебя тоже знает и вы знакомы?

— Знакомы, — не стал отрицать парень. — Но не близко. Хотя общие друзья у нас есть и временами мы пересекаемся.

— Продолжай, — поторопила его девушка. — Это уже хоть немного напоминает романтическую историю.

— Так-то она всегда мне нравилась. Еще до лаборатории... Я даже за косички ее дергал...

— Вот уж чего не могу, так это представить тебя нормальным ребенком!

— Я и сам не могу, но ведь был когда-то...

— Не отвлекайся!

— Но вот четыре года назад, когда я убивал регионального координатора СИБ по заказу его заместителя, встретил ее в здании Управления. Оказалось, я поступил в Кадетский Корпус, а ее отобрали для обучения в Академии СИБ. Так-то это обычная практика — большинство полевых агентов и других силовиков спец. служб набирают из сирот по детским домам и приютам. Это логично и практично. Во-первых с сиротами легче работать, можно учить жестко, не опасаясь жалоб и судебных исков со стороны родителей, во-вторых они злее, в третьих в случае их внезапной смерти, меньше возни с родственниками из-за полного их отсутствия. Сироты никто не хватится. Сирота ни на кого не оглядывается и готов рисковать, зубами вырывая свой кусок у жизни, обеими руками хватаясь за свой шанс «подняться»... У некоторых и правда получается..

— Не нагружай мой мозг всей этой СБ-эшной грязью. Романтику давай — вы

встретились. Дальше?

— Дальше она прошла мимо, а я начал за ней потихоньку присматривать. Наблюдать за ее успехами. Пару раз незаметно помогал ей в особенно сложных заданиях, правда, только в самых крайних случаях, когда... Ну, когда уже все. В следующую секунду смерть. Убил одного зарвавшегося садиста, что был назначен ей в кураторы, подстроив ему «несчастный случай», подобрал взамен толкового наставника. Еще пару мудаков покалечил...

— Избавь меня от подробностей. Романтику давай! — вновь перевернулась на спину девушка.

— А тут ей выпускаться скоро... Я подумал-подумал, да и решил...

— Признаться ей в любви?

— Нет конечно! — отмахнулся юноша от этого предположения. — Я подумал, что искать меня после столь наглой операции, что я задумал, все равно будут. И будут серьезно. Поэтому решил «держать руку на пульсе» конторы.

— Скорее уж «удавку на горле», — фыркнула девушка.

— Я не был бы столь категоричен, — ответил парень. — Там тоже есть очень опасные люди. К тому же контора сложный противник именно за счет того, что это Система. Стоит затронуть ее в одной точке, как сигнал расходится по всей Системе, а после бороться все равно что с Гидрой: срубишь одну голову — вырастают две.

— Но как-то же ты до сих пор справлялся?

— Только убедив всех, что не существую.

— Ладно, это для меня слишком сложно. Так что с девушкой?

— Я предположил, что ее могут привлечь к этим поискам.

— С чего вдруг?

— Анализ личности нового регионального координатора и его подходов к решению задач... Тебе всю цепочку рассуждений рассказать?

— Нет. Суть давай.

— Я сделал такое предположение и в соответствии с ним выстроил всю операцию. И ее действительно отправили меня ловить! — в совершенно довольной, кошачьей улыбке, расплылся юноша, став немного похож на тигра со своих плавок. — Расставил подсказки, ловушки... И похоже ошибся. Но теперь все стало сложно. Она меня почти поймала!

— Тебя?

— Мою гражданскую личность. Ей осталось всего полтора шага до раскрытия меня как Жестянкина Леонида Васильевича. Она и правда хороша! А еще за ее спиной стоят две команды профи, страхующие друг друга. Следят за ней днем и ночью. Еще и из нее самой «наживку» сделали. На чувствах девочки играют. «Отстранили» от расследования! Как будто бы не понимают, что это ее наоборот лишь раззадорит и подстегнет к опрометчивым действиям. Так что земля под ногами у меня начинает гореть.

— Мне твои интриги не сильно интересны, ты же знаешь, — отмахнулась девушка. — Дальше-то что планируешь?

— Не знаю, — честно ответил парень. — Я заигрался, Сань. Чувствую, большой кровью кончится все это дело... Возможно, что это последняя наша встреча, если все пойдет совсем плохо.

— Жаль, — ответила девушка. — Я буду скучать без ручного кровавого монстра под боком.

— А я вряд ли кому еще смогу довериться, как тебе.

— Тогда не порть настроение! Погнали купаться! — вскочила с покрывала девушка и побежала к воде.

.

Иртышова Надежда Васильевна. Майор СИБ, глава срочно сформированной команды по поиску особо опасного преступника, смотрела на темный экран своего ноутбука и волосы у нее на голове начинали явственно шевелиться.

Жесткий диск был девственно чист. Стерт и переформатирован.

Ноутбук, на который выводились данные с камер наблюдения за квартирой «наживки». Просто отформатирован. Исчезла вся информация, включая и операционную систему. Из Сети такое сделать невозможно. Только имея физический доступ к устройству. Физический доступ в штабквартиру команды!

Объект «Ангел» только что перешел в ее сознании из разряда «добыча» в разряд «охотник».

Демонстрация силы. Именно так и никак иначе.

— Что с подопечной? — спросила майор Иртышова.

— Жива. Только что вышла из подъезда, направляется в Управление, — доложил один из оперативников.

— Наблюдение усилить. На технику не полагаться, постоянный зрительный контакт!

— Есть!

— Готовьте группу экспертов. Через двадцать минут идем в квартиру объекта «Гончая»!

— Есть!

* * *

В квартире объекта «Гончая» троица экспертов быстро и деловито разошлась по углам, доставая приборы и инструменты, начиная аккуратный, но тщательный поиск следов «Ангела».

Майор Иртышова, не мешая им, не торопясь прошла по комнатам, своими собственными глазами окидывая помещения, пытаясь понять, что именно хотел скрыть объект «Ангел», форматируя ее ноутбук.

И нашла.

В спальне «Гончей» стоял мольберт с оставленным на нем свежим портретом. Портретом «Ангела».

Эксперты возились, ища следы, которых все равно не найдут, как не нашли до сих пор нигде, где появлялся объект, а майор Иртышова замороженно продолжала стоять перед картиной, глядя в глаза того, кого они ищут. В глаза, так как на портрете больше ничего не было, кроме глаз. Но, глаза эти были словно живыми. Они пронзали насквозь и затягивали одновременно.

Становилось понятно, почему «Гончая» стала за эту неделю так одержима поиском. Если она видела эти глаза в живую, а она их явно видела, то она уже полностью во власти «Ангела». Он пролез ей в голову, как пролез в штабквартиру команды.

Оставалось теперь понять, когда он успел это сделать? Когда он вышел на «Гончую», и как они проморгали этот момент?

А еще Надежда Васильевна испытывала странное, иррациональное чувство сожаления.

что «Ангел» вышел не на нее, а на девчонку. Видимо портрет, даже в таком виде, все равно передавал часть энергетики запечатленного на нем человека.

Майор Иртышова достала свой коммуникатор и сделала снимок картины. Посмотрела на получившийся результат и убрала коммуникатор в карман, откуда в следующую минуту явственно потянуло дымком.

Иртышова удивленно вновь выхватила его. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять — аппарат мертв. Бесповоротно.

Это уже начинало угнетать: кто, черт возьми, за кем следит?! Они за «Ангелом» или «Ангел» за ними? И кто такой этот парень?! «Гончая» утверждает, что это один единственный человек. Но как в это утверждение поверить? Особенно после вот таких демонстраций?

А коммуникатор жалко — в нем были сотни рабочих и личных контактов. Часть из них теперь восстановить будет крайне сложно. Гад он, а никакой не «Ангел»!

* * *

В кабинете, что когда-то занимал ныне покойный Полковник Васин, все за тем же дубовым столом, в том же кожаном кресле сидела немолодая женщина со строгим лицом, в строгой одежде, со строгой прической. Она смотрела на мужчину в сером костюме с незапоминающейся внешностью, что стоял перед столом.

— И что мы в итоге имеем? — строго спросила она мужчину.

— «Ангел» стопроцентно имел контакт с «Гончей», команда Иртышовой раскрыта. Камеры наблюдения в квартире «Гончей» испорчены. По найденному в квартире портрету ни найти, ни опознать «Ангела» мы не можем. Тем более, что портрет исчез.

— Как это произошло?

— Неизвестно. Иртышовой было принято решение об изъятии картины из квартиры «Гончей». Портрет был погружен в флаер. Флаер отправлен в Управление. Доехал пустой холст.

— Мистика какая-то!

— Какие будут распоряжения? — спросил мужчина, вытягиваясь по стойке «смирно».

— Иртышову с руководства командой снять. Команду передислоцировать. Камеры в квартире «Гончей» заменить. Операцию продолжить.

— Что делать с «Гончей»?

— Оформляйте, как полевого агента. Подключайте к работе. Выдайте несложное самостоятельное задание в пределах города.

— Что сказать ей по поводу пропавшего портрета?

— Валите на «Ангела». Посмотрим за ее реакцией. Выполняйте!

Мужчина коротко кивнул, четко развернулся на месте и вышел из кабинета.

Женщина, оставшись одна, поставила локти на стол и оперлась подбородком на сцепленные пальцы.

— А так ли уж он нам нужен, этот «Ангел»? — тихо, себе под нос задала вопрос она. — Что с ним делать-то?

Девушка подошла к двери своей квартиры и замерла. Дверь была не заперта. Девушка, стараясь не шуметь, достала из заспинной кобуры табельный ЛПК. Она тихонько толкнула дверь, спрятавшись за стенкой. Дверь отворилась, реакции не последовало. Тогда девушка с оружием наготове заглянула в открывшийся дверной проем. Затем облегченно выдохнула и убрав пистолет, спокойно вошла в свою квартиру — внутри деловито трудились эксперты конторы.

В гостиной на кресле сидел лысеющий седобородый мужчина с ноутбуком на коленях и компьютерными очками на носу.

— Здравствуйте, Вадим Саныч, — поприветствовала его она. — Чему обязана визитом?

— В твоей квартире сегодня побывал объект, — на этих словах все внутри девушки похолодело. Не смотря ни на что, жить ей еще хотелось.

— Как об этом узнали? — постаралась не выдать волнения девушка.

— Скрытые камеры наблюдения испорчены, записи за ночь стерты.

— Камеры? — деланно удивилась она.

— Не строй из себя невинность, — поморщился мужчина. — Ты прекрасно знала, что за тобой следят. Объект слишком опасен, чтобы оставить тебя без прикрытия и присмотра.

— Как-то не слишком надежное прикрытие получилось, — усмехнулась девушка. Усмешка вышла бледноватая.

— Ты сама говорила, что объект «супер профи». Так чему удивляешься? — пожал плечами мужчина. — Лучше посмотри: что пропало, что лишнее появилось.

— Действительно, зачем-то же он сюда приходил, — ответила девушка и напрямик двинулась в спальню. Туда, где на мольберте должен был остаться ЕГО портрет.

Картины не было, но палитра и кисти со следами свежей краски, однозначно заявляли любому, кто сюда бы вошел, а до нее это по-любому было сделано как минимум куратором, что картина тут быть должна.

Девушка еще походила по комнатам, внимательно глядя по сторонам, больше для виду, чем действительно пытаясь что-то найти. После чего вернулась к сидящему в кресле седобородому мужчине.

— Вадим Саныч, портрет пропал, — сказала она.

— Что за портрет? — поднял на нее глаза и приспустил очки тот.

— Портрет Ангелочка Лео. Я пыталась нарисовать его со слов очевидцев. Мало что получилось. Все подробно и однозначно описывают то, во что он был одет, его прическу и его глаза. Но ни одной черты его лица, как я выяснила, подробно просматривая все записи и показания свидетелей, никто описать не смог. Вообще, всех словно завораживали эти его глаза, как гип... — прервала себя на полуслове девушка, крепко задумавшись.

— «Гип...»? — заинтересованно переспросил мужчина.

— Объект — гипнотизер!! — поделилась пришедшей на ум идеей девушка. — Вот как он побеждал на арене! Он просто ловил взгляд противника и гипнотизировал его, а потом убивал беззащитного, словно змея мышь! Вот как он убил Шнырова! Вот как он убил Лабертовского!

— Интересная версия, — согласился мужчина. — С одной оговоркой: гипнотизер не может заставить человека убить себя. И тебе это рассказывали в Академии.

— Да-да, извините, я помню. С Лабертовским действительно я хватила... А вот Шныров. Гипноз ведь может усилить естественные желания гипнотизируемого. А тот и так раньше употреблял кокаин, выпивал. А про реакцию снотворного с алкоголем мог вовсе не знать, но при этом очень хотеть отключиться и забыть виденную им казнь Касселя на арене.

— Что ж, такой вариант возможен, — согласился мужчина. — Мы проверим эту версию. Но тебе больше не следует забивать этим голову. У тебя теперь другие обязанности и другое задание.

— Хорошо, я поняла вас, — не стала спорить девушка.

— Вот на этом накопителе вся необходимая информация по новому заданию. Ознакомься. А мне пора, — ответил мужчина, вставая со своего кресла. Он передал девушке накопитель, сложил и убрал ноутбук с очками, махнул рукой экспертам, дождался, пока они соберут свои инструменты и приборы, после чего удалился вместе с ними из квартиры девушки.

Только после его ухода она смогла вздохнуть свободно. Девушка дошла до своей кровати и, нераздеваясь, рухнула на нее.

ОН был здесь, прямо здесь, в этой комнате, в ее спальне. ОН видел картину. ОН видел, как она ее рисовала, поэтому пришел за ней. Жаль, что за картиной, а не за девушкой. Но ОН видел ее обнаженной! То, что прошлой ночью казалось таким естественным, сегодня, при свете дня, вызывало прилив жгучего стыда и краски к лицу.

Девушка схватила подушку и прижала ее к лицу, переживая особенно сильный эмоциональный накал. Потом она просто обняла подушку и долго лежала, тиская ее, прокручивая в голове мысли.

Лишь спустя двадцать минут она все же встала и отправилась в душ. Оттуда она вышла уже в домашнем халате и мягких тапочках, протопала на кухню. Открыла холодильник и замерла. Прав был куратор! Ох, прав! А она расслабилась непозволительно! Смотреть надо было не только, что пропало, но и что в ней появилось!

А появилась в холодильнике коробка пироженных с логотипом кондитерской и стакан сока с трубочкой. Сок был зеленого цвета. А стакан именно таким, какой был на той самой фотографии.

Девушка через салфетку взяла бокал и поднесла его к глазам: на первый внимательный взгляд отпечатков на нем не было. Хотя, чего она хотела от НЕГО? Тем более, что сегодня тут уже протопталась целая толпа экспертов со своим оборудованием, чуть ли не по молекуле просеившая квартиру в поисках следов ЕГО пребывания.

Девушка понюхала жидкость в бокале и замерла. Именно так пахло дыхание юноши, в том кафе положившего руки ей на плечи.

Этот бокал совершенно точно поставил в ее холодильник ОН!

Девушка улыбнулась и попробовала жидкость на вкус. Это оказался какой-то сладковатый приятный сок.

Так же с улыбкой девушка открыла коробку из кондитерской и достала пироженные. Что ж, видимо портрет ЕМУ понравился. Посмотрим, понравятся ли пирожные ей?

Задание было сложным и простым одновременно: легализоваться. Обеспечить себе нормальное гражданское прикрытие.

И вариант для этого прикрытия ей оставили один. Причем совершенно конкретный — Педагогический Институт.

Вроде бы просто, да вся проблема, что экзамены закончились три дня назад! Плюс к тому, куратор, собака такая, не подготовил для нее нормального аттестата о среднем образовании!

Как он объяснил: «Ну, ты же лучшая в своем выпуске! Неужели ты надеялась, что все будет просто? Чтобы виртуозно обманывать чужие Системы, сначала попытайся обмануть свою!».

Вот этим ей теперь и предстояло заняться.

Ночь, совершенно пустая школа. Девушка в удобном сером спортивном костюме и мягких замшевых кедах, шла по неосвещенному коридору, возвращаясь из кабинета директора, где она полтора часа трудилась, вписывая свою личность в историю этой школы, так, чтобы это было гармонично и выдержало любую, самую строгую проверку.

Тут впереди в конце коридора послышался звук открывающейся двери.

Девушка прижалась к стене. Рядом с ней оказалась дверь. Причем она была чуть-чуть приоткрыта. Недолго думая, в нее девушка и юркнула, оказавшись сразу в полной темноте относительно, пусть слабо, но освещенного коридора.

Она сделала один шаг от дверей в глубь помещения, всего один шаг, и услышала щелчок запирающегося замка. Девушка резко обернулась на этот звук, но в темноте все равно ничего не смогла рассмотреть. ЛПК словно сам собой скользнул ей в руку.

Легкое, теплое дыхание коснулось ее затылка. Мгновенный поворот с подшагом и сменой стрелкового уровня на положение сидя с колена. Но в прицельном приспособлении так никого и не появилось. А затылка снова коснулось дыхание. Прыжок-перекат вперед с новым разворотом на сто восемьдесят, и тот же результат. Причем глаза, наконец, начали привыкать к окружающей темноте, и девушка стала понемногу различать детали обстановки помещения.

Оказалось, она в предбаннике-коридорчике перед школьным спортивным залом. А затылка вновь коснулось дыхание.

Новый рывок, теперь уже без перекатов и девушка, проскочив внутреннюю дверь предбанника, оказавшуюся незапертой, выбежала в сам зал, оказавшийся куда как лучше освещенным.

В следующее мгновение затылка снова коснулось чужое дыхание, а спины чье-то тело, более того, рук, внешней их стороны коснулись руки этого же неизвестного.

— Ты? — тихим шепотом предположила она, замерев в том положении, в котором ее застигли.

— Я, — раздался такой же шепот возле ее уха.

— Я могу обернуться? — задала она несколько наглый в такой ситуации вопрос.

— Можешь, — прошелестел ответ, коснувшись теплым дыханием другого уха.

Она медленно повернула голову, но не увидела стоящего за спиной человека. Он изменил свое положение вслед за ней так, что все равно оказался вне поля ее зрения, но при

этом контакт спина-грудь и руки-руки не разорвал.

Девушка быстро повернула голову в другую сторону. Но недостаточно быстро — он успел снова сместиться.

Она сделала шаг вперед с разворотом корпуса, но ОН, а теперь девушка уже не сомневалась, что это именно ОН, словно прилип к ней. Словно стал ее тенью, что всегда перемещается со скоростью тела, которое ее отбрасывает.

Она не сдалась и продолжила движение, пытаясь одновременно «отлипнуть» и повернуться лицом к своей «тени». Но это оказалось не легче, чем поймать солнечный зайчик или настоящую тень. Человек за спиной двигался столь мягко, столь виртуозно, гибкость его выходила за все человеческие границы и рамки... Девушка не сдавалась и продолжала попытки развернуться к НЕМУ лицом, пробуя все новые и новые способы и уловки, но безуспешно. Со стороны это должно было напоминать танец, некий страстный и, пожалуй, невероятно эротичный. И в какой-то момент она поняла, что для НЕГО это и есть ТАНЕЦ! ОН наслаждается процессом, этой игрой. Не издевается над ней, как казалось в начале, а именно наслаждается. ЕМУ нравится танцевать с ней. Но делать это именно так, в совершенно свободной, не связанной никакими фигурами, приемами и даже музыкой форме. Танец без формы, без правил...

Девушка еще дважды попыталась все же оторваться, используя прыжок-перекат и даже просто падение на спину, но успеха не добились: в первом случае контакт разорвался всего на секунду и тут же был полностью восстановлен, во втором случае, она даже не поняла, что и как сделал ее... партнер по танцу, но вроде бы не испытал вовсе никакого сопротивления, ее тело, падая расслабленно вниз, все равно извернулось, словно бы само собой, и вновь оказалось в вертикальном положении.

А дальше она сама стала относиться к этому, как к танцу. И теперь вела она, все сильнее вжимаясь в тело своего партнера, пытаясь слиться и влиться, влипнуть в него, но при этом, не прекращая движения.

И вот тогда она начала ловить кайф от того, что они тут делали. Ночью. В пустом, освещенном лишь тусклым, рассеянным светом из окон, спортивном зале школы, в которой ни он, ни она не учились.

Но кончается все. В том числе и силы людей. И девушка начала уставать. Движения утратили плавность и легкость, становились все более дерганными и вялыми...

Она сдалась. Прекратила попытки повернуться. Просто опустила на пол прямо там, где остановилась. Непонятно, каким образом, но получилось, что остановились они ровно на стопке матов сложенных у стены, хотя до этого припереть партнера к стенке или другому препятствию у девушки не получалось, он плавно менял ее движение так, что они бесконечно приближались, но так и не могли к ней приблизиться, при том, что сопротивления своему телу или движению она не чувствовала. Мистика. Или мастерство на грани мистики.

Но сейчас она просто расслабленно опустилась на маты и оперлась спиной о тело партнера. ОН же, в свою очередь, оперся спиной о стену. ЕГО ноги лежали разведенными в стороны, касаясь внешней поверхности ее ног. ЕГО руки лежали поверх ее рук, словно обнимая девушку, часто и тяжело дышащую.

Причем ЕГО дыхание после всей этой круговерти оставалось все таким же ровным и спокойным, как в самом начале.

— Ты просто нечто... — смогла произнести она, постепенно справляясь с дыханием

собственным. Он ничего не ответил. — А как же группы, что следят за мной? Почему они до сих пор не здесь?

— Спят, — тихо прошепестел его голос над ухом, обжигая дыханием чувствительную кожу за ним.

— Спят? — переспросила она.

— Газ, — пояснил он. Других пояснений не требовалось. В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь их дыханием и биением сердец.

Девушка прикрыла глаза буквально на секунду, но когда вновь открыла их, встрепенувшись, рядом уже никого не было, а небо за окнами начинало потихоньку светлеть в предверии скорого восхода солнца.

Она встала на ноги, поправила одежду, отряхнула с нее пыль, собранную с пола в процессе «танца», спрятала пистолет и поспешила покинуть здание, пока кто-нибудь не заметил ее и не испортил все дело. Чтобы не пришлось начинать с начала... Хотя, девушка поймала себя на мысли, что была бы не против повторить эту безумную ночь в пустой школе...

* * *

В кабинете покойного Васина, за дубовым столом на кожаном кресле сидела строгая женщина в строгом костюме, со строгим лицом и строгой прической. Напротив стола стоял мужчина в сером костюме с незапоминающейся внешностью.

— ...обе команды были усыплены газом, практически одновременно. Наблюдатели, находившиеся вне штаб-квартир и оперативного штаб-флаера, были усыплены дротиками с транквилизатором, выпущенными из пневматической винтовки с большого расстояния в течении двадцати минут. Вся следящая и записывающая аппаратура была вручную отключена. Перерыв в наблюдении по времени составляет шесть часов. Что в это время делала объект «Гончая» и встречалась ли она с объектом «Ангел» установить возможности не представляется, — закончил свой доклад мужчина и опустил планшет.

— Этот ублюдок просто издевается над нами! — не сдержалась женщина за столом. — Саму «Гончую» спрашивали про этот период времени? — быстро успокоилась женщина.

— Так точно, ее отчет по заданию приложен к пересланным вам материалам.

— В двух словах. Подробности, если имеет смысл, прочитаю позже, — велела она мужчине.

— В двух словах: «Гончая» при возвращении из кабинета директора школы, имела контакт с неизвестным.

— Какого рода контакт?

— «Гончая» пишет, что тот напал на нее со спины в коридоре, затащил в спортивный зал, усыпил удушающим приемом и бросил валяться на матах. Через несколько часов она пришла в себя и покинула здание.

— Вот так вот просто усыпил и бросил? Не устраивал допроса, не передал никакого сообщения? — удивилась женщина.

— «Гончая» пишет именно так: неизвестный действовал быстро, четко, грамотно, в процессе нападения ни разу в поле зрения «Гончей» не попал, оружием воспользоваться не дал. Гарантировать, что это был именно «Ангел» она не может.

— Кто ж еще то? Кому, кроме этого чертова «Ангела» такая операция под силу? Да и кому, кроме него, вообще интересна зеленая выпускница Академии, необстреляная, ничего еще толком не знающая и не умеющая?

— У меня нет ответа, — вытянулся мужчина.

— Никому она не нужна!

— Какие будут распоряжения?

— «Гончую» не прессовать. Задание оставить прежнее. К оперативной работе пока не привлекать, пусть обустроится пока в новой легенде. Команды наблюдения и захвата расформировать — нечего людей без толку держать на задаче, если они все равно бесполезны, других дел хватает, кроме этого «Ангела».

— Совсем убрать наблюдение?

— Нет. Один расчет наружки оставьте. И агентурный присмотр, естественно.

— Все?

— Запросите от моего имени из Центра «Окуня».

— Ликвидатор уровня 1+? Вы уверены? — позволил себе усомниться в указании начальницы мужчина.

— Я не ясно выразилась? Или у меня с дикцией проблемы?! Или у вас со слухом?! Я сказала: запросите из Центра агента «Окунь»! Значит ваше дело сказать: «Есть!», и идти исполнять приказ!!

— Есть! Разрешите исполнять? — снова вытянулся, позволивший было себе немного расслабиться, мужчина в сером костюме.

— Исполняйте! — ответила женщина. Мужчина четко развернулся на месте и вышел из кабинета.

— Что ж, Ангелочек, «медовая ловушка» известна с каменного века, а до сих пор действует, даже на такие хитрые и «крутые» задницы, как твоя, — тихо и довольно проговорила женщина, подходя к зеркалу на стене. Это зеркало было единственным, что привнесла в обстановку этого кабинета новая его хозяйка. — Так что не долго тебе бегать осталось... Развлекайся, пока можешь.

В его поверхности отражалась все еще, не смотря на строгость прически и одежды, довольно привлекательная, даже красивая женщина, осознающая эту красоту.

Она поправила прическу, разгладила одной ей заметную складку на жакете и вернулась на свое место за дубовым столом. «Ангел» — конечно проблема из ряда вон выходящая, но вообще и без него дел хватает. И делать их кто-то должен.

В два часа ночи на старомодный кнопочный мобильный телефон Леонида пришел входящий вызов с номера, который не значился в списке его контактов.

Правда, это не говорило ни о чем, так как в списке контактов этого аппарата не было вообще ни одной записи. Леониду это было не нужно: он и так помнил все номера всех своих знакомых, что было полностью логично, с его-то модифицированной памятью.

— Да, Паш, что случилось? — ответил на вызов, стоящий на одной руке на брусках, юноша, поднеся к уху аппарат свободной.

— Настька очнулась, — ответил мужской голос из динамика мобильного.

— Хорошо, — улыбнулся юноша и медленно согнул руку, на которой стоял. — Успели пластику сделать?

— Да, — раздался ответ. — Те деньги очень вовремя пришли. Ее только вчера из регенератора достали — последние шрамы и швы наконец рассосались. Так что телесно она полностью здорова сейчас.

— За-ме-чательно, — с некоторой паузой на выдохе, ответил Леонид, так же медленно, как согнул, разгибая опорную руку. — Ты у нее?

— Нет, но уже подлетаю, — ответил голос в трубке. — Врач двадцать минут назад позвонил.

— Не влетит тебе за самоволку-то? — уточнил юноша, снова сгибая руку.

— Ленъ, выпускной три дня назад был! Какая самоволка?

— О как? Поздравляю! Чтто-то, — начал разгибать руку юноша. — Упустил я из внимания этот момент.

— Спасибо! — послышался голос из «трубки». — Я хочу завтра наших позвать, Настьку проведать. Думаю, ей приятно будет.

— Хорррошее дело, — ответил юноша, продолжая выполнять упражнение. — Только утра дождись, не буди людей среди ночи.

— Ой... Я тебя разбудил?

— Нееет.

— О, а чем ты там таким занимаешься? — юноша выпрямил руку и подпрыгнул на ней, в прыжке перекинул аппарат в другую руку, а на освободившуюся приземлился на соседний брус.

— Тренируюсь, — отозвался он. — Забыл, что ли про мою бессонницу?

— Точно! Совсем из головы вылетело. Ох, и не повезет твоей жене!

— Не каркай. Не тааак уж я и ужасен.

— Угу. Утешай себя, — раздался голос из аппарата.

— Пошшел ты! — улыбнулся юноша, разгибая руку.

— Сам пошел! — послышался смех из «трубки».

— Настьке привет передавай, — сказал Леонид. — Про деньги не говори только. Не надо никому знать от кого они. А тто у меня неприятности будут. Себасы ищут мстителя.

— Понял тебя, — посерьезнел голос Паши. — Скажу, что все вместе сложились, насобирали, кто сколько мог.

— Пойдет.

— Ладно, бывай. Жду завтра в десять, в палате.

— Приду, — ответил Леонид и нажал на отмену вызова. Затем убрал маленький аппаратик в карман и застегнул молнию. Перехватился за брусья двумя руками и погнал отжиматься дальше, уже не медленно, а в хорошем размеренном темпе на раз-два, раз-два, раз-два...

* * *

В палате одной из частных клиник Новопитера, сегодня былолюдно. И радостно. Молодые, веселые ребята и девчата пришли провести свою подругу, которая наконец-то очнулась после случившегося с ней три с небольшим месяца назад несчастья.

— Здравствуйте! — раздался от двери голос еще одного молодого человека, подошедшего только сейчас. В руках он держал здоровенный букет белых роз и пакет с фруктами, соком и пирожками. Глаза его прятались за прозрачными компьютерными очками. Этот девайс уже почти сотню лет не утрачивал своей популярности, обеспечивая пользователю функционал так называемой «дополненной реальности». То есть на стекла очков выводилось изображение, получаемое с компьютера, а хитрая оптика и голографические технологии выстраивали его так, что поле зрения не снижалось, но на нем появлялись различные дополнительные менюшки, которыми, с помощью кольца-манипулятора и системы считывания положения зрачка, можно было пользоваться прямо на ходу или во время разговора, даже во время управления флаером или космолетом.

Наиболее продвинутые пользователи подобных гаджетов умудрялись даже незаметно чатиться в процессе беседы, бега или даже еды. Однако, распространение такой гаджет имел не слишком широкое, так как требовал достаточно большой сноровки в обращении и умения быстро переключать внимание.

Собственно по этой причине подобное «украшение» так и осталось в большей степени атрибутом «ботаников», «заучек» и «задротов». Ну, еще музыкантов, так как позволяло выводить ноты перед глазами, не занимая при этом рук. Конкретно этот юноша относился к первой категории и к четвертой сразу.

— О! Привет! Проходи, Лёня, — раздалось приветствие от высокого крепкого парня в кадетской форме без фуражки, со старым шрамом на носу и таким же идущим через бровь от глаза и выше к волосам, державшегося ближе всех к девушке-виновнице торжества. (Сразу так и не скажешь, но именно этот «очкарик» около семи лет назад эти шрамы кадету и оставил, в драке острым куском дерева, выковыряв глаз и чуть было его не оторвав совсем, да еще зубами откусив половину носа. Врачи потом назад все части лица поставили и даже заставили нормально функционировать, но шрамы остались. На то, чтобы их убрать, в то время денег не было, а после Пашка уж как-то привык, стерпелся и теперь вовсе не обращал на них внимания). Он не только сидел ближе остальных, он еще держал одну ее руку в двух своих, боясь отпустить даже на секунду, словно ждал, что стоит ему отпустить, как она снова упадет в кому или, не дай Бог, еще хуже — однажды пережитое повторится.

Приветствие было первым, но не единственным. Этому юноше тут тоже были рады. В детстве, конечно, бывало всякое, но все тут помнили, с какой готовностью этот невысокий симпатичный паренек-скрипач бросился на помощь однокласснику, с девушкой которого произошло несчастье. Он тогда сделал почти невозможное: помог найти ее. То, что не смогли (или не захотели) сделать полицейские, всего за сутки, сбжав в самоволку из

Училища, сделали два еще почти подростка.

Да, раньше, до одного тяжелого момента, Лёнька слыл хулиганом. Даже больше — в авторитете ходил.

Но момент был. Даже более, чем момент... Родом из этого «момента» шрамы и прозвище высокого молодого человека в кадетской форме, зубные протезы другого, находящегося тут же и пара старых переломов третьего.

После того «момента» «хулиганская» жизнь Лёньки Отмора закончилась. Авторитет шатнулся... Остепенился Лёнька, с криминалом «завязал». В лучших кадетах Училища ходить стал, на скрипке играть, призы брать, чуть было до личного дворянства не доигрался. Чуток не хватило, на одно место повыше бы...

Но вот поди ж ты! Только услышал, что девчонка друга в беду попала, сразу вся «степенность» послетала! В СОЧа сорвался, только пятки сверкали! Единственно, что удосужился в спортивный костюм переодеться, дабы формой не светить в значных местах. Угнал флаер чей-то с ходу и полетели они на пару с Одноглазым город перетряхивать.

И ведь нашли! И ведь успели! Как это у них получилось, ребята не распространялись особенно, но факт. Ну а дальше устроить ее, почти уже мертвую, в частную клинику, где не стали задавать вопросов и тратить время на бумаги, сразу же повезли в операционную, Пашка бы уже никакими силами без Лёньки не сумел бы. Тут ведь одного нахрапа мало, тут подход нужен.

И как бы он потом не отнекивался, не сваливал все заслуги на Пашку, но предел возможностей Вересова присутствующие парни и девушки хорошо знали. И частная клиника лежала очень далеко за этим пределом.

Так что, этому невысокому, странноватому интеллигентному «четырёхглазому» юноше тут были действительно рады искренне.

Он сделал еще пару шагов по палате и заметался взглядом.

— Куда цветы поставить? — смущенно осведомился он.

— Настьке в руки отдай лучше такую красоту, — посоветовала Ленка Гонцова, подруга той самой девушки, чье пробуждение они нынче праздновали. Еще с детского дома подруга. — Не часто, нам, девушкам такие подарки перепадают!

Собственно, все, кто сегодня был здесь, родом из одного и того же заведения. Все они детдомовцы. И дружба их тоже оттуда родом.

— Для этого ей придется Пашку отпустить, а на это она сейчас точно не пойдет! — вставила Кристинка Псевич.

— Ставь, — просто принес вазу с водой Кирил Сивин.

— Спасибо, Кирилл, — с благодарностью ответил Лёня и опустил букет в подставленную емкость. — Ты как, Настьк? — поинтересовался он, поставив пакет с продуктами в холодильник, поправив очки и подойдя к кровати.

Настя Каменских, молча обняла его, оставив даже для этого не на долго руки Пашки Вересова пустыми.

— Спасибо, — отпустив и вернувшись на свое место, сказала она. — Паша рассказал, как вы с ним меня нашли. Если бы не ты, я бы сейчас тут не сидела...

Юноша покраснел и смущенно почесал затылок.

— Я всего навсего флаер угнал. Там все Паша делал, я только руль крутил да от плачущих кровью бандитов его оттаскивал, когда он совсем уж зверел...

— Паша мне другое рассказывал, — немного беспомощно улыбнулась Настя.

— Ну, то, что зверел тогда Пашка, это я подтверждаю, — вставил свое слово Лешка Злобин. — Когда тебя в операционную повезли, он на весь коридор кричал, что этого выродка его же кишками удавит...

— Что, прямо так и кричал? — заинтересовалась Кристинка.

— Он много чего тогда кричал. Весь извелся, пока ждал доктора с новостями.

— Спасибо вам всем, — тихо сказала Настя. — Если бы не вы... — все-таки не выдержала она и расплакалась в плечо Пашки.

— Да ну хватит тебе! — подошла поближе Светка Гончарова. — Все ведь кончилось уже! Все хорошо.

— Тихо-тихо, любимая, — гладил ее по волосам Пашка, одной рукой прижимая к себе. — Теперь уже все...

— Я... я как подумаю... — всхлипывала Настя. — Как вспомню, что он творил... Я... я же не одна наверно такая...

Девченки, находящиеся в комнате затихли и посмотрели на Пашу. Тот молча прикрыл глаза и отрицательно помотал головой, призывая сейчас не развивать эту тему.

— Не бойся, Насть. Не бойся. Его больше нет. Его больше нет совсем... — успокаивающе говорил Вересов Каменских, продолжая гладить ее по голове.

— Как это нет СОВСЕМ? — вскинулась она с круглыми от переполнявшего ее чувства глазами.

— Нашли его и убили. Так, что совсем нет, — серьезно пояснил Вересов.

— Вы узнали, кто он? — тихо спросила Настя. И в голосе ее слышалась ненависть.

— Узнали, — тихо ответил Паша. — Еще в ту ночь узнали. Но его уже на планете не было, в Москву улетел гад.

— Кто он? Кто этот нелюдь?! Кто? — тихо, но все с той же ненавистью в голосе, спросила Настя.

— Валентин Кассель его звали... Кудрявый такой, смуглый.

— Он не один был!

— Второй — Виктор Лабертовский... Пониже, поплотнее, лысыватый... — описал Паша.

— Да! Он! Еще печатка у него золотая на мизинце была!.. — признала Настя.

— Его тоже... Нашли. Больше его нет, — тихо и серьезно сказал Паша.

— Охранники еще были! Двое...

— Охранники? — спросила Лена. — Опиши их. Как они выглядели?

— Как два шкафа, такие же одинаковые! Только у одного на шее родинка была, с маленькую пуговицу размером. А у второго татуировка «doc» со штрихкодом за ухом...

— Не знаю про охранников, Насть, — честно признался Паша, но при этом посмотрел на Леонида. Тот сделал вид, что не заметил. — Но узнаю! Обязательно узнаю.

— Так! Хватит тут жути нагонять! — воскликнула Гонцова. — У нас тут праздник, а не похороны!

— Точно! — вскинулся Лёня. — Совсем забыл! Кирилл, поможешь? — с этими словами Жестянкин скрылся за дверью, а следом за ним вышел и Сивый.

Вернулся Леонид меньше, чем через минуту, вкатив через дверной проем накрытый белой скатертью длинный узкий стол, который уже был сервирован на девять человек. Кроме столовых приборов и заварочного чайника, там уже была фруктовая нарезка, две бутылки вина, печенье, зефирки и главное большой торт, килограмма на три — три с

половиной.

— Сегодня же твой Второй День Рождения, Настя! Так давайте его отметим!

— И правда, босота! Айда чай пить! Рассаживайтесь! — добавил вернувшийся Кирюха, втаскивая в палату длинную лавку и еще один стул.

— Не знал, что так можно, — удивился Злобин.

— Так, частная же клиника! — усмехнулся Вересов. — Сюда хоть мужской стриптиз заказывай, только плати...

— Кстати, Паш, ты так и не сказал, на какие деньги мое лечение здесь оплачено? Ведь не на страховку же?!

— Не переживай, Насть. Все наши ребята, как узнали о случившемся, собрались, кто сколько смог. Хватило и на операции, и на регенератор, и на пластику... Так что просто скажи спасибо и не мучайся. Помощь не только оказывать, но и принимать с благодарностью надо уметь.

— Это точно, Насть, не грузись! — поддакнул Злобин.

— Ну, что? За новорожденную?! — первым поднял бокал он. Правда с соком, а не с вином, так как ему потом еще домой лететь на флаере. Вересов и Жестянкин также к вину не притронулись.

* * *

— Лешь, — обратилась Гонцова к Злобину, когда они шли к стоянке, где был припаркован его флаер. Она попросила его подкинуть до дома. Лешка, как джентельмен, не смог отказать даме в такой незначительной просьбе. — А что ты говорил тогда, про Пашу? Он правда грозился тогда этого... Касселя задушить?

— Было дело, — подтвердил Леха. — Мы тогда с Кирюхой уже в самую больничку подъехали, сколько смогли быстро собрать баблишка, подвезли. Мне ж, как Пашка про частную клинику по телефону сказал, так я сразу смекнул, что там лавэ нужно немерено...

— И сколько привезли? Ты прости, если не в свое дело лезу конечно, просто женское любопытство.

— Да не, Ленок, в порядке все, не кипишуй. Полтораху мы тогда собрали. И от ребят потом на неделе косарь подвезли... Ну, и втроем потом точку одну накрыли — две с половиной косых взяли... Может кто еще отдельно чего вкидывал, не знаю... Там же Отмор в основном с айболитами тер. Ну, ты ж его знаешь — по интеллигентному все, с подходцем, за уважение...

— Да, Отмор может, — улыбнулась Ленка, вспомнив пару смешных случаев еще с детдома. — Чью точку-то накрыли? Не прибьют теперь вас, остолопов?

— Да не, Ленок, не парься, теперь не прибьют. Прибивать некому. А по началу, да — сыкотно было, да куда деваться, бабки все одно нужны, без них Настюхе не то, что лицо новое, клизму бы делать не стали. Это ж не врачи, а упырищи настоящие: от жажды помирать будешь — не плюнут бесплатно.

— Так чья точка была?

— Старикова, земля ему пухом, как же вовремя он преставился!

— И правда вовремя, — улыбнулась Гонцова.

— Так вот, прилетели мы тогда с Кирюхой, заходим, а там Отмор без стекол своих

вечных Одноглазого сзади за локти держит. Пахен, он и так-то, со своими шрамами в полдоски, не красавец, а тут вообще, как бес, страшный: глаза кровью налиты, на выкате, волосы торчком в разные стороны, юшка с носа по подбородку сячится, а орет, аж слюни летят. Я его таким никогда не видел до того. И, надеюсь, после не увижу... Очково было тогда к ним подходить-то. А ну как Отмор не удержит? Он же чуть не в полтора раза меньше Пашка! Ты ж знаешь, какой Вересов бычара: восемьдесят пять кило живого весу! А кулак, что голова твоя!

— Ужас какой! Страсти какие! — приложила к щекам руки Ленка.

— Вот идем мы с Сивым, сыкотно, а идти, один болт, надо. Смысл мы иначе летели-то? Я так-то прислушиваюсь, что он там орет-то, и че-то вообще идти расхотелось. А он там такие перлы выводит, кровь стынет: и «я то ему ноги попереломаю», и «я то ему глаза вырву», и «он то у меня зубами давиться будет, кровью кашлять и умываться», и «нет, один глаз оставлю, чтобы до конца видел, падаль, как я его собственными кишками удавлю» и «он-то у меня, тварь, до последнего в сознании будет», и «он-то от меня на переломанных культиях по полу круги нарезать будет»... Ну как-то так. У меня память-то не очень, может пугаю слегонца чего. Но ужас, короче. Не дай Бог кому реально такой смертушкой отходить придется, как он расписал!

— Да, нет, не путаешь... — тихо пробормотала Гонцова. — Вполне себе исчерпывающее описание...

— Ты сказала там чего, Ленок? Звиняй, задумался, не расслышал.

— Кошмар какой, говорю! Надо же так человека довести было! — громче сказала Гонцова. — А не знаешь, мог Одноглазый Касселя этого заказать кому?

— Че? Тоже слышала, что гнида эта подлабовская помирал трудно? — ухмыльнулся Леха, глянув на Ленку.

— Ну, слухи-то они быстро расходятся, — уклончиво ответила она.

— Заказать-то не мог он точно, — ответил Злобин. — Он же все деньги, что у него были, в клинику отнес. Поди еще должен остался... А вот, если шепнуть кому... Пашка ведь не последний человек в городе. Не то что мы с Сивым... Очень уж красиво Лаб со своим псом цепным кони двинули. Так что мотай на ус Ленок. Но про Пашу, ты от меня ничего не слышала! Усекаешь? Кадет он и кадет, а больше я тебе ничего не говорил!

— Конечно, Лешь, свои же люди, все понимаю...

Разошлись они с этих импровизированных посиделок в больничной палате рано — еще до полудня. Так что Ленка даже успела доподготовить оставшиеся документы на поступление в ВУЗ. И, даже, запустить их в обработку: пара смущенных улыбок, потупленный взор, некоторая сумма материальной благодарности... В общем-то ничего нового. Возможно и в школу не было смысла лезть тайком, ночью. Можно было придти днем, в прямую к директору... Заодно иметь его на крючке на будущее, как теперь на крючке у нее сидел декан факультета. Но задним умом все крепки. К тому же не полезь она туда ночью, не было бы того дикого, дико-возбуждающего, невероятного танца.

С официальными делами покончено. Можно было заняться неофициальными — собственный поиск объекта «Ангел»...

На больших настенных часах в гостиной часовая стрелка медленно, но упорно переползала через цифру одиннадцать, неотвратно направляясь к следующей, двенадцатой отметке. Гонцова сидела в кресле перед своим домашним компьютером и думала, уставясь невидящим взглядом в экран.

Что она в результате имеет? Эта встреча с друзьями добавила массу вопросов, на которые теперь необходимо найти ответы. И несколько новых зацепок.

Итак, исходные данные: угрозы Вересова в коридоре клиники, которые почти полностью совпадают со способом убийства Валентина Кощеева-Касселя, весьма специфичным и нетривиальным; второе — слова Вересова, о том, что Виктора Лабертовского убили. Именно убили, хотя во всех сводках, новостях и даже слухах, фигурирует самоубийство. Третье — охранники, которые также участвовали в похищении и изнасиловании Анастасии Каменских.

Охранники — это первое, что проверила Гонцова, лишь только войдя в квартиру: оба мертвы. Погибли в пьяной драке вечером следующего дня после смерти Виктора Лабертовского. Причина смерти — множественные ножевые ранения у одного и перелом основания черепа у другого. Случайность?

И четвертое: деньги. Деньги на лечение. Те пять тысяч, о которых рассказал Злобин — капля в море. Запросить напрямую бухгалтерию клиники на предмет счета, выставленного конкретной пациентке, Гонцова не смогла. Там требуется официальный запрос СИБ, подкрепленный решением суда — подобные заведения защищены законом и не только им очень серьезно.

С другой стороны, пообщаться по телефону с регистратурой и узнать стоимость проведения конкретных операций (а какие конкретно были проведены операции, Лена узнала в непринужденном разговоре от самой Насти) никто не мешал.

И получилось, что-то около тридцати семи тысяч.

Откуда деньги?

Злобин сказал, что Пашка полностью вложил в это дело. Но откуда у простого кадета, бывшего детдомовца, такие деньги? Лёня Отмор? Злобин сказал, что это именно он с мед. персоналом общался и договаривался.

Возможно. Вполне: призовые деньги за второе место в конкурсе исполнителей, по данным из Сети составляли десять тысяч рублей. Леонид Жестянкин участвовал в этом конкурсе два года подряд. И каждый раз брал это второе место. Итого: двадцать. Плюс

различные региональные конкурсы помельче, в которых он регулярно участвовал и стабильно брал первые-вторые места.

А Леонид очень даже мог вот так вот просто отдать гигантскую сумму, чтобы помочь другу, при этом никому не сказать об этом. Это полностью в его духе.

Вот ведь, из всей их детдомовской братии наибольшего успеха, получается, добился именно Отмор. Причем, не тогда, когда «хулиганил», а когда «завязал»! Да он же, практически дворянин уже, если так посудить-то! Еще год-два и он-таки возьмет это первое место, получив личное дворянство! И это в семнадцать лет!

Зря, выходит, они все над ним посмеивались...

Но суть не в этом.

Суть в том, что ОН, как оказалось, ближе, чем она думала! Это совершенно точно кто-то из знакомых Вересова. Не он сам, это ясно — рост, телосложение и наличие шрамов на лице. Плюс недостаточная информированность: о смерти охранников он не знал.

Как там выразился Злобин? Заказать не мог, но вот шепнуть кое-кому... Понять бы теперь, кто этот «кое-кто»!

И как назло нет возможности воспользоваться ресурсами конторы, ведь с дела ее сняли. Остается только полагаться на свои собственные силы. Впрочем, как и всегда.

Гонцова встала с кресла, сладко потянулась, разминая затекшее тело и двинулась на кухню навести себе кофе.

Вроде бы все логично. Но, что-то не давало покоя, какая-то мелочь стучалась на краю сознания, не позволяя расслабиться и пойти спать, хоть время неумолимо двигалось к полуночи.

Кружка обжигающего, горячего кофе уютно устроилась в ладонях. Аудиосистема, повинувшись голосовой команде, наполнила помещение приятной расслабляющей музыкой. Лена забралась, подогнув под себя ноги на диван и прикрыла глаза.

Но блаженство не наступало. Хотелось чего-то еще. Чего-то ускользающего от ее понимания, чего-то, что она никак не могла понять.

Коммуникатор, словно бы сам собой скользнул в руку.

— Привет, Настьк, — сказала она в «трубку», дождавшись сигнала об установлении соединения. — Не спишь еще?

— Наспалась уже, — фыркнула девушка на том конце «провода». — На полжизни вперед. Чего звонишь-то, Ленок?

— Не знаю, соскучилась по нашей болтовне. Три месяца не звонила уже.

— Да? Что-то не очень верится. Ты слишком эгоистична и эгоцентрична для того, чтобы по ком-то скучать.

— Пожалуй, — рассмеялась Гонцова. — Ты слишком хорошо меня знаешь, Настюха.

— Потому мы и дружим. Говори уже, — судя по голосу, на той стороне девушка улыбнулась.

— Сама не знаю, — призналась Гонцова. — Пришла домой, приняла душ, навела кофейку, устроилась на своем любимом диване, слушаю музыку... А чего-то не хватает. Чего-то хочется, а чего не знаю.

— Мужичка, — серьезно заявила Настя.

— Мужичка? — удивилась Ленка. — Как-то я раньше без них обходилась вполне себе сносно. С чего вдруг?

— Выросла, наверное, — хихикнула Настя. — Созрела.

— А знаешь, — откинула голову на спинку дивана Гонцова. — Может ты и права... — она мечтательно прикрыла глаза, а тело словно бы вновь чувствовало на себе прикосновения ЕГО тела. ЕГО рук к плечам, к рукам. ЕГО груди к своей спине. ЕГО паха к своей попе.. Последнее воспоминание заставило слегка поерзать на диване и вызвало прилив тепла к низу живота. А еще во всем теле появилась некая непонятная ломота.

— А ты не влюбилась ли часом? — заинтересовалась Настя.

— Не говори ерунды, — отмахнулась от этого предположения Лена. — Ты сама знаешь: я слишком эгоистична и эгоцентрична для этого. Наверное и правда... созрела.

— И что будешь делать? — окончательно развеселилась Настя.

— Идти куда-то самой, — задумалась девушка. — Влом. Это значит, что мужик должен приехать ко мне сам...

— Ну, ты и нахалка! — восхитилась Настя.

— Я просто рассуждаю логически. Пытаюсь разобраться в желаниях, правильно поставить задачу и найти оптимальное решение, удовлетворяющее меня по количеству потраченных усилий и времени на его реализацию...

— Как ты сама-то себя понимаешь? — «закатила глаза» девушка на том конце «провода».

— Продолжаем анализ, — не обращая внимание на подколки подруги, сказала Лена. — Что бы мужик пришел ко мне сам, он должен меня знать. Всяких жигало и «проститутгов» не рассматриваем.

— Даже интересно стало послушать!

— Коллег исключаем — лишние сложности в дальнейшем. Всех, кто старше двадцати исключаем — не хочу быть «неопытной девочкой». Физически уродливых и неопрятных тоже, также лично мне неприятных, далее тех, кто уже занят, дабы не плодить сложностей в будущем... В идеале это должен быть какой-то знакомый из детства... Достаточно близкий, чтобы решился приехать, но и достаточно посторонний, чтобы избежать сложностей в дальнейшем... Кто у нас остается...

— Даже и не знаю, — задумалась Настька.

— А дай-ка мне номер Леньки Отмора, — пришла к решению Гонцова. — У твоего Пашки сто процентов есть!

— Уверена? Ленька? Он, знаешь ли парень себе на уме, так-то. Может кого по-проще попробуешь?

— Я ж не собираюсь ему звонить и заявлять: приезжай, потрахуемся!

— А что? Как раз в твоём духе: прямо, по существу и без словестного кружева, — снова развеселилась Настька. — Ладно, жди, сейчас пришлю номер! — завершила вызов она.

Гонцова отложила в сторону коммуникатор и раскинула руки по спинке дивана. Она прикидывала, что еще теперь следует сделать для выполнения поставленной задачи.

Если быть последовательной, то дальше идут контрацепция и обольщение.

Девушка встала со своего места и подошла к компьютеру. Несколько минут работы и интернет-заказ отправлен в ближайший пункт формирования и доставки мелких заказов, благо индустрия интернет-торговли за прошедшие века с момента создания интернета, развилась очень и очень значительно.

Пиликнул коммуникатор, сообщая о приеме текстового сообщения.

Лена внесла в память аппарата, полученный номер, а после дала по нему вызов.

— Да? — раздался слегка удивленный голос из «трубки».

— Привет, Лёнь, это Лена.

— Лена?

— Гонцова.

— А! Здравствуй, Лен, не узнал тебя, богатой будешь! — сразу помягчел голос юноши. Что-то он напоминал, этот голос. Но совсем отдаленно. Так, что и не зацепиться, но по краю сознания царапает. А может она просто волнуется? Вдруг откажется? Быть отвергнутой не хочет ни одна женщина. И точно также ни одна женщина не может быть до конца уверена, что ее не отвергнут. Но прочь сомнения!

— Приедешь? — решила сильно не крутить Гонцова.

— Что-то случилось? Нужна помощь? — мгновенно посерьезнел и подобрался собеседник, сразу напомнив себя прежнего, до «завязки», оттуда из детства.

— Нет. Просто приезжай. Адрес знаешь? — сказала Гонцова.

— Знаю, — ответил он. — Жди. Двадцать пять минут, — и нажал отбой вызова.

Лена удивленно отложила коммуникатор. Столь короткого разговора она не ожидала. Как и столь быстрого согласия. Как и столь оперативного прибытия. Видимо, отвыкла она от Отмора, забывая уже стала его решительность и скорость принятия решений. Все эта его новая повадка и внешний вид «интеллигентного Кролика», как иногда выражалась Настька, сбивает с толку, заставляет забыть его славное «хулиганское» прошлое, когда он без тени сомнения бросался в драку один на пятерых и укладывал их всех на больничную койку... рядом с собой. Не могло это все просто так исчезнуть. Настолько кардинально люди не меняются. Вот и к Настьке, кстати, на выручку, он тоже не раздумывая сорвался. И именно этим спас ей жизнь, ведь в ту ночь дело решали минуты.

Пиликнул сигнал, сообщающий о доставке заказанного товара. Гонцова подошла к «почтовому ящику» в который автоматический дрон-курьер доставляет мелкие интернет-заказы. Она открыла дверцу и достала коробку с покупками.

Ленка подошла к дивану и достала из нее пакетик с кружевным нижним бельем, пакет с коротким шелковым халатиком и пачку презервативов.

Пачку положила на тумбочку рядом с кроватью, а остальное пошла примерять к зеркалу, благо двадцать минут из отмеренных Отмором двадцати пяти еще оставались.

* * *

Во дворе раздался звук двигателя мощного спортивного спидбайка. Девушка подошла к окну и недоуменно посмотрела на красивый новенький дорогой аппарат черного цвета, остановившийся у ее подъезда. На нем восседал парень в светлых брюках светлой рубашке с коротким рукавом, черном тонированном защитном шлеме и черных же спортивных перчатках. Он снял шлем и повесил его на руль. Затем стянул с рук перчатки и убрал их в задний багажный отсек.

Лена с удивлением узнала в байкере «вежливого Кролика» Леню Жестянкина. Вот уж чей образ не вязался в ее сознании с крутыми спортивными спидерами, да и вообще скоростью и риском.

Тем временем, парень ловко спрыгнул на асфальт и направился к подъезду. Лена дала голосовую команду и подъездная дверь отворилась прямо перед ним, до того, как он успел набрать на домофоне номер ее квартиры.

Парень поправил свои очки и вошел. Вскоре раздался звонок со стороны входной двери. Девушка подошла и, не спрашивая, кто там, открыла ее.

— Я здесь, — вместо приветствия сказал он девушке.

— Проходи, — сказала она, отходя в сторону, чтобы пропустить его внутрь. Лёня вошел и аккуратно разулся на специальном коврик. Лена закрыла за ним дверь и повернулась к нему.

Ни слова не говоря, она медленно сняла с парня очки и положила их на тумбочку прихожей. Парень тоже молчал. Ростом он ей почти не уступал, так что их лица оказались напротив друг друга.

Девушка задумчиво облизнула губы, а затем взяла в ладони его лицо и поцеловала.

Парень не выглядел растерянным или удивленным в этот момент. Он осторожно ответил на не слишком умелый поцелуй, затем так же осторожно, словно боясь спугнуть, поднял руки и положил их на плечи девушки.

Она оторвалась от его губ, отпустила лицо, взяла своей рукой его руку и потянула за собой в направлении спальни.

Где-то на половине пути парень остановился.

— Я весь потный и пыльный, — сказал он хозяйке квартиры.

— Иди в душ, — решила она. — Полотенце сейчас принесу. Шампунем можешь моим воспользоваться.

— Хорошо, — кивнул он и, отпустив руку девушки, двинулся в направлении душа, уверенно и безошибочно, словно бывал тут не один раз. Лена посмотрела на его удаляющуюся спину, где на рубашке отчетливо проступал влажный треугольник ниже шеи. Где же он был в момент ее звонка? В двенадцатом часу ночи? Явно не в собственной постели.

Впрочем, об этом можно спросить позже. Гонцова открыла шкаф в своей спальне и достала большое банное полотенце, розовое в цветочек. Представив мужчину с таким полотенцем на бедрах, девушка невольно улыбнулась и чуть сильнее порозовела щеками.

Поправив у зеркала волосы, Лена понесла полотенце в душ. То, что оттуда уже слышался шум льющейся воды, и парень, скорее всего, уже разделся и моется, ее совершенно не останавливало. Наоборот, хотелось посмотреть, так сказать, «товар лицом».

Она отворила незапертую дверь в ванную и вошла. Леонид действительно уже стоял под струями воды в костюме Адама. Напоминал, правда, больше Аполлона.

«Товар» был действительно «лицом». Парень был пусть, не высокий, но стройный, подтянутый. Мышцы не могли похвастать объемом, но были рельефными, сухими, даже на вид крепкими, словно кожаные ремни. Причем нельзя было сказать, что какая-то группа развита больше, какая-то меньше, он был в этом отношении равномерно гармоничен. Совершенен. Такое слово лезло на ум само собой.

Лена поймала себя на мысли, что беззастенчиво разглядывает парня, более того любит им сквозь прозрачную стеклянную дверцу душа уже несколько минут. А парень смотрит на нее и улыбается.

Он смыл с себя остатки мыла и выключил воду, после чего отодвинул дверцу. Девушка отдала ему полотенце и, кивнув, вышла.

Вскоре вышел и Леонид, обернутый вокруг бедер розовым полотенцем в цветочек. Дверь спальни была открыта, туда он и отправился, остановившись на входе.

Лена стояла спиной к нему и застилала постель новым комплектом постельного белья.

Для этого ей пришлось наклониться, и коротенький халатик задрался вверх, обнажая аппетитные спортивные ягодицы девушки, обтянутые черным кружевом. Настала очередь парня любоваться девушкой, что он с удовольствием и делал.

Лена закончила и, распрямившись, повернулась к парню. Она сделала четыре шага, разделявшие их и вновь поцеловала его. Леонид ответил на поцелуй и вновь положил руки на плечи девушке. Затем обнял ее за талию и сильнее притянул к себе. Девушка закинула руки ему на шею и тоже обняла.

Молодые люди не торопились прерывать поцелуй или переводить его во что-то, более активное. Можно сказать, они еще только-только знакомились. Но знакомство это было приятным.

Леонид разомкнул объятия и освободившимися руками развязал пояс на халате девушки. Она не возражала. Ее глаза оставались закрыты, она наслаждалась ощущением его губ на своих губах, вкусом поцелуя и теплом тела, прижавшегося к ее телу. Ощущения были новыми и необычными. Раньше она таких не испытывала. Ведь, будучи увлечена обучением, стараясь вгрызться, вырвать свое, стать лучше, стать лучшей, на парней и флирт с ними Лена себе времени не оставляла.

И ей нравилось то, что она сейчас чувствует. Особенно доставляли удовольствие руки парня, проникшие под халат и беззастенчиво путешествующие по ее телу, ласкающие его, и губы, ласкающие ее губы, само его тело, которое оказалось на ощупь таким удивительно приятным, что хотелось прикасаться к нему снова, и снова, и снова.

Парень оторвался от ее губ и стал целовать шею, постепенно опускаясь ниже. В какой-то момент девушка развернулась у него в руках, прижавшись своей аппетитной попкой к паху юноши. К его эрегированному фаллосу, который четко ощущался через полотенце. Парень продолжал целовать шею и ямочку над ключицей, в то время, как руки его вплотную занялись грудью девушки, чуть-чуть не дотягивающей до второго размера и пока еще не освобожденной от черного кружевного бюстгалтера.

Это тоже оказалось умопомрачительно приятно. Настолько, что Лена начала непроизвольно постанывать и слегка тереться о член партнера. Тут нежные, но сильные пальцы юноши проникли под ткань и захватили в плен соски девушки, мягко начав их массировать.

От этого простого действия, тело Гонцовой словно пробито электрическим током, стон вырвался сильнее, а колени подкосились, не держа, ставшее таким своевольным тело. Она не упала на пол только потому, что партнер, а теперь она точно знала, что сегодня этот юноша будет ее сексуальным партнером, легко удержал ее в своих объятиях. Он продолжил свои действия, заставляя Лену стонать снова и снова.

Она отвела свои руки назад и сбросила с бедер Леонида полотенце, освобождая себе доступ к его твердым подтянутым ягодицам, а своей попе к, стоящему колом, члену.

Леонид оставил на время грудь девушки в покое, для того, чтобы сбросить с ее плеч халатик, а после освободить от брони бюстгалтера.

Девушка вновь извернулась в его руках и впилась в губы поцелуем, жарким и страстным, выплескивая тот огонь, что разгорался в ее теле все сильнее и сильнее. Теперь это все уже не было просто причудой, капризом мающейся бессоницей девочки. Нет, теперь это было неудержимое желание женщины, готовой и желающей принять в себя мужчину.

Руки ее свободно и жадно путешествовали по спине и ягодицам партнера. Желание нарастало.

Парень оторвался от губ девушки и снова начал покрывать поцелуями ее шею, постепенно спускаясь вниз. Но в этот раз не остановился на пол-пути и все же добрался до ореолов, что вызвало новый стон удовольствия со стороны партнерши (он и сам был уже не против стать сегодня ее партнером). И там он задержался надолго, попеременно лаская то правую, то левую грудь девушки.

Лена в какой-то момент вовсе отключилась от любых мыслей, полностью сконцентрировавшись и растворившись в лавине ощущений.

Вдруг ее ноги оторвались от пола — Леонид легко и непринужденно вскинул ее на руки и понес к кровати.

Там он, уложил ее на белые простыни и продолжил настойчиво ласкать ее тело, покрывая его поцелуями. Левая рука Леонида опустилась к внутренней стороне бедер девушки, прошлась по коже, а затем приникла к самой сокровенной щелочке, раскрывшейся от возбуждения розовыми лепестками и влажной от соков. Это вызвало новый стон удовольствия девушки. Пальцы его начали нежно двигаться, массируя половые губки и стимулируя клитор, заставляя бедра девушки судорожно сжиматься, в следующую секунду вновь раскрываясь навстречу желанной ласке партнера.

Казалось, это длилось мгновение и в то же время вечность, прежде чем распаленное тело сотряс первый в жизни оргазм.

Ноги ее сомкнулись, намертво зажимая оказавшуюся между ними руку, спина выгнулась дугой, острые ногти пальцев впились в кожу на плечах юноши, оставляя красные, слегка кровоточащие полосы, и даже закушенная губа не помогла остановить стон-вой-выдох-вдох удовольствия.

Но все это не заставило партнера остановиться, наоборот, он ускорил и сделал гораздо более интенсивными и агрессивными движения.

Новая волна удовольствия накрыла девушку с головой, а после еще одна и еще. И еще... Каскадом захлестывая сознание, топя любые мысли, опасения и страх боли, сопутствующей первому разу.

В какой-то момент она схватила юношу за плечи и перевернулась вместе с ним на кровати, подминая его под себя. Что вызвало лишь улыбку на его лице. Сама она тоже улыбалась, искренне, счастливо и немного хищно.

Сквозь дурман желания, пробилась мысль о необходимости контрацепции, и девушка сместилась чуть вниз, усаживаясь на его бедра чуть ниже паха.

Она потянулась к тумбочке за упаковкой презервативов, нагнувшись над лицом парня. Тот воспользовался моментом и его губы вновь захватили в плен сосок девушки. Девушка замерла, не в силах найти в себе силы прервать эту сладкую пытку. А юноша подключил к делу руку, дабы не обделять вниманием вторую грудь, вторая же рука вновь нырнула к разгоряченному лону.

Лена закусила губу, пытаясь сдержать стон и сохранить хоть какую-то ясность мысли. Эта борьба продолжалась какое-то время, длинное или короткое, Гонцова не знала, так как с началом всего этого безумства, полностью утратила чувство времени, а затем ее тело снова сотряс оргазм, который по счету она не знала, так как даже и не думала их считать.

Но затем юноша сжалился над ней и отпустил грудь, поместив свои шаловливые руки на бедра девушки.

Та закончила свое движение и все же схватила вожаделенную упаковку. Буквально разодрала ее, извлекая заветное колечко. Затем тщательно, не с первого раза, так как

подобного опыта еще не имела, раскрутила его, приведя в рабочее положение.

Затем приподнялась и приставила головку к готовому принять, лону, между жадно раскрывшихся розовых лепестков.

Лена вновь закусила губу, готовясь к боли. Леонид ободряюще улыбнулся и завладел грудью девушки, полностью сосредоточившись на ней.

Возбуждение и удовольствие вновь затуманили взгляд Лены, вытесняя последние страхи из головы. Она резко дернулась и коротко вскрикнула, затем замерла, пережидая боль.

Мужчина продолжил ласки, стараясь успокоить, отвлечь ее от боли, чуть приподнялся, напрягая мышцы пресса, и нежно поцеловал в губы.

Девушка, потихоньку начала двигаться, пересиливая боль, которая начала понемногу отступать под напором возбуждения и удовольствия.

Они становились сильнее, ведь парень не прекратил своих ласк, лишь сделав их менее напористыми и агрессивными, добавив в них больше нежности и заботы.

Лена начала наращивать амплитуду и скорость движений, испытывая новые, непохожие на все предыдущее ощущения, чувствуя наполненность чем-то живым, упругим, одновременно твердым и мягким внутри.

Счет времени она потеряла уже давно. Так что вечность-мгновение спустя, она стала чувствовать приближение чего-то немислимого, неизведанного доселе.

Парень крепко обхватил ее бедра и тоже ускорился. Это что-то подступало все ближе, буквально сводя зубы мучительно-сладостным ожиданием.

И в какой-то момент она почувствовала, что член партнера начал сокращаться внутри нее, сам же парень напрягся и выгнулся под ней, несколько раз дернулся и замер все в том же напряжении.

С первыми же его сокращениями это, то самое «что-то», накрыло девушку с головой. И на несколько минут Лена выпала из реальности. Возможно даже на какие-то секунды лишившись сознания от удовольствия. Раньше она даже не предполагала, что такое возможно.

— Спасибо, — тихо прошептала она, чуть-чуть придя в себя.

— Тебе спасибо, — так же тихо ответил он. — Ты у меня первая.

— Ты, как видишь, тоже, — бросила она взгляд на залитую кровью простыню.

— Тебе понравилось? Я не облажался? — обеспокоенно, с затаенным страхом в глазах, спросил он.

— О! Да! Мне понравилось, — улыбнулась она. — А теперь иди в душ и возвращайся. До утра времени много и я хочу сделать эту ночь для себя еще более незабываемой. Ты ведь сможешь еще? — с подозрением, ожиданием и немножко угрозой, спросила она глядя ему в глаза.

— Постараюсь, — смущенно отвел глаза «Вежливый Кролик» Жестянкин.

— Быстро в душ! — скомандовала она. — Я простыни перестелю. Не задерживайся там, потом моя очередь.

За эту ночь ходили в душ еще дважды. Успокоились лишь под самое утро.

В двенадцатом часу дня Лена проснулась на плече любовника и сладко потянулась. Чувствовала она себя прекрасно. Единственно, внизу живота немного побаливало, но это и не удивительно, после таких ночных приключений.

Лёня не спал. Он рассматривал лежащую на его плече девушку, неторопливо перебирая ее волосы пальцами.

— Доброе утро, — поздоровался «Вежливый Кролик» Жестянкин.

— Доброе, — автоматически отозвалась Лена, пытаясь сообразить, какой же линии поведения теперь придерживаться. С одной стороны, ночь ей более чем понравилась, и она не прочь ее повторить, а парня с таким действительно классным телом еще поискать... С другой стороны, лишних сложностей не хотелось, а любые сколько-нибудь серьезные отношения при ее работе, это в любом случае сложности. Да еще ОН... Который, к тому же, сто процентов наблюдал за ними этой ночью!

Видимо сок фейхоа в своем холодильнике она больше находить не будет. Девушка непроизвольно вздохнула при этой мысли, да и улыбка на лице как-то сама собой увяла.

— Кушать будешь? — осведомился «Вежливый Кролик», беря с тумбочки свои очки и надевая их на переносицу. Затем жестом знаменитого Кролика из самого древнего мультика о Винни-Пухе, поправил их указательным пальцем.

— А есть чего? — слегка удивилась вопросу Лена, помнившая, что холодильник у нее вечером был пустой.

— Я пиццу заказал, — ответил он. — Минут сорок назад доставили. Немного остыла, наверное...

— Буду, — решила Лена, поднимаясь со своей «подушки». Она поискала взглядом халат. Нашла на стуле, аккуратно сложенным. Белье было там же. И тоже аккуратно сложено. А вот вещей любовника она в комнате не увидела, как не искала.

— А твои где вещи? — не выдержав приступа любопытства, поинтересовалась она.

— В ванной висят, — ответил Лёня и почесал кончик носа, слегка смущенно.

— В каком смысле висят? — не поняла девушка.

— Я имел наглость воспользоваться твоей стиральной машинкой без спроса, — как в величайшем грехе, признался он, видимо ожидая грома и молнии. — Порошок я через Сеть заказал, так что твой не потрачен... Извини, — окончательно стушевался он.

— Забей, — щелкнула по кончику носа, который тот только что так забавна чесывал, Ленка. — Высохнуть успеет?

— Думаю, уже высохло. Я же еще ночью запустил все в стирку. Ты так сладко спала, что я не нашел в себе моральных сил разбудить тебя ради разрешения ей воспользоваться, — быстро, витиевато и путано оправдывался он, смущаясь и краснея.

— Ночью ты был по-увереннее, — вздохнула Гонцова. Мнущиеся мужчины были ей неприятны. Леонид вообще замолчал. — Пошли поедим, раз уж все давно готово, — он кивнул и поднялся с кровати. Полностью голый, еще более впечатляющий, чем прошлым вечером под душем. И полностью готовый... — Хотя, к «Ангелу»! Потом поедим! — встала девушка, схватила за руку парня и утянула его обратно в кровать. — Продолжишь быть тюфяком, побью! — предупредила она.

Леонид снял очки, тряхнул головой, положил их на тумбочку, а после впился требовательным, жадным, властным поцелуем в чуть припухшие после ночи, губы любовницы.

— Когда ты вот так молчишь, ты мне нравишься больше! — заметила она, на мгновение оторвавшись от его губ. Дальше ей было не до разговоров — Леонид уверенным и не терпящим возражений движением, перевернул ее спиной к себе, затем подтянул, ставя девушку на колени и локти. Запустил одну руку в волосы, умудрившись проделать это, не переступив грань отделяющую властность от грубости, второй же рукой раздвинул Ленкины коленки...

* * *

До кухни они добрались лишь через час, очередной раз заглянув в душ.

Лёня был одет в свои высохшие, чистые, но не глаженные вещи, от того выглядел слегка помятым. От этого и от слегка припухших, покусанных девушкой губ, от нескольких бордовых засосов, выглядывающих из-за воротника рубашки. Хорошо еще спину его не было видно.

— Лёнь, — утолив первый голод, обратилась к любовнику Лена. — Только честно, хорошо?

— Как скажешь, — прожевав очередной кусочек и вытерев губы салфеткой, приготовился слушать «Вежливый Кролик», снова нацепивший свои извечные очки. Ленка, кстати, успела повертеть их в руках и даже примерить. И теперь точно могла сказать — моделька не из дешевых. Далекое не из дешевых.

— Это ты оплатил основную часть лечения Настьки?

— Основную? — уточнил парень.

— Те операции, что ей сделали, стоят около сорока тысяч. Ребята не смогли бы собрать таких денег.

— Откуда такие сведения о сумме? Врачи вроде бы справок не дают по таким вопросам? — заинтересовался Лёня.

— Так ты?

— Я, — не стал отпираться он. Зачем, если и так все очевидно.

— Это призовые от Конкурсов Ванессы?

— Не совсем, — поправил девушку он. — Призовые лишь стартовый капитал. Я играю на Бирже. Вполне успешно, кстати. Там замечательно работают математическое моделирование, статистика и взлом некоторых банков данных... — снова почесал кончик носа он, потом жестом Кролика поправил очки.

— Биржа? — задумалась Гонцова. Про Биржу она почему-то не подумала, хотя такой вариант в применении к «Вежливому Кролику» был очевиден и напрашивался сам собой.

— Да, — не стал углубляться в подробности он.

— А адрес ты мой откуда узнал? — чуть прищурилась она.

— Лет пять уже слежу за тобой, прослушиваю телефон, перехватываю трафик компьютера и подглядываю в душе, — с видом абсолютной серьезности ответил он. Даже черезчур абсолютной. Настолько, что Ленка невольно улыбнулась — так он в этот момент напоминал персонажа из древнего мультика.

— А серьезно?

— Гуляли как-то с Пашкой и Настькой в увольнительной. Он на твои окна показал, обмолвившись, что ты тут живешь. Я запомнил. У меня память хорошая, — и снова поправил очки.

— Понятно, — быстро потеряла интерес к теме девушка. Перед ней снова в полный рост начинала подниматься проблема выбора линии поведения.

— Лен, жутко извиняюсь, но у меня сегодня еще дела, — сказал он поднимаясь из-за стола. — Звони если что. На мой обрез-спарку всегда можешь рассчитывать.

— Обрез-спарку? Это ты про что? — прищурилась Ленка. — Калибр-то у тебя явно поменьше будет... — Лёня покраснел и отвел взгляд в сторону.

— Я вообще-то про реальный обрез говорил. У меня внизу в багажнике лежит. Я ж, когда ты позвонила, думал случилось чего, просто по телефону говорить нельзя, вот и сорвался, как на стрелу... Броник легкий ферритовый там же лежит.

— Слов нет, — тихо отвисала Гонцова пытаясь представить «Вежливого Кролика» в бронике и с обрезом. Получалось хреново. Кроличьи уши, не к месту вползающие в ее фантазию, портили всю картинку.

— И часто у тебя такие «стрелки»? — переварив информацию, задала вопрос она.

— За учебу пару раз случалось. Пашке спину прикрыть надо было... Он же у нас «авторитет», если ты не знала. У него своя «команда» есть. Пол-района держит.

— Это так-то нормально, для Кадетки? Обрезы, стрелки, авторитеты?

— Это нормально для нашего детдома. И того района, где мы с тобой и с Пашкой выросли. А Кадетка тут не при чем. Ладно, пора мне: через месяц региональный конкурс исполнителей-скрипачей. Сегодня крайний день подачи документов, хотелось бы успеть — первое место на нем, это пропуск на Ванессу этого года.

— Думаешь, сможешь победить?

— Нет, — улыбнулся парень, немного лукаво. — Но согласишься, десять тысяч тоже неплохо!

— Дойди сначала, до второго места, — улыбнулась Ленка.

— Звони, — сказал уже от входной двери, не став реагировать на подначку Жестянкин. — Я серьезно. Чем смогу помогу.

— Не переживай, позвоню. Скоротать одинокий вечер ты помогаешь отменно! — Отмор покраснел и поспешил смыться, не дожидаясь новых ехидных комментариев. Ему и «калибра» за глаза хватило.

Ленка весело, но необидно рассмеялась, дав голосовую команду на блокировку дверного замка за ушедшим парнем. Настроение он ей явно поднял.

Словно по заказу раздалась мелодия вызова с ее коммуникатора. Мелодия выставленная на Настю Каменских.

— Да, Насть? — уже понимая зачем ей звонит и чего хочет подруга, ответила на вызов Ленка.

— Рассказывай!!!

— Что рассказывать?

— Все рассказывай! Я тебе пятый раз за сегодня звоню, ты трубку не берешь, из чего я делаю вывод — у тебя-таки все получилось? Из твоей безумной затеи.

— Это была не безумная затея, а четко поставленная задача, — отозвалась Гонцова.

— Пофиг! Как он? Приехал? Что ты ему сказала? — сыпала вопросами Настька. И не

скажешь, что только полтора суток, как из комы вышла.

— Сказала: «Просто приезжай».

— Приехал?

— Прилетел. На спидбайке. С обрезом. Через двадцать пять минут.

— «Вежливый Кролик» с обрезом на байке? Да ты гонишь!

— Я бы также ответила, если бы он не ко мне во двор прилетел.

— Ладно, с этим ясно — перепугала пацана. Вот он и перебздел. Ты мне скажи — получилось?

— Да.

— И как он?

— Сравнить не с кем. Но мне понравилось. Тело у него потрясное.

— Ну, это и через одежду видно, если смотреть внимательно... Вы теперь пара? Встречаетесь?

— Нет. Просто хорошо провели ночь. Без лишних сложностей и обязательств.

— Ну и зря! Хороший же парень.

— Зато я — эгоистичная, эгоцентричная, самодостаточная стерва. Ты же знаешь.

— В семнадцать лет? — рассмеялась Настька. — Максимум: стервочка. Или стервюшка!

— Да ну тебя, — притворно обиделась Ленка. — Стой, погоди, вызов по второй линии! — удивленно переключила аппарат она. В «трубке» раздался голос куратора.

— Через час. Кафе на набережной, рядом с третьим мостом.

— Приняла, — вызов завершился. Гонцова переключилась обратно.

— Прости, Настьк. Потом поболтаем, мне бежать пора — дела срочные...

* * *

— В чем срочность такая, Вадим Саныч? — поприветствовала Гонцова своего куратора, усаживаясь на кресло за столиком рядом с ним.

— В твоём ночном госте, — не стал темнить куратор.

— А что не так? Я свободная девушка, возраст согласия достигнут у нас обоих, паспорта есть, никаких законов не нарушаем, — насторожилась Лена. Возмущаться по поводу камер и наружки она даже начинать не стала, поскольку понимала и так, что роль «наживки» для «Ангела» с нее никто не снимал.

— Наружка вчера доложила, что к тебе в квартиру прибыл неизвестный на черном спидбайке. Причем его словестное описание в точности совпадает с описанием «Ангела», за исключением очков, конечно. С данным, между прочим, тобой описанием. Вот в чем причина нашей сегодняшней встречи.

— Да ну вы что?! Какой из Лёньки «Ангел»? Да бросьте... Лёнька скрипач, детдомовец. Я ж его еще с пиздюковки знаю! Да, хулиганом он был одно время, а кто из наших не был? В авторитете ходил — да, было такое дело, но его потом скинули, чуть не опустили тогда, да он дрался насмерть. Потом в Кадетку поступил, так его вообще чуть не убили, когда узнали, чуть не месяц в больничке провалялся. И все — завязал! Учиться стал хорошо, на скрипке играть, конкурсы всякие выигрывать. Какой из него «Ангел»?

— Что ж, дорогая Гончая (это, кстати, теперь твой официальный позывной, как

полевого агента СИБ, поздравляю), очень хорошо, что ты так хорошо знаешь биографии своих друзей и знакомых. Но кое-что ты упустила из внимания.

— Что же?

— Этот скрипач является Чемпионом Училища по фехтованию классическому и по сабельному бою. Причем двуручному сабельному бою — он бьется двумя саблями.

— Амбидекстр, — тихо проговорила Гонцова.

— Личный ученик полковника Воскресенского Алексея Викторовича. Слышала про такого?

— Известная личность. Ветеран КДВ, кавалер Ордена Святого Георгия, фанатик сабельного боя, основатель своего стиля, эксчемпион Империи по фехтованию... Не знала, что он в Новопитере.

— А он именно здесь. Преподает в Кадетском Училище из которого чуть меньше полутора месяцев назад был отчислен Жестянкин Леонид Васильевич. Причем, даже после отчисления, он умудряется посещать все занятия Воскресенского.

— Пусть так, но Кассель не был зарублен.

— Еще ты упустила из виду, что твой друг сам по себе достаточно известная личность. Лёнька Отмор — один из лучших и самых «крутых» экстрим-рейсеров Новопитера.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Круто, рада за него, но какое отношение экстрим-рейсинг имеет к «Ангелу»?

— Никакого. Просто, к сведению. Должна же ты знать больше о своем парне, — улыбнулся куратор.

— Он не мой парень. Просто хорошо провели ночь. Без обязательств и сложностей.

— Хорошо-хорошо, пусть будет «близкий друг».

— Пусть будет, — согласилась Лена, чувствуя, что в рукаве у куратора остались еще карты. И зашел он далеко не с главных козырей.

— А еще твой «близкий друг» дворянин.

— Как дворянин? Он же только второе место на Ванессе взял. Дворянство дают за первое!

— ...и Герой Империи. Причем орден вручен по личному распоряжению Императора четыре года назад. Когда паренюку было тринадцать лет! — Лена ничего не ответила. Просто не могла подобрать слов. Совсем. — Там, правда, сложности есть с этим геройством.

— Какие же?

— Ничего, кроме самого факта вручения ордена и приказа Императора, нам выяснить не удалось — высший уровень секретности. Запрос только через Канцелярию Его Императорского Величества, с личного разрешения Императора. Вот такой вот у тебя интересный «друг».

— Но ведь все это не значит, что он «Ангел»? Никаких прямых доказательств. И даже косвенных. Все, что у нас есть, это совпадение роста, возраста, телосложения, прически и то, что он обоюрукый. Не с таким набором улик арестовывать Героя Империи.

— Больше того: мы взяли трех свидетелей, тех кто своими собственными глазами видел «Ангела» в непосредственной близости от себя, показали им твоего «друга» в живую и на записи (не переживай, не в процессе ваших забав, одетым показали). Ни один из троих не опознал его, как «Ангела».

— Если «Ангел» гипнотизер, то его никто, из тех, кого видел он, не сможет опознать, — вставила Гонцова.

— Вот ты и уловила суть того, зачем тебя сегодня вызвали. Твое задание теперь он. Раскопать все, что только возможно. Во времени ты опять же не ограничена. Поздравляю, Гончая, с твоим первым настоящим заданием, — отсалютовал куратор оглушенной новостями Лене чашкой кофе. — Досье и вся известная нам информация тебе уже пересланы.

Лена сидела на своем кресле, забравшись в него с ногами, укутавшись пледом и обхватив плечи руками. Впервые ей открылась ее служба совершенно новой стороной. И сторона эта была очень неприглядна. Следить и копать под человека, который тебе доверяет. Под собственного любовника...

Одно дело, просто копать, чтобы узнать самой, но здесь же ситуация совсем другая, здесь надо накопанное отдать третьим, совершенно не доброжелательным людям. Проще говоря — врагам. Тем, кто однозначно использует полученные сведения против него.

И это приказ.

И невыполнить его нельзя.

Лена чувствовала себя отвратительно. Хотелось плакать, но плакать она разучилась еще в детском доме.

В шестой раз зазвонил коммуникатор мелодией Насти Каменских. Лена вздохнула и все же нажала на прием вызова, поставив на громкую связь — терять единственную подругу не хотелось, как бы плохо не было.

— Привет, Насть, — поздоровалась Гонцова.

— Ты чего «трубку» не берешь? Он, что, все еще у тебя?

— Нет, Насть, я одна сижу дома. Рефлексирую, предаюсь унынию и самокопательству.

— Это ты зря! — весело заметила Настя. — Лучше бы тогда Лёньке позвонила. Все уныние бы как рукой сняло, ну или не рукой, а кое чем по-интересней!

— Думаешь? — вздохнула Лена.

— Уверена! — ответила Настя. — Мы когда с Пашкой только сошлись, так целыми днями из койки не вылезали — все налюбоваться друг друга не могли! А ты вон разок попробовала и сдулась. Он что, настолько плох в этом деле?

— Не знаю — сравнить не с чем.

— Ну, ты хоть разок-то кончила с ним?

— Да.

— И сколько раз?

— Да я что, считала, чтоли?! Мне как-то не до математики было, когда от удовольствия голова улетала!

— О!! И это в первый же раз?! Ну, Отмор дает! Везучая ты, Ленка! — восхитилась Настька. — Не пойму тогда, чего ты куксишься? Он тебе что сказал?

— Сказал: «Звони, если что».

— Вот и звони! Или романтики хочешь? Помучить, чтобы завоевывал, цветы дарил, в кино водил? Не в твоём духе как-то. Но думаю, Лёнька справится, только намекни...

— А кто он вообще? — вдруг спросила Лена ни с того, ни с сего. — Чем он живет? Чем занимается? Его ведь из кадетки выгнали? За что?

— Ах вот что с тобой! — рассмеялась Настя. — Зацепил он тебя, ой зацепил!

— И все-таки? Ты же ведь побольше моего знаешь. Они ж с твоим Пашкой не разлей вода?

— На самом деле не так уж много я знаю — «Вежливый Кролик» о себе не любит болтать особенно.

— Ну, хоть общие впечатления?

— «Вежливый Кролик» он и есть «Вежливый Кролик»! А так... Помнишь, как он войну объявил кадетам?

— Помню, как такое забудешь. Был лидером наших мальчишек, командиром!

— Так, поступив в кадетку, он там тоже лидером стал. Пашка-то тогда за ним потянулся... С администрацией воевали, с несправедливостью... Идут, понимаешь, за ним люди! И побеждают: одного непорядочного препода объединившийся коллектив кадетов смог уволить, одного незаслуженно уволенного заставили вернуть обратно. Эпические, надо сказать, баталии были — с суточным общим стоянием на плацу, когда ни один не вышел из строя. Ни один не сдался... А все Отмор. Вежливость Кролика за слабость принимать не стоит...

— А выгнали его тогда за что? Довоевался?

— Нет, там совсем другая история: у Начальника Училища дочка есть. Так вот, и застучал он свою дочку с Лёнкой полуголых в старом спорткомплексе... За то и выгнал. Можно сказать, на должностное преступление пошел.

— И что Отмор? — поджала губы, непонятно от чего начавшая злиться Гонцова.

— Тихо ушел. Без скандала, хотя ребята уже готовы были за него стеной встать... А через три дня Начальник Училища в отставку подал. Говорят за одну ночь поседел на половину...

— Думаешь, Лёнка?

— Уверена. И все училище в этом уверено. Отмор никогда и никого без ответки не оставлял. И плевать ему на разницу в силе, в положении, в должности, в связях. Так что да — я думаю, это он постарался.

— И что Начальник?

— Не отпустили пока. Должность сдает. Говорят, простым преподавателем остаться планирует. Пашка говорит — мужик неплохой, ребята рады, что Отмор его додавливать не стал.

— А что он мог сделать? Он же теперь фактически никто. Безработный без диплома и образования.

— Тут, ты кстати не права: он себе уже среднее специальное образование сделал, умудрившись ПТУ за месяц закончить, да еще по двум специальностям и с Красным Дипломом — мне Пашка рассказывал.

— Купил диплом? — удивилась Ленка. Не вязался такой поступок в ее сознании с Отмором.

— В том-то и дело, что нет! Мой Пашка бы именно так и сделал, но не «Вежливый Кролик»! Тот совершенно официально, в соответствии со всеми законами, экстерном сдал все экзамены за три года обучения, плюс все курсовые, плюс защитил оба диплома. У него весь месяц свободной минутки не было, как он себя загрузил! — Гонцова мысленно прибавила к сказанному фехтование и скрипку, занятие которыми Жестянкин по данным конторы не бросал, и так же мысленно присвистнула — работоспособность любовника поражала.

— Вот как... — такой момент она в досье пропустила, хотя указание на него там было вскользь. — А дочка Начальника Училища? У них... действительно?

— Ревнуешь? — подколола Настька.

— Нет, вот еще! Он мне не муж, чтобы ревновать! Просто, говорил, что я у него первая... Понять хочу — врал или нет.

— Нет, — улыбнулась на том конце «провода» Настя. — Они с Сашкой года четыре дружат уже. Причем именно дружат, а не что-то другое. А в том спорткомплексе бассейн просто. Вот они искупаться и решили — мне Пашка рассказывал. А Сомов-старший только увидел их в купальниках, разбираться не стал, вспылал... Вот и вся история, — от этих слов, почему-то настроение Лены улучшилось. А цепкий разум выделил имя: Сашка Сомова, и поставил на против него галочку — узнать подробнее, кто и что она. Возможно использовать в качестве источника информации. Многолетняя привычка к постоянному анализу всего и вся брала свое.

— А сейчас он чем занимается? Работает?

— Нет, Пашка говорил, что Отмор в Институт собрался.

— Хм... Для «Вежливого Кролика» это логично.

— Вся фишка в какой!

— И в какой? С его мозгами в любой поступить можно.

— В Театральный! Связист-сварщик-электрик-скрипач в артисты собрался! Прикинь? Отмор в театре!

— Не могу. Вот просто не могу и все. Не складываются у меня в голове эти два образа.

— А у него вот как-то сложились: он уже все документы подал и экзамены сдал. Теперь зачисления только ждет. Ты сама-то что делать думаешь? Время-то идет.

— Я в Педагогический документы подала. На Физ-Мат.

— Это в НГУ что ли?

— Ну да, а что?

— А то, что вы с Отмором в один Универ поступаете!

— Да, как-то все равно мне...

— Ну, ладно... Пора мне. Сегодня выписываюсь, вещи собирать надо. Потом еще поболтаем! — закончила разговор Настя и отключилась.

А Лена осталась сидеть в тишине.

Хватило ее еще на полтора часа самокопаний. Потом в руку скользнул коммуникатор.

— Да, Лен, слушаю? — раздался после гудков голос Леонида в аппарате.

— Приедешь?

— Приеду.

— Хлеба купи. И яиц десяток. Обрез не бери.

— Хорошо. Еще чего-то принести? Все равно в магазин иду.

— На твое усмотрение. Тебе же самому кушать.

— Лен, я готовить не умею, — чуть смущенно сказал он. — Не представляю даже близко, что для чего покупать надо.

— Как так?

— В кадетке столовая была и прием пищи по распорядку. Не было нужды вникать...

— Вот ты беспомощный... Записывай. Значит так...

* * *

На пороге стоял «Вежливый Кролик». С двумя огромными пакетами в руках.

— Привет, — сказал он с улыбкой открывшей ему девушке.

— Ты нафига столько-то всего припер? — удивилась Лена.

— Ты же не сказала сколько чего нужно, вот я и... Больше не меньше. Что бы не ошибиться, — с усилием пожал он плечами (каждый пакет весил кило под двадцать).

— Заноси, не бросать же, — задумчиво почесала в затылке Гонцова. — Попробуем затолкать в холодильник... Как ты это допер-то все?

— Молча, — не стал вдаваться в подробности он.

Почему-то с его появлением, хмурые тучи с мыслью куда-то отодвинулись. Было легко. Словно бы вместе с ним в квартиру вошел солнечный свет. Вместе с его чуть смущенной улыбкой, прямой спиной и открытым взглядом из-за стекол «ботанского гаджета».

Удивительно, но с ним не было той натянутости и напряженности, что неизбежно возникает при общении с малознакомым человеком.

Упихивание продуктов заняло минут тридцать. Уместилось все скоропортящееся, а то, что может лежать без специальных условий хранения, так и оставили в пакетах на подоконнике.

— Иди в душ, — закончив с этим делом, Лена подошла к парню вплотную и, проведя ладонью по его твердым грудным мышцам сквозь рубашку. Голос ее напоминал мурчание кошки в этот момент.

Лёня кивнул и двинулся в указанном направлении.

Через пару минут дверь в ванную комнату отворилась, и вошла Лена. Причем уже полностью обнаженная.

— Потереть спинку? — спросила она у стоящего под струями воды парня, затем чуть прикусила нижнюю губу и так улыбнулась.

Леонид молча отодвинул стеклянную дверцу и протянул руку, обхватил ей девушку за талию и властно втянул ее к себе. Ленка даже немного вскрикнула от неожиданности, правда потом рассмеялась, но и смех быстро прекратился перейдя в стон удовольствия, когда губы и руки парня завладели ее грудью...

Водные процедуры значительно затянулись. Так что, чистые, веселые и чуть-чуть утомленные молодые люди, переместившись из ванной комнаты в спальню, не стали переходить к активным действиям сразу. Ведь юноше требовалось хотя бы немного передохнуть, дабы вновь придти в боеготовое состояние. А девушка сегодня не хотела торопиться. Ей хотелось нежиться в лучах того странного тепла, что пришли в ее одинокую квартиру вместе с ним.

Уютно устроившись на его плече и водя пальчиком по рельефному животу молодого человека, она тихо попросила.

— Расскажи о себе... — какое-то время он помолчал, девушка уже начала думать, что он и не ответит вовсе. Но нет... Он только надел свои очки и немного пошевелил пальцами, прежде, чем начать говорить.

— Что ты сделал? — поинтересовалась она.

— Зациклил камеры и микрофоны жучков в этой комнате, — не стал темнить он.

— Камеры? — напряглась девушка.

— Твоя квартира буквально напичкана ими.

— Но как ты...

— Вторая пара глаз, — показал он пальцем на свои очки. — Бывает очень полезна.

— Не понимаю, — призналась она.

— У меня очень мощный, дорогой ноутбук в чехле на поясе. Он в режиме реального времени сканирует основные спектры излучений, на которых работает беспроводная

следящая техника, потом визуализирует полученную информацию и подсвечивает мне места нахождения устройств.

— Но у них же очень малая мощность, а у некоторых еще и канал направленный...

— У меня очень хороший и многофункциональный гаджет, — не стал вдаваться в подробности он. — Перехватить сигнал и управление с его вычислительными мощностями не сложно. Труднее со сканером прослушки, что считывает колебания с твоих окон.

— А с ним что?

— Направленный излучатель, имитирующий громкую музыку и неинформативные шумы, — показал он на маленький предмет, размером с обычную зажигалку, лежащий на тумбочке.

— То есть ты заметил все эти устройства в прошлый раз, а сегодня пришел уже подготовленный? — сделала вывод девушка.

— Да, — просто сказал он. — Так почему за тобой следят, Лен?

— Я... — и замолчала, даже не зная, что ответить.

— Это из-за твоей работы в СИБ? У них принято следить за всеми своими сотрудниками?

— Ты и про СИБ знаешь? — вздохнула девушка.

— Не тебе одной предлагали поступить в Академию, — пожал плечами он.

— Ты тоже?

— Я — нет, — сказал он. — Но предложения были.

— Вот значит как, — задумалась она.

— Так почему за тобой следят? Я могу чем-то помочь?

— Нет, — снова тяжело вздохнула она. — Из-за тебя и следят.

— Из-за меня?

— Да. Они думают, что это ты убил Касселя и Лабертовского со Стариковым. А еще охранников Старикова, Лабертовского, Клыкова с его людьми и девять бойцов на подпольной арене...

— А ты сама, что думаешь?

— Я не знаю, что думать. Я позвонила тебе не из-за этого дела, а просто потому, что мне было одиноко. А теперь у меня приказ накопать на тебя все, что только возможно... Вон, на компе твое досье, которое мне дали... Там много такого, что заставляет меня сомневаться, хоть я и общалась с убийцей лично.

— И какой он?

— По описанию свидетелей, один в один, как ты... Но свидетели тебя не опознали, хоть им тебя и показывали. Я не знаю, что думать... и что делать, — уткнулась она лицом в плечо своего любовника.

— А если бы убийцей действительно оказался я?

— Не знаю, — буркнула Ленка. — Ничего уже не знаю...

— Тогда просто расслабься, — сказал он и выбрался из ее объятий. Он осторожно уложил девушку на простыню и медленно начал покрывать ее тело поцелуями.

Он не торопился, осторожно и нежно лаская кожу своей партнерши губами и ладонями, возбуждая и успокаивая ее. Разогревая тело и отгоняя лишние неприятные мысли и раздумья, оставляя во всем мире только их двоих и эти прикосновения, эти ласки...

Вот уже вырвался первый стон, затем второй... Они стали становиться все громче и отчетливее. Руки девушки уже всю гладили спину парня, ноги, словно бы сами собой

раздвинулись, а спина выгнулась пододвигая разгоряченные бедра к бедрам любовника. Девушка желала принять в себя парня, и тот не заставил себя упрашивать.

Но двигался он в этот раз мучительно медленно, не пуская на вершину сразу, а поднимая туда долгой и приятной дорогой.

Но зато и оргазм, сотрясший тело девушки был куда сильнее и желаннее, чем раньше. А он не остановил своих движений, не замедлился и не ускорился, уводя на новую вершину, а за ней еще на одну и еще...

Лишь в самом конце он ускорился, доведя до так желанной быстрой разрядки, а потом кончил сам, вновь подгадав так, чтобы начало его извержения совпало и спровоцировало начало оргазма партнерши. Наиболее сильного и яркого.

В этот раз он не стал спешить в душ, ему хотелось сначала немного полежать в обнимку с Леной. Да и она сама, не спешила разжимать объятий.

— Спасибо, — расслабленно лежа, сказала она.

— Тебе спасибо, — эхом отозвался он и нежно поцеловал в губы.

Разорвав поцелуй, какое-то время они просто лежали, молча.

— Ты правда Герой Империи? — тихо спросила девушка.

— Да. Мне вручили Золотую Звезду в тринадцать.

— Выходит ты дворянин?

— Выходит, что так.

— Но как же тебя тогда умудрились отчислить из военного училища?

— Они не знали таких подробностей. Это награждение засекречено, вообще-то.

— Но как так получилось?

— Прости, Лен. Не могу сказать — подписку давал. А к обещаниям и обязательствам я отношусь серьезно.

— Ничего, — вздохнула она. — Я понимаю.

Много еще было вопросов, которые хотелось задать «Вежливому Кролику», пока тот вышел на откровенность, но сон оказался сильнее и сморил девушку на плече любовника, который оказывается знал о ней куда больше, чем думалось. И, возможно, хотелось.

Пробуждение было сладким. Хоть и говорят, что утро не бывает добрым, но если оно начинается около десяти часов, да еще с поцелуя юного и страстного любовника, то с этим уже можно поспорить.

Выбравшись-таки минут через сорок из кровати и ступив за порог спальни, Лена остолбенела: вся комната была заставлена цветами. По первому впечатлению, их там было не меньше двух, а то и трех сотен. Розы. Насыщенно кроваво-красные и белые. Только два этих цвета, но очень много. Все цветы были разделены по букетам и расставлены в вазы.

— Я понимаю, что с твоей работой тебе не нужны лишние сложности, что у нас не «такие» отношения, и не собираюсь их тебе навязывать... — подошел и обнял сзади «Вежливый Кролик». — Но, просто захотел сделать тебе приятно. Ты ведь любишь цветы?

— У меня не было такого количества ваз, — слегка заторможенно и не впад отозвалась она.

— Такая мелочь должна была меня остановить? — улыбнулся Лёня.

— Но это же куча денег...

— А зачем они нужны, если не тратить их на причуды?

— Для начала они должны быть, — все еще в легкой прострации сказала Лена.

— Биржа — прибыльное дело, — пожал плечами «Вежливый Кролик» и поправил очки левой рукой.

— И сколько их тут?

— Триста тридцать три, — ответил парень, целуя девушку в шею.

— Это число что-то обозначает?

— Нет, — отозвался он, прерывая свое занятие. — Просто число красивое.

— Я есть хочу, — сказала она.

— Прости, завтрак не готов, по уважительной причине — я готовить не умею, — улыбнулся Лёня, вдыхая аромат волос девушки.

— Зато я умею, — ответила Лена. — Пойдем на кухню уже...

— Мы говорить можем? — спросила Лена, нарезая кусками вареную колбасу и черный хлеб.

— Да, вполне, — отозвался Леонид. — Я утром целую сценку разыграл, как «случайно нахожу жучок, возмущаюсь до глубины души, а после провожу тотальную дезинсекцию». Вся следящая аппаратура из квартиры вон в той коробке из-под соды лежит. Оконные стекла заглушены портативными генераторами. У тебя ведь не будет из-за этого проблем?

— Не должно быть, — прикинув так и эдак, ответила Гонцова. — Просто ты вписал еще один плюсики себе за версию о причастности к убийству Касселя.

— Ну... — протянул «Вежливый Кролик», поправив очки (забавно смотрелось, учитывая, что кроме них на парне были только трусы-боксеры). — Я тут посмотрел досе на твоём компьютере, материалы дела...

— Я же их удалила, когда меня с дела сняли? — удивилась девушка.

— Хм... Из современного компьютера удалить что-то совсем бесследно, практически

не реально. Только если физически уничтожить носитель, — наставительно сказал «Вежливый Кролик», картинно подняв указательный палец перед собой. — Все дело лишь в количестве усилий и времени, требующемся для доступа к удаленной информации. А вот оно уже может быть нерационально велико, чтобы она оставалась актуальной.

— Короче, хакнул ты мой бедный рабочий комп, покопался в государственных секретах и что? — резюмировала его речь она.

— И пришел к выводу: у них же нечего мне предъявить. Совершенно. Вся их версия на одних только догадках, допущениях и предположениях. Ничего конкретного у них нет.

— Это я и без тебя знаю, умник, — плюхнув на стол полную разделочную доску бутербродов с колбасой и сыром, сказала она.

— Так чего ты тогда так расстраивалась вчера? «Накопать», как ты выразилась, на меня ничего не получится ни у них, ни у тебя, так как «копать» нечего.

— То и расстроилась, что они тебя просто грохнут и все! Нет человека — нет проблемы!

— Вот так сразу и «грохнут»? Героя Империи награжденного личным указом Императора?

— А кто узнает-то, что это они? Умер и умер, всяком больше — всяком меньше...

— Чего ж они тогда так из-за Касселя беспокоятся? Такой же «висяк»?

— Боятся они. «Ангел» такой класс и такие возможности показал, что у них поджилки затряслись. Каждый ведь думает: не придет ли «Ангел» завтра за ним? Грешки за каждым водятся... — ответила Лена с аппетитом уничтожая здоровенный бутер с сантиметровой толщины куском колбасы.

— А просто запрос наверх отправить нельзя? Ведь таких специалистов, как этот «Ангел» не может быть много. Вместо всего этого непонятного расследования, порученного зеленому новичку, прости уж за прямоту, не собирался тебя обидеть, просто узнать, кто из таких профессионалов, специализирующихся на устранении и ликвидации, был направлен в Новопитер в указанный период. Я же правильно понимаю, что этого сделано не было? Что местный координатор сразу начал «копать» вместо того, чтобы подумать? — с не меньшим аппетитом уничтожал такой же бутер Леонид.

— И что ты предлагаешь мне? Задание у меня четкое, с Касселем уже не связанное. Мое задание — ты.

— Это прискорбно, — ответил Лёня.

— Тем более, после сегодняшнего: простой сварщик жучки, установленные спецами конторы не найдет.

— Вообще-то, ты будешь удивлена, но такому учат в нашей Новопитерской кадетке. Целый курс читают по средствам скрытого слежения и методам борьбы с ними. У нас же Училище Связи. Наши выпускники дальше в офицеры Контрразведки и Специальной Связи идут практически поголовно. Контракт с МО еще на четвертом курсе всеми кадетами заключается. Так же как и оформляются допуска к гос. тайне, подписки о неразглашении, основное и резервное легендирование и начинается специальная техническая подготовка.

— Не знала об этом, — удивилась девушка.

— Ничего удивительного: СИБ с военной контрразведкой никогда не ладил. Причем взаимно. А секреты не только у вас есть.

— И ты, получается, на службе?

— Нет, — улыбнулся Леонид. Причем улыбка была у него хитрая и довольная одновременно. — Полковник Сомов был так возмущен и рассержен поведением дочери, тем

более в присутствии окружной комиссии, что не глядя, и ни секунды не сомневаясь, не только исключил из училища, но и аннулировал мой контракт, тем самым, как он думает, сломав мне всю будущую карьеру.

— А на самом деле?

— Освободив от государственной кабалы и ограничения в правах. «Добрый хозяин подарил Добби носок! Добби свободен!» — процитировал Леонид мировую классику детской литературы.

— Так это была подстава? — рассмеялась, отложив бутерброд, Гонцова.

— Только Сашке не говори — обидится.

— Мы с ней не знакомы.

— Это дело времени. Твое задание обязывает выйти на нее, как на человека из ближайшего моего окружения. Предворяя вопрос: основы ведения оперативных действий и вербовки, нам тоже читали.

— Вот ведь, тоже мне шпионка, целую спецшколу под носом проворонила, — вздохнула Гонцова, снова берясь за бутерброд.

— Ничего страшного. Наоборот: ты в отличии от коллег и даже куратора, на нее хотябы вышла. А они — нет. Иначе и такое дурацкое задание тебе бы не выдали. Тут ведь тоже, достаточно простого официального запроса в ОК МО РИ, чтобы получить мое досье и личное дело.

— Ты ведь не против, если я обо всем, что ты мне наговорил, доложу куратору?

— Совершенно, — пожал плечами «Вежливый Кролик», поправляя очки. — В этом нет никакой тайны. Только про «подставу» с отчислением не упоминай. Это уже личное.

— Договорились.

— И про Пашку не пиши, что он «авторитет». Это, конечно, «секрет Полишинеля», но все же СИБ орган правоохранительный. Незачем привлекать к Вересову лишнее внимание... — несколько замялся Леонид. Подумал и добавил. — От обреза я избавился, если что.

— Не переживай, — усмехнулась Лена. У нее после этого разговора буквально камень с души упал. — Ваши криминальные делишки меня мало интересуют.

— Ладно, — встал со своего стула парень. — Тебе еще отчет писать, а мне с жильем разбираться.

— А где ты, кстати, живешь — для отчета.

— На данный момент нигде: из той квартиры, что снимал до этого, я уже выехал, а новую еще не нашел. Так что, пока я — БОМЖ.

— А прошлый адрес?

— Кубинская восемь, квартира тридцать один. Снимал комнату в двушке.

— А с чего вдруг съехал? — заинтересовалась Гонцова, быстро добавив, — Не для отчета, просто женское любопытство.

— Понимаешь... — замялся парень, вороша волосы. — Соседнюю комнату со мной снимала девушка. Как вчера выяснилось, начавшая строить на меня какие-то планы... матримониального характера.

— И? — уже начиная догадываться, что дальше, улыбнулась Лена.

— Вчера я вернулся домой в засосах и с разодранной спиной... Скандала мне, конечно, не закатали — оснований не было: мы же не встречаемся, постель не делили, обещаний никаких не давали... Но этот взгляд... Я предпочел экстренно съехать, — резюмировал он

свой сбивчивый рассказ.

— А сколько вы вместе прожили? — уточнила Гонцова.

— Полтора месяца где-то. А что?

— Полтора месяца под одной крышей с девушкой и ни разу ни-ни?

— Ну да, а что? Что тут такого? — искренне удивился юноша.

— Так не бывает.

— Почему?

— Потому что не бывает! Что с ориентацией и потенцией у тебя все в полном порядке, я убедилась лично. Или она — безобразно жирная, не следящая за собой, уродливая тварь, на которую без отвращения не взглянешь?

— Почему же? Очень милая и вполне себе стройная девочка с красивыми длинными ногами и третьим размером груди.

— Тогда точно: быть такого не может.

— Почему? — удивление его было столь искренним, что язвительная улыбка на ее лице увяла.

— То есть, ты серьезно?

— Да. Ты у меня первая. Это автоматически означает, что до тебя у меня никого не было. По-моему логично, — поправил очки «Вежливый Кролик».

— Полтора месяца?

— Да.

— И намеков не было?

— В каком смысле «намеков»?

— Макияж дома... Новый халатик, короче предыдущего... Неосторожные наклоны, обнажающие трусики или показывающие декольте... «Случайно» не закрытая дверь в ванную...

— А это были намеки? — удивился Леонид. — Видимо, зря я ее с собой в театр, кино и на аттракционы брал...

— Знаешь, Отмор, — серьезно, без даже тени шутки в голосе сказала Гонцова. — Сейчас мне начинает казаться, что это именно ты вспорол брюхо Касселю и задушил его кишками!

— ?

— Ты даже не представляешь, насколько жесток с ней!

— Но я же не обманывал ее. Не переспал и бросил. Нет! Наоборот, я не воспользовался ее слабостью...

— Милосерднее было бы переспать и бросить.

— Почему?

— Ты растоптал ее уверенность в себе, в своей женской привлекательности. Ты ее даже не отверг, ты ее ПРОИГНОРИРОВАЛ! Как мебель! Нет для женщины страшнее удара, чем равнодушие мужчины. Особенно того, который нравится! А ты ей явно нравился, раз уж она даже рискнула с тобой под одной крышей жить...

— Я вас, женщин, никогда не пойму, — вздохнул Леонид. — Нелогичные, противоречивые, парадоксальные... Как лучше делаешь, а в результате: ты же и сволочь!

— В этом ты прав, — вернула себе прежнее расположение духа Гонцова и с видимым удовольствием намазала плавленый сыр поверх куска колбасы на новом бутерброде.

— Я и сейчас не понимаю, — внимательно посмотрел на девушку он.

— А что тут непонятного? — примериваясь, с какой стороны лучше укусить, ответила Лена. — Кто она мне, эта корова с третьим размером? Никто. Так почему я должна ее жалеть? Тем более расстраиваться из-за нее в свое самое лучшее утро, за очень много лет?

— А оно действительно такое?

— Угумн, — кивнула Гонцова, кусая бутерброд.

— Ну, я пошел?

— Угумн.

— Пока! — парень подошел, наклонился к девушке, поцеловал в носик. Потом подумал, наклонился ниже и поцеловал в грудь. Сначала в левую, затем в правую, снова в левую, опять в правую...

— Сейчас кто-то никуда не пойдет, — честно предупредила она его, откладывая бутерброд в сторону.

— Извини, ничего не могу поделать, они, словно магнит: не отпускают, — промурчал Леонид и захватил сосок губами. Стон удовольствия сам собой вырвался из груди девушки. Она выгнулась и прижала руками голову любовника, который совершенно против этого не возражал.

Он своими руками обхватил ягодицы девушки и резко поднял ее, вызвав веселый вскрик. Лена обхватила его талию своими голыми ногами и, чуть сместив руки, обняла любовника за шею.

Лёня повернулся и бочком, чтобы видеть дорогу и ни во что не врезаться, понес смеющуюся Гонцову в спальню.

— Что ж, — сказал почти лысый мужчина с седеющей «круглой» бородой. — Твой доклад мы рассмотрели.

— И что? Какое решение?

— С одной стороны, плохо, что объект тебя раскрыл, но ожидаемо...

— Я же написала: он не раскрыл, он изначально прекрасно знал, кто я и где работаю, — вздохнула Гонцова, сидящая в кресле рядом с куратором.

— С другой стороны, — проигнорировал это высказывание он. — Выход на «откровенность за откровенность», тоже является эффективным методом добычи информации. К тому же, этим шагом ты сильно упрочила ваши отношения, получила приличный кредит доверия, и это хорошо.

— Так что по Жестянкину? Вы сделали запросы? В ОК МО и в Центр? — не утерпела она. Слишком сильно затрагивал ее лично этот вопрос.

— Сделали, можешь не переживать так сильно. Получили положительный ответ на оба.

— И?

— Кассель убит ликвидатором конторы по приказу из Центра. Кем именно и по чьему приказу, тебе знать не следует — не твой уровень. Скажу лишь, что его уже нет в городе и возраст у него слегка за тридцать, просто грим и гипноз (который ты совершенно точно вычислила) позволяли ему пудрить мозги свидетелям.

— А по Жестянкину?

— Его досье получено. И парень действительно интересный, но до «Ангела» не дотягивает.

— Я могу посмотреть?

— Смотри, — пожал плечами и развернул компьютер экраном к ней. — Копировать не дам, но прочитать можешь, — дождавшись разрешения, Лена приникла к экрану, словно умирающий от жажды к источнику пресной воды.

Досье было достаточно объемным и, как и сказал куратор, интересным.

Начать с того, что первое предложение о поступлении в Академию СИБ тот получил на год раньше самой Гонцовой, в восемь с половиной лет. Сдал все положенные тесты, причем, даже лучше нее, и притом значительно, что по физо, что по интеллектуальному развитию и обучаемости. И даже начал проходить обучение, где через год получил в результате несчастного случая травму головы, которая вылилась в неизлечимые хронические нарушения сна. Полгода реабилитации и здравствуй родной детдом.

Дальше шла часть истории, которой Гонцова была свидетельницей сама: поступление в Кадетское Училище.

Которое действительно оказалось неким аналогом СИБовской Академии ОК МО только с уклоном в технику, а не в оперативную работу, хотя и ей уделялось не малое значение. Но опять же не все Училище. Только один взвод из всего курса занимался по усиленной специальной программе подготовки, курируемой армейской контрразведкой. Причем делалось это в обход Начальника Училища. Эдакое «государство в государстве» но только в масштабах кадетки.

И Жестянкин учился именно в этом взводе. Был если не самым лучшим, то точно одним из лучших. Плюс там указывались некие «часы индивидуальной подготовки» в

подразделении СКООН, в то же самое время, дислоцированном на территории Училища. И часов этих было много. Пропуски же по основной программе обучения из-за этих «часов индивидуальной подготовки» кадет Жестянкин закрывал, экстерном сдавая пройденный материал. В чем ему очень помогали те самые нарушения сна. Хроническая бессонница увеличивала его личный рабочий день до двадцати трех, а то и двадцати четырех часов в сутки.

В то же самое время он открывает в себе музыкальный талант и начинает регулярно участвовать в различных конкурсах, преуспевая и в этом деле тоже.

В тринадцать лет направляется на стажировку вместе с Инструктором по пилотированию и дочерью Начальника Училища Александрой Сомовой на орбитальную станцию Заря-1, где происходит некий инцидент, засекреченный СИБом, по этой причине в досье контрразведки не попавший, по итогам которого Жестянкин Леонид Васильевич удостоивается дворянского звания и Звезды Героя именованным указом Императора.

Дальше интересное заканчивается: СКООН из Новопитера переброшен обратно в Свердловск, Жестянкин продолжает учиться по углубленной контрразведческой программе, попутно берет места на музыкальных конкурсах и выигрывает внутренний Чемпионат училища по фехтованию и сабельному бою. В свободное время, в увольнительных участвует в гонках на спидерах и флаерах на местном Новопитерском флаердроме и спидердроме, где так же преуспевает. Что ж, талантливый человек талантлив во всем.

Досье заканчивается на отчислении Жестянкина из Училища и расторжении его контракта с МО РИ.

Вот так вот: вроде бы и интересно, а вроде бы и ничего интересного. Никаких тебе страшных тайн. Все просто и понятно. Просто талантливый мальчик, решивший послать подальше военщину и заниматься музыкой.

Хотя, а куда ему еще выше-то лезть? Дворянство он и так уже заслужил. В деньгах нужды не имеет. Так и зачем связывать себя лишними обременительными обязанностями и обязательствами? Живи в свое удовольствие и в ус не дуй.

Лена закончила читать и отодвинула от себя ноутбук куратора, возвращая его хозяину.

— Поздравляю, девочка, ты блестяще выполнила это задание. Оба дела закрыты, — улыбнулся в бороду куратор.

— И что же теперь?

— Предложи парню поработать на СИБ. Столь талантливый и уже обученный юноша нам бы пригодился.

— Это приказ?

— Нет, всего лишь совет, — взял со стола свою чашку с кофе куратор. — Мы прекрасно понимаем, что предложить с нашей стороны ему нечего. А вербовать через шантаж или подставу... Тогда работа его потеряет всякую эффективность.

— А если серьезно? — не повелась на шутливый тон Гонцова.

— А если серьезно, то делайте, что хотите. Нравится быть вместе — будьте, не нравится — не будьте. Контора не станет вмешиваться. А за успешное выполнение сразу двух заданий, руководство поощрило тебя двухнедельным отпуском и премией, агент Гончая. Наблюдение с сегодняшнего дня с тебя снято. Все записи ваших ночных «похождений» удалены за полной бесполезностью. Вот на этом накопителе последняя копия. Отдаю тебе, чтобы не считала нас извращенцами и не снижала эффективности работы из-за всяких глупых мыслей типа обиды.

— Благодарю, — кивнула девушка, пряча в сумочку маленький кубик накопителя. — Но Лёня уже просветил, что с современных компьютеров бесследно информацию не удалишь. Так что я не буду столь наивна, чтобы верить, что в случае надобности у вас эти записи «чудесным образом» не всплывут, — на это куратор лишь развел руками и улыбнулся.

— Через две недели надеюсь увидеть тебя здесь в то же время, — закончил разговор куратор, начиная сворачивать ноутбук.

— Разрешите выполнять? — немного споясничала Гонцова.

— Разрешаю: отчеты сданы, оборудование сдано тобой еще вчера, — имел в виду коробку из под соды набитую жучками и камерами, снятыми Жестянкиным с квартиры Гонцовой. — Так что можешь наслаждаться свободой и ничегонеделанием прямо с этого момента.

— Есть, наслаждаться! — шутовски козырнула она и вышла из-за столика кафешки. У обочины дороги ее уже ждал черный спортивный спидбайк с сидящим на нем парне в светлой рубашке, светлых брюках и черном защитном шлеме. Девушка подошла к нему, приняла второй шлем, надела его на свою голову, уселась на сидение позади парня, крепче обхватила его за талию, и байк на ускорении рванул в небеса, быстро становясь неразличимой точкой.

Почти лысый мужчина, глядя на это, лишь с улыбкой покачал головой и продолжил собирать свой гаджет.

— Рада тебя видеть, — улыбнулась Саша, глядя на подсаживающегося к ней за столик Лёню. — Твой визит означает, что со своей «игрой» ты разобрался?

— И да и нет, — вздохнул он.

— Что так?

— Я запутался в своих желаниях. Да и просто запутался, — сказал он, вытягиваясь в своем кресле и устремляя взгляд в небо.

— Но сибирцы тебя больше не ищут?

— Нет. Не ищут. Я слил им два слоя своей легенды, еще куратором подготовленной — вроде бы успокоились, но лишнее внимание к себе привлек.

— Что за слой? В чем легенда?

— Не совсем верно выразился. Скорее часть настоящей своей биографии, но без упоминания особенно острых моментов.

— И все же? Должна же я знать, кто ты теперь такой... официально.

— Ты не знаешь, да и батя твой доступа к такой информации не имеет, но на базе нашей кадетки существует и функционирует до сих пор что-то вроде Академии СИБ, только для Армейской Контрразведки.

— Это и правда так? — удивилась девушка, искренне полагавшая, что уж она-то про это заведение все знает. Все тайны и закутки.

— Да. Собственно, вообще все Училище имеет подобный уклон, но один учебный взвод из курса — уже вполне конкретно, по полной программе.

— Я так понимаю, это твой взвод? 4УВКС?

— Да.

— Значит ты у нас еще и контрик?

— Есть такое дело, — пожал плечами он.

— Ты просто магнит какой-то для всякой «такой» фигни. Как она тебя находит-то? — заметила Саша.

— Кто ищет, тот всегда найдет.

— А ты искал?

— Да. Я искал силу. После лаборатории, я, как одержимый, старался стать сильнее... Это была моя сверхзадача, гиперцель, к которой я шел днем и ночью изо дня в день...

— А зачем?

— Самый обламывающий в мире вопрос, Саня, — взъерошил свои волосы Лёня. — Не знаю. Наверное по инерции — началось-то еще в самой лаборатории: стать сильнее, чтобы выжить, выжить, чтобы их всех пережить, чтобы вырваться на волю... Стал, выжил, пережил, вырвался... И не знаю теперь что с этой волей делать.

— То есть? — удивилась Александра. Сегодня ее «друг со странностями» был необычайно разговорчив и откровенен. Так-то он ей никогда не врал, но не врать и быть откровенным, разные вещи.

— Я молод, силен, умен, имею дворянское звание, не имею нужды в деньгах... Жить бы мне и жить тихо, а не получается... Сам себя втягиваю в очередные опасные игры...

— Значит ты сам не хочешь жить «тихо». Логично?

— Более чем, — отозвался парень. — Закажешь соку? Хоть тут свой любимый попою,

зелененький, а то засветил его перед Ленкой... Теперь не попьешь, когда хочется...

— Ленкой? — уцепилась за имя Александра. — Что за Ленка?

— Помнишь, я тебе про выпускницу Академии СИБ говорил? — чуть повернул к Саше голову Леонид, скосив один глаз.

— Помню, — подтвердила она. — Ты следил за ней, а она тебя ловила, вроде бы?

— Да, — кивнул парень, возвращая голову в исходное положение. — Так вот, пару дней назад она просто позвонила мне и попросила приехать. Я чего только не передумал, пока добирался. К чему только не готовился, от боя до бегства...

— То есть, она тебе позвонила? Тебе-убийце или тебе-тебе? — заинтересовалась девушка.

— Мне-мне! В том то и фишка!

— И?! — вспыхнула любопытством Сомова.

— И мы провели вместе ночь. Потом еще одну и еще... Не знаю теперь, что делать... Все планы спутались, все схемы к «Ангелу» полетели... Ведь, что угодно мог просчитать и предположить, но не такой шаг. Не логично...

— То есть, ты обхаживал ее как супер-пупер герой-злодей, а она позвонила очкарику-скрипачу? — рассмеялась Сомова. — Вот это поворот! Ну, девчонка дает! Так тебя, так! Паразита такого! Будешь знать, как с девичьими чувствами играть!

— Смешно? — вновь покосился на девушку парень. Та кивнула и позвала официанта. Она заказала сок для Леонида. Тот дождался выполнения заказа молча, потом продолжил. — Я потом по минутам просмотрел, все что предшествовало звонку. Прослушал ее разговоры с подругой и рассуждения по логике ее выбора... И знаешь, что?

— Что?

— Да небыло там никакой логики!!! — на секунду Саше показалось, что в этом возгласе друга послышалась тень настоящих эмоций. Она даже ущипнула себя — не спит ли? — Она подогнала всю свою цепочку рассуждений под готовый ответ. То есть, не ответ следовал из цепочки рассуждений, а вся цепочка была нужна, чтобы оправдать ей самой для себя ответ. Но откуда тогда он взялся?

— Женская логика, бессмысленная и беспощадная! Смирись! — потрепала ободряюще друга по плечу Саша.

— Издеваешься? — грустно уточнил он.

— Есть немного, — согласилась она. — Делать-то что думаешь?

— Думаю сгонять на месячишко в Камбоджи наемником, отдохнуть от всех сложностей, повоевать в удовольствие... Может правительство поменяю заодно...

— Ты серьезно? — осеклась Александра, мигом посерьезнев. — У тебя девушка появилась, а ты на войну сбежать собрался?

— Ты спросила, что я «думаю делать», я ответил. Ведь и правда все чаще об этом подумываю...

— Она настолько ужасна? Тебя так плохо с ней?

— Наоборот, — начал пальцем «двигать облака» на небе перед собой. — Она классная! И секс у нас классный! Даже поговорить есть о чем — очень способный аналитик, между прочим. Да и... я же в нее влюблен был еще до лаборатории, когда еще сердце «системой наведения» не стало, как ты говоришь...

— В восемь лет? — удивилась Саша. — Не уверена, что в восемь лет ребенок может влюбиться...

— Не знаю, — пожал плечами Леонид, продолжающий «двигать облака» пальцем. Он делал это так увлеченно, что на миг Саше показалось, что одно облачко реально дернулось! Она неверяще зажмурилась и помотала головой. Открыла глаза и облегченно выдохнула — просто показалось. — Я помню свои чувства в восемь лет. И это все, что у меня есть. Новых-то не появляется. Только имитация.

— Тогда, что тебя гнетет?

— Мысли... Кое-какие мысли не дают покоя.

— Поделишься?

— Да, иначе и упоминать бы их не стал.

— Логично, — вздохнула девушка. Это слово в их с Лёней общении было уже чуть ли не традицией.

— Ведь зацепил ее «Ангел». И крепко зацепил. Настолько, что она голой ночью рисовала его портрет, зная, что он наблюдает за ней через скрытые камеры, да еще и непроизвольно, сама того не замечая, ласкала себя при этом... А потом позвонила Лёне Отмору и переспала с ним. Так, кто же ей нужен? И что будет, когда я рано или поздно спалюсь перед ней?

— Ты так уверен, что спалишься?

— Да. Говорю же, не смотря на эту женскую нелогичность, она великолепный аналитик. И уже практически вычислила меня, особенно после нашей встрече в клинике у Настьки Каменских. И даже то, что регионального координатора, я из игры вывел, придя к ней под личиной «Окуня» и признавшись в санкционированном Центром устранении того негодяя, что я казнил две недели назад, лишь немного оттянет это неизбежное событие.

— Вот это ты сам себе жизнь усложнил! — восхитилась Александра. — Теперь начинаю понимать твои мысли про Комбоджи...

Леонид молча взял со стола стакан сока и приложил его ко лбу, «охлаждая процессор». Он при ней иногда так делал, когда сталкивался с особенно сложной задачей, говорил, что это помогает думать.

— Что посоветуешь? Мои вычислительные способности не справляются, — попросил помощи он.

— Просто не парься. Чем ты рискуешь вообще? — подумав, сказала девушка. — В крайнем случае, если все пойдет плохо, просто убьешь всех, как всегда... Блин, сама не верю, что такое говорю... — ужаснулась Александра. — С кем поведешься...

— ...так тебе и надо, — с улыбкой закончил за нее присказку Леонид. Какое-то время они помолчали.

— Слушай, а кто такой «Окунь»? — нарушила тишину Саша.

— Один из лучших ликвидаторов конторы. Я его изначально, только планируя операцию, в качестве прикрытия разрабатывал... По плану, рег. кор. должна была сразу или почти сразу, запрос сделать в Центр о пребывании на ее территории крутых ликвидаторов, сложить два и два, да закрыть дело... Но, опять эта женская нелогичность... Начала крутить какие-то интриги, сама себя запутывать... Запрос послала, но не на то, чтобы узнать, кто и где, а на то, чтобы его прислали в Новопитер, дура, грохнуть меня хотела... Пришлось форсировать и открытым текстом ей объяснять, то, что она сама должна была выяснить.

— А не боишься, что он лично приедет?

— Чего бояться? — удивился Леонид. — Он у меня уже полтора месяца в заморозке лежит, обколотый спец. препаратами. Подожду еще пару-тройку недель и подброшу его тело

СИБовцам где-нибудь в соседнем секторе. «Погиб при исполнении» бывает...

— Ты монстр! — ужаснулась Сомова.

— Ты разве не знала? — удивился Леонид.

— Все время забываю, глядя на твою невинную мордашку, — призналась она.

— Значит я не зря столько лет ее перед зеркалом тренировал!

— А какой был исходный вариант?

— Ты уверена, что хочешь увидеть?

— Когда ты вот так проникновенно спрашиваешь, то начинаю сомневаться, — честно призналась девушка, а парень пожал плечами и начал пить свой сок, который до сих пор баюкал в руках.

— Тогда, предпочту оставить все, как есть. Риск — это не то, что мне нравится.

— Что у вас? — строго спросила строгая женщина со строгим лицом, в строгом костюме, со строгой прической, сидящая в кожаном кресле за дубовым столом в бывшем кабинете полковника Васина.

— ЧП! — ответил, вошедший только что человек в сером костюме. — Пропала связь с космическим лайнером R-375, курс следования Терра-Ривьера-1. Контрольная точка выхода из гипер OGF-36789 лайнером пройдена, на контрольной точке входа в гипер IGF-36895 в расчетное время на связь лайнер не вышел и объект нужной массы точку не проходил. Но через точку IGF-36790 без опознавательных маяков и контрольных сигналов прошел космический корабль, совпадающий с R-375 массой и формой.

— Контрольная точка IGF-36790? Где у нее точка выхода?

— Узел Y-76893.

— И что с ним не так? — уловила неуверенность в голосе подчиненного строгая женщина.

— Он за пределами подконтрольного Империи пространства... Крупный транзитный транспортный Узел... Больше сотни точек входа в гипер...

— Под чьим контролем находится?

— Ичкерия...

— Твою же мать... — не сдержалась строгая женщина. — Дип. запрос на информацию по борту, я так понимаю, уже отправлен в консульство? — мужчина кивнул.

— И? Бесполезно?

— Совершенно. Во-первых отношения с Ичкерией традиционно напряженные... А во-вторых на их перекрестках бардак такой, что... Ну, вы сами все понимаете...

— Списки пассажиров, экипаж, груз... Проверяются?

— Так точно.

— Что ж, готовимся получать нагоняй и встречать бесконечные проверки... Напрягайте агентуру, информаторов... Готовьте похоронки... Живыми мы их врядли увидим. Я сообщу «на верх». Справка-доклад, надеюсь, готова?

— Так точно! Уже на вашем терминале.

— Свободны, — вздохнула строгая женщина и потянулась к старомодному телефонному аппарату, стоящему на столе. Вот только аппарат зазвонил раньше, чем она дотронулась до него.

— Полковник Камнева, слушаю, — четко представилась она в трубку аппарата. — Да... Так точно... Какой борт?... Когда?... Так точно... Слушаюсь! — короткий разговор завершился.

— Начинайте искать работу, майор, — спокойно и обреченно сказала женщина. Просто женщина, вся ее строгость как-то враз превратилась в усталость.

— Что случилось? — с непониманием и долей испуга спросил мужчина.

— Это звонили из СОИС...

— Служба Охраны Императорской Семьи? — к непониманию добавилось еще и удивление.

— Сын Императора поругался с отцом по поводу брака. Вспылел... Сбежал вместе с любовницей, догадайся куда? Правильно — на Терру. И СОИС только сейчас вычислила его

маршрут. Догадайся, на какой борт в Новопитерском Космопорте он сел?

— R-375...

— Как будто были иные варианты, — вздохнула женщина.

— И что теперь? — потерянно спросил мужчина.

— Что? — задумалась она. — Недельки полторы побарахтаемся еще, а после вон из органов с «волчьим билетом». Я в домохозяйки... С бывшим сойдусь, возможно. Вы куда-нибудь в грузчики, может охранники супермаркета...

— В бандиты пойду, — хмуро ответил мужчина.

— Как Кассель кончишь — с кишками на шее. Пришлют вот такого же «Ангела», и все.

Мы слишком много знаем...

— Да уж, — со злостью сказал мужчина. — «Ангела» бы им в этот борт! Чтобы людям жизнь не ломали, гады!

— «Ангел»-«Ангел»... Нет никакого «Ангела»! И не было никогда. Был агент Окунь и целая команда по разработке и прикрытию операции. «Ангел» — это мистификация, майор. Чудес не бывает. Не в этом мире...

— Лёнь? — прикрыв глаза, спросила расслабленно лежащая на плече любовника Лена.

— Да? — отозвался он, не открывая собственных глаз.

— А давай съездим куда-нибудь? — предложила она.

— Съездим? Куда? — без особого любопытства поинтересовался он.

— Ну, не знаю... На курорт куда-нибудь... Я ж нигде, считай, и не была ни разу, кроме Новопитера и полигонов Академии, — тихо сказала она, начав водить пальчиком по груди парня.

— А как же работа? — уточнил он.

— Мне отпуск дали две недели. В Институте появиться надо будет только в конце августа. А у тебя?

— У меня конкурс через двадцать восемь дней. Театральные студии, в которых я занимаюсь, могут подождать недельку другую, я так думаю. В конце концов деньги плачу я им, а не они мне.

— А куда поедем? — решила за них обоих Лена.

— Если на курорт, — задумался Леонид. — То чего мелочиться — на Ривьеру.

— Какую? — удивилась Гонцова.

— Начнем с первой, — предложил он.

— Ривьера — это очень дорого.

— Не сказал бы, — хмыкнул Леонид. — Вылет сегодня вечером, двенадцать часов лета бизнесклассом, отель четыре звезды, двухместный номер с одной кроватью, забронировано на двенадцать дней, — словно бы зачитывал парень. Девушка недоуменно приподнялась на локте и посмотрела на него. Оказалось, что «Вежливый Кролик» успел нацепить свои очки и действительно зачитывал с них.

— Эй! Ты что, уже заказал что ли?! — возмущенно воскликнула она. — Я же просто мыслями поделилась!

— «Бойтесь своих желаний — они имеют свойство исполняться,» — поправил очки «Вежливый Кролик». — Так что сегодня в девятнадцать двадцать две, нас в Новопитерском Космопорте, ждет прямой космический Лайнер до Ривьеры-1, рейс 234-ый, бортовой номер R-375 места 11 и 12 второй сектор у «окна».

— Сколько же это все стоит?

— Могу себе позволить: вчера совершил пару удачных сделок на Бирже, так что деньги есть.

— Ты не ответил на мой вопрос, — заметила девушка, поднялась, села ему на живот и уперла руки в постель с двух сторон от головы партнера.

— Зато ответил на следующий за ним, — сказал парень. — Начинай собираться, беги по магазинам, готовь купальники, босоножки, сланцы, шорты, майки и вечерние платья. Вылет через восемь часов.

— Гад, — констатировала Гонцова, нависая над лежащим на спине Леонидом.

— Ты сама мне сказала: «продолжишь быть тьюфом — побью». Указание выполнено — чем ты недовольна? — спросил он и поймал губами сосок левой груди.

— Нахал! — выдохнула она. Парень подключил к делу руки и до отправления осталось семь часов.

— Я читал, что девушке надо много вещей, но, что СТОЛЬКО, не догадывался, — пожаловался в воздух Леонид, толкающий перед собой антигравтележку с их багажом.

— Не на себе же тащишь, — отмахнулась от этой жалобы Гонцова. Леонид по-новому взглянул на три объемистых чемодана, лежащих перед ним на платформе тележки, прикидывая, как бы он их вообще смог нести. Потом мысленно добавил свою спортивную сумку плюс футляр скрипки и решил промолчать, чтобы побереечь нервы.

Пройти таможенный досмотр и паспортный контроль получилось значительно быстрее, чем рассчитывал изначально Леонид, так что до вылета у них осталось около сорока минут. Поэтому он решил скоротать ожидание за стаканчиком сока и чем-нибудь легким, но вкусным, в замеченном им в углу зала ожидания кафе. Лена с ним не пошла, удобно устроившись на кресле и достав свой планшет.

Все вещи они сдали в багаж, оставив себе только самый минимум: у Лены женская сумочка, у Лени скрипка и сумка-пояс с деньгами.

Дождавшись заказанного стакана с соком фейхоа и тарелки котлет «по-киевски», парень с заказом в руках подошел к свободному столику. Он был высокий, рассчитанный на прием пищи стоя. Лёня поставил тарелку, сок и пристроил рядом футляр со скрипкой и распечатал одноразовые столовые приборы, после чего с видимым удовольствием принялся за еду.

— Извините, вы ведь Жестянкин? Леонид Жестянкин, верно? — обратился к успешному расправиться с котлетами и теперь неторопливо цедящему сок, Лёне молодой человек примерно его возраста, в простой неброской одежде по сезону, с открытым, ясным взглядом небесно голубых глаз и пшеничными волосами. Рядом, держась с ним под локоть, стояла милovidная шатенка в светлом летнем платьеце.

Молодой человек был выше Лёни почти на голову и широк в плечах, как Паша Одноглазый, выправка его напоминала военную, но лезущие в глаза волосы явно опровергали его принадлежность к вооруженным силам. Девушка была немного ниже парня, но все равно превосходила в росте Леонида значительно. Волосы ее были собраны в хвост, челка достигала бровей. Миленькие ямочки на щеках намекали, что их обладательница часто улыбается.

— Да, вы не ошиблись, — ответил «Вежливый Кролик» Лёня Жестянкин. При этом пальцы его левой руки, той на которой он носил кольцо-манипулятор, легонько шевелились, а зрачки бегали, но быстро остановились.

— Я Иван Васильев, а это Марина Соврасова, — представил он себя и свою девушку.

— Васильев? Императору, часом, не родственник? — улыбнулся тепло и открыто Лёня, пожимая протянутую руку. Иван непроизвольно отвел в сторону взгляд и почесал кончик носа.

— Нет... Однофамилец просто...

— А так, прямо похожи, — подивился Лёня.

— Все так говорят, — улыбнулся Иван, закрывая тему. — Я был на прошлогоднем конкурсе имени Ванессы Мэй. Ваше выступление, ваша игра, это нечто! Я был в полном восторге! Удивительно, что первое место тогда досталось не вам...

— У всех случаются неудачные дни, — все с такой же открытой и солнечной улыбкой пожал плечами Леонид.

— Это точно, — чуть погрузился Иван, но быстро вернул свое расположение духа. — А вы, если не секрет, куда летите?

— Мы с подружкой летим на Ривьеру первую. Хотели посмотреть на этот «Кусочек Рая» в нашем Космосе, пока каникулы и появилась такая возможность.

— Какое совпадение, — восхитился Иван. — Мы с Мариной летим туда же!

— Что ж, будем рады таким попутчикам, — чуть поклонился «Вежливый Кролик». — А вот и моя подружка! — воскликнул он и, отвернувшись, быстро опрокинул в себя остатки сока из стакана.

К тому моменту, как к ним подошла Лена, стакан был пуст, а «Вежливый Кролик» готово представлять молодых людей друг другу.

— Ты где пропал-то, — после взаимных уверений в том, как им приятно познакомиться, спросила Жестянкина Гонцова, — До посадки пятнадцать минут. Ты в курсе, где наш борт искать?

— Естественно, — поправил очки «Вежливый Кролик».

— Тогда уж и нас проводите, будьте так любезны, пожалуйста, — попросила Марина.

— Предлагаю всем перейти на «ты», — подняла в верх руку Гонцова. — А то это выканье буквально слух режет.

— Поддерживаю, — также поднял руку Иван.

— Согласен, — повторил их жест Лёня.

— И я не против, — тоже подняла руку, подчиняясь общему настроению, Марина.

— Единогласно, — констатировала Лена. — Веди, Сусанин!

— Хотя бы Моисей, тогда уж, — улыбнулся шутке Иван. — Пусть через сорок лет, но до места добраться.

«Вежливый Кролик» промолчал, потому что был очень вежливый.

* * *

— Лен, за нами следят, — нежно сказал девушке на ушко Отмор, стоило только Ивану с Мариной приотстать на пару шагов.

— Уверен? — рассмеявшись и изобразив смущение, тем же способом спросила Лена. — Я не заметила.

— Не верно выразился, — снова пощекотал ей ухо он. — За ними следят. Не за нами.

— Проверим? — дурачась, «дунула» в ухо парню она.

— Нет смысла. Иван — сын Императора, — приобняв и чмокнув в щеку, добавил Леонид. Лена аж споткнулась от такой новости. Но быстро взяла себя в руки.

— С ума сошел?! — не повышая голоса, прошипела она, пережидая боль в ушибленном пальце.

— Сама посмотри, — не стал спорить он и просто одел на нее свои очки. Там, на внутреннем «псевдоэкране» были высвечены две фотографии: одна Принца Империи Ивана

Александровича, вторая Ивана Васильева, их нового знакомого, сделанная меньше получаса назад. Также была запущена программа распознавания лиц. И выдан результат: совпадение девяносто восемь процентов. Притом схожесть людей на фото была очевидна.

Лена приложила титанические усилия к тому, чтобы не показать своего удивления окружающим, так как Иван шел меньше, чем в двух шагах сзади.

Леонид показал большой палец.

— Тебе идет, — сказал он. Потом пошевелил пальцами и изображение на очках сменилось. Теперь это были фотографии Марины и Княжны Соврасовой. Совпадение программа показывала девяносто девять процентов.

Лена покрасовалась очками перед парнем, поворачиваясь одной стороной, другой. Парень рассмеялся, тихонько двигая пальцами левой руки. Изображение вновь сменилось. Теперь шли просто фотографии трех разных людей, видимо тех самых, которые по мнению Отмора, следили за ними. И сразу за фотками, снова программа распознавания лиц, выдавшая результат на двоих из трех. Наемники с мутной биографией, по которой толком понять, на кого они работают именно сейчас, было решительно непонятно. Это мог быть кто угодно, от иностранных разведок, до родной СОИС.

— Что предлагаешь? — вернув очки обратно на нос владельца, прильнула к его уху Лена.

— Расслабиться и получать удовольствие. Доклад можно будет отправить с борта лайнера, — в ответ потерся носом об ухо девушки он.

Она съежилась от щекотки и отскочив, погрозила пальчиком парню.

Как раз в этот момент они дошли до входа в космолет и начали процедуру посадки.

* * *

— Бойтесь своих желаний, — глянув в «окно» (естественно ни одному конструктору даже в голову не пришло снижать прочность корпуса космолета, ради проделывания в нем настоящих окон или иллюминаторов, так что их заменяли мониторы, оформленные под иллюминатор, подсоединенные к установленным снаружи корпуса, максимально защищенным камерам. Все же есть разница, если в случае чего сторит всего лишь камера или же прогорит или расколется окно в стенке, отделяющей агрессивную внешнюю среду от людей внутри космолета), невпопад к теме разговора, довольно громко заявил Леонид. — Господа, добро пожаловать в Меконг, единственный космопорт планеты Камбоджи!

— В каком смысле Камбоджи?! — бросились к «окну» его соседи. А еще в самом начале полета Иван и Марина пересели поближе к Леониду с Леной, что не стало большой проблемой, так-как свободных мест хватало (на Ривьеру не так уж много народа летает — дорого это).

— Действительно, на Ривьеру не похоже, — быстрее остальных взял себя в руки Иван, рассматривая джунгли, подступающие к дорожному покрытию космопорта, военную технику, расставленную по периметру, людей в военной форме с оружием, прохаживающихся рядом с техникой, большую надпись, крупными буквами над входом в одно из административных зданий на английском языке, гласившую «Меконг».

Лена достала свой коммуникатор и попыталась выйти с него в Сеть, но попытка успехом не увенчалась — сигнал отсутствовал.

— Господа, предлагаю сесть на свои места и пока что не привлекать внимания, — совершенно спокойно и даже расслабленно сказал Леонид. — Подозреваю, в ближайшие несколько минут все прояснится.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Иван, усаживаясь на кресло. Жестянкин под недоуменные взгляды остальных открыл тем временем футляр своей скрипки и достал смычок. Затем отцепил от него конский волос и одним точным скручивающим движением обломил верхний конец, оставив его заостренным.

Соседи по креслам смотрели на все эти манипуляции с непониманием. А Лёня вручил футляр со скрипкой Марине, очки свои передал Лене, попросил подержать пока, сам пересел поближе к проходу.

В этот момент отворилась дверь в сектора и стали входить люди с оружием. Пятеро мужчин с легкими лазерными автоматами в руках. Причем внешность их была самая, что ни на есть европейская. Никаких азиатских черт в их лицах не наблюдалось даже близко.

— Всем оставаться на своих местах! Лайнер захвачен! — начал вещать один, оставшийся ближе всех к двери. — Соблюдайте спокойствие, делайте, что вам говорят и останетесь живы! — закончил он свою короткую речь. Первый из пятерки достал коммуникатор, вывел на нем фотографию и начал неторопливо, сверяясь с ней, всматриваться в лица пассажиров.

Леонид громко и надрывно закашлялся. Все присутствующие обернулись в его сторону. Он, прокашлявшись, виновато улыбнулся и поднял глаза. На секунду все находящиеся в лайнере застыли, особенно те, кто мог видеть лицо юноши, спокойное, открытое и доброжелательное, казалось, само время остановилось.

А затем, одним плавным движением Леонид оказался на ногах и буквально протек по коридору, странно вытанцовывая между людьми с оружием. Грациозно и потрясающе красиво. Казалось, что это было одно плавное и очень быстрое движение: вот он сидит на кресле, движение и вот он уже стоит, воткнув обломанный смычок острым концом в глаз последнего из вошедших мужчин. А затем время снова пошло. И вооруженные люди начали падать в проход захлебываясь кровью. У троих оказалось пробито горло, один получил колотую рану в сердце через подмышечную впадину, а последний умер от повреждения мозга острой крепкой деревяшкой через глазницу.

— Пошли, Вань, — ободряюще улыбнулся он опарашенному Васильеву. — Времени мало.

В распахнувшийся дверной проем Леонид стрелять не стал, видимо опасаясь повредить аппаратуру. Он бросил нож, прихваченный им с одного из тел. Тяжелый десантный боевой нож с ферритовой полоской на лезвии, как в масло, вошел в переносицу еще одного вооруженного европейца по самую рукоять, словно вовсе не испытывал сопротивления. Хотя для активированного ферритового лезвия именно так все и было.

Ведь феррит — одно из главных изобретений, или скорее открытий, что позволили выйти людям в космос. Представлял он собой вещество, обычный металл. Ну, пусть не совсем обычный, а очень прочный металл, превосходящий титан, хоть и очень его напоминающий. В нормальном своем состоянии. Но вся суть заключалась в том, что стоит приложить к этому металлу определенным способом энергию, и он приобретает свойство поля. Не создает поле вокруг себя, а именно сам становится полем, сохраняя свою форму. Совершенно прозрачное (или наоборот, полностью отражающее, в зависимости от назначения, примесей в металле и способа подачи энергии) и практически неразрушимое (пока не кончится подводимая энергия) поле заданной формы — идеально для создания корпусов космических аппаратов. Также как и скафандров. Также как и брони. Во все же идеально — для оружия. Берется обычный клинок, проковывается по самому лезвию тонкой полоской феррита, помещается в рукоять батарея, и вуаля! Перед вами мечта фантастов — мономолекулярный клинок! Точнее полевой. Но рубит от этого ничуть не хуже. Причем способен справляться даже с ферритовой броней, но тут уж извечный спор «абсолютно непробиваемого щита» с «пробивающим все что угодно копьём». У чего в заданной точке энергонасыщенность больше, то и победит. А конфигурация «лезвие», как опытным путем выяснилось, с конфигурацией «броня», так справляется даже при подаче на клинок энергии в четверо меньше, чем на броню в этом месте. Но и только. Если разница в энергиях будет больше, то уже не срабатывает. Что и логично.

Второй вооруженный европеец в отсеке пилотов получил в кадык прикладом, а после, уже на полу контрольный выстрел в голову. В этом отношении Леонид оказался до ужаса педантичным: как бы не был ранен враг, а в голову контрольный обязательно! Никакой жалости, никакой пощады, никаких живых врагов за спиной. И никаких эмоций на ангельски безмятежном лице, только открытость и доброжелательность. Жуткое сочетание.

У стенки, явно оттащенные, дабы не мешались под ногами, обнаружили трупы настоящих пилотов, тех, что вели лайнер с Новопитерского космопорта, что сразу же убило всякую жалость к захватчикам.

Леонид сразу же забрался в кресло первого пилота, подогнал его под себя, пристегнулся страховочными ремнями и радостно сообщил всем.

— Сейчас будет весело! Кто не найдет, к чему себя пристегнуть — гарантированно сдохнет, превратившись в качественно отбитый кусок мяса! — затем включил громкую связь с салоном лайнера.

— Господа пассажиры! С вами говорит неадекватный, на всю голову отмороженный дебил, добравшийся до пилотского кресла! Через восемь минут я стартую и буду экстремально получать удовольствие, ломая этот лайнер и разнося космодром. Мне будет по кайфу, вы будете дружно блевать и падать в обморок. Даже самые крепкие из вас. Но мне будет на это совершенно наплевать, ведь по кайфу же! Ну а уж кто не пристегнется — я не

виноват! Светлая тому память, вечный покой. Итак время пошло! — с интонациями, которых Лена отродясь от Отмора не слышала, вещал он на весь лайнер. И сомнений в его словах не возникало ни малейших, так как в голосе его слышалось настоящее неподдельное безумие и безумная радость.

Он выключил тумблер громкой связи и повернулся к товарищам по приключению. И безумия в его взгляде не было, оно выключилось, словно тем же тумблером, что и громкая связь.

— Я сейчас на полный безопасный для человека максимум врублю искусственную гравитацию и компенсаторы перегрузок. Но так, как мы будем танцевать практически на поверхности планеты, прикладывать будет все равно жестко. Так что готовьтесь, — сказал он, в то время, как его руки уже отправляли команды на прогрев движетелей и проверку всех систем лайнера. — Лен, дай пожалуйста мои очки. Сейчас они мне будут очень нужны.

Девушка безпрекословно выполнила эту просьбу. Вообще, с самого первого удара смычком, Лена смотрела на Леонида странно. С диким желанием и возбуждением, но одновременно с таким же диким страхом и ужасом. А еще с готовностью умереть, но идти сейчас с ним до конца.

— Сейчас я буду чудить. Постарайтесь не впадать в панику и не вмешиваться, ломая мне игру. Сразу предупреждаю: это будет отвратительно, возмутительно и провокационно. Но только так, максимально дерзко и на кураже мы имеем шанс победить. «Победить и выжить, чтобы победить снова».

— Все плохо? — решился задать вопрос Иван.

— Даже хуже, — не стал пытаться развеять его сомнений Леонид. Причем руки его жили в этот момент собственной жизнью: он достал из чехла с ноутбуком еще три кольца-манипулятора и надел два на большие пальцы обеих рук, одно на указательный правой руки. А дальше раскинул видимую только ему одну виртуальную клавиатуру, или даже не одну, и словно пианист, играл на клавишах, одному ему ведомую композицию. — Мы на планете, где идет вялотекущая гражданская война. Правительство — военная диктатура. Космодром — единственный на всю планету. Станция дальней космической связи, так же одна. И планетарные ПКО не дадут нам подняться выше пятисот метров над поверхностью. А у нас только общая длина от носа до хвоста — сто и размах крыльев восемьдесят пять. Плюс на самом космодроме полно тяжелого вооружения, в том числе и ракетного. Без хорошего куража нам никак...

— Понятно, — сглотнул внезапно вставший ком в горле Иван. Тут Леонид включил одновременно и внешнюю и внутреннюю громкую связь.

— Я обращаюсь к правительству Комбоджи! — начал с ноткой безумия в голосе, но вполне официальным тоном Леонид. — Я являюсь гражданином Российской Империи, также как и шестьдесят восемь пассажиров на борту. Нас против нашей воли доставили на эту планету преступники. Требую немедленно открыть воздушное пространство для нашего взлета и не препятствовать возвращению нашего борта на родину в порт приписки Новопитер планета Терра! Тогда, обещаю, мы уйдем тихо, без политического скандала. В противном случае, если мое требование не будет выполнено через десять минут, я остаюсь на планете, у вас больше не будет космодрома, а не позже чем, через двадцать четыре дня, у вас будет новое правительство! Время пошло, — проговорил он на русском. Затем повторил на английском. И в третий раз на кхмерском. Иван только диву давался, от таких его обширных познаний в языках.

— Теперь ждем восемь минут, они естественно не соглашаются, но дипломатически у нас развязываются руки. Сможем оправдаться потом, даже если планету взорвем к херам, — сказал «Вежливый Кролик», поправив указательным пальцем очки. Ругательство в его исполнении звучало... экстравагантно. И непривычно.

Леонид замолчал. Таймер, запущенный им, неумолимо отсчитывал по громкой связи секунды отведенных десяти минут.

— Кто вы такие? — решил задать, пока еще можно, главный беспокоящий его вопрос, Иван. — СИБ?

— Не бойся, Твоё Императорское Высочество, — усмехнулся Леонид, продолжая что-то сосредоточенно «наигрывать» на виртуальных невидимых остальных клавишах. — Я именно тот, за кого себя выдаю: скрипач Жестянкин Леонид Васильевич. Мы с Ленкой просто хотели слетать на Ривьеру. Ты подвернулся совершенно неожиданно и спутал все карты.

— И все же? Раз вы про меня все знаете. Кто вы? СОИС? СИБ? — настаивал Иван.

— Ленка из СИБа. Вчерашняя выпускница Академии. В отпуске она между заданиями.

— Это правда? — повернулся Иван к Гонцовой. Та утвердительно кивнула. — А ты? Ты кто такой? Такие навыки... Я даже не слышал, чтобы кто-то мог вот так... Как ты.

— Кадет я недоучившийся. Училище Армейской Контрразведки и Спец. Связи. Отчислен. Контракт разорван. Так что сейчас я никто. Просто скрипач, ехавший на Ривьеру с девушкой.

— Слишком круто для простого скрипача...

— А я не простой! Я талантливый! — рассмеялся Леонид. Как раз в этот момент таймер начал отсчитывать крайнюю минуту из ультиматума. Жестянкин положил руки на рычаги штурвала, плавно, без спешки, нежно но уверенно, как в крайние дни клал на грудь своей любовницы.

Лайнер не дернулся, не вздрогнул, почти не сместился. Но приборы показывали, что шасси убрано, двигатели вышли на малую мощность и сейчас вся громада лайнера висит на них в паре метров над покрытием космодрома.

Лёня передвинул другой рычажок на несколько делений, выставя его в понятную ему одному позицию, и искусственная гравитация буквально вдавила всех, находящихся на борту людей в кресла.

Время вопросов кончилось.

Лайнер начал приподниматься на стартовых антигравах и разгонных двигателях одновременно, но делал это неправдоподобно медленно, словно эти две движущие силы не помогали друг другу, а наоборот мешали. При том, если судить по дрожанию воздуха под корпусом, разгонные движки были уже чуть ли не на маршевом режиме.

Корпус пошел «волной» и засеребрился активированным ферритовым слоем.

— Время вышло. Вы упустили свой шанс... — раздался по громкой связи на весь космодром веселый звонкий почти детский голосок. — «Дождик, дождик, хватит литься, Лёня хочет веселиться!!! — весело и задорно прокричал этот голос. А потом зачитал английскую версию.

— Rain, Rain.

Go away.

Come again another day.

DADDY wants to play.

Rain, rain, go away, — продикломировал он детскую песенку. При этом в нем с каждым словом нарастал градус безумия. Под завершение короткого четверостишия, тех, кто его слышал, уже реально продирали мороз по коже.

— Упс! — раздалось восклицание одновременно с резким боковым рывком лайнера. Тяжелую машину с большим ускорением кинуло в бок на скопление техники, которую ферритовым бортом буквально размазало и размолотило по покрытию космодрома. Инерция потащила лайнер дальше на вышку радара и пеленга. Причем, скорость все нарастала.

Вышку снесло, словно карточный домик. Резко врубилась маневровая, и космолет вроде бы начал выравниваться, но не удержался и его снова кинуло, теперь уже в другую сторону.

Над космодромом заорала и тут же отключилась сирена. В воздух начали подниматься боевые флаеры с крупнокалиберными лазерными пулеметами. Ракетные установки экстренно начали приходить в боевую готовность. Суматошно и беспорядочно забегали люди.

— Яху!!! А.....сия...тинна, мне дали порулить!!! — раздался все тот же голос, но полный запредельного, бешеного, радостного восторга, в тот момент, когда лайнер, все также несущийся прямо на ракетные установки, начал заваливаться на крыло, чуть не срезая им верхний слой дорожного покрытия.

А потом вновь зазвучала та же детская песенка, ритмично декламируемая звонким почти детским голосом, набирающим с каждым словом накал и градус безумия, как и в первый раз, но теперь одним четверостишием не ограничилось. Песенка была длинная...

— Rain, Rain.

Go away.

Come again another day.

DADDY wants to play.

Rain, rain, go away.

Rain, Rain.

Go away.

Come again another day.
MOMMY wants to play.
Rain, rain, go away.

Rain, Rain.
Go away.
Come again another day.
BROTHER wants to play.
Rain, rain, go away.

Rain, Rain.
Go away.
Come again another day.
SISTER wants to play.
Rain, rain, go away.

Rain, Rain.
Go away.
Come again another day.
BABY wants to play.
Rain, rain, go away.

Rain, Rain.
Go away.
Come again another day.
ALL THE FAMILY wants to play.
Rain, rain, go away!!!!!![\[1\]](#)

А под нее на космодроме творилось фиерия, абсурдная, шокирующая и умопомрачительная. Лайнер, что начал заваливаться на крыло, нацеплял этим крылом несколько мелких космолетов, в том числе два истребителя вместе с суеящимися около них букашками-людьми, а затем резко затормозил и завалился на противоположное крыло, отправляя в полет, все, что успело зацепиться. Причем так совпало, что именно в этот момент батарея ракетных установок, на которую несло лайнер, выпустила два десятка самонаводящихся ракет по нему. Которые благополучно завязли в куче крупного и мелкого мусора, подкинутого в воздух кораблем. Две или три взорвались в воздухе, десятков от удара о землю, пяток отлетели в саму батарею и разнесли ее к едрене матери, одна прорвалась, но расстояния для маневра наведения не было, так что, пройдя впритык выше корпуса, она проскочила дальше и в процессе обратного разворота влетела в развалины радарной вышки и взорвалась там.

А лайнер даже и не думал останавливаться, продолжая хаотично и неуправляемо крутиться по всему космодрому, утюжа, вминая, давя, сбивая, сжигая выхлопами двигателей... И все под задорную детскую песенку.

Но тут стало не до смеха: на позиции вышли еще две полностью готовых батареи

ракетных установок, а с воздуха приближалось звено истребителей и два звена штурмовых ракетных флаеров вертикального взлета, пришедших с изобретением антиграва на смену боевым вертолетам.

Песенка кончилась. Голос поменял тональность, став сразу чуть хриплым и надрывным. Сменился и язык, на котором он вещал. Да и песенка стала совсем не детской.

— А мы беретты на лоб надвинем!
И автоматы повыше вскинем!
И с улы-ы-ыбкою веселой
Мы будем жечь чужие села!..

— орал из динамиков голос отбитого на всю голову космодесантника, жаждущего крови, старую как мир неофициальную песенку тогда еще Воздушного Десанта и Морской Пехоты, в последствии слившихся в единые Космо Десантные Войска.

— А мы по локоть закатаем рукава
А мы Чикаго расхуярим на дрова
Мы будем водку жрать, мы будем баб ебать
Да потому что нам на совесть, совесть наплевать!

— продолжал, надрываясь, орать бешенный пилот-психопат из динамиков внешней связи, в то время, как сам лайнер мотало по космодрому.

Звенья штурмовиков зависли на позициях, ловя в приборы наведения громоздкую машину. Звено истребителей вышло на боевой разворот. Ракетные батареи встали на боевой взвод, также ловя в прицелы лайнер, который как раз начал, набирая высоту, проходить над ними. Точнее между батареей и звеном штурмовиков.

Ракеты сорвались с подвесов штурмовиков и из установок батареи практически одновременно. А бешенный лайнер под самую забористую матерную часть припева развернулся плашмя, под девяносто градусов к батарее, пропуская ракеты под брюхом.

— ...Мы будем водку жрать, мы будем УБИВАТЬ!!.. — повторно орал припев бешенный пилот, объявивший войну правительству этой планеты, пока потерявшие цель ракеты разносили на атомы батарею и первое звено штурмовиков.

А лайнер, обладая огромной инерцией, не смог бы остановиться после такого резкого разворота, даже если бы очень захотел. Его закрутило волчком вокруг своей оси, а маневровые двигатели бросили бешенно вращающуюся многотонную махину прямо на звено истребителей, попытавшихся сделать резкий разворот, прерывая маневр захода на цель.

Не успели. Их размолотило в воздухе, словно лопостями пропеллера, крыльями лайнера. А маневровые движки подбросили хвостовую часть добавляя еще одну плоскость вращения, делая полет лайнера вовсе непредсказуемым и неуправляемым.

И оставшееся звено штурмовиков не смогло его предсказать, разделив участь звена истребителей.

Космодром был разрушен.

Но предстояло еще хоть как-то вернуть управление над лайнером до того, как он

расхерачится об землю.

Пилот, продолжая орать злую, похабную песенку морально деформированных уродов от войны, кинул машину вверх, в небо, в высоту.

Туда, где ждал потолок — нижняя граница области действия планетарных ПКО.

Всего пять сотен метров. Невероятными, по точности, импульсами пилоту удалось погасить боковое вращение, но машина продолжала кувыркаться. И именно так она пересекла условную границу.

Как только пилот это понял, то тут же вырубил и двигатели и антигравы, камнем начав падать вниз, к земле.

В пяти десятках метров над падающей машиной раздался взрыв, другой третий...

Но машина была уже вне области поражения. А земля приближалась с ужасающей скоростью.

Выровняться и остановить падение удалось только, когда под брюхом затрещали, ломаясь деревья.

— ...это взвод Морской Пехоты

Уходит в джунгли на охоту...

— смогли расслышать немногие выжившие на космодроме, видя, как потрепанный лайнер (удары по истребителям и штурмовикам не прошли даром, не слабо покорежив и потрепав обшивку космолета, а бешенные маневры с вращениями пообломали концы крыльев и хвостовую вместе с носовой частями) уходит в сторону джунглей на предельно малой высоте, буквально задевая верхушки деревьев, быстро скрываясь из виду.

Когда злополучный борт R-375 приземлился посреди джунглей, распахнул двери и выпустил аварийные надувные трапы, люди, градом ссыпавшиеся по этим трапам, падали на колени и целовали землю, вознося молитвы, кто как умел, но искренне и истово.

Исключение составляли четверо, выбравшиеся из пилотского отсека. Их тоже шатало и штурмило, также они были помятыми, но эти не молились. Они ругались.

— Что б я еще раз с тобой полетела куда! — простонала Лена.

— Что б я еще раз тебя за штурвал пустил! — потряс головой Иван и добавил пару непечатных выражений.

Марина говорить ничего не стала. Она поспешила в кусты, где ее вывернуло.

Пару минут спустя к неподвижной туце лайнера подкатили с полтора десятка джипов (разновидность транспортного средства, использующего антиграв, но высоко над землей не поднимающегося. Подобные машинки обожают разного рода лесники, егеря, обходчики, армейцы и партизаны). С них по-соскакивали вооруженные разномастно одетые люди с преимущественно азиатскими чертами лиц.

К ним вышел Леонид, о чем-то быстро переговорил на местном языке с предводителем, потом скомандовал пассажирам захваченного лайнера грузиться на транспорт. Причем делать это быстро!

Оружие в руках пришельцев к спорам не располагало.

* * *

Минут через сорок петляния по джунглям, они выехали к неплохо замаскированному от разведки с воздуха лагерю, где и начали размещаться с разрешения хозяев.

Леонид очень долго о чем-то беседовал с их главным и его помощниками за закрытыми дверями одной из хижин. Расстались они явно довольные друг другом.

В хижину, где обосновалась Гонцова, вернулся он затемно. Лена еще не спала. Она ждала его, сидя у стены на топчане.

Леонид, постояв с минуту в дверях, вошел и устроился рядом с девушкой, полностью повторив ее позу.

— Стоило так рисковать? На космодроме? — тихо спросила она его.

— Рисковать? — удивился он. — Я никогда не рискую. Всегда действую только наверняка.

— И что было «наверняка» там?

— Десять минут я давал не просто так. Они были мне нужны, чтобы подключиться к их сети и закинуть несколько хитрых вирусов, взломавших их протоколы безопасности. Мы не рисковали практически ничем: постановка, просто красивый, эффектный спектакль. Батареи ракетных установок были уже под полным моим контролем, ракеты наводил я сам. Единственную угрозу могли представлять истребители и штурмовики, но их системы наведения я тоже успел взломать. Они потому и подлетели настолько близко, что пытались вручную, без автоматики прицелиться и расстрелять нас, но тут уж церемониться я не стал. Так что риск... Не больше чем на рядовых гонках.

— Спектакль? Но зачем?

— Во-первых затем, что я будущий актер, и мне нравится устраивать спектакли. Во-вторых затем, что на космодроме велась съемка и поломал я далеко не все камеры. И если бы я без всяких эффектов расстрелял космодром их же ракетами, в глазах общественности и политиков, это можно было бы легко выставить за акт агрессии русских против суверенной Камбоджи. А так... это теперь что угодно, но не спланированный акт агрессии. Поскольку гражданский безоружный космолет, пусть и превосходящий по массе, просто не может выступать агрессором против военных.

— Хитро, — согласилась девушка. — Заподозрить хоть какое-то планирование в том, что ты там устроил, сможет только конченный параноик, помешанный на теории заговора, — приняла его аргументацию Лена. — А партизаны эти откуда? И как они узнали, куда нужно подъехать?

— Я договорился с ними заранее, естественно, — пожал плечами парень.

— «Заранее», это когда?

— У меня было целых двенадцать часов на разработку плана. Как только я понял, кто такой Иван, тут же начал просчет возможных неприятностей и вариантов, используя доступ к сети лайнера. А уж когда мы свернули на другую контрольную точку входа в гипер, и подавно.

— То есть ты знал, что лайнер угнан? Почему тогда просто не пошел и не убил захватчиков, а потом отпилотировал лайнер обратно в Новопитер?

— Мне помешали в этом два истребителя, что присоединились к нам, сразу на выходе из первого гиперпрыжка. Взломать их у меня не получалось. Слишком узкий канал связи, слишком серьезные аппаратные фильтры. Измени я курс лайнера, нас бы просто расстреляли. А в космосе двум истребителям гражданский лайнер не смог бы совершенно ничего противопоставить. Не то, что на земле. И вели нас до самой планеты. Они и сели рядом с нами на космодроме.

— Это их ты протаранил первыми?

— Да. Взломать не получалось — значит они опасны. А опасность надо устранять в первую очередь.

— И что дальше? По плану?

— Отчет в СОИС ты в порту отправила, значит они теперь знают на каком лайнере улетел Принц. После выхода нас из пространства, контролируемого Империей, доверять сообщение зарубежным ретрансляторам я не стал — слишком опасная информация, можно было сильно усложнить ситуацию, если бы его перехватили чужие спецслужбы. Так что СОИС уже известно, что этот борт угнан. Но вот нынешнее местонахождение Принца им пока неизвестно. Значит надо сообщить им об этом.

— Как? В джунглях сети нет.

— Зато на разгромленном мной космодроме «случайно» уцелела станция дальней космической связи, — усмехнулся парень.

— Вернуться? Когда? Какими силами?

— Под утро. Вчетвером пойдем. Там потребуется показать лицо Ивана. А без Марины он не пойдет.

— Что ж, принято, Кашим... — тихо сказала она, пряча улыбку за прядью волос. Парень удивленно повернулся к ней.

— Давно? — только и спросил он.

— Давно, — подтвердила она. — Еще до нашей первой ночи.

— Но как? — глаза его стремились в этот момент к идеальной форме. Форме шара.

— Вы, парни, играете в шашки. Мы же, девушки — в поддавки, — победно улыбнулась она.

— Расскажешь? Интересно же, где я прокололся, — обнял за плечи ее парень.

— Я ведь знала, что ты следишь за мной. Контролируешь мой трафик, коммуникатор, перемещения, прослушиваешь и просматриваешь квартиру. Предположила, что «Ангел» способен и в здании Управления за мной следить.

— И не ошиблась, — кивнул парень.

— Я приходила в клинику навестить Настю и за небольшую денежную благодарность пользовалась ноутбуком одного из медбратьев. Но так, как ты мог контролировать и трафик в базах конторы по моему логину и паролю СИБовским, то украла данные одной из своих соучениц по Академии. И сидела под ними.

— И была права. В клинику я лезть постеснялся. А трафик действительно отслеживал. И все же? Как?

— Я была уверена, что Касселя казнили именно за его проделки с девушками. За компромат убивают по-другому. Тихо. А его именно казнили. Куратор покивал, но не воспринял в серьез.

— Отчеты и доклады твоего куратора я знаю, — отмахнулся Леонид. — Ничего там интересного или непредсказуемого. Ты рассказывай.

— А дальше... Я поняла, что это месть именно за Настю.

— Почему?

— Трудно сказать... Частная клиника, травмы Касселя, то что ее нашли за сутки... Ничего конкретного. Просто интуиция.

— Интуиция... Мне этого не понять, — вздохнул Леонид. — Ты продолжай.

— А дальше... Настя Каменских — сирота. Родители ее в автокатастрофе погибли. Других родственников не обнаружилось, еще когда в детский дом ее определяли. Парень — Паша Вересов. Тоже детдомовец. Весь круг общения — наши, детдомовские. А значит и смотреть надо среди них. Тем более, по показаниям свидетелей, «Ангелу» от шестнадцати до девятнадцати. Рост ниже среднего. Волосы черные, острижены по военному. Собственно из всех наших, тех, кто с Настей общался, под описание только ты подходишь. Вот и принялась я «под микроскопом» твою биографию рассматривать.

— И что в ней?

— А в биографии твоей записано: Заря-1. То, что как раз в момент инцидента четырехлетней давности, ты проходил там практику пилотирования.

— Хорошо. Пусть так, а дальше?

— Счет, открытый в это же время на твое имя. На который каждый месяц перечисляется ровно семьсот пятьдесят рублей из бюджета Империи. Очень красноречивая сумма. А Звезды Героев просто так не вручают.

— Допустим. А про сам инцидент ты откуда узнала? Насколько я помню, под допуском студентки Академии такую информацию не получить. Полковник Васин ту неприятно пахнущую историю секретил как только мог. Да и я после его смерти кое-чего подчистил из базы.

— Во время обучения, я любила забежать к нашим экспертам... Они веселую девочку с косичками и удивленно распахнутыми глазками конфетами подкармливали, чаем поили,

сказки интересные рассказывали... В том числе и про страшного-страшного суперагента Кашима. Которому в эфире лично рег. кор. дал команду «Кашим фас», после которой меньше, чем за час на всей станции живых террористов не осталось, а появилось шестьдесят с лишним трупов и один истребитель затолканный почти по самый реактор, — продемонстрировала «косички» и удивленно распахнутые глазки Лена.

— Вот ведь трёпла! — рассмеялся Леонид, глядя на пантомиму девушки.

— Вот я и прикинула, что Звезду Героя дали бы как раз такому суперагенту, в тринадцать лет убивающему людей с эффективностью машины. Чем не зародыш Ангела, который в семнадцать голыми руками испаривает животы и душит кишками, не меняясь в лице, наивным взглядом ангелочка наблюдая за предсмертной агонией убиваемого им человека.

— Не сходится. Все это притянута за уши. Ты изначально копала конкретно под меня. Почему? Все, что ты перечислила — домысливания и додумывания. Факт только один: счет. Героя мне официально, хоть и засекреченно, дали не за то, что я кучу народа там пострелял, а за то, что я истребителем переборку блокирующую подход к реактору протаранил, как ты выразилась: «запихал почти по самый реактор». И это в деле записано, если запрос все-таки подать в Канцелярию Императора.

— Но я же не подавала запроса. Зато сказки слушала с удовольствием, — пожала плечами довольная собой девушка.

— А вот рег. кор. не поленилась и подала. Потому и отвязалась. Поверить в то, что тринадцатилетний малец расшибет об стенку истребитель, гораздо проще, чем в то, что он же за час убьет шестьдесят вооруженных террористов. И все же? Ты не ответила. На чем я прокололся?

— Все просто, — вздохнула девушка. — Я тебя видела в здании Управления в день двойного самоубийства рег. кора и его зама, четыре года назад.

— Ты же мимо прошла тогда, даже не взглянув? — удивился парень. — Я точно помню.

— Виду не подала, но узнала и запомнила. Ты вон тоже не обернулся тогда, но ведь узнал и запомнил. А еще глаз...

— Глаз?

— Да. Я как увидела на фото, что Касселю пальцами глаз вырвали, сразу на тебя подумала. Травмирующее воспоминание из детства — что тут скажешь? — лукаво улыбнулась она, садясь на Леонида сверху лицом к нему, перекинув ногу через его ноги и опуская руки ему на плечи.

— Выходит ты знала все уже к концу недели после получения задания. Но куратору не сказала?

— Ты же сам говоришь: домыслы и никаких фактов, — тряхнула она волосами. — Зачем себя на посмешище выставлять?

— Это единственная причина? — приподнял бровь в скептическом жесте Леонид.

— Хм... Дай подумать, — картинно приложила она палец к губам и возвела глаза к потолку. — Если я нашла Ангела, то почему я должна его кому-то отдавать? Если могу оставить его себе? — вернула руку обратно на плечо парня девушка и посмотрела прямо ему в глаза. И взгляд у нее был пугающе хищный.

— Интересный подход к делу, — совершенно спокойно выдержал этот взгляд он.

— Но откровенность за откровенность. Кашим, кто в этот раз сказал тебе «Фас»? — спросила она, не отводя взгляда. А затем отцепила от чехла с ноутбуком на поясе Леонида

маленький предмет, опознанный им, как жучок. Причем жучок необычный, а жучок-диктофон с собственным объемом памяти и всего одной функцией — запись. Им невозможно воспользоваться дистанционно, он ничего и никуда не излучает, а поле, создаваемое его аккумулятором ничтожно мало. Снять с него информацию можно только в ручную. Но зато и обнаружить его техническими средствами практически невозможно, тоже — исключительно в ручную. — Не верю, что для «побега» Камбоджу ты выбрал случайно. Так кто? Кто сказал тебе «Фас»?

— Здравствуйте, полковник, — пожал руку строгой женщине со строгим лицом, в строгом костюме, со строгой прической невысокий, крепко сбитый, наголо бритый мужчина, вошедший в ее кабинет, где уже присутствовала она и ее заместитель. — Давайте знакомиться, полковник Сонин Семен Семенович Служба Охраны Императорской Семьи.

— Угрюмова Наталья Ивановна — региональный координатор СИБ планеты Терра. Это майор Иванов Иван Иванович — мой зам. Но думаю вы это и так знаете.

— Знаю, — кивнул бритоголовый. — Но вежливость есть вежливость, — пожал он руку и майору тоже. — Итак?

— Присядем, — указала Угрюмова на второй стол в кабинете, вокруг которого стояли несколько стульев. Дождавшись, пока все разместятся, она продолжила.

— В девятнадцать тридцать три вчера вечером полевой агент Гонцова Елена Васильевна, оперативный позывной Гончая, отправила доклад своему куратору, Арсеньеву Вадиму Александровичу. Доклад содержал фото и видеоматериал с указанием места, обстоятельств и времени, где был снят. На фотографиях и видео был заснят Принц Империи Иван Александрович в сопровождении Княжны Марины Соврасовой. В пояснении было указано, что данные молодые люди совершили посадку на космический лайнер рейс 234 Терра-Ривьера-1 бортовой номер R-357, следующий на Ривьеру-1. Копия рапорта в соответствии с протоколом была направлена в СОИС в девятнадцать тридцать четыре. В двадцать пятьдесят восемь связь с лайнером была потеряна.

— А с Гончей?

— С Гончей также связь была потеряна, как и с другими пассажирами борта, как только они покинули космическое пространство Империи.

— Вот как... Что известно о местонахождении лайнера?

— Покинул пространство Империи, совершив прыжок на один из транспортных узлов Ичкерии. Куда борт отправился оттуда, до сих пор выяснить не удалось.

— Что ж, — задумался Сонин. — А что собой представляет полевой агент Гончая? Что можете о ней сказать?

— Лучшая выпускница Новопитерской Академии СИБ этого года. Одно самостоятельное задание. Сейчас находится в двухнедельном отпуске после его завершения.

— Отпуск? С чего бы? — удивился полковник.

— На прошедшем задании был найден очень перспективный молодой человек. Как подготовка почвы к его вербовке, Гончей, близко сошедшейся с ним, предоставлен отпуск, чтобы отношения стали еще ближе, а там... Уже можно будет начать играть.

— Вот как... А в плане оперативной работы, на что можно рассчитывать? Есть смысл надеяться на нее? Делать ставку?

— Скорее уж на ее парня, — поджав губы, сказала Угрюмова.

— Тот самый перспективный молодой человек? Что он собой представляет? Кто он?

— Жестянкин Леонид Васильевич Герой Империи, личный ученик полковника Воскресенского в фехтовании и сабельном бое, известный в Новопитере гонщик и экстримрейсер, имеет подготовку военного контрразведчика, но контракт с МО РИ расторгнут...

— Неплохо, — потер подбородок Сонин.

— Подозревался в умышленном убийстве двадцати шести человек, — добавила Угрюмова. Сонин удивленно уставился на нее.

— Не подтвердившемся, — успокоила она его.

— Не пугайте уж так-то — подобный монстр в одном лайнере с Принцем Империи... За что Героя удостоен?

— Личный указ Императора. В тринадцать лет оказался на захваченной террористами Черного Солнца орбитальной станции. Не растерялся. Помог агенту под прикрытием Кашиму, проведя учебный истребитель по коридорам станции вглубь и протаранив этим истребителем блокирующую гермо-переборку, чтобы восстановить управление реактором и маршевыми двигателями и предотвратить падение станции на Новопитер.

— Смелый мальчик, — одобрил Сонин. — И находчивый. Думаете, есть надежда, что он сможет дать весточку о местоположении лайнера?

В этот момент раздался сигнал вызова с пульта закрытой связи, стилизованного под дубовый письменный стол.

Угрюмова бросилась к нему и активировала настенный экран и громкую связь.

— Полковник Угрюмова, — представилась она, возникшему на экране среднего возраста мужчине в форме СИБ с погонами капитана.

— Оперативный дежурный СИБ капитан Лапин, — представился он. — Вызов по дальней космической связи: агент Гончая запрашивает связь с региональным координатором.

— Включайте! — тут же отреагировала Угрюмова.

Изображение сменилось. Теперь экран показывал не безликий кабинет оперативного дежурного, а просторное помещение, с какой-то аппаратурой вдоль стен. На полу рядом с этим оборудованием лежал труп без головы в луже крови. Недалеко от него, в не меньшей по размерам луже, еще один со вспоротой грудной клеткой и животом. На переднем плане была девушка семнадцати лет в зеленом тропической расцветки камуфляже, с ремнем автомата на плече, с волосами, заправленными под зеленую бандану.

— Полковник! Младший лейтенант Гонцова, — представилась она. — Нахожусь на планете Камбоджа. Принц Империи Иван и Княжна Соврасова живы, не ранены. Космодром в Меконге разрушен. Пассажиры угнанного борта укрыты в лагере повстанцев. Официальные власти на стороне угонщиков лайнера.

— Камбоджа? — переспросила Угрюмова.

— Так точно!

— Мы можем увидеть Принца? — влез в разговор, вышедший из-за стола полковник Сонин. Гонцова посмотрела на Угрюмову, та подтверждающе кивнула. Тогда Гонцова отошла в сторону и на экране появился Принц Империи Иван.

— Ваше Высочество? — обратился Сонин к Принцу. — Вы в порядке?

— В полном, Семен Семенович, — вздохнул Иван. — Но летать я теперь буду только с вашими, проверенными, не долбанутыми на всю голову, пилотами!

— Я все слышу! — раздался откуда-то из-за края экрана молодой мужской голос. И звук четырех лазерных выстрелов.

— Все-все, я не обсуждаю твой стиль пилотирования! — повернулся в ту сторону Иван, с бледной улыбкой на лице. Одет он был также, как и девушка: в камуфляже и бандане. И держал в руках автомат. Неумело, но крепко.

— Перед матерью извиниться не забудь! Волнуется ведь о тебе, дураке! — раздался все

тот же голос. И опять звуки выстрелов.

— Точно! Семен Семенович, передайте Императрице, что я очень сожалею о своем поведении. И чтобы она не волновалась, моя жизнь сейчас в надежных руках.

— Обязательно передам, — кивнул Сонин. А с той же стороны, из-за пределов экрана продолжали слышаться периодические серии выстрелов, по два-три за серию.

— И, пожалуйста, пришлите за нами корабль не позже, чем через двадцать пять дней.

— Почему?

— У Лёни конкурс через двадцать семь. Если он на него не попадет, то расстроится...

— Расстроится? — не поняла Угрюмова. Иван кивнул и зябко поежился.

— Я бы не стал на вашем месте расстраивать такого человека, — сказал Иван.

— Да ладно тебе, — улыбнулась Гонцова. — Лёня, он же просто ангел! И вообще душа.

— Я все слышу! — снова раздался голос из-за кадра.

Тут в кадр влезла Княжна Соврасова и со слезами на глазах взмолилась.

— Заберите! Заберите нас отсюда! От этих ненормальных! Они же сумасшедшие! Они людей, словно комаров давят! Десятками, сотнями!!! Я уже даже тошнить не могу, мне нечем! А все равно тошнит... Заберите меня отсюда! — и не выдержав, разрыдалась. Иван быстро подошел и прижал ее к себе.

— Что с ней? — уточнил Сонин.

— Слишком много крови видела за эти два дня, — пояснил Иван. — Сам еле держусь, хоть вы меня в свое время по бойням и моргам потаскали, Семен Семенович. Спасибо вам, кстати за это. Иначе сейчас даже не знаю, что было бы.

— Эй, народ, вы там заночевать решили? — раздался снова голос из-за кадра. — Я так-то не против, но минут через тридцать эти обезьяны тяжелую технику подгонят, и тогда крови будет гораздо, гораздо больше!

— Все, Лёнь, заканчиваем, — поднял руку, повернувшись в сторону голоса, Иван.

— Итак, — взяла слово Гонцова. — Закрепиться на космодроме возможности нет, на подходе тяжелая техника, а после того, что тут Лёня устроил, живыми нас брать не будут даже ради сына Императора. Принимаем решение — уйти в джунгли, к повстанцам. Контакт уже налажен. Следующая связь ровно через двадцать один день из этой же башни в Меконге.

— Продержитесь, лейтенант? — спросил Сонин. — Три недели в джунглях... Не угробите подопечных?

— А у вас есть другой вариант?

— Спасательная экспедиция из крутых спецов. Мы сможем быть на планете через двадцать восемь часов.

— Мы не против помощи. Но где нам вас ждать? К тому же учтите, передачу могут перехватить и место встречи, назначенное сейчас по этому, заметьте открытому каналу, станет небезопасным.

— Что ж, вы правы лейтенант...

— Младший лейтенант, — поправила она полковника.

— Не надолго, — позволил себе улыбку Сонин. — главное выживите и не потеряйте подопечных.

— Куда они от нас денутся? — усмехнулась Гонцова. — Лёня их из-под земли достанет, если что.

— Группу мы все равно подготовим и постараемся прислать, как можно быстрее. Искать будем среди повстанцев. Возможно удастся вытащить вас раньше трех недель.

— Вас поняла. Конец связи, — сказала она и экран погас.

Угрюмова повернулась к Иванову.

— Майор, запись разговора немедленно откопировать и подготовить к передаче.

Полковник Сонин скажет вам куда передавать.

— Слушаюсь, — встал тот и покинул кабинет.

— Комбоджа, значит, — вздохнул Сонин, доставая коммуникатор. Следующие десять минут он был сильно занят, делая звонки в нужные службы, для организации дальнейшей работы и спасательной экспедиции.

Но вот срочные распоряжения отданы, осталось ждать.

— Можете показать досье на этого Леонида?

— Естественно, — ответила Угрюмова, включая один из терминалов, стоящих на конференц. столе. Пара минут и искомое, наиболее полное досье на Жестянкина открыто.

— Хочется понять, какого же человека не хочет расстраивать Принц Империи. Учитывая, что к излишней впечатлительности и драматизму Иван не склонен. Он вообще, на удивление психологически устойчивый молодой человек.

— Там нет ничего, такого уж шокирующего, — заметила Угрюмова. — Просто талантливый и разносторонне развитый юноша, еще почти мальчик. Аналитики это досье от запятой до запятой прошерстили.

— Тогда, будьте любезны, еще и то самое дело, по которому он проходил подозреваемым. То самое про двадцать шесть человек.

— Хорошо, — согласилась полковник. — Но нами точно установлено, что к нему отношения Жестянкин не имеет.

— Не имеет, так не имеет, — легко согласился Сонин. — Но для формирования общего впечатления, надо почитать.

* * *

— Правительство Камбоджи прислало официальную ноту протеста, — сообщил, вошедший в кабинет регионального координатора Иванов. — Из Центра нам прислали запись переговоров.

— Правительство Камбоджи? Жалуется? Нам?! — поднял от экрана терминала глаза Сомов. Изучение предоставленных материалов у него заняло несколько часов (изучал он вдумчиво, а материалов было много, и не только по Жестянкину, агентура и оперативники тоже без дела не сидели, расследуя обстоятельства приведшие к угону лайнера, плюс данные его службы по обстоятельствам, сделавшим возможным сам побег Наследника Престола Империи из-под опеки СОИС).

— Странно, но похоже на то, — подтвердила Угрюмова, тоже не праздно проведшая прошедшие часы. — Запустить запись?

— Да, пожалуйста, — попросил Сонин.

Развернулся настенный экран, включилось воспроизведение. Перед ними предстало все то же помещение с оборудованием, что и раньше, только трупы убраны и лужи крови наспех замтыты. На переднем плане был человек в военной форме Вооруженных Сил Камбоджи с погонами генерала, кучей орденских планок на груди и фуражкой на голове.

Он на русском языке, с заметным, режущим слух, акцентом, зачитывал официальную

жалобу военного правительства Демократической Камбоджи на агрессивные противоправные действия граждан Империи на их территории.

С его слов выходило, что на посадочное поле космодрома близ города Меконг неизвестными лицами, без согласования с властями приземлился гражданский космический лайнер с бортовым номером R-357. Который простоял на площадке около тридцати минут, затем вышел в эфир по всем каналам сразу с требованием «открыть ему небо» и «дать спокойно улететь, иначе...». А иначе неизвестный, назвавшийся Гражданином Российской Империи, угрожал, ни много ни мало, разрушить космодром, а затем в течение трех недель свергнуть правительство.

А потом поднял лайнер в воздух... и разрушил космодром, сделав его непригодным для посадки крупных кораблей, после чего ушел на предельно малых высотах в джунгли, где лайнер был брошен, а пассажиры исчезли.

К устному заявлению генерала прилагалась видеозапись, смонтированная с уцелевших камер наблюдения, установленных по всему космодрому.

После просмотра записи в кабинете висела гробовая тишина почти две минуты.

— Начинаю понимать фразу Его Императорского Высочества о «долбанутых на всю голову пилотах». Это еще очень мягко сказано! Я бы приложил трехэтажным великим и могучим...

— Похоже вы начинаете понимать экстрим-рэйсинг, полковник, — хмыкнула Угрюмова.

— Товарищ полковник! — снова заглянул в кабинет ушедший ранее Иванов. — Сообщение из Камбоджи по новостным каналам СМИ!

— Запускай, — велела Угрюмова. Иванов отдал пару команд со своего планшета и настенный экран вновь запустился.

Съемка в этот раз велась переносной профессиональной камерой перед зданием вышки дальней космической связи (единственного уцелевшего на полигоне здания. Говорил все тот же генерал, что и на предыдущей записи. Только теперь он говорил на местном языке, перевод осуществлялся одновременно с речью, в режиме дубляжа.

Он рассказывал о нападении группы боевиков из так называемой «Армии освобождения Камбоджи» на космодром прошедшим утром. Беспрецедентном по дерзости и количеству жертв. Требований нападавшие не выдвигали, просто перебили батальон охраны космодрома прямо в казармах, где те в этот момент спали, так как нападение произошло рано утром. Дежурной смене удалось поднять тревогу и солдаты успели повскакивать с кроватей и даже частично вооружиться. Но это им не помогло. Полторы сотни солдат были зарублены десантными абордажными саблями с ферритовой заточкой. После этого, расстреляв посты из снайперских винтовок, террористы добрались до башни дальней космической связи, попытались испортить оборудование, но не успели, так как к месту были экстренно стянуты еще войска, в том числе и с тяжелым вооружением и бронетехникой.

Нападавшие бросили захваченное здание и с боями, вышли из окружения, устроив подрыв, заранее заложенных зарядов под хранилищем горюче-смазочных материалов и складами боеприпасов. Пользуясь хаосом, возникшим после начала взрывов и пожаров, группе террористов удалось скрыться.

Итогом этого нападения боевиков стало двести тридцать шесть погибших военнослужащих армии Камбоджи. Это утром. Накануне диверсия русских унесла еще сто тридцать жизней. Результатом этих двух дней стало приведение в полную

неработоспособность космодрома и значительные потери как в живой силе, так и в военной технике.

Затем изображение сменилось. Пошел видеоряд с показом разрушений, тел погибших, которые выносили из казарм и укладывали рядами прямо на дорожное покрытие, накрывая простынями. Длинными рядами, пугающими одним своим видом. Следы лазерных выстрелов и одна единственная окровавленная сабля воткнутая в дверной косяк этой самой казармы. И судя по длине оставшегося свободного лезвия, можно было понять, что это обломок. Сам клинок сломался чуть дальше середины.

Видеоряд был достаточно долгим и угнетающим. Притом ни одного из тел боевиков показано не было. Также не говорилось, что нападавшие вообще понесли хоть какие-то потери.

Наконец, материал закончился.

— Так, вы говорите, Жестянкин этот Чемпион Училища по сабельному бою? Ученик Воскресенского? — хмуро спросил Сонин.

Угрюмова молча кивнула. Даже им, видевшим всякое на своей службе, было не по себе после просмотра этого материала. Особенно от крамольной мысли, что не было там никаких боевиков. Только четверо подростков по семнадцать-девятнадцать лет.

— Знаете, Наталья Ивановна, в свете вот этого материала, мне что-то тоже совсем не хочется расстраивать такого человека, — сказал Сонин задумчиво. — Но и спешить как-то уже не тянет... Искать в джунглях талантливое, творчески мыслящее мясника-маньяка с подготовкой военного контрразведчика...

— Может все же был отряд поддержки? Бойцов в полсотни? — с заранее обреченной надеждой в голосе предположила Угрюмова.

— И все полсотни ученики полковника Воскресенского способные действовать идеально скоординированно в замкнутом пространстве против толпы длинным клинковым оружием не мешая друг другу?

— Абордажники КДВ? — вяло выдвинула предположение Угрюмова, прекрасно понимая его нежизненность.

— Я начинаю думать, что угроза про двадцать один день была совершенно серьезной, — сказал Сонин, читая очередную сводку новостей с Камбоджи. — И все меньше хочу туда лететь.

— Что там опять? — поинтересовалась полковник Угрюмова у мужчины, уже третий день как обосновавшегося в ее кабинете.

— «Армией освобождения Камбоджи» захвачен и подчистую вывезен склад ракетно-авиационного вооружения столичного гарнизона вчера вечером. Сегодня утром Генерал Нимол начал карательную операцию в джунглях близ разрушенного космопорта в Миконге, где свидетели, крайний раз видели колонну, скрывающейся в лесу. Полчаса назад, потеряв треть живой силы и две трети техники, четверть авиации, он дал приказ на вывод войск и прекращение операции...

— Ваши слова о поиске маньяка в джунглях? — не отрываясь от изучения своих материалов по расследованию обстоятельств угона лайнера, уточнила Угрюмова.

— Именно, — подтвердил Сонин. — Команда для отправки на Камбоджи собрана и ожидает приказа на отбытие. Второй Восточный Флот Империи под командованием адмирала Власика приводится в боевую готовность и готовится выдвигаться к планете. Сейчас идет согласование маршрутов по дипломатической линии. Идет со скрипом, но к означенному времени должны успеть.

— Как вы собираетесь проникнуть на планету? ПКО в полной боевой готовности. Единственный космодром разрушен.

— Специальный экспериментальный малый космолет «Сапсан», оборудованный «стелс»-системой новейшего поколения. Если он не проскочит ПКО страны Третьего Мира, то институт его разработавший будет разогнан к едрене фене.

— Но уверенности у вас нет, так ведь?

— В этом деле у меня ни в чем уверенности нет.

* * *

— Сразу в десяти крупных городах Камбоджи одновременно начались беспорядки. Генералу Нимолу приходится вводить туда войска, распыляя силы. Напряжение в обществе растет, — докладывал полковнику Угрюмовой майор Иванов. — Проникновение группы полковника Сонины прошло штатно. Закрытый канал связи через мобильный спец. ретранслятор отправленный в систему звезды Прэахатит установлен. Группа приступила к поискам.

— Хорошо, — отозвалась полковник Угрюмова. — Держите меня в курсе. Но вернемся к нашим основным делам: кто, как и зачем угнал этот долбаный лайнер?

— Основной инициатор: ЦРУ. Исполнение: наемники. Но доказать их связь с инициатором практически невозможно.

— Что вам мешает это сделать?

— Операция проведена крайне грамотно. Работали профессионалы. Но все дело в том, что все непосредственные исполнители, по данным агентуры в Камбоджи, были убиты при

приземлении лайнера, предположительно объектом «Кадет». По их донесениям, тела исполнителей найдены на борту брошенного в джунглях лайнера. Тринадцать застрелены, один убит ударом десантного ножа в переносицу, пятеро заколоты смычком от скрипки.

— Смычком? Уверены?

— По докладу нашего агента, именно смычком с обломанным верхним концом, который и был найден рядом с одним из тел.

— Смычок... Если бы я лично не общалась с Окунем и не знала его раньше, то поставила бы сейчас знак равенства между «Кадетом» и «Ангелом».

— Какая в принципе разница? Один они человек или два разных. Ни до того, ни до другого нам теперь не добраться. В плане вербовки они теперь бесперспективны. «Ангел» и так работает на Центр. А «Кадет», если выживет в этой мутной истории, будет на личном контроле Императора. Да еще иметь в должниках его сына, который сам рано или поздно станет Императором...

— В этом вы правы, майор, — согласилась Угрюмова. — Нам бы Гончую не потерять с такими раскладами. Что еще есть по делу?

— По делу, в день приземления лайнера на Камбоджи, на ее орбите висел неопознанный звездолет, классом не меньше легкого крейсера. Чей он был и с какой целью там находился, агенту выяснить не удалось. Однако, по некоторым данным, переговоры с ним вел сам Генерал Нимол, лично. И разрешение на посадку он ему дал. Но именно тут «взбесился» 357-ой, приведя в полную непригодность посадочную площадку единственного космодрома, способного принять звездолет подобного класса.

— Совпадение? — задала вопрос полковник.

— Не знаю. Но если нет, то у «Кадета» информации получается куда больше, чем он нам показывает, — уклонился от прямого ответа майор.

— Возможно. Вполне возможно. Ведь боевые его возможности мы также сильно недооценивали: убить девятнадцать вооруженных наемников, имея из оружия только смычок — не каждый силовик конторы сможет.

— Точнее: единицы из всей конторы, — поправил начальницу Иванов. Та недовольно на него посмотрела, но одергивать не стала.

— В общем так: ищите. Узнайте, что это был за звездолет. Чей и зачем. Используйте любые свободные ресурсы, а, по согласованию со мной, и не свободные тоже. Но узнайте. С нас ведь спросят не за здоровье наследника, а за отсутствие результатов по похитителям.

— Слушаюсь. Разрешите исполнять?

— Разрешаю. Идите.

* * *

— Дворец Генерала Нимола захвачен «Армией освобождения». Генерал казнен на центральной площади Миконга. В стране объявлены всеобщие демократические выборы.

— Сколько дней прошло? — уточнила Угрюмова у докладывающего майора.

— Девятнадцать.

— Он обещал через двадцать один, — задумчиво побарабанила пальцами по столу полковник.

— Дословно, он обещал новое правительство через двадцать один день. Так что вполне

себе сходится: день на проведение выборов, полдня на подсчет результатов, день на формирование кабинета.

— Второй Восточный Флот войдет в систему Прэахатит через четыре дня. Группа Сонины будет ждать «Гончую» с «Птенцом» у башни дальней космической связи, через два дня.

— Что ж, похоже все идет гладко.

— Даже слишком гладко. Слово по нотам, под взмахи палочки невидимого дирижёра... Узнали, что был за звездолет? — уточнила Угрюмова.

— Линкор Альянса «Дредноут». Порт приписки Нью-эйдж Центральная Командующий: капитан Петерсон, — отрапортовал Иванов.

— Вот как? Что же ему там понадобилось-то...

— Этого узнать пока не удалось. Зато известно, что он болтался в системе в течение двух недель. Предпринял две попытки приземления: одну на частично расчищенный и отреставрированный космодром, вторую на необорудованной площадке рядом с самим городом и четырнадцать попыток десантирования на малых десантных ботах. По неизвестным причинам, ни одна успехом не увенчалась. Покинул систему только после того, как Второй Восточный выдвинулся со своих баз к району формирования и сбора.

— Надо попытаться узнать зачем он там болтался. И что именно помешало ему выполнить свою задачу.

— Попытаться?

— Не уверена, что у нас это получится. Уровень для регионального отделения СИБ высоковат. Прямо скажем, не наш это уровень, — пояснила Угрюмова.

— Может в таком случае доложить на верх и забыть?

— Подозреваю, что этим все и окончится. Но пока: ищите.

— Слушаюсь.

* * *

— Встреча Сонины с Гончей, «Кадетом», «Птенцом» и «Зорянкой» состоялась по намеченному плану. Почти. Они прибыли на место в сопровождении нового Президента Республики Камбоджа, на его личном флаере, в сопровождении кортежа охраны, — докладывал майор Иванов полковнику Угрюмовой. — Как только «Птенец» встретился с Сониным и присоединился к нему, новый Президент Республики установил с ним официальные дипломатические отношения, как с Принцем Империи и ее официальным представителем.

— «Птенец» с планеты эвакуирован?

— Нет.

— Почему?

— «Сапсан» уничтожен.

— Как это произошло? — отложила ручку и выпрямилась в своем кресле женщина.

— Неизвестно. Группа прибыла к месту, где был законсервирован и замаскирован «Сапсан», но там только кратер от взрыва около пятидесяти метров радиусом. Предположительно местные нашли корабль, полезли его вскрывать, частично это им удалось, затем сработала система экстренного самоуничтожения. Таким образом группа

Сонина осталась без транспорта. Возможности эвакуировать «Птенца» до подхода Второго Восточного Флота, нет.

— Какое решение принято Сониным?

— «Птенец» с его одобрения принял гостеприимство Президента Республики. Сейчас находится в бывшем дворце Короля Камбоджи, после — дворце Генерала Нимола, ныне — резиденции Президента Республики.

— А Гончая и «Кадет»?

— Оставили номер местного телефона для связи и отправились «наверстывать испорченный отпуск». Выделить людей для слежки за ними Сомов не может, так как их и так едва хватает для обеспечения безопасности Наследника Престола, а сторонних специалистов привлекать... В его ситуации не разумно.

— Когда возможна эвакуация? Ориентировочно?

— Через три дня.

— Что ж, будем ждать, — вынесла вердикт Угрюмова.

— Итак, — в кабинете регионального координатора, за столом для конференций сидели двое: строгая женщина и юная девушка. — Елена Васильевна, — обратилась строгая женщина к юной девушке. — Я пригласила вас сегодня просто для разговора.

— Я ценю это, — кивнула девушка.

— Как вы себя чувствуете после всей этой истории?

— Сносно, — ответила девушка. — Хотя и несколько досадно, что вместо отелей и пляжей Ривьеры-1, пришлось провести отпуск в джунглях Камбоджи. Тем более досадно, что билеты и отели были оплачены вперед.

— Думаю, Золотая Звезда, которой вас удостоил Император за спасение своего сына, немного сгладила эту досаду?

— С этим трудно несогласиться, — улыбнулась девушка. — Личное дворянство девочке-сироте из детского дома удастся получить редко. Тем более в семнадцать лет.

— Вот видите, как хорошо, — улыбнулась женщина. — А ваш друг... Или всё-таки парень? Вы определились?

— Друг. Мы пока остановились на этом, — ответила Гонцова.

— Он-то как к этому всему относится?

— Равнодушно. Ему что Ривьера, что Камбоджа, что Новопитер... А дворянство у него и так уже есть. Только что из личного в наследуемое перешло.

— Но, что-то ведь его волнует? Что-то ему нравится, что-то раздражает...

— Он счастлив, что удалось «поручить» целым лайнером. Волновался, что может не успеть на конкурс... Раздражало постоянное нытье Княгини.

— Это ведь он перебил батальон охраны космодрома в Меконге?

— Да, — не стала отнекиваться Гонцова, тем более, что в рапорте этот момент она уже отразила.

— И он действительно сделал это один? Все двести тридцать человек?

— Не уверена, — замялась девушка. — Я не считала трупы. Поверьте, они представляли из себя совсем не аппетитное зрелище. Но я в тот день на спуск не нажала ни разу. Как и Княгиня. Иван поначалу пытался помочь Леониду огнем, но мазал он безбожно. А потом Отмору помощь уже и не требовалась.

— И вы так спокойно относитесь к тому, что человек, с которым вы делите постель — убийца? Вас это не беспокоит? Не пугает? — осторожно спросила Угрюмова.

— А должно? — удивилась Гонцова.

— И вам не страшно?

— А почему я должна бояться? Это ж Лёнька! Ну, понимаете, Лёнька! Мы с ним, на соседних горшках сидели, в одни игрушки играли. Ну, пусть, стал он крутым. Пусть. Но это же все равно тот же Лёнька Отмор, который меня за косички дергал, чтобы я за ним с учебником побегала... — с трудом подбирая слова, неловко объяснялась Гонцова.

— А вас кошмары по ночам не мучают?

— Нет, — улыбнулась Гонцова. — Мужское плечо под головой — хорошее лекарство от кошмаров. Когда он рядом, кошмары мне не снятся.

— Все же убийство, совершенное у вас на глазах — тяжелая нагрузка для психики, — настояла на своем полковник. — Тем более массовое убийство. Тем более жестокое,

кровавое, массовое убийство.

— Я не заглядывала в казарму, — серьезно сказала Гонцова. И эта серьезность на ее юном лице смотрелась несколько потешно. — Лёня сказал мне не делать этого. Княгиня заглянула. И Иван не удержался. А я своему другу поверила и не стала.

— Понятно, — пришла к каким-то своим выводам Угрюмова. — Получается, вы все произошедшее воспринимаете просто как игру?

— Нет, — ответила Гонцова. — Я-то как раз воспринимаю все вполне серьезно. Понимаю, что наша страна побывала на грани серьезнейшего политического кризиса: гибель Наследника — совсем не шутка. Но, согласитесь, трудно продолжать воспринимать окружающее адекватно находясь за спиной личного Супермена. Воспринимать нереальные, невозможные вещи, как реальность и сохранять при этом критичность мышления крайне трудно.

— Тяжело с этим не согласиться, — отозвалась Угрюмова. — И каковы у вас дальнейшие планы?

— Я подумываю уйти в отставку, — после некоторой паузы ответила Гонцова.

— В отставку? Уверены?

— Я трезво оцениваю свои способности и перспективы, товарищ полковник. Да, я объективно лучшая выпускница Академии этого года по результатам тестов и экзаменов. Но что это мне дает? Только более опасные задания, с большим риском для жизни: мне одной встречи с «Ангелом» в ночной школе за глаза хватило — такого чувства полной беспомощности врагу не пожелаешь. То, что я все же очнулась — всего лишь его прихоть, а не моя или ваша заслуга, — слегка уколола регионального координатора наглая девчонка. Но заслуженно и от того вдвойне неприятно. — А получить больше, чем получила сейчас... Я сирота из детдома. Мне выпал счастливый билет, один на миллиард. Я его ухватила и выиграла. А при игре в казино жизни главное правило — уметь вовремя встать из-за стола.

— Но теперь вы не просто девочка-сирота, — возразила Угрюмова. — Теперь вы — дворянка. Герой Империи. А это совсем другие служебные перспективы. Это руководящие должности, возможный перевод в Центр, карьерный рост...

— Пожалуй, — задумалась девушка. Но не на долго. — Вот только пример Лёньки Отмора перед глазами развеивает любые сомнения. Вызывает зависть и единственное желание: «Хочу так же!» — ослепительно улыбнулась она.

— В каком смысле? Быть суперубийцей?

— Нет, — улыбнулась девушка. — Независимым тунеядцем на государственном содержании. Делать только то, что хочешь. Не выполнять ни чьих приказов. И сейчас у меня появилась такая возможность.

— И что же вы планируете делать, уйдя в отставку? Учтите, что некоторые ограничения связанные с вашей нынешней работой, а конкретно с допуском к секретным сведениям, у вас все равно останутся.

— Конечно, — серьезно кивнула девушка. — Я это прекрасно осознаю. И не собираюсь подставляться под санкции со стороны государства, на чьем обеспечении, я собираюсь жить.

— И все же?

— Я ведь уже поступила в НГУ. Вот и буду учиться там. Высшее образование, даже тунеядцу, не помешает.

— Что ж, — побарабанила пальцами по крышке стола Угрюмова. — Похвальное желание. И когда вы намерены уйти со службы?

— Сейчас, — положила на стол перед полковником бумажный рапорт, извлеченный из пластиковой папки, принесенной с собой, она.

— А у вас слова с делом не расходятся, — подивилась Угрюмова. — А ничего, что у вас пятилетний контракт, который вы обязаны отслужить после окончания Академии, как возмещение средств, потраченных на ваше обучение?

— Думаю, резолюция Императора на моем рапорте, решает эту маленькую проблемку, — указала на оную, с личной подписью и гербовой печатью, под основным текстом рапорта девушка.

— Пожалуй, вы правы, — поиграла желваками, а затем вымученно улыбнулась Угрюмова. — Такая резолюция решает любые проблемы...

— Вот видите, как хорошо, что я додумалась сразу ее поставить. Не придется теперь повторно записываться к нему на аудиенцию. Хоть, он, конечно, и говорил, что рад будет видеть в любое время.

— Елена Владимировна, — после внимательного прочтения вышеозначенного рапорта и утверждения его своей подписью и печатью, подняла глаза на Гонцову Угрюмова. — А, если, допустим, ваша помощь понадобится нашей службе... В частном порядке?

— Почему бы и нет? — улыбнулась девушка. — Леонид ведь не отказывает в таких услугах. За соответствующее вознаграждение, естественно.

— А он не отказывает? — вскинулась Угрюмова, моментально вернув себе пошатнувшееся присутствие духа.

— Он сказал так: «Я не против маленьких разовых подработок. Но на службу не пойду: по горло наелся ее за время Кадетки».

— А кому он это сказал?

— Мне.

— А Императору?

— А Император не спрашивал.

— То есть, если нам потребуется его помощь, как гражданского специалиста, нужно будет обращаться к нему через вас? — решила уточнить Угрюмова.

— Нет, — печально вздохнула девушка. — Он сказал, что обращаться к нему всегда нужно только напрямую. Без посредников и средств связи. Лично. Один на один. Это его твердое требование.

— Разумно, — согласилась Угрюмова. — У вас, я так понимаю, требование такие же?

— У меня по-проще: через Вадим Саныча. Привыкла я к нему.

— Что ж, — поднялась со своего места Угрюмова. — Благодарю вас за столь познавательную беседу, старший лейтенант, — подала она для пожатия руку, также поднявшейся девушке. Та руку с улыбкой пожала. — Не смею вас дальше задерживать. Вам же теперь с документами и обходными листами заниматься предстоит.

— Это приятные хлопоты, — вновь мило и немного смущенно улыбнулась Гонцова.

— Капитанские погоны обмывать будете? — тоже улыбнулась Угрюмова.

— Капитанские? — удивилась Гонцова. Но частичка фальши в ее удивлении проскользнула.

— В отставку ведь уходят с повышением в звании. Вы не знали?

— Видимо, просто забыла, — повинилась девушка.

— Ничего страшного, — улыбнулась Угрюмова.

Девушка-почти-уже-капитан-Имперской-безопасности покинула кабинет. Полковник

заняла свое место на кожаном кресле за дубовым столом.

— Ссучка! — с чувством выдохнула она, сжимая в бессильном раздражении кулак. — Но крайне полезная сучка, — вынужденно признала полковник Имперской безопасности, чуть успокоившись.

Иван проснулся с бешено колотящимся сердцем, с холодной испариной на лбу. Хорошо, что в этот раз хотя бы не кричал, будя спящую рядом Марину, чей сон также спокойным не назовешь. Досталось ей...

Снова этот сон. Снова этот Ангел с двумя абордажными саблями в руках, одна из которых обломана чуть выше середины, у другой наполовину прозрачное лезвие. Ангел весь в крови. Совершенно весь, с головы и до ног. Кровь стекает и с его сабель, течет по лицу. Только совершенно белые ангельские крылья за его спиной девственно чисты, словно только что выпавший на землю снег.

Он идет по казарме батальона охраны космодрома, аккуратно переступая через части человеческих тел и оружия, через перерубленные шконики и разбросанные табуретки. И опять все это в крови. Даже на потолке брызги крови. На стенах... Пол просто залит ею, завален кусками тел, отрубленными конечностями, головами, вывалившимися внутренностями... Их много. Очень много.

Абордажная сабля с ферритовой полосой по лезвию, так называемой «ферритовой заточкой», в умелых руках — страшная вещь. Ее удар не останавливает ни металл, ни камень, ни кости, ни даже ферритовая броня классом ниже тяжелого космического скафандра высшей защиты, ни тем более мясо. В телах она не застревает, а металлическая основа имеет массу и баланс настоящего, обычного клинка.

Вот только мастеров управляться этой опасной игрушкой мало: легко можно самого себя задеть и отхватить что-нибудь нужное. Слишком уж на больших скоростях она работает. Документально заверенный факт, что в седой древности, тогда еще гусары, похвалялись друг перед другом сноровкой, выходя под ливень и вращая над головой саблю, так что и капля не успевала упасть на удалца.

Современная версия этого оружия, выдавала те же показатели. Но умелых рук было мало.

Ангел идет спокойно, едва шевеля на ходу крыльями. А за его левым плечом видится размытый, расплывчатый, не четкий силуэт девушки в белом платье. Иван не видит ее лица, но чувствует ее присутствие, которое одновременно материально и тут же, совершенно точно выходит за все рамки обычного, плотного мира.

Взгляд Ангела чист и безмятежен, на окровавленном лице не играют эмоции, оно спокойно и умиротворено, ни тоски, ни печали, ни радости...

И Ангел идет к нему. В пяти метрах от него отряхивает резким движением свои клинки. Идет дальше, обломок всаживает в дверной косяк. Подбирает с пола ножны и вдевает в них оставшуюся целой саблю.

Потом делает еще шаг и кладет руку на плечо Ивану. В этот момент обычно Наследник Императорского Престола просыпался в ужасе.

На самом деле, тогда в Меконге, крыльев у Леонида не было. И женский силуэт за левым плечом не маячил. Все это дорисовало потом воображение самого Ивана, но остальное... Остальное было именно так.

Леонид вышел из казармы весь залитый чужой кровью, мозгами и чем-то еще, думать о происхождении чего вообще не хотелось. Вонь была от него и из дверей тошнотворная. Марина сунулась с дуру внутрь здания, но через пару секунд, которых ей хватило на

осознание увиденного, выскочила наружу и долго, мучительно опорожняла желудок в ближайший куст.

Леонид же попросил Лену присмотреть пока за ребятами, сходил в душевую этой же казармы, где залез под струи воды целиком, прямо в одежде и снаряжении.

Вышел оттуда минут через пять, мокрый, хоть отжимай, но хотя бы уже не вонял так...

А дальше взял скрипач у Лены заранее приготовленную и, оставленную ей «на подержать», АШК-17 с прикрученным на нее ночным прицелом, и пошел в темноту на охоту...

Потом был короткий штурм, переговоры с Террой, обратный прорыв, взрывы, пожары... В общем после той сцены, в памяти Ивана все смешалось в одну малоинформативную кашу. Видимо психика просто не справлялась с наплывом такого количества травмирующих образов, запахов, звуков и притушило сознание.

Иван вылез из кровати и дошел до ванной комнаты, где сунул голову под холодный кран, прогоняя остатки сна и дурноты.

Потом вытерся, оделся и пошел к отцу в кабинет. Зная его привычку вставать рано и работать с документами по утрам, Иван не сомневался, что тот будет там.

— Здравствуй, отец, — сказал он, входя в кабинет.

— Привет, — отозвался тот, снимая компьютерные очки и массируя пальцами переносицу. — Не спится?

— Кошмары мучают, — признался Иван, усаживаясь в стоящее у стены кресло.

— И что в них? Камбоджа? — предположил отец. Иван кивнул.

— Ты был на войне, пап? — спросил он. — Не на флагмане, на капитанском мостике, не в ставке полевого командования?

— Был, — просто сказал Император. Без подробностей. Но Ивану и этого было вполне достаточно.

— Как ты справляешься с кошмарами? С теми, которые возвращаются снова и снова, с теми, что заставляют просыпаться в холодном поту и потом долго не выходят из головы наяву?

— Никак, — ответил отец и снова потер переносицу. — Как ты и говоришь, они возвращаются снова и снова, как не гони их, как не заливай алкоголем или снотворным.

— И что же делать?

— Жить. И помнить. Помнить и жить. Что же еще? — снова потер переносицу отец. — Расскажешь, что именно тебе снится?

— Казарма батальона охраны космодрома Меконга. Лёня... с саблями.

— Лёня... Занимательный юноша. Знаешь, что интересно, Иван, — взял в руки старомодную перьевую ручку и опустил на нее глаза отец. — Я ведь помню про захват Черным Солнцем орбитальной станции на Терре. Это было незадолго до гибели моего брата и эпидемии «самураев» в СИБ.

— Я не слышал о захвате целой орбитальной станции, — заинтересовался Иван. — Про Черное Солнце слышал, а о станции нет.

— Не слышал, потому что об этом не говорили и не писали. Станцию освободили быстрее, чем об этом прознали журналисты. И сделал это один единственный человек. Агент СИБ под прикрытием, позывной Кашим.

— Занимательно, — расслабил спину на кресле Иван.

— Региональный координатор Терры, ведущий переговоры с главарем группы

террористов, сказал два слова: «Кашим фас». Прошло меньше часа — и станция свободна. А на полу в коридорах осталось пятьдесят три трупа террористов. Там еще проблема была: ЧС изначально планировали сбросить станцию на Новопитер и уже заклинили маршевые движки вместе с генератором, а подходы заблокировали аварийными переборками. Так этот Кашим, представляешь, влез в учебный истребитель и, обломав под самый корень крылья с хвостом, протащил его по коридорам станции до самого реактора, где взорвал его вместе с переборкой, расклинил движки... И все. Весь захват.

— Звучит просто.

— Примерно также, как «пришли на космодром, перебили батальон охраны, вышли на связь и ушли обратно в джунгли», — усмехнулся отец.

— Ты это к чему?

— К тому, что Звездой Героя я подписал указ наградить именно Кашима. И мне рапортовали о выполнении. И знаешь у кого оказалась эта Звезда в результате?

— У кого?

— У твоего нового друга Лёни Жестянкина. Забавное совпадение? — улыбнулся отец.

— Так, постой-постой, Сонин же рассказывал мне об этом. Точно! Заря-1 станция называлась...

— Именно, — кивнул отец. — В связи с твоим похищением, я не поленился и запросил то дело почитать. Не представляешь, насколько интересным оказалось чтиво.

— В каком смысле?

— В совершенно прямом. Оказалось, что память меня жутко подводит, а спросить не у кого, так как все ответственные лица записались в «самураи».

— И в чем подводит память?

— Первоначально, как я помню, мне докладывали, что все сделал один единственный Кашим. Но в деле записано, что убивал Кашим, а таранил переборку на истребителе уже тринадцатилетний кадет Лёня Жестянкин, проходивший там практику по пилотированию. За что и удостоен звания Героя Империи. А Кашим продолжил выполнение задания под прикрытием и погиб в теракте, убившем моего брата. Забавно, правда?

— Обхохочешься, — сказал Иван.

— Посвящу тебя в один маленький государственный секрет, сынок.

— Какой же?

— Расследование СБ СИБ показало, что мой брат, твой дядя, и был организатором ЧС. Вместе с директором СИБ (первым «самураем»), военным министром (погиб вместе с моим братом при взрыве), еще шестью «самураями» из СИБ и сошками помельче. Обычный такой заговор, ставящий собой цель дворцовый переворот. Забавно то, что ответственность за теракт взяло на себя само же Черное Солнце. Такой вот казус. Особенно учитывая, что вся силовая группа ЧС была к тому времени уничтожена. За исключением одного человека: Говоркова Ивана Николаевича, позывной Говорун. Его не нашли до сих пор.

— Думаешь он уничтожил ЧС? Этот Говорун?

— Так думает СБ СИБ.

— А ты?

— А я... не стану поднимать это дело снова. Оно закрыто к взаимному удовольствию.

— Но ты же мне сейчас открытым текстом сказал, что Жестянкин это Кашим?!

— Я сказал, что Кашим официально числится погибшим в том теракте. А Говоркова до сих пор не нашли.

— А Звезда Героя?

— Ошибка исполнителя, между прочим покончившего с собой, когда ее осознал.

— Ну, вот к чему ты тогда все это? Совсем мне голову запутал! — прихлопнул по подлокотнику Иван.

— К тому, сынок, что ты лично был свидетелем того, как один единственный человек за двадцать один день сверг одного правителя и посадил другого. И если этот человек считает тебя другом, то не делай так, чтобы он начал считать тебя врагом. Лучше скажи мне, как СОИС умудрилась тебя потерять? Как ты сбросил с хвоста матерых профессионалов?

— Я не сбрасывал. Просто психанул и поехал на Ривьеру развеяться. Не особо прячась. Просто без кортежа и не афишируя принадлежность к Императорской Семье.

— А СОИС тебя смогли найти только при посадке в тот самый лайнер. Причем доложила о тебе рапортом именно Гонцова. Приложив к нему фотографии, прогнанные через программу распознавания лиц с очков Жестянкина.

— То есть, он узнал меня сразу же? Как только я подошел? — дошло до Ивана.

— Именно. Есть о чем подумать, правда?

— Правда...

— Вот и подумай. А я поработаю.

— Настюха, видала прикол? — подошел к старшему лейтенанту Космического Флота Российской Империи Валаньевой Анастасии Константиновне ее сослуживец, тоже пилот истребителя старший лейтенант Анатолий Валерий Павлович с планшетом.

— Чего там у тебя, Валер, — улыбнулась она. Анатолий был весельчаком-балагуром, легким, как и его истребитель. К нему в звене все относились с улыбкой.

— Глянь, видюшку нашел на новостном канале, — уже запускал вышеуказанное видео на планшете он. — Слышала небось, про революцию на Камбоджи. Так это то, с чего она началась: «инцидент в Меконге», как его журналюги окрестили.

— Заинтриговать ты умеешь, — ответила девушка, поправляя планшет в руках мужчины так, чтобы ей было удобнее смотреть.

В этот момент видео запустилось и на экране появился космический лайнер, стоящий на посадочной площадке космодрома.

«— Дождик, дождик, хватит литься, Леня хочет веселиться!» — раздался безумно знакомый голос из динамика планшета. Валаньева аж вздрогнула от нахлынувших воспоминаний.

Вот только английская версия, зачитанная дальше тем же голосом, заставляла по спине мурашки бегать, а сердце сжиматься в иррациональном страхе, ведь безумцев боятся. На уровне инстинктов боятся. А песенку эту пел именно безумец.

А потом лайнер дернулся в бок, разминая и кроша, а из динамиков планшета раздалось до боли знакомое: «Упс!». Сколько раз она его слышала именно в таком исполнении, не перечесать просто. Но оставались еще сомнения, что может быть она всё-таки ошиблась, что это какой-то другой Лёня, а не ее антиталантливый ученик кадет Жестянкин... Не сомнения, надежда...

Которая растаяла, как дым со следующей долетевшей фразой.

«— ...асия...нтинна! Мне дали порулить!»

Такое мог выдать только один человек во вселенной. У женщины предательски задрожали колени. А на планшете бешенный лайнер крушил космодром, творя нечто невозможное для машины такого класса, то, что в страшном сне конструктору, разрабатывавшему ее не приснится, вертелся, уворачивался от ракет, его пилот орал матерные песни, сбивая крыльями истребители... В общем это точно был Жестянкин. Просто вместо учебного Универсала в его руках был лайнер. А так — обычная провальная сдача зачета. Одна из тех, которых у него насчитывалось целых двадцать восемь штук.

Вот только на сдачах зачета люди не гибнут. И машинку Лёня каким-то чудом умудрялся довести целой. Здесь же... Ее непутевый ученик сознательно применял свой антиталант для массового убийства людей, разрушения техники, зданий, космодрома. Причем делал это виртуозно.

А потом, когда ломать было уже нечего, экстремально, но филигранно выровнял у самой земли свою машину и просто улетел на предельно малой. Причем улетел спокойно, ПРЯМО, без всяких «Упс!», твердо выдерживая курс, высоту и положение лайнера в воздухе. Он ушел уверенно и красиво!

На ее памяти Жестянкин НИКОГДА так не летал, как в конце этого видео. Честно говоря, Валаньева была уверена, что он вообще не может так летать. Ан, нет же! Вот же ж —

получите-распишитесь.

— Видала, Настюх! Вот это жесть! Это либо гениальнейший пилот в мире, либо невероятно везучий псих, — комментировал только что просмотренное видео Анатолийн. — Но, кстати, элементы некоторые у него до боли знакомы. Где ж я их видеть-то мог? — задумался он. Затем просветлел от осенившей его мысли. — Точно! Ты же на прошлой неделе в учебном бою их выполняла: уклон от ракеты вращением, боковое заваливание на крыло, контратака висящего на хвосте истребителя в кувырке на посадочных... Это ж твои финты, Насть! Откуда он их знать может?!

— Оттуда, что это его финты!

— В смысле? Совсем ты меня запутала.

— Этот псих за штурвалом — мой ученик из Кадетки. Помнишь, я как-то рассказывала?

— Постой, постой... Это тот что зачет с двадцатого раза сдал? — расплылся в улыбке Валера.

— С двадцать восьмого, — автоматически поправила Валаньева. — Вот с этих самых «зачетов» я и набрала седины в волосы, которую теперь крашу, ну и своих финтов, разбирая потом полетные записи с регистраторов.

— Ну, Настюха, ты крута безмерно! Если это твой ученик, то я снимаю шляпу — ты лучший педагог в мире!

— Угу, воспитала маньяка, — хмуро ответила девушка. — Разрушил космодром, развязал войну...

— Э, Настьк, ты не поняла! Этот лайнер захватили террористы. Пилотов убили. Сам космолет пригнали на Камбоджи. Местные власти были с террористами заодно... Так мало того, там еще и сын нашего Императора летел, оказывается!

— Да ты что?!

— Именно. Как-то пассажирам удалось вернуть себе контроль над лайнером и повезло, что оказался на борту кто-то кто сумел заменить погибших пилотов, иначе все — каюк!

— А дальше?

— А дальше ты сама видела: на земле ракетницы, в воздухе штурмовики и истребители, еще выше планетарный щит ПКО, который и требовал снять пилот... Улетели в джунгли к повстанцам. А дальше...

— Подняли восстание, устроили революцию... Знакомо. Ленька раз пять в Кадетке общее восстание поднимал.

— Ну, да. Свергли диктатора, устроили выборы, поставили президента, объявили Республику. Тут и наш Второй Восточный Флот подошел. Всех по домам, лайнер в музей Камбоджи...

— Хэпи энд значит?

— Ну, как тебе сказать... — замялся Валера.

— Не темни! Говори, как есть.

— Пилоту Героя дали... посмертно, — отведя взгляд, сказал Анатолийн. Повисла тишина.

— Как? Он же не разбился, вроде... — наконец, смогла совладать с голосом и спросить Валаньева.

— При штурме дворца диктатора. На гранате подорвался... Имя его разглашать не стали, как и имена других пассажиров.

Как дошла до своей каюты, Анастасия Константиновна помнила плохо. После того разговора, она словно выпала из реальности. А пришла в себя уже на собственной койке. С коммуникатором в руке. На котором уже был выбран контакт «Кадет Жестянк». И три гудка уже отзвучали.

Настя нажала на сброс вызова и обречённо уронила руку. Смысл звонить мертвому?

Тут коммуникатор в руке завибрировал, сообщая о входящем вызове.

Настя удивленно подняла к глазам аппарат. Вызов шел с того самого контакта, на который она сама меньше минуты назад звонила.

— Звонили...асия...нтинна? — как всегда, проглатывая первые слоги ее имени отчества, спросил знакомый голос.

— Живой... — тихо не то спросила, не то констатировала она.

— Живой, — утвердительно ответил он. — «Слухи о моей смерти сильно преувеличены».

— Начитанный мальчик, — улыбнулась лежащая на койке девушка.

— Ну, вы же знаете, — улыбнулся в «трубку» парень.

— Значит не ты Камбоджийский космодром разнес?

— О таком по телефону не говорят, — укоризненно ответил голос Жестянкина из аппарата.

— Как скажешь, — повинулась Валаньева.

— С третьей звездочкой, кстати! Мои поздравления!

— Спасибо. А тебя с выпуском!

— Не, не, не! Никакого выпуска! Меня за месяц до него Сомов отчислил. Так что я теперь свободный гражданский человек!

— Как же так? Добастовался?

— Нет, — рассмеялся Леонид. — Там дело личное... Вы на «Лотосе» сейчас служите? У планеты Корсунь?

— Вот об этом, как раз и нельзя по телефону говорить.

— Вам нельзя, — продолжил смеяться он. — А мне можно! Я не на службе. Может через недельку — другую загляну к вам. Выиграю региональный конкурс и загляну.

— Ты выиграй сначала!

— На учебный бой поспорим?

— Не, не, не! Наша станция твоего пилотирования не выдержит!

— Да ладно, вам, — чуть добавил обиды в голос парень. — Я научился летать не разнося все вокруг... По прямой. По пеленгу. На автопилоте. Почти...

— Вот твоего «почти» и не выдержит! Да и как ты собрался на военный объект попасть?

— Это мои сложности...асия...нтинна! Не ваши! — рассмеялся парень на том конце «провода». — Ждите!

— Ладно, «герой». Живой главное... — сказала Валаньева и нажала на отбой вызова.

— Кто звонил? — мурлыкнула Лена, лежащая на плече своего личного «Ангела».

— Та, что научила меня так летать, — улыбнулся Лёня, откладывая свой старомодный, кнопочный мобильник на тумбочку возле кровати.

— Та, что научила тебя ТАК летать? — повторила фразу парня, но с другой интонацией и четким многозначительным акцентом на слово «так». — Я уже хочу увидеть эту отмороженную маньячку! Познакомишь?

— Не правда, — не согласился Леонид. — Асия Нтинна не такая. Она не маньячка. Она очень добрая, мягкосердечная и отзывчивая девушка, с железными нервами, ангельским терпением и всепрощающим сердцем педагога. Просто, она влюблена в полет, все равно где: в атмосфере, в космосе...

— Девушка? — приподнялась Лена. — С этого места по-подробнее. Сколько же ей?

— Двадцать шесть лет, четыре месяца и три дня, — не задумываясь ответил он.

— Ты дни считаешь?

— Просто считаю быстро и память хорошая.

— А мне тогда сколько?

— Семнадцать лет, восемь месяцев, пять дней, двенадцать часов и восемь минут, — также без запинки и паузы на обдумывание, ответил он.

Лена замолчала, прикидывая. Взяла свой коммуникатор, пощелкала на калькуляторе и задумчиво его отложила.

— То есть ты действительно следишь за мной уже четыре года? — пришла она к парадоксальному выводу.

— Ну да, я же говорил тебе.

— Это было слишком похоже на шутку.

— Так ведь это же так забавно: говорить правду, слегка изменив интонацию и выражение лица, так, что тебе ни за что не поверят, как бы ты не убеждал в своей правоте, — мечтательно улыбнулся парень.

— Но зачем ты следил? Почему именно за мной?

— Ты мне нравишься. И раньше нравилась. Это ведь естественно: смотреть на то, что тебе нравится?

— Это не естественно. Не знаю, как у «Ангелов», а у нас, людей, это называется вуайеризм. И является психическим расстройством, — наставительно сказала девушка.

— Вуайеризм (на французском — voyeurisme; от французского voir «видеть») или визионизм — сексуальная девиация, характеризуемая побуждением подглядывать за людьми, занимающимися сексом или «интимными» процессами: раздевание, принятие ванны или душа, мочеиспускание. Вуайеризм в большинстве случаев связан с тайным наблюдением за другим человеком, — процитировал на память определение слова из Большой Имперской Энциклопедии Лёня. — У меня желание смотреть и видеть, не связан напрямую с сексом. Это скорее уж относится к паранойе. Паранойя (др. — греч. παράνοια — «безумие», от παράνοος (παράνοος) — «безумный», далее из παρά «возле, рядом» + νόος «мысль, ум», дословно — «околомышление») — хронический психоз, обычно начинающийся в зрелом возрасте, для которого характерно постепенное развитие логически построенных монотематических систематизированных бредовых идей (иногда вначале — сверхценных идей), при этом, в отличие от шизофрении, с отсутствием прогрессирования негативных симптомов и изменений личности (то есть отсутствует нарастание апатии, абулии, снижения энергетического потенциала и исхода в эмоционально-волевой дефект) и

с отсутствием нарушений восприятия — иллюзий или галлюцинаций. Параноиков от других больных психозом также отличает целенаправленное, упорядоченное, последовательное и в какой-то степени предсказуемое поведение. В классическом представлении страдающие паранойей отличаются нездоровой подозрительностью, склонностью видеть в случайных событиях происки врагов, выстраивать сложные теории заговоров против себя, с сохранением в другом логичности мышления. При паранойе содержание патологических ситуаций часто включает много элементов реальности, формально правдоподобно связанных с болезненными представлениями больного, либо основывается на них. Паранойя является пожизненным хроническим состоянием с периодами обострения и утихания клинических симптомов, — продолжил цитирование он.

— И?

— Я страдаю, точнее у меня просто присутствует, так как никаких неудобств от этого я не испытываю, навязчивое желание знать ВСЕ о своем окружении. И окружении своего окружения, о интересных мне людях, их окружении... и окружении их окружения. И когда я говорю всё, я имею в виду вообще ВСЁ. Вплоть до последовательностей цепочек нуклеотидов в молекулах дизоксирибонуклеиновой кислоты этих людей...

— Никакой головы на подобное не хватит, — рассудительно сказала Лена. Лёня только пожал плечами.

Помолчали.

— Скажи, — нарушила наконец, молчанье она. — Ты ведь не просто смотрел? Ты вмешивался. Ведь так?

— Всего несколько раз, — смущенно улыбнулся парень.

— Значит, я не сошла с ума, — облегченно выдохнула она и расслабилась на плече любовника. — Значит, у меня и правда был свой собственный «Ангел»-хранитель!

— Не каждый бы обрадовался на твоём месте, — хмыкнул Лёня, вспоминая, чем именно «прославился» «Ангел».

— Другая бы бежала в страхе, сдавать тебя конторе, — рассмеялась Лена. — Я в не меньшей степени ненормальна, чем ты. И меня это устраивает!

— Не добежала бы, — задумчиво сказал Леня. И Лена ему от чего-то поверила.

— Ты обещал мне ответить на вопрос, когда «все закончится». Все закончилось — мы дома, в Камбодже мир, даже триста тридцать три засохших розы уже на свалку отнесли. Ответишь?

— Позже, — улыбнулся он. — Погуляем?

— Почему бы и нет? — согласилась девушка.

* * *

Они гуляли долго. Достаточно сказать, что они покинули черту города и уже минут сорок шли по пригородному лесу вдоль берега озера Нево или Новой Ладоги, как еще его называли Новопитерцы.

— Поплаваем? — вдруг предложил Леонид.

— Я купальник с собой не взяла, — расстроено ответила девушка.

— Гольшом, — улыбнулся он. — Или ты стесняешься меня?

— Нет, не стесняюсь, — отозвалась она и начала раздеваться. Он тоже медлить не стал.

Через пару минут, когда молодые люди остались лишь в чем мать родила, Леонид подошел к Лене и нежно поцеловал ее.

— Мы же поплавать хотели? — уточнила она.

— И поплаваем, — согласился он, вынимая из ее ушей серьги, а из волос все заколки и невидимки.

— Позже? — с намеком улыбнулась она.

— Нет, — ответил на улыбку он, ведя ее за руку за собой в воду. Та оказалась приятно-теплой, «парное молоко», как говорят про такую.

Войдя с девушкой чуть глубже, чем по пояс, юноша остановился и припал губами к ее груди. Руки его нежно прошлись по телу любовницы, задержавшись в укромном уголке между ее услужливо чуть разведенных ног.

Потом впился губами в ее губы, руками вновь прошелся по ее телу в верх. Там запустил пальцы в волосы и еще несколько минут наслаждался поцелуем.

— Поплыли? — сказал он, отстранившись от раскрасневшейся девушки.

— Поплыли, — согласилась она, облизнув губы.

* * *

Плыли долго. Леонид размеренно и неумоимо, словно какой-то механизм, а не человек. Лена сначала спешила, вырывалась вперед, затем начала потихоньку сдавать позиции этой размеренной механичности партнера.

Но вот уже и берег превратился в сплошную темно-зеленую полосу с неразличимыми деталями. Леонид перевернулся на спину и раскинул руки, покачиваясь на волнах.

Девушка последовала его примеру. Передышка ей явно требовалась.

— Ты спрашивала: «Кто сказал фас?» — вдруг начал разговор он. — Так вот, отвечу — никто! Гражданский специалист по решению щекотливых проблем регионального координатора СИБ планеты Терра полковника Васина Кашим официально погиб в теракте в Москве. Неофициально он был убит другим «специалистом» по возвращении его здесь, в Новопитере. И на этом с ним все! Ему еще можно было сказать «Фас!». Но не мне.

— Тогда что же? Совпадение? — осторожно спросила девушка, понявшая наконец, для чего все это было затеяно: после того жучка Леонид не доверял ей. Он придумал и создал ситуацию, где их не смогут прослушать даже в теории. Даже спутник сейчас не смог бы их заснять, а после прочитать по губам, так как на небе облачно. А на предмет подслушивающих и записывающих устройств он тщательно проверил все ее (зная его паранойю, то и свое) тело.

Выходит, разговор он затеял действительно серьезный.

— Нет. Не совпадение. А большая операция. С очень большими ставками. Я готовил ее дольше, чем операцию с Касселем. Точнее операцию с Касселем я встроил в эту большую операцию, как составную часть.

— Вот как...

— Не буду грузить тебя подробностями, скажу лишь, что мое второе появление на Ванессе уже было частью плана.

— Вот значит как.

— Я просчитал похищение сына Императора, подправив его так, чтобы перевалочным

пунктом стала именно Камбоджа, а не какое-нибудь Самали или Пакистан, как было в их первоначальном плане. Я подстроил свое отчисление из Училища. Сделал из убийства Касселя шоу, хотя мог повернуть все так, что никто и не понял бы ничего, благо опыт в таких делах имелся — с десяти лет этим занимаюсь, чтобы меня заметили. Чтобы начали вербовку, чтобы не возникло вопросов к тому моменту, как начнется основное действие. Естественно я подстроил нашу с Иваном встречу, точнее просто ее рассчитал. И теперь этот план выполнен. Операция полностью завершена. Хотя и не так, как я рассчитывал изначально. Точнее не совсем так...

— Что же пошло не так?

— Ты, — просто сказал он.

— Я?

— Да.

— Почему?

— Ты первоначально в моем плане была просто статистом. Тем, кто меня «подсветит» перед СИБом. На этом твоя роль заканчивалась. Ты продолжала бы жить своей жизнью с воспоминаниями о страшном «Ангеле», всемогущем и всеведающем, который тебя обольстил, который тебя пощадил, который исчез.

— То есть обольстить ты меня все равно собирался?

— Да, — спокойно признался он. — Я же влюблен в тебя с восьми лет. До того еще, как... изменился. Как научился убивать.

— Твои «бега»...

— Да. Тогда много чего случилось. Но это не важно.

— Пусть так. И что же пошло не так?

— Ты сделала шаг первая. Ты оказалась гораздо умнее, чем я рассчитывал. Пришлось импровизировать, менять, корректировать план...

— А что должно было быть по плану?

— Я должен был уже исчезнуть бесследно. «Погибнуть» на Камбоджи, спася сына Императора и принеся мир на планету.

— Ты все еще здесь... из-за меня? — осторожно спросила Лена и внезапно осознала, что они сейчас одни вдвоем очень далеко от берега. Ни свидетелей, ни жучков, ни наружки. И если Леонид вернется на берег один... Единственный свидетель замолчит навсегда. А потом и сам Леонид найдет способ исчезнуть.

Но, почему-то не смотря на холодок страха в животе, ее интересовало сейчас только одно: расскажет ли он ради чего все это было, до того, как утопит или нет?

Молодой человек с потерянным видом сидел на берегу озера Нево и смотрел на воду остановившимся взглядом. На берегу сустились люди, техника. По поверхности воды двигались катера спасателей. Недалеко приземлился черный официального вида флаер с СИБовскими номерами.

Из него вышла женщина в строгом костюме, со строгим лицом и строгой прической. Она подошла к парню и остановилась.

— Здравствуйте, Леонид, — поздоровалась она с сидящим, погруженным в свои тяжелые мысли молодым человеком. Тот замедленно оторвал взгляд от воды и перевел его на подошедшую женщину.

Та с трудом подавила желание поежиться под этим взглядом. От веселых глаз Лёни Жестянкина или «знаменитых» глаз «Ангела» не осталось и следа. Они потухли. Были пустыми, тяжелыми и мертвыми. Жизнь в них больше не искрилась.

— Она... Я хотел... Мы плыли... И тут... А я нырял-нырял, а... а ее нет, — путанно, не исчерпывающе описал ситуацию он, продолжая держать своим потухшим, мертвым взглядом, глаза женщины. То, что из них ушла жизнь, никак не повлияло на их непреодолимо магнетическую силу. Угрюмова и хотела бы разорвать зрительный контакт, а не получалось. И этот взгляд мертвеца, вытягивал жизнь и из нее самой, словно присосавшийся вампир, выпивает кровь из жертвы, быстро, страшно и неостановимо.

Тут крики на берегу отвлекли юношу и тот сам разорвал контакт. Угрюмова покачнулась, вновь обретая себя и стряхивая жуткое наваждение.

А на берегу была суэта: пристал катер спасателей. И с него на землю переносили длинный тяжелый сверток.

Юноша медленно встал и деревянными шагами двинулся в ту сторону. Было видно, что одевался он в спешке, не вытершись после купания, да и вообще не думая об этом: одежда на нем промокла и липла к телу. Рубашка была застегнута криво, не на ту пуговицу и наполовину торчала из штанов. Волосы были влажными и растрепанными. К светлым брюкам, в том месте, на котором он сидел, пристали сухие травинки, листья и частички земли, добавляя неряшливости в его вид.

А там, на куске брезента лежало голое тело девушки. Мертвой девушки. Совершенно и бесповоротно мертвой Лены Гонцовой. Героя Империи, капитана СИБ в отставке, Гонцовой Елены Васильевны.

Парень, также замедленно упал на колени перед телом и дрожащей рукой прикоснулся к ее лицу, отводя с него волосы. Кожа под пальцами была холодной и склизкой от воды и донной грязи.

Парень профессионально приложил пальцы к шее, нащупывая пульс на сонной артерии, но даже и без этого было понятно даже на взгляд совершенно неопытного человека, что поздно искать пульс. Дошло это и до парня.

Он не стал устраивать истерик. Просто отошел и привалился спиной к дереву. Закрыв глаза и замер.

— Леонид Васильевич, — обратился через какое-то время подошли к нему двое мужчин в одинаковых официальных костюмах.

— Да? — открыл он глаза, не меняя позы.

— Вы должны будете проехать с нами, — сказал второй мужчина из этой двойки.

— Зачем? — без всякого интереса спросил он.

— Для дачи показаний. Девушка умерла — мы обязаны расследовать обстоятельства.

— Что тут расследовать? Было жарко, с дуру полезли купаться. Отплыли от берега метров на двести — двести пятьдесят. Показалось не достаточно весело. Решили поплыть к берегу на перегонки. Я вырвался вперед. Какое-то время плыл. Оборачиваюсь — а ее нет. Я сперва позвал. Потом секунд через десять забеспокоился и начал нырять, выскивая ее под водой. Не нашел... Собственно все. Минут через десять поисков, поплыл к берегу, добрался до коммуникатора и позвонил в службу спасения.

— Вот все вот это, там и запишем в протокол. Поедьте, — настоял на своем первый.

— Вы ведь не отстанете? — констатировал Леонид.

— Нет, — подтвердил его опасения второй.

— Тогда, поехали... Все равно ведь придется... Вы же думаете, что это я ее утопил... Естественно: он же убийца, мясник хладнокровный, что ему еще и свою любовницу завалить? Он же псих повернутый. Ведь так вы думаете, хоть и молчите сейчас. Поехали.

* * *

— Как он? — спросила, подходя к односторонне прозрачному бронированному стеклу, строгая женщина в строгом костюме.

— Молчит, — ответил находящийся рядом майор Иванов. — Боли не боится. Под спец. препаратами несет полную околесицу. Причем большинство на него вообще не действует. Врачи диагностируют необратимые последствия частого применения препаратов групп А, Б и С.

— То есть полный курс специальной подготовки к допросам? Плюс группы А и Б... То есть алкоголь и обычные, гражданские, наркотики на него не действуют в принципе? — уточнила Угрюмова.

— Да. На счет боли — специалисты говорят, что это медитативные техники контроля тела. Его на куски можно резать, а он стихи о солнышке и стрекозках сочинять в это время.

— Скорее уж обдумывать, что делать с вашим трупом и просчитывать варианты побега и прорыва. Не тот человек, чтобы про стрекозок стихи писать. Или Меконг забыли уже, майор?

— Это просто пример был. Неудачный.

— Что по уликам? Что вскрытие показало?

— Нет улик. Следов насилия или травм на теле не обнаружено. Вскрытие подтвердило, что капитан Гонцова просто захлебнулась. Нам нечего ему предъявить. А держать без предъявления — не та фигура.

— Как он вообще?

— Потухший, угрюмый. Замкнулся в себе. На контакт не идет.

— Выпускайте с извинениями. Его снаружи Принц ждет. Церемония прощания и похороны назначены на завтрашнее утро.

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

Иван увидел идущего навстречу Леонида и ужаснулся. От того человека, что он помнил всего тремя днями раньше, не осталось ничего. Погасший огарок. Потухшая головешка. Ничего, что так выделяло его раньше среди безликой толпы не осталось: ни улыбки, ни ясного, прозрачного взгляда ребенка, взирающего на огромный и интересный мир. Ничего. Только тусклый, мертвый взгляд сломавшегося человека.

Поздоровались молча. Простым рукопожатием. Слова были лишними. Оно и без слов рядом с Леонидом было тяжело, словно могильная плита на плечи давит. Понятно, что ощущение чисто психологическое, но при этом настолько сильное, что физически сутулиться начинаешь.

Вышли из здания Управления и на флаере Принца, с охраной естественно (без охраны Иван теперь не ездил — попытка похищения и месяц в джунглях здорово прочищают слишком самоуверенные мозги), доехали до ближайшего кафе, где слегка перекусили. Опять же молча.

Жестянкин ел без аппетита, механически, словно робот, выполняющий программу «питаться», просто потому что надо. Надо, чтобы иметь силы на завтрашний тяжелый и длинный день. Всего лишь надо. Понятий вкусно-невкусно, хочется-не-хочется, просто не существовало.

Потом Принц подвез Леонида до его прежней квартиры — у него оставались там еще кое-какие вещи. Хоть и прошёл почти месяц, как Лео был тут последний раз, а в комнате все оставалось также, как и в момент его ухода.

Анна открыла дверь голосовой командой и замерла. На пороге стояли двое: ее бывший сосед Лео, а рядом с ним Принц Империи Иван. Именно такой, каким его показывали по телевидению и в Сети.

Мужчины были хмурыми.

У девушки «отпала челюсть». Она, заикаясь и путаясь в словах, пригласила гостей входить. Но вперед них прошмыгнули два телохранителя, которые быстро проверили помещение на наличие угроз. Не нашли. И только после этого дали добро на вход Наследнику Престола Российской Империи.

— Анна — Иван, Иван — Анна, — быстро и кратко представил друг другу девушку и молодого человека Лео. — Анна, почти уже студентка Автоматизации Химических Производств НГТУ. Иван, Принц Империи, Наследник Престола.

— О-очень приятно, — все еще чуть заикаясь, ответила на представление Анна. Иван галантно взял ее за руку и поцеловал (руку, а не девушку, иначе та бы вообще потерялась в ситуации. Да и вообще... потерялась).

— Я чего пришел-то, Ань, — все также блекло сказал Лео. — Вещи кое-какие тут оставались.

— Д-да, конечно, все так как ты оставил, — отозвалась девчшка, потихоньку начиная отходить от шока. — Ты же хозяйке за полгода вперед заплатил, так что это все еще вполне официально и твоя квартира тоже.

— Хорошо, — кивнул Лео, будто и правда об этом не помнил. — Я пойду пока душем воспользуюсь, а то двое суток в застенках СИБа благоухания роз не добавляют, — только тут Анна заметила в каком виде ее сосед: лицо серое, осунувшееся, черные круги под глазами,

слегка припухшая губа, следы крови на светлой не свежей рубашке, на руках в районе сгиба локтя, следы многочисленных инъекций, в паре мест даже видны были подпалины на рубашке, как от сильного электрошокера, также на левой руке ниже локтя, но выше запястья виднелась пара круглых ожогов. Разглядев все это, Анна в испуге прикрыла рот рукой. — Вань, — повернулся он ко второму гостю. — Ты где вообще остановился то? Может ну его, на ночь глядя куда переться? Здесь останешься, в моей комнате заночуешь? Чай не отвык еще от шалашей Камбоджи?

— Пожалуй ты прав, — что-то прикинув про себя, отозвался Иван. — К Князю Вертынскому не больно охота сейчас лететь. Он же там официальную встречу затеет. А настроение, сам понимаешь.

— Располагайся тогда, — крикнул Лео, уже заходя в ванную комнату. — Чистое белье в комод, запасная пижама в шкафу...

— Ага, разберусь, — отозвался Иван.

— Ваше Императорское Высочество... — начала было Анна.

— Иван. Просто Иван и на «ты». Выканий и церемоний мне и в обычной жизни хватает, — поправил ее он.

— И-иван, — с трудом смогла перестроиться Анна. — А что вообще происходит? За что его в СИБ? И пытки же вроде запрещены?! Разве нет?

— Запрещены, — хмуро подтвердил Иван, тоже оценивший внешний вид... друга? — Но тут случай сложный...

— Объясните... Объяснишь? — поправила девушка. — Или это тайна? Я пойму.

— Нет тут никакой тайны, — вздохнул Иван, усаживаясь за стол на кухне. Анна автоматически начала тут же накрывать на этот стол, доставая печенье, чай. Потом всплеснула руками и кинулась готовить что-нибудь по-существеннее. На скорую руку. — Подруга у нас с Лёней умерла два дня назад. Боевая.

— Боевая? — удивилась Анна, не забывая намывать куриные яйца, для жарки.

— Воевали вместе. В Камбодже. Слышала небось?

— Точно! — воскликнула девушка, вспомнив, что действительно что-то такое по новостям крутили.

— Мне просто подруга — товарищ боевой. Ленке — девушка его. Жили они вместе. Не знаю, насколько серьезно все у них было. Но что-то вроде обмолвился как-то, что с одного детдома они, и вроде как сох он по ней с детства самого.

— Вот как? — поразила Анна, у которой комплекс неполноценности в голове, забитый туда Лео, постепенно начал уступать восхещению романтичностью истории. Что вроде как, не игнорировал ее парень месяц, а мужественно держался, храня верность возлюбленной. — И что произошло?

— Пошли на это ваше местное «озеро» купаться. Уплыли двое. На берег вышел один. Ее потом водолазы со дна подняли.

— А пытки тут причем? — помешивая на здоровенной сковородке соответствующую ей яичницу с кусками колбасы, спросила она.

— Не пытки, а допрос. Девушка-то не простая, а капитан СИБ, полевой агент, Герой Империи...

— Все равно не понимаю, — призналась Анна, в голове которой романтический образ преобретал все больше розовых тонов.

— Так следователи думают, что это он ее утопил, — вздохнул Иван, который и сам

думал то же самое. Да вот предъявить действительно нечего: ни свидетелей, ни улик, ни признания.

— Да вы что!! Лео?! Да как им в голову такое пришло?! — возмутилась Анна.

— Да есть причины... — отвел взгляд в сторону Иван.

— Тайна?

— Нет, — уткнул взгляд в стол перед собой Иван.

— Нет никакой тайны, Ань, — сказал, входящий на кухню, успевший вытереться и переодеться в свежее Лео. — После того, что я на Камбодже творил, они всем скопом меня в маньяки-мясники записали.

— Посмотрел бы я, что ты сам на моем месте подумал бы! В том же Меконге! Ты же двести тридцать человек за одно утро убил! Да не просто убил, а расчленил! Буквально! Их же потом, на следующий день, как пазл, по частям собирали, чтобы похоронить! И то: рука от этого, нога от того, голова вообще хрен его знает чья! На что у меня желудок крепкий, и то чуть не проблевался, когда в ту казарму сунулся с дуру! — вспыхнул Иван. Его тоже эти дни напряжение не отпускало. Да еще и кошмары эти...

— Да, я убийца! Проффессиональный убийца! Так вы же сами меня тренировали и натаскивали! Ваше гребаное государство!

— Мы натаскивали?!

— А кто же?! Не ваша гребаная Империя мне старлея контрразведки дала?! Или скажешь, не знал?!

— Какого старлея?! Ты в своем уме?!

— Я-то в своем! А ты похоже до сих пор в облаках летаешь... — также быстро остыл, как и завелся, Лео. — Да, я убийца. Эффективный и тренированный. Но я люблю ее!

— Любил, — поправил Иван, тоже быстро потухший. Лео кивнул, принимая поправку.

— Завтра похороны, — встал со своего стула Лео. — Надо еще костюм заказать успеть.

— О чем вы? — когда за парнем закрылась дверь его комнаты, спросила Анна.

— Да так, о некоторых неприятных моментах свершившейся Камбоджийской революции, — снова опустил глаза в стол Иван, которому было стыдно за свою вспышку. Ведь понимал же умом, что не будь там с ними такого вот эффективного Лёни, и там бы они все и остались. А он, Иван, сам вообще бы незнамо где служил предметом политического торга. Но наболело! Накопилось за все эти дни... — Он же нас всех там спас. И не по разу. Вообще, только благодаря ему, мы домой вернулись, все шестьдесят с чем-то пассажиров лайнера.

— Лео? Да какой из него убийца, — улыбнулась Анна, ставя на стол сковороду с аппетитно пахнущим содержимым. Иван не удержался, и даже не смотря на захлестывающие воспоминания неприятного толка, все же попробовал кусочек. Потом еще кусочек. И еще... — Лео — талантливый скрипач. Мечтает актером стать...

— Не бери в голову, — закрыл тему Иван. — Я и сам бы не поверил, если бы он это не у меня на глазах делал.

Какое-то время помолчали. Минут через десять вернулся и Лео. Он тоже присоединился к уничтожению произведения кулинарного искусства «на скорую руку».

День был тяжелый, так что ни о чем серьезном больше не говорили. А минут через сорок, и вовсе отправились спать.

Анна проснулась на плече у Ивана. Голая. На голом плече голого Ивана в своей кровати, в своей комнате. С приятными воспоминаниями, легкой истомой в теле и несколько болезненными ощущениями в низу живота.

Иван снова проснулся от кошмаров посреди ночи. Пошел в ванную умыться и сполоснуть голову. А следуя обратно для продолжения прерванного сна, перепутал двери.

Дальше все получилось как-то само собой, просто и естественно, а раз естественно, то не без оргазма...

Анна накинула халат и вышла из комнаты. Лео уже не спал. Более того, он уже был одет и готов к выходу.

Черный, траурный костюм смотрелся на нем непривычно, но сидел как влитой. Леонид повернулся на звук ее шагов. И глаза Анны сами собой округлились: на левой стороне груди молодого человека красовались ДВЕ Звезды Героя Империи.

— С добрым утром, Ань, — поприветствовал он ее с улыбкой. Вот только была эта улыбка бледная и вымученная, а глаза, раньше всегда, гревшие и лучившиеся солнечным светом, были тусклыми и потухшими.

— Привет, Лео, — отозвалась она. — Ты...?

— Ну, я же говорил тебе про пенсию, — пожал плечами он. — Вот, за Ваньку вторую дали. Теперь две пенсии получать буду...

— А первая за что?

— За то, что он Новопитер спас от сброса на него орбитальной станции четыре года назад, — сказал Иван, как раз выходящий в этот момент из комнаты.

— Орбитальной станции? — ужаснулась девушка. — Это же...

— Планетарная катастрофа? Да. Если бы он дал ей упасть, — подтвердил Иван. — За то и удостоился Золотой Звезды. Так что, твой друг — настоящий Герой.

— Что? И не добавишь, что я там пятьдесят три человека убил? Шесть из которых ножом, а двоих голыми руками? — совсем не весело улыбнулся Лео.

— Нет. Потому, что в деле этого нет, — ответил Иван. — Там есть только то, что ты сел в истребитель, поднял его и с разгону пошел на таран. А террористов убивал Кашим.

— Которого видел я один, — улыбка Лео окончательно стала ухмылкой. — Такой себе классический «выдуманный друг».

— Выдуманный, не выдуманный, а в деле записан, — пожал плечами Иван.

— Одевайся. Церемония прощания через час начнется. Где, кстати? Ты мне так и не сказал, — не стал углубляться в спор Лео.

— В Новопитерском Большом Драматическом Театре, — ответил Иван.

— Не слишком ли? — нахмурился Лео. — Для простой детдомовской девчонки? Пусть и капитан СИБ, но... Не хочу, чтобы ее память очерняли пересудами. Может лучше было бы скромную закрытую церемонию?

— Она — Герой Империи, спасающая жизнь Наследнику Императорского Престола. Она достойна всего по высшему разряду! — также хмуро ответил Иван.

— Как скажешь, — отвернувшись, не стал спорить Лео.

На церимонии было много людей. Большинство: официальные лица. Съемка не велась. Меры безопасности обеспечивались на высшем уровне. Ведь тут присутствовал весь выпуск Академии СИБ этого года, сама региональный координатор, кураторы выпускников. А их лица не должны оказаться на каких либо записях, особенно всех вместе, дабы избежать риска в будущем.

Также тут были и все детдомовцы, близко или далеко знакомые с Гонцовой.

Была тут и Настя Каменских с Пашей Вересовым, да и вся их остальная компания.

— Лёнь, не знал, что ты орденоносец, — пожал руку Леониду Паша. — У вас с Ленкой и правда все серьезно было?

Леонид не стал отвечать на этот вопрос. Только поднял свой тяжелый взгляд, и Паша сам все понял.

— Как хоть все случилось то? Слухов много, толком ничего не известно, — спросил он.

— Утонула. В озере Нево. Судмедэксперты говорят, судорога... Свело ноги и... и все. Мстить некому.

— Судьба, значит такая... А она, что, правда капитан СИБа была? — спросил Злобин.

— Да.

— Блин, а я ей про вас с Одноглазым языком трепал. Мол авторитет, район держит, все дела... — почесал он пятерней в затылке.

— Неменьжуй, Щербатый, — серьезно ответил Леонид. — Ленка своих не сдавала.

— Ты-то откуда знаешь? — хмыкнул Злобин.

— Знаю, — просто ответил тот. Сегодня он был без своих обычных очков. И от того на «Вежливого Кролика» не тянул совершенно. Скорее уж на давящую глыбу. Спорить с ним не хотелось.

— Ты тоже из СИБа? Оттуда и блестяшки? — кивнул он на Золотые Звезды, висящие на груди Леонида.

— Нет, — ответил он. — Я из контрразведки.

— Знала, я что очкарик не прост, знала. А все равно неожиданно, — сказала Настя, подошедшая к их компании. — Дважды Герой?

— Долгая история, — не стал вдаваться в подробности он.

— А она?

— Принцу Ивану жизнь спасла на Камбодже, — кратко пояснил Леонид.

— Вместе там были?

— На Ривьере собирались. Отдохнуть хотели. В море покупаться... — нахмурился Леонид. — Докупались.

— Ладно, не переживай так. Против судьбы не попрешь, — чмокнула его в щеку Настя.

Леонид коротко кивнул.

* * *

Прощание, похороны, застолье... День был длинный и тяжелый. Завершился он для Принца Ивана в постели с Анной. А для Леонида тренировкой в пустом зале Училища.

Он размеренно крутил учебными саблями ката и упражнения, не включая свет. Не открывая глаз.

— Я знал, что найду тебя здесь, — раздался в тишине, нарушаемой лишь тихим

шелестом-свистом клинков о воздух, голос полковника Воскресенского. — Как в старом детском мультике, из тех что запомнились мне в детстве, говорил персонаж по имени Сакаки Сио, «мастер каратэ сотого дана»: «Ну любой может сомневаться в своих способностях. Когда это накатывает, просто мочи макивару. Когда испуган, просто мочи макивару. И если что-то не так, просто мочи макивару. Если потерял веру в себя, мочи макивару! Тренировка — единственное, что никогда не подведёт.»

— Инструктор, — опустил клинки и в приветствии повернулся к Алексею Викторовичу Леонид.

Полковник был экипирован в легкую, не стесняющую движений, ферритовую броню. В руках держал четыре сабли в ножнах.

— Я слышал про Меконг, Леонид, — сказал он и положил сабли на пол.

— Осуждаете? — склонил голову на бок Лёня.

— Нет, — ответил Воскресенский, распрямляясь. — То, что мы с тобой практикуем — сабельный бой. Это искусство быстро убивать. Учиться этому, ни разу не почувствовав, как клинок в твоих руках рассекает плоть врага, все равно что учиться сэксу, дробя в яблочный пирог. Вроде что-то похожее есть, но суть совершенно другая и смотрится смешно.

— Вот как? — склонил голову к другому плечу Лёня. Сейчас он не был тем потухшим созданием, что третьи сутки ходило по Новопитеру, механически выполняя какие-то действия. Нет, сейчас он был собран, спокоен, уравновешен. На лице его не играла улыбка «Ангела», взгляд его не поливал окружающее пространство «лучами тепла и любви».

Он был спокоен, собран, уравновешен. Взгляд его был внимательным, острым и цепким. Лицо бесстрастным. Не выражающим ничего. Никаких эмоций. Чистый лист, гладь воды. Словно бы у него и вовсе нет лица. Только глаза, и те, все равно, что оптические блоки системы наведения. Но при том живые, подвижные.

Он был собой в эту минуту. Таким, каким его не знал никто из ныне живущих. Тем самым «Объектом 11013», самым страшным детищем лаборатории Л-51.

Дело в том, что все три проекта Л-51 стопроцентно сработали на тринадцатом. И выжил мальчик лишь потому, что ему повезло с порядком этих проектов.

«Фобос» не смог убить мальчика. Он оказался слишком умен для этого. Он видел, как глупо гибли на испытаниях другие подопытные. Видел, что отсутствие страха не убирает опасность для жизни. И мальчик разработал для самого себя искусственный страх, раз уж настоящего его лишили. Он сам для себя назвал его «оценка рисков». Мальчик больше не умел бояться, но при этом сам себе четко ставил ограничитель, что здесь риск мал и можно действовать, а здесь слишком велик и действовать нельзя. Но определялась эта грань только его собственным разумом, а не реакциями тела. Мальчик стал бесстрашным, но очень, предельно осторожным. Можно сказать, параноидально осторожным, всегда просчитывая следующий шаг и ход.

А потом был «Хипнос»... Проект по закачке знаний и навыков напрямую в мозг. И он тоже сработал. И тоже на сто процентов.

Но, если со знаниями все было просто, и в память реципиента ложились целые тома учебников, справочников, формул и данных, практически без всякого сопротивления, как простой информационный поток, то с навыками... С навыками было сложнее. Л-51 — был военно-ориентированным лабораторным комплексом. В нем готовили оружие. Соответственно и навыки пытались внедрять боевые.

Ученые неким, неизвестным Лене образом, сканировали мозг донора навыков, а затем

внедряли их реципиенту. И если в начале работы проекта, это были живые агенты и ветераны-профессионалы, то в какой-то момент ученые резко переключились на мертвых.

Методика экспериментаторов была не идеальна. И вместе с навыками в мозг шли ошметки воспоминаний, в основном боль, страх, ненависть, снова страх и опять страх, потом снова боль — то, что непременно сопутствует обретению человеком этих самых навыков. Ведь любому боевому мастерству учатся именно через страх и боль.

И если матрицы живых доноров были еще терпимы, хоть и мучительны, то матрицы доноров мертвых, были вовсе непереносимы, ведь страх и боль там были смертельными для самих доноров.

Процедуры по внедрению навыков превратились в извращенную, тяжелейшую пытку. Настолько, что подопытные мечтали о смерти, как об избавлении, ведь эта «фантомная» боль и такой же «фантомный» страх продолжали мучить их и после завершения процедур.

Большинство ломалось очень быстро. Лёня же не сломался вообще. Даже после сорока процедур. И даже больше того, он был единственным из подопытных, кто усвоил, передаваемые навыки. Ведь страх он испытывать уже не мог. Просто не мог. В его мозгу был напрочь убит весь участок, отвечающий за это чувство. А боль можно перетерпеть. И Леонид терпел... А потом взял и убил всех в этом проклятом секторе боли и ужаса. Это оказалось не сложно с теми знаниями и навыками, что в него вложили. Подстроить и рассчитать взрыв генератора, пожар и выброс токсичных реагентов, а потом загреметь в карцер, где провести всего-то трое суток без воды, без еды, без возможности сесть или лечь, без света (потому как сектор был обесточен после ЧП). Человек обычный не смог бы. Но человек лишенный страха...

А потом был «Мемориал»... И все этим сказано. Пережить все заново, в бесконечно четких подробностях и деталях... Никто из подопытных не пережил. Но и ни у кого из них не было за спиной «Фобоса»...

А потом был бунт в лаборатории... И мальчик, спокойно, методично, своей собственной рукой убил всех тех, кто с ним когда-либо работал в этой лаборатории. Абсолютная память, подаренная «Мемориалом» была ему в помощь. А после живых свидетелей, маленький монстр столь же методично уничтожал сервера и носители информации по всем трем проектам. Все, до чего мог добраться, не выходя из лаборатории.

Затем вернулся в свой бокс-камеру и стал ждать. Шансы, что его найдут и не уничтожат, были весьма велики.

А потом... Учиться, учиться, учиться... Это давало нагрузку слишком сильно разогнанному в лабораториях мозгу, не привыкшему к бездействию.

И сейчас Леонид был именно таким.

— Раньше вы не говорили мне таких вещей, Инструктор, — заметил юноша.

— Раньше твой клинок не чувствовал крови, — ответил Воскресенский. — Кровь была на твоих руках, но не на клинке.

— Вы знали?

— Конечно, — согласился он, деактивируя ферритовую броню и начиная снимать ее элемент за элементом. — Мне не интересно, где, когда и кого. Я просто вижу эту кровь по твоим движениям. По тому, как ты двигаешься, как ты смотришь. В какие точки ты смотришь... Это может понять и увидеть, только тот, кто сам пролил очень много крови. Рыбак рыбака, как говорится.

— Что ж, я не учел этого, — признал Лёня.

— Бывает, — пожал плечами Воскресенский. — Таких матерых убийц, как мы с тобой, не так уж и много. А те, у кого за душой меньше сотни собственноручно оборванных жизней, не поймут и не заметят.

— Это я тоже учту.

— А вот теперь, сегодня изменились и движения твоих клинков. Они познали кровь. Они почувствовали куда и как надо вгрызаться, как это делать легче, где сопротивление меньше, а где надо посильней навалиться и все же продавить-пробить-прорвать сопротивление, — говоря это, Воскресенский продолжал раздеваться. И теперь остался в одних трениках и легких замшевых кроссовках.

— Да, я заметил это. Я и сам чувствую, что движения изменились, — сказал Леонид и тоже положил на пол свои тренировочные клинки. После чего принялся раздеваться, следуя примеру полковника. — И сейчас они мне нравятся больше.

— А знаешь, что нужно, чтобы они стали нравиться тебе еще больше? — улыбнулся Воскресенский поднимая принесенные им сабли в ножнах.

— Знаю, — ответил Лёня без улыбки или иных эмоций. Он не считал нужным их сейчас изображать. — Бой. Не бойня, а бой. Настоящий смертельный бой с сильным противником.

— Верно, парень! Чертовски верно! — отозвался полковник и бросил две из четырех сабель ученику.

Тот поймал их за рукояти на лету и, продолжая движение, чуть повернув кисти, сбросил с них ножны. В руках у него оказалось настоящее боевое оружие с уже активированным ферритом.

— Ты же не откажешь мне в удовольствии? — подкинул в воздух и повторил финт юноши мужчина.

— Ни в коем случае, — ответил Леонид. И бой начался.

Описывать эту пляску клинков... Да невозможно это описать. Только сказать, что это было завораживающе красиво.

Сталь сверкала, коконами окутывая обоих бойцов, что гибкими ласками, прыгали, пригинались, извивались, проползали друг под другом, словно у них и вовсе костей не было. Ни одного прямого жесткого блока, так как оружие бы этого не выдержало, так как не предназначено для подобного и бой мгновенно закончился бы. Только уклонение и скользящие уводы, плетения и обманки.

Красиво. Опасно. Страшно.

Бой длился невероятно долго. Почти десять минут. Это очень большой срок для подобного боя.

И тут молодой хорек все же подловил старого. Красивый финт и обе сабли из рук Воскресенского рыбками улетают в темноту, а к его горлу несется смертоносная полоса феррита, готовая смахнуть с крепких плеч буйную голову. А полковник, продолжал открыто смотреть в глаза ученику.

Но в миллиметре от кожи сабля остановилась и замерла.

— Ты все же понял, — улыбнулся мужчина.

— Да, я понял, Учитель, — впервые Лёня назвал полковника так, а не Инструктором, как обычно.

— Ты понял, что главное и наивысшее удовольствие — до конца контролировать свой клинок. Уметь не только нанести смертельный удар, но и НЕ нанести его.

— Да. Оставить жизнь, куда труднее, чем отнять ее, Учитель.

— Именно.

— Я запомню этот урок. Прощайте, — нанес быстрый и точный удар пяткой в подбородок Леонид. Сознание Воскресенского выключилось мгновенно, а тело безвольным кулем свалилось на пол.

Жестянкин собрал оружие, деактивировал его и убрал в ножны. Сложил его рядом с телом полковника, оделся сам и ушёл в ночь.

— Вань, — обратился Лёня к Ивану утром на кухне за уничтожением содержимого той самой сковородки, что так поразила Наследника Императорского Престола в первую встречу с Анной. Только в этот раз была не яичница, а жареная картошка с мясом и салатом из свежих огурцов с помидорами. — Мне помощь нужна.

— Тебе? Помощь? — неподдельно удивился Иван. — В чем?

— Попасть хочу в одно место, куда простых смертных не пускают.

— Даже представить себе не могу такое место, куда бы ты сам не смог пролезть? — ответил Иван, вновь берясь за отложенную было на волне удивления вилку.

— В том то и дело, что я не хочу туда «пролазить». Я хочу съездить в гости. Но это военный объект и гражданскому человеку там рады не будут.

— Это к кому же? — заинтересовался Иван.

— К своему Инструктору по пилотированию. Спасибо за науку сказать хочу.

— Что же это за отмороженный монстр, что тебя ТАК летать научил? Представить даже боюсь себе.

— Почему сразу монстр? Замечательная девушка. Добрая, отзывчивая, веселая. Между прочим лучший пилот из тех кого я видел. Можно сказать, что она родилась сразу со штурвалом истребителя в руках.

— Ты меня прямо заинтриговал, — признался Иван.

— Развеемся хочу. А космос для этого лучший вариант. Полеты меня успокаивают и умиротворяют.

— Да уж, развеяться тебе не помешает. А как же конкурс?

— Не хочу. Он имел смысл с Ленкой. Я бы ее с собой в Москву свозил. В Консерваторию провел. Выпендрился бы со сцены. Для тебя бы какой-нибудь музыкальный сюрприз организовал, опять же перед Ленкой покрасовался... А теперь... Смысл мне туда ехать? За дворянством? Так есть уже. За славой? Так куда уж дальше: про «Психа из Меконга» сейчас каждая собака знает. Хорошо еще, что ты прессе заявил, что «этот виртуозный пилот» не выжил, а то проходу бы сейчас не давали.

— Когда поехать хотел бы?

— Да хоть сейчас, — пожал плечами Леонид. — Меня больше нигде ничего не держит.

— А Воскресенский? — усмехнулся Иван.

— Уже доложили? — вздохнул Лёня.

— Жаль не засняли, — сказал Иван. — Такое событие! Бой мастеров на боевом оружии! И я не видел. Вот облом-то. Знал бы, сам по кустам бы пополз, лишь бы хоть одним глазком глянуть.

— Это было что-то вроде «выпускного экзамена».

— А в челюсть зачем ему дал?

— Не сдержался, — пожал плечами Леонид. — В запале был, да и настроение, сам знаешь.

— «Выпустился» значит, — задумался Иван, не забывая, впрочем налегать на картошку, к вящей радости сидящей тут же Анны. Которая, как настоящая женщина в разговор мужчин не вмешивалась. — Я вроде бы тоже сейчас свободен... Давай вместе махнем. Тоже развеюсь. Пока батя не опомнился и не женил-таки на какой-нибудь «очень удачной

партии»!

— Так сильно женить хочет?

— Не то слово, — погрузнел Иван. — Так, куда ты там попасть-то хотел?

— Орбитальная станция «Лотос» у планеты Корсунь.

— Что-то, даже не слышал про такую.

— Небольшая станция-учебка, проходит как база доподготовки пилотов истребителей-перехватчиков Восьмого Московского Флота. Не самое престижное, зато спокойное местечко. Там весь штат-то около семидесяти человек.

— Спокойствие — это как раз то, что мне сейчас нужно.

* * *

Прибытие на станцию самого Принца Империи было для начальства, как снег на голову. Ужас просто! Ничего же не готово, везде бардак, ремонт не закончен, полы не надраены, из пяти звеньев истребителей только два набраны... Кошмар руководителя, просто!

Даже общий сбор и построение торжественное объявить не успели, а он уже из стыковочного отсека выходит со своей охраной. Пришлось так, на ходу встречать, стараться как-то маршрут выбрать, чтобы самое блядство в глаза не попало.

— Прикинь, Настюх, у нас на станции сам Принц Иван! — заявил влетевший в комнату отдыха Валерка Анатолийн.

— Да откуда ему тут взяться-то? Где Москва, а где Корсунь! — удивилась Валаньева.

— Не знаю откуда, но полчаса назад прилетел на своей яхте, сейчас с охраной своей по станции ходит.

— Ты серьезно, что ли? — насторожилась Валаньева.

— Настюх! Открытым текстом тебе передаю: Принц Иван на нашей станции! Прямо сейчас!

— Так чего у нас тогда ни построения, ни встречи, ни запидорки всего и вся все еще нет?

— Ты чего, не помнишь что ли? У станции же система дальнего обнаружения на ремонте! Их яхту и заметили-то небось, когда они уже разрешение на стыковку запрашивать начали!

— Бардак! — возмутилась Валаньева. — Кто-то сегодня точно по шапке отхватит за разгильдяйство. А то и с должности слетит!

— Это точно! — согласился Валерка. — Ну, что, пошли в столовую? Время обеда почти. Заодно на принца поглазеем: будет что детишкам рассказать.

— Ты женись сначала, чтобы появилось, кому рассказывать, — рассмеялась девушка. — А то ходишь двадцать восемь лет оболтусом!

— Так может на тебе и женюсь! — расплылся в своей шикарной солнечной улыбке Валерка. — Девчонка ты красивая, статная, все че надо при тебе. Пойдешь за меня, Настюх? А?

— Кто ж так предложение делает? — укоризненно постучала пальцем его по лбу Валаньева. — Вот ведь нет в тебе романтики! Ладно, балагур, пошли в столовую...

— ...асия...нтинна!! — кричал бегущий по коридору станции, раскинув руки в стороны, словно пытаясь на бегу обхватить кого-то, юноша лет семнадцати в дорогом гражданском костюме.

Валаньева обернулась на крик и испустила удивленный возглас. А парень, ни сколько не заботясь о наблюдателях, прямо с ходу, как только добежал, а добежал он быстро, обнял и закружил вокруг себя растерявшуюся старшего лейтенанта.

— ...асия...нтинна! — повторил он, ставя наконец девушку обратно на пол. — Я приехал! Как и обещал! А вы все хорошеете и хорошеете! Был бы я постарше на годок, точно бы женился!

— Эй! Парень, не наглей! Это моя добыча! — шутливо заступился за коллегу Валерка, видя что подбежавший парень отрицательных эмоций у Анастасии не вызывает.

— Так, я ж и говорю — маленький я еще, мне жениться по закону еще нельзя, — притворно вздохнул парень. — Вот через годик... — мечтательно возвел глаза к потолку он, приложив палец к нижней губе.

— Лёнька, ты откуда тут взялся?! — наконец смогла вставить свое слово в их тараторенье сама Валаньева.

— К вам приехал, как и обещал! — радостно улыбаясь, ответил он. Вот только в глазах его какая-то тень была непривычная, которой не было там раньше.

— Дай хоть посмотреть на тебя, — чуть отстаранила его от себя она и окинула взглядом. Который тут же зацепился за две Золотых Звезды на левой стороне пиджака.

Валеркин взгляд за них тоже зацепился. После чего он подавился очередной своей фразой и замолчал.

— Вытянулся-то как, — с усилием отведя от блестящих звездочек глаза, сказала она.

— Это и есть та самая «добрая, отзывчивая, веселая замечательная девушка, между прочим лучший пилот Империи»? — раздался рядом незнакомый голос.

Валаньева и Анатолийн разом подняли глаза и вытянулись по стойке «смирно». Пока они были заняты «разборками» с юношей-орденаносцем, к ним успели подойти Начальник Станции с заместителем, Принцем и его охраной.

— Да-да! Та самая! Единственная и неповторимая Анастасия Константиновна! Та, что не отказалась от ученика двадцать семь раз завалившего зачет по пилотированию!

— Сколько раз?! — резко побледнел Принц. — Хорошо, что ты не сказал этого раньше. Я б тогда точно прямо из кабины выпрыгнул, когда ты за штурвал схватился!

— Так потому и не сказал, — отозвался парень с двумя Звездами. — Знакомьтесь: Иван — Принц Империи. Старший лейтенант ВКС Империи Валаньева Анастасия Константиновна — мой первый и единственный Инструктор по пилотированию! Мы, собственно, с тобой к ней в гости и прилетели так-то. Так что, товарищ полковник, можете расслабиться: не станет Иван Александрович никому ябедничать, что у вас система дальнего обнаружения не работает, трех учебных звеньев не набрано, ремонт, о котором вы еще два месяца назад рапортовали, как о законченном, еще и на половину не сделан, поставками продовольствия в обход тендера ваш двоюродный брат занимается, наличие энергоносителей для учебных космолетов не бьет с числящимся по бумагам, списание боеприпасов на учебные стрельбы проведено не тем числом, каким стрельбы проводились,

два из восьми орудий, числящихся на вооружении станции по бумагам, физически отсутствуют, а из тридцати аварийных эвакуационных модулей только восемь исправны, — с каждым произнесенным словом Начальник Станции бледнел все больше и больше. Под конец он уже полностью сравнялся цветом лица со своим белым кителем.

Валаньева первый раз в жизни видела, как человек седеет прямо на глазах. И что-то ей не хотелось видеть этого снова.

— Лёня! Перестань! — воскликнула она. — Видишь — человеку плохо!

— Как скажете...асия...нтинна! Для вас все, что угодно! — вытянулся и расплылся в счастливой улыбке парень.

— Правда, полковник, расслабьтесь, — хлопнул того по плечу Иван. — Я тут неофициально. А до проверки я надеюсь, вы все устраните. Ведь правда же? Правда? — голос его стал жестким и требовательным, а лицо приблизилось почти вплотную. Полковник нервно сглотнул и часто часто закивал. — Ну, вот и славно!

— Пойдемте в столовую, что ли? — предложил парень с двумя Звездами.

Все были только за.

* * *

— А потом она утонула, — закончил свой рассказ Леонид. — Месяц войны в джунглях, десятки боевых операций — ни царапины. И просто утонула в мирном Новопитере...

— Ладно тебе, Леонид, не печалься. Жизнь есть жизнь: люди приходят в нее, люди уходят. Ничего с этим не поделаешь. Надо просто жить дальше, — как когда-то, опустила руку ему на макушку Анастасия Константиновна, утешая и успокаивая. Парень затих, ловя мгновенья ласки.

Жестянкин и Валаньева сидели и беседовали в ее каюте. Разговор длился уже больше часа.

— А за штурвал пустите? — словно тумблером переключился с подавленного состояния на свою обычную манеру он, хитро выглядывая из под руки.

— Нет!!! — мгновенно отреагировала Анастасия Константиновна. — Ни за что!

— Но я же все-таки сдал зачет!

— Это я его за тебя сдала, забыл? — прищурилась девушка.

— Помню, — покраснел и отвел взгляд юноша. — Первый сексуальный опыт не забывается...

— Нахал! — теперь уже покраснела она.

— А учебный бой? Ну хоть разочек! — продолжал канючить он. — Я уже даже Принца уломал! Если я что попорчу, никого не накажут, а станции новые истребители дадут! Ну, Асия Нтинна! Я ради этого и приехал!

— Ладно, — сдалась Анастасия Константиновна. — Но, учти, пощады не будет! Я на тебе за все двадцать восемь раз отыграюсь!

Полковник Устюгов, Начальник Станции «Лотос» сидел в своем кабинете и хмурым взглядом гипнотизировал бутылку коньяка. Полную. Злость в его душе клокотала как котел кипящей смолы. Злость на себя, что допустил это все, злость на Принца с его внезапным приездом, злость на раздолбаев из-за которых неисправная система дальнего обнаружения не позволила вовремя засечь прибытие столь важной персоны, злость на Валаньеву, из-за которой эта самая персона сюда и прилетела, но больше всего на юного выскочку, который буквально облил его помоями прямо перед Принцем и подчиненными.

Да откуда он вообще взялся такой, мать его, информированный?! Не иначе как стучит кто-то! И скорее всего эта самая Валаньева! Тоже выскочка! «Лучший пилот Империи»!!! Как же! Тьфу!

А теперь еще этот учебный бой...

Полковник схватил бутылку и злобно, словно откручивая голову ненавистному Дважды Герою Империи, открутил с нее крышку, плеснул себе в стакан на два пальца и залпом опрокинул в себя.

— Будет вам «учебный» бой, суки!!! Будет! — заявил он пространству с угрозой. Затем набрал на селекторе нужный ему номер абонента.

— Тех. отдел, слушаю, — раздался голос с «того конца».

— Полковник Угрюмов. Учебные истребители номер три и номер восемь — полный боекомплект! ПОЛНЫЙ БОЕВОЙ КОМПЛЕКТ! Полный! Что б аж вываливалось!

— Но...

— Это приказ!

— Слушаюсь...

— И заправку реакторов МАКСИМАЛЬНУЮ! До самой критической отметки!

— Но, товарищ полковник, — все же решился возразить техник. — С максимальной заправкой, истребитель будет, практически как бомба! Одно попадание, нарушение контура и пойдет реакция...

— Это приказ, техник, — ледяным голосом произнес Устюгов.

— Есть, максимальная заправка третьего и восьмого...

Полковник отжал кнопку селектора.

— Хотели повоевать? Вот и повоюете завтра. По взрослому!!!

* * *

На подготовку к бою решили выделить целый день. Чтобы все прошло гладко, обоим пилотам дали возможность полетать немного, привыкая к машине, освежая и проверяя навыки.

Анастасия Константиновна смотрела на полет Жестянкина из рубки управления полетами и удивлялась: ее непутевый ученик идеально произвел взлет и выход в космос через шлюз стыковочного отсека, чего на ее памяти не бывало ни разу.

А выйдя в космос, начал выполнять запланированные элементы и упражнения. Именно те, что были запланированы и именно так, как положено: четко, правильно, красиво. Словно

вообще другой человек сидел за штурвалом, а не антиталантливый Лёня Жестянкин, которого к управлению любым летающим механизмом на пушечный выстрел подпускать нельзя.

— Леонид, это сейчас точно ты? Тебя не подменили часом? — вышла на связь с пилотом она. Ей не стали мешать. Тем более выражение лица Ивана было сейчас точно таким же, как и у Валаньева: удивление, недоверие, ожидание подвоха или подставы.

— Я это, я, Асия Нтинна, — раздался веселый голос из динамиков.

— Не верю.

— Могу доказать, — рассмеялся пилот. Тут же на обзорном экране машина закрутилась на казавшемся бы простейшем элементе, стала рыскать в право, в лево, при попытке выровняться, завертелась еще сильнее, но теперь уже в трех плоскостях, хотя, как подобного добиться, Валаньева не представляла. Точнее, она даже не думала, что так вообще может вести себя истребитель в космосе. Затем машина резко начала набирать скорость, сорвалась в вовсе неуправляемый полет... Прямо в рубку управления, разрастаясь на обзорных экранах и вызывая панику персонала.

И, когда столкновение казалось уже вовсе неизбежным, всего несколько точных импульсов и Универсал застыл, как влитой, в пяти метрах от рубки — ничтожное расстояние по меркам космических полетов. Ровно напротив стоящей с микрофонной гарнитурой в руке Валаньева.

Он помахал крыльями и красиво, ровно ушел на исходную выполнять следующий элемент. А в эфире снова звучал его веселый довольный смех.

Лицо Валаньева налилось краской гнева.

— Так какого же крена, ты мне нервы-то мотал все эти годы?!!! — прошипела она в гарнитуру.

— Потому что вы классная!! — раздался ответ в эфире. — И так классно переживаете сидя в Инструкторском кресле рядом! И у вас такая классная грудь! И попа! И вы мне всегда нравились, вот я и заваливал зачет раз за разом, чтобы снова начать с начала... Да и вообще: ЭТО ВЕСЕЛО!! — прокричал он, выходя на мертвую петлю. — Яхххууу!!!

— Я тебя убью, — тихо, почти спокойным, почти шепотом начала она. — Мелкий, блядский извращенец, сукин ты сын, Жестянкин!!! — постепенно перешла на крик девушка. И никто из присутствующих не одернул ее, не остановил. Все были полностью согласны с тем, что она говорит. — Я завтра буду рвать тебя на куски, как тряпку!!! Ты хоть знаешь, сколько нервов ты мне испортил своим весельем, сколько седины я из-за тебя заработала!!! Двадцать семь! Сука, двадцать семь гребаных раз ты, по-приколу, чуть не расхерачил машину на элементарной трассе!!! Ну держись, мразотная озабоченная мелочь! Завтра ты у меня попляшешь!!!

— Надеюсь на это, Асия Нтинна!! — раздался веселый голос в эфире. — Никаких поддавок, никаких поблажек, как в бою! Я хочу с вами потанцевать в этом танце!!! Всегда хотел! Ведь, вы же, Ангел поцелуй, РЕАЛЬНО ЛУЧШИЙ ПИЛОТ ИЗ ТЕХ КОГО Я ЗНАЮ ХОЧУ ВАС В БОЮ!

— Будет тебе танец, паршивец мелкий! Будет! И не подходи ко мне сегодня, а то я тебя до боя еще голыми руками удушю!!! — закончила разговор Валаньева.

— Это вы зря, — хмыкнул Иван.

— Почему же? — резко развернулась к нему всем телом она.

— В рукопашной он даже круче, чем за штурвалом. Можете мне поверить, в этой

комнате против него шансов ни у кого нет.

— Даже у ваших телохранителей? — удивилась девушка.

— Никаких, — подтвердил Иван.

— Индифферентно! Завтра я размажу его по эклиптике слоем в одну молекулу! За все его издевательства! — сказала Анастасия Константиновна и вышла из рубки.

* * *

— Ну ты дал, Лёня! — хлопнул подошедшего Жестянкина в полетном комбинезоне со шлемом в руках Иван. — Она была просто в ярости! Готова была микрофон жевать! Умеешь ты-черт людей до бешенства доводить.

— Зато, она завтра сдерживаться не станет и покажет свой настоящий максимум, то, чего я от нее так истово жажду, с нашей первой встречи, с первого полета.

— Псих.

— А кто отрицает-то? — усмехнулся Леонид. Вот только взгляд у него не смеялся. Был он почти таким же, как на похоронах. Только в самой глубине еще и опасный блеск добавился. Азартный опасный блеск.

— Мы, наконец, смогли вычислить предателя, — заявил вошедший в рабочий кабинет Императора невзрачный человек в черном офисном костюме. Это был Начальник СБ СИЕ генерал-майор Семечкин, один из тех немногих людей, на кого в своей власти опирался Император. Кому он, нет, не доверял, но верил. Человек подотчетный только ему. Лично Императору. И если с ним, Императором, что-то произойдет, фатальное, то и Семечкину жить останется совсем не долго, так как могущественных врагов у него хватает. Успело накопиться, за прожитые на этой должности годы.

— И кто же?

— Сонин.

— Сонин? Уверены?

— Полностью. Это он устроил «случайный» побег Наследника. Он же навел на лайнер исполнителей. Не смог закончить дело в Камбодже, так как Кашим... старший лейтенант Особого Отдела Контрразведки Жестянкин, постоянно ему мешал. Даже в те три дня, что тот «оставил» Принца на попечении нового президента Камбоджи. Тогда Сонин уже ничего не мог сделать: похищение было невозможно, так как крейсер Альянса уже ушел из системы, а «Сапсан» уничтожен. Других способов покинуть планету у него не было, так как Жестянкин уничтожил космодром Меконга — единственный космодром на планете.

— Удачно они встретились, хоть и несколько раньше, чем мы рассчитывали.

— Случайности бывают даже в нашем деле. Это стоит учитывать. Хоть и редко, но такое случается.

— Сонины взяли?

— Пока нет. Он убыл вместе с Принцем на Корсунь.

— Жестянкин с ними?

— Да, с ними. Но есть проблема.

— Какая? — нахмурился Император.

— По оценке психологов, которые работают с Жестянкиным, он сейчас нестабилен. Смерть Гонцовой повлияла на него слишком сильно.

— Он же сам убил ее? Разве нет? — удивился Император.

— Точно так. Убил. Как угрозу раскрытия. Она слишком близко подобралась к нему и вскрыла почти все слои его легенды, самостоятельно добралась даже до правды про Кашима, пусть пока и не всей, и требовала раскрыть ей имя человека, отдающего приказы. Все это он отразил в своем докладе.

— Тогда почему? Если он сам принял и сам выполнил это решение? — удивился Император.

— Она слишком близко подобралась к нему. Он слишком к ней привык. Как оказалось. Не досмотрели, наша ошибка. Надо было вербовать ее, а не устранять.

— Теперь поздно жалеть... Надо же, — подивился Император. — И у такой идеальной машины для убийства оказывается есть слабости.

— Отдать приказ на устранение Сонины? — не стал углубляться в философские рассуждения Семечкин.

— Нет. Дождемся возвращения и возьмем живым. Стоит попытаться сыграть через него: раскрытый предатель — полезный предатель.

— Есть угроза повторного покушения, — предупредил Семечкин.

— Кашим справится, — отмахнулся Император.

— Кашим нестабилен, — напомнил Семечкин.

— Вот и стабилизируется: массовые убийства — его любимое занятие. Так пусть развлечется, пар выпустит, если они рискнут повторить попытку. Кашим как раз сейчас должен быть о-о-очень злым.

* * *

— Ты уверен, Лёнь? — уже около истребителя спрашивал Иван. — Ты же вчера на другой машине тренировался. Уверен, что стоит без подготовки? Я ведь, так понимаю, что этот бой важен для тебя.

— Да, какая разница, второй или третий? Сейчас по кружочку с Асией Нтинной дадим перед началом, как раз хватит с машиной познакомиться.

— Все равно, не нравится мне это, — покачал головой Иван. — Как вы вообще-то летали вчера на неисправных истребителях?

— Пронесло и ладно. Третий то с восьмым исправны, вот на них и потанцуем!

— Я смотрю, ты повеселел даже, — заметил Иван, глядя на полубезумную улыбку и лихорадочный блеск в глазах Леонида. — Ожил.

— Бой. Все что у меня осталось в жизни — бой. Я рожден для боя и это все, что я действительно хорошо умею. Это то, что делает меня живым. Бой с сильным противником. А она — очень сильна, хотя так и не скажешь...

— Ты пьяный что ли? — принюхался Иван, уловив знакомые нотки в воздухе.

— Не обращай внимания, меня алкоголь не берет, как и любая другая наркота — последствия обучения в контрразведке.

— А пил тогда зачем? Если не берет?

— Для храбрости, — ухмыльнулся Леонид. — Как в древности: сто грамм перед боем. Традиция, — пожал он плечами.

— Что-то ты мне все больше не нравишься, — покачал головой Иван. — Ну, всякое в жизни случается, умерла — бывает. Ты-то живой, значит жизнь продолжается. Встретишь еще свою единственную!

— Вань, давай после боя поговорим, а? Не порть мне настроения? — скривился Леонид. Потом запрыгнул в кабину и натянул на голову шлем. — Дождик, дождик, хватит литься...

— ...Лёня хочет веселиться! — закончил за друга Наследник Императорского Престола.

— Именно! — рассмеялся Леонид и подал команду на герметизацию кабины. Затем корпус засеребрился активированным ферритом.

— Удачи, парень... — тихо сказал Иван вслед удаляющемуся к шлюзовой камере Универсалу. Второй такой же синхронно двигался по восьмой пусковой дорожке.

— Центр, я Птичка-3, в шлюзовой камере, готов к старту!

— Птичка-3, давление в шлюзовой камере выровняно с наружным, открываю переборку. Можете стартовать.

— Стартую!

— Центр, Птичке-8, я в шлюзовой камере, готова к старту.

— Птичка-8, давление выровняно, открываю переборку, можете стартовать!

— Стартую!

— Птичка-8, Птичке-3: пару кружочков для разминки?

— Птичка-3, Птичке-8: согласна.

Два Универсала пошли на облет станции, давая возможность пилотам слегка привыкнуть к машинам. Шли красиво, ровно, крыло в крыло.

— Птичка-8, на счет восемь расходимся, — прозвенел в эфире лихорадочно веселый голос Жестянкина.

— Птичка-3, почему не на три?

— Потому, что девушкам надо уступать, а ваш номер восемь, вот и на восемь!

— Дурацкая причина, — хмыкнула Валаньева сердито. Но чувствовалось, что азарт уже начал захватывать ее, вытесняя все остальные эмоции.

— Раз!

— Бог с тобой, засранец!

— Два!

— На восемь!

— Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь!!! — на счет «восемь» прозвучавший в эфире, два истребителя резко разошлись в противоположные стороны и начали стремительно набирать дистанцию.

— Начали! — прозвучала команда Валаньевой. И машины пошли на сближение, начиная свою карусель.

Сначала пилоты пытались зайти стандартно, заученными маневрами, выполняя их безукоризненно красиво и точно. Как-то так сразу пошло, что инициативу атакующей стороны взяла на себя Птичка-8, пилотируемая Валаньевой. Птичка-3 же уворачивалась, изворачивалась, изредко выходя на острые неожиданные контратаки. Пилотирующий ее Жестянкин, словно бы заманивал Птичку-8, играл с ней. Заводил и раздувал искру азарта до уровня всепоглощающего пламени.

Анастасия Константиновна уже и забыла из-за чего все началось. Забыла обиду, забыла злость. Она увлеклась этим боем, этим танцем. Остался только душевный подъем, жгучий, бурлящий азарт и этот суперверткий, непредсказуемый Универсал, который никак не хотел попадать в перекрестье прицела тяжелых ротерных лазерных установок или в систему наведения на цель ракет. Чуть-чуть, совсем немного, почти... Палец лежал на кнопке открытия огня, готовый нажать ее и никак не нажимал, хотелось выстрелить наверняка, выпустить учебную очередь ровно так, чтобы условно «на куски», чтобы безоговорочная победа. Вот-вот сейчас, сейчас, сейчас!..

Элементы становились все сложнее и сложнее, скорости нарастали, становилось уже трудно следить за ними даже при помощи обзорных экранов и контрольной техники.

Танец действительно был захватывающим. Настолько, что увлеченные наблюдением люди не замечали вышедший из-за планеты легкий авианесущий крейсер Альянса до тех пор, пока он не произвел залп по автоматическим оборонительным орудиям станции.

В этот момент бешенные истребители прыснули в разные стороны друг от друга, словно облитые водой кошки и синхронно развернулись в сторону крейсера.

— Что происходит?! Почему он атакует?! У нас же мир с Альянсом! — раздался испуганный голос Валаньевой в эфире.

— Это покушение на сына Императора!! — в том же эфире раздался голос полковника Сонины. — Всем защищать Наследника Императорского Престола!!!

— Чем защищать-то?! У нас учебные Универсалы! Учебные!! — раздался панический голос Валаньева в эфире. А из шлюзовых отсеков крейсера уже выходили шесть истребителей: два звена, полный состав.

— Отставить панику!! Настя, возьми себя в руки! У нас с тобой по полному БК и реактор на Максимальке! Мы хоть до утра с ними танцевать можем! — раздался голос Жестянкина в эфире.

— Какой БК?! Ты спятил?

— У тебя индикация сломана. Нажми на гашетку, если не веришь! — прозвучал голос Леонида.

Анастасия Константиновна послушно, не сообразив еще до конца, что происходит, вдавила кнопку. Тут же в сторону крейсера ушла короткая очередь из роторного лазера. Точнее в сторону одного из истребителей противника, поскольку, не отойдя толком от боя с учеником, девушка автоматически поймала в перекрестье прицела ближайшую машину, вышедшую из чрева крейсера, при развороте в их сторону.

И их осталось пять против двоих. От лазерной очереди, уже наведенной на цель, невозможно увернуться. Можно только не дать навести прицел.

«Трешка» тоже не медлила. Синхронно с «Восьмеркой» тоже произвела очередь по ближайшему к себе истребителю противника очередь, но при этом еще и навел на второй ракету, тут же ее выпустив.

Так что осталось их не пятеро, а трое.

— Что ж, — прокричал в эфир, уже выполняя маневр уклонения от опомнившихся Универсалов противника, — Карту внезапности мы разыграли не плохо.

— Боже правый! Господи-боже!!! Откуда у меня БК?! — кричала в эфир Валаньева, также уворачиваясь от палящих почем зря истребителей противника. Но после десятиминутного боя с учеником, пилоты этих машин казались ей кривыми паралитиками.

Но их все равно было на одну больше, что немного уравнивало шансы. И создавало проблемы.

— Потом подумаешь об этом! Настя, оставляю их на тебя!!! Я беру большого плохиша! — прокричал в эфир Жестянкин.

— Ты с ума сошел!!! У него же одних ПКО-орудий двадцать восемь штук!

— Не переживай, Настя! Следи за своими! — рассмеялся Жестянкин. А потом переключил передатчик на общепринятый международный открытый канал. — Яху!!! МНЕ ДАЛИ ПОРУЛИТЬ!!!

Резанула по нервам всех, кто ее услышал, знаменитая фраза «Психа из Меконга». И пробрало тоже всех. Даже пилоты истребителей на пару секунд выпали из реальности, за что один из них тут же и поплатился, сбитый очередью из роторного лазера «Трешки».

— Прости, Настя, он стоял удачно. Остальные твои, — рассмеялся Леонид в эфире.

— А мы по локоть закатаем рукава!

А мы Чикаго расхуярим на дрова... — начал орать в эфир Леонид, закладывая дикие виражи по курсу к шлюзовым камерам крейсера.

— Он сумасшедший? — не удержался и спросил Валера Анатолийин, также стоявший в рубке управления полетами. Бежать к своему Универсалу было бесполезно, поскольку, пока его зарядят, заправят, пройдет столько времени, что бой три раза кончится, а крейсер успеет разнести станцию на атомы. — Ему всего БК не хватит, чтобы остановить целый крейсер! Это же нереально!

— Он не сумасшедший, — тихо сказал Иван, неотрывно смотрящий на монитор слежения. — Он псих. Из Меконга...

— Тут даже «Меконгский псих» не справится!

— А еще у него неделю назад умерла девушка... И «максималка» на реакторе...

— «Камикадзе»?! Вы думаете, он хочет умереть?! — шокированно уставился на Ивана Валера.

В этот момент их прервала вспышка с экрана. Крейсер раскололся на две половины от сильнейшего внутреннего взрыва, где-то в районе реактора. Точнее в самом реакторе.

— Воу! — резко все отшатнулись от экрана.

— Лёня!!! — раздался в эфире отчаянный крик Валаньевой. Одновременно с разрушением еще одного Универсала, подстреленного ей.

И только Иван расслышал за несколько секунд до взрыва крейсера в эфире шепот Леонида: «Прости, Лена... Я иду к тебе...»

— Тело нашли? — спрашивал Император у генерал-майора Семечкина в своем рабочем кабинете.

— Нашли, — с утвердительным кивком ответил Семечкин.

— Точно он? — не успокоился Император.

— Точнее быть не может: полную генетическую экспертизу провели. Проверили все на десять раз. Даже следы инъекций после допроса совпадают. К тому же тело почти не повреждено — опознается легко.

— Как так? Вы же сказали — взрыв реактора крейсера? И почти неповреждено?

— Это же Кашим! Он успел катапультироваться ДО взрыва. Дальше вел машину на дистанционном управлении прямо из аварийно-спасательной капсулы.

— Что же тогда его убило, раз он успел катапультироваться?

— Случайность: один из обломков крейсера угодил в капсулу и пробил обшивку. Произошла разгерметизация. Жестянкин умирал почти минуту.

— Глупость какая-то, — недовольно нахмурился Император. — Боец такого уровня и так глупо погиб... Узнали, откуда взялось боевое вооружение на учебных истребителях? И как он вообще смог Универсалом уничтожить КРЕЙСЕР?

— Тут как раз все просто: БК на борту оказался по приказу Начальника Станции, полковника Устюгова, которого спровоцировал сам Кашим. Наши психологи, проверявшие полковника Устюгова, нашли следы гипнотического воздействия, характерные для Кашима. Почерк его.

— То есть он готовился к нападению? — удивился Император.

— Тут, скорее уж другое: я предупреждал, что Кашим нестабилен?

— Да, я помню.

— Так вот, он специально летел на Корсунь, чтобы покончить с собой. Он хотел, чтобы его убила именно старший лейтенант Валаньева, по неоднократному его утверждению, лучший пилот из тех кого он знал. Смерть в смертельном бою с равным противником — то чего хотел Кашим.

— Почему тогда катапультировался? Смерть во взрыве реактора чем ему не понравилась? — сильнее нахмурился Император.

— Перекос психики. Наши психологи с аналитиками сделали вывод, что крейсер Альянса, он равным противником не посчитал... И был почти прав. Если бы не тот обломок, то победа Кашима была бы чистой и разгромной.

— Психопаты... Ох уж мне эти психопаты...

— А по второму вопросу: удалось посекундно восстановить ход боя. На теле нашли его личный ноутбук с очками. Интересного на нем оказалось много...

— Так что с крейсером? Как?

— Оказалось, довольно просто... в теории: выбил переборку шлюзовой камеры ракетой, пролетел внутрь и уже не останавливаясь, пробивал себе, всем, что есть, дорогу сквозь внутренние переборки крейсера прямо к реактору. Судя по логам с его компьютера, Кашим успел вытащить из сети подробные чертежи крейсера, проложить самый короткий маршрут и рассчитать его. Потом по этому маршруту и провел свой Универсал, в конце протаранив реактор крейсера, предварительно выведя свой реактор на перегрузку. Все это с

«безопасного» расстояния, вися в спасательной капсуле. В общем, как и всегда у Кашима: максимум дерзости, точный, быстрый расчет и минимум риска. Несчастный случай, вот что там произошло по моему мнению. Но и попытка суицида также присутствовала.

— Почему? С чего такая уверенность, про суицид?

— Он оставил прощальные письма. Привел в порядок свои дела, юридически оформил завещание, составил и подготовил рапорт об отставке, — перечислил Семечкин.

— Что ж. Согласен. Пусть будет «несчастный случай». Третью Звезду и капитанское звание посмертно. Отставку принять в связи со смертью. Валаньеву наградить Золотой Звездой, присвоить звание капитана и перевести в Гвардию. Пилот, которого Кашим считал равным себе — достойное приобретение. Три современных боевых истребителя сбила на старом учебном Универсале — достаточное доказательство мастерства, — вынес решение Император. — Что с предателем? Раскололся?

— Да. Но есть проблема.

— Какая?

— Во время допроса Сонин умер. У него оказалась непереносимость к одному из спец. препаратов.

— Досадно. Но самое главное успел рассказать?

— Да. Все, как мы и предполагали — группа банкиров и военных промышленников, ратующих за войну между Альянсом и Империей. Есть уже пять фамилий.

— Ликвидировать. Всех. «Окунь» свободен?

— «Окунь» мертв. Тело нашли два дня назад на Урале-2, где он должен был ликвидировать одного «авторитета». Видимо не рассчитал сил.

— Как умер?

— Заперли в рефрижераторе с мясом. Потом, когда тот заоченел, на всякий случай, прострелили голову и выкинули за городом.

— Кто есть из свободных ликвидаторов?

— «Лис», «Мотыль», «Мясник»...

— Отправьте «Мясника». Пусть действует в своем любимом стиле. Кому надо — поймут.

— Слушаюсь.

* * *

— В комнате погибшего на Корсуни Леонида Жестянкина найден чемодан с деньгами. На ручке отпечатки Старикова, — рапортовал майор Иванов.

— Все-таки «Ангел»... — вздохнула Угрюмова.

— Да, — коротко подтвердил Иванов. — Я послал запрос в Центр.

— И?

— Хоронить будут здесь, в Новопитере, согласно оставленному завещанию: рядом с могилой Гонцовой.

— И кто он в итоге?

— Дворянин. Капитан контрразведки. Особый Отдел. Трижды Герой Империи, кавалер Ордена Святого Станислава II степени, Ордена Святой Анны III степени и еще десято медалек помельче. В Особом Отделе с четырнадцати лет. Больше тридцати самостоятельных

миссий. Плюс с одиннадцати лет участвовал в выполнении боевых задач в составе СКООН на должности командира дюжины. Я взял на себя смелость проверить сведения и пообщался с бойцами СКООНа, кто служил под его командой: характеризуют, как крайне эффективного и крайне жестокого бойца и командира. За два с половиной года не потерял ни одного бойца. Не провалил ни одного задания. При этом всегда бил и стрелял только насмерть, за что имел прозвище «Ваншот». Лично сам добивал пленных и раненых. Последнее задание его уже на службе в Особом Отделе — защита Принца Империи во время проведения мероприятий по поиску предателя в его охране. Задачу выполнил. Награжден третьей Золотой Звездой и присвоением внеочередного звания капитана, посмертно. Такие вот дела...

— И девушку друга такого Волкодава изнасиловал какой-то сраный бандит... Теперь понятна та легкость и виртуозность, с которой он казнил Касселя. Отчасти понятна и жестокость казни... Дело «Ангела» закрыто. Не будем его ворошить и чернить память Трижды Героя Империи. За это по головке не погладят.

— Вас понял. Не было никаких отпечатков, — сделал пометку в планшете Иванов.

— И денег не было, — со значением сказала Угрюмова. — Так ведь? Половины не нашли вы. Половину не увидела я.

— Так точно, — согласился майор, делая еще одну пометку.

— Что там у нас дальше? — закрыла тему Угрюмова.

— Организация безопасности пребывания на планете Принца: заявлено, что он будет лично участвовать в мероприятиях, связанных с похоронами...

* * *

Девушка в белой шляпке и легком светлом платье сидела за столиком маленького летнего кафе на набережной со стаканом апельсинового сока в руке.

Перед ней лежало распечатанное официальное письмо с завещанием Жестянкина Леонида Васильевича и электронной банковской карточкой.

Также там была открытка с изображением волка-оборотня с кровью на морде и когтях, развалившегося на фоне полной луны, рядом с которым, опершись о его мягкое шерстяное брюхо, сидела изящно почти раздетая девушка с невинным ангельским личиком. Страшноватенькая такая открытка. Но чего еще ожидать от «личного ручного кровавого монстра»?

Надпись внутри гласила: «Прости, Санёк. Если ты это читаешь, то меня уже нет. Но я слишком жаден, чтобы отдать государству то, что получил от него. Родственников у меня, как ты знаешь не было и нет. Так что лучше отдам тебе, чем бюджету! Казна авось не обеднеет.

Выпей за меня стакан зелененького! Хотя... ты ж его терпеть не можешь, верно?»

— Сам пей свою гадость, — еще раз перечитав строки послания, проговорила Александра Сомова. — А все-таки ты ужасный транжира, Лёня, что бы не говорил про свок жадность, — добавила она, рассматривая пятизначное число, указанное в завещании друга. — И актер из тебя хреновый...

— Отец, ты знал? С самого начала знал? — на следующий день, после похорон в Новопитере, спрашивал Принц Иван у Императора Александра, войдя в его рабочий кабинет.

— О чем именно? — уточнил тот, складывая пальцы в замок на животе.

— О Леониде. Что он капитан Особого Отдела Контрразведки? Что он не «отчисленный кадет», а боевой офицер на службе Империи и Императора?

— Ты по-моему сам только что ответил на свой вопрос, — усмехнулся Император. — Вон, в папке, его полное досье и личное дело, если хочешь — почитай.

— Хочу, — согласился Иван, подошел к столу и взял указанную отцом папку. После чего уселся на кресло и открыл ее.

Читал он долго. Много хмурился, но папку не откладывал. Прошло не меньше полутора часов, пока он снова заговорил.

— Это не человек, это машина-убийца какая-то, — наконец отложил бумаги Иван. — Бесчувственный и безжалостный.

— Эффективный, — поправил его Император.

— Ты уверен, что это он сам убил Лену? — хмуро спросил Иван.

— Там его рапорт, ты сам читал. Что мне еще к этому добавить?

— Я считал его другом. Думал — он действительно любит ее...

— Возможно, ты и не ошибался. Заключение психологов читал? Там, отдельно к обложке подколото.

— Пытался, но во всех этих терминах ничего не понял.

— Если в кратце, то там все просто: психическая нестабильность после убийства дорогого ему человека. Стремление к совершению самоубийства. Или думаешь, случайно у Валаньевой оказался полный БК в истребителе? Он спланировал эту поездку на Корсунь Раскопал и разнюхал все, что только можно обо всех, кто был на «Лотосе», о самом «Лотосе». И виртуозно сыграл свою партию на нервах Начальника Станции, приправив ее легким гипнотическим внушением. И у машины, оказалось, есть слабости.

— Вот, значит как... Сложно это все.

— Гораздо сложнее, чем ты думаешь, сынок, — вздохнул Император.

— То есть? — поднял на отца вопросительный взгляд Иван.

— В этой папке то, что я знаю, — сказал Император. — А вот тут то, чего я НЕ знаю, — пододвинул он планшет к Ивану.

Тот взял его и с недоумением посмотрел на открытую там статью из новостной ленты. Статья называлась: «Прививка от старости».

В ней было интервью корреспондента одного из новостных каналов с неким Ратха Саратом, ученым микробиологом и генетиком из Камбоджи.

«К: — Совсем недавно, буквально вчера, вся Всемирная Сеть, весь Интернет содрогнулись от новости: найден способ остановить процесс старения организма. Причем появилась не только сама новость, а вместе с формулой и полным описанием процесса получения вещества, а так же результаты клинических исследований, в том числе и на людях. И ко всему этому приписано ваше имя в качестве создателя и разработчика уникальной вакцины. Что вы можете сказать по этому поводу?

Ратха Сарат: — Почти ничего, кроме того, что вы уже сказали. Действительно, я и группа моих коллег-товарищей, с которыми мы знакомы лишь по переписке в Сети, разработали, получили и опробовали вещество, однократная инъекция которого действует, как вакцина против естественного процесса старения человеческого организма. И оно работает!

К: — Лаконично. О таком буквально переворачивающем наш мир открытии. В течении скольких лет проводились испытания?

Ратха Сарат: — Четыре года. Это было не совсем законно. Точнее, совсем незаконно. Но одного моего друга по переписке это не остановило. Он вакцинировал и провел полное обследование более чем пяти тысяч человек. Не смогу вам сказать имена этих людей, так как не знаю их. Мой друг передал мне лишь результаты, на основании которых мы все эти годы дорабатывали формулу и устраняли ее недостатки.

К: — Недостатки?

Ратха Сарат: — Мне тяжело это признавать, но в первый год исследований, проводимых моим другом, погибло три тысячи восемьсот сорок пять человек. Я узнал об этом не сразу. Но, когда узнал, хотел бросить всю эту затею, но меня убедили продолжить. С того момента погибло еще сто восемь человек. И вот уже два с половиной года не было ни одного смертельного случая. Сейчас сыворотка окончательно закончена и доработана. Проверено и доказано, что она работает именно так, как я и сказал.

К: — Это вы выложили в сеть результаты своей работы, сделав их достоянием общественности? Опубликовали их в десятках научных журналов сразу?

Ратха Сарат: — Нет. Это сделал мой друг. Тот, о ком я вам говорил. Честно говоря, он является автором этой вакцины чуть ли не больше, чем я сам, хоть я и начинал разрабатывать ее самостоятельно. Так что прав распоряжаться результатами нашей работы он имеет не меньше, чем я.

К: — Вы скажете, кто он?

Ратха Сарат: — Нет. Я просто этого не знаю. Мы встретились только один раз, в джунглях, в лагере бойцов «Армии освобождения Камбоджи», где я ввел ему и еще шестидесяти трем россиянам окончательный вариант вакцины.

К: — То есть, он стал первым, кто из ваших рук получил вечную молодость?

Ратха Сават: — Нет. Только четвертым. Первым был Наследник Престола Российской Империи Принц Иван Александрович. Второй была Княжна Марина Соврасова. Третьей, девушка по имени Лена. Фамилии ее мне не называли. И только четвертым был мой друг, имени которого я так и не узнал.

К: — Принц Иван? Я не ослышался? Вы уверены?

Ратха Сават: — Вполне. Я лично делал инъекцию, так что уверен. К тому же, одним из условий моего согласия на публикацию результатов исследований, было прекращение войны на моей планете. И это условие было выполнено. В благодарность, я решил увековечить, вписать в Историю, имя человека, подарившего нам Республику и остановившего войну, сделав его официально Первым Нестареющим Человеком в мире! Так что, пользуясь случаем, еще раз говорю ему Спасибо от всего моего Камбоджийского сердца и прошу прощения, что не сказал сразу. Мой друг и соавтор, уговорил меня подождать с этим до

публикации. Публикация состоялась вчера. Я рассказал сегодня — условие выполнено.

К:- Вы получили за ваше открытие какие-то деньги?

Ратха Сарат: — Нет. Это мой подарок всему Человечеству. За подарки не просят и не берут денег. Достаточно и того, что все расходы на разработку и исследования с последующей доработкой взял на себя мой неизвестный друг. Я только публично прошу прощения у тех, кто пострадал в ходе моих исследований. Я полностью принимаю вину на себя за те загубленные жизни, за те смерти, за ту боль, что мое открытие причинило руками моего друга тем тысячам погибших, что не сознавая того легли на алтарь науки. Тяжесть этой вины навечно останется на моей совести.

К: — Что ж, спасибо вам, уважаемый Ратха, за вашу откровенность и ваше открытие.

Я не буду сейчас рассуждать о моральной стороне этих исследований. Не буду ничего говорить об этом, оставшемся неизвестным «друге» и соавторе господина Сарата. Это сделают еще очень много раз другие.

Я хочу сказать только, что вот сейчас, в этот самый момент, как вы читаете эти строки или смотрите репортаж, ученые во всех странах мира, во всех крупных и мелких медицинских корпорациях, проверяют результаты исследований опубликованных вчерашним утром. И пока что все они сходятся в том, что это действительно работает!

Конечно, еще очень большой и трудный путь предстоит от сегодняшнего дня до всеобщей всемирной вакцинации, но одно можно сказать точно: это открытие, эта публикация, резко, внезапно и необратимо поставили нас на порог нового Мира. Каким он будет? Лучше или хуже, покажет только время.

А сегодня, тринадцатое июля две тысячи четыреста тридцать девятого года — день, когда Человечество победило Старость!

С вами был Нэйтон Хилл, канал НьюсТодэй...»

Иван в шоковом состоянии отложил планшет. Если бы он в этот момент уже не сидел на кресле, то ноги бы его точно не удержали. Такие новости о себе и о мире вокруг узнаешь не каждый день. И подготовиться к ним невозможно.

— Тебе кололи что-то на Камбоджи? — строго спросил Император.

— Да, — тихо ответил Иван. — Нам всем сделали прививку от местной болезни, вспышка которой случилась в соседней деревне. Инъекции делал именно он — человек с фотографии.

— Жестянкин был четвертым в очереди?

— Нет. Он был шестым. Четвертым был Сонин.

— Сонин? Он то откуда там взялся?

— После выборов уже, мы все поехали за своими вещами в лагерь «Армии освобождения»... Сонин поехал с нами. А там болезнь... И этот доктор...

— Сонин уже ничего не расскажет: умер во время допроса.

— Но это ведь по-любому не он, а Жестянкин! — воскликнул Иван. — Он ведь и Ленку утопил, получается из-за этой тайны, бездушная сволочь! И смерть свою собирался инсценировать, чтобы концы в воду, да не получилось! Так ему поганцу и надо!

— Бездоказательно, — вздохнул Император. — Сонин мог все это повернуть с тем же успехом. У него возможностей для этого было даже больше, чем у Жестянкина. Причем, заметь: Кашим просто боевик, пусть талантливый, пусть крайне эффективный, но всего лишь боевик. А Сонин был управленец. И знаешь, что самое интересное? Он в свое время еще после Академии СИБ, в качестве прикрытия, окончил факультет Микробиологии в МИУ. С отличием.

— Бляядь... Как ты во всем этом варишься-то столько лет? Тут не точно, там бездоказательно, то предположительно, это возможно...

— Политика, сынок. Привыкай. Ты же у нас теперь Нестареющий. Тебе во все это с головой окунаться, когда я уйду на покой... А сейчас — бегом к врачам обследоваться! Еще неизвестно, так ли все с этой дрянью, что тебе вкололи, красиво, как этот Саратов расписывает!!!

Световой индикатор на переборке шлюзовой камеры просигнализировал, что давление в ней сравнялось с внутренним давлением на корабле. Индикатор мигнул раз, другой и переборка распахнулась, пропуская молодого человека в летном комбинезоне, тяжелых десантных берцах и компьютерных очках.

— Добро пожаловать на «Тот Свет»! — развернулась на вращающемся основании пилотского кресла девушка в летном комбинезоне, таких же берцах, с свободно спадающими светлыми волосами до плеч, становящимися темнее к корням.

— Неплохое название для катера, — улыбнулся юноша. — На каком языке запишем?

— Может на английском? — предположила девушка, грациозно поднимаясь с пилотского кресла.

— И как же? Автэлайф или азэ ворлд? Или буквально: азэ лайт? — сделал еще шаг на встречу он.

— Пожалуй Автэлайф звучит достаточно загадочно, — отетила девушка, картинно приложив палец к нижней губе и подняв глаза к потолку, при этом максимально эротично прогнулась в спине.

— Хорошо. Так и впишем, — кивнул он. — И как оно тебе, держать за сердце «Ангела»?

— Понравилось, — мурлыкнула она, вновь по-пантерьи делая шаг в сторону юноши. — Беззумно возбуждает! Так и тянет сжать коготки, — вытянула к нему руку и сжала свой кулачок, показывая, как именно.

— Вот так? — поднял свою руку и пошевелил пальцами молодой человек. Повинуясь этим его легким движениям, звездолет покачал крыльями.

— Блин... Ну, так не интересно, — расстроилась девушка. — Так приятно было представлять, что ты висишь там в пустоте совершенно беспомощный и ждешь спасения. А помочь тебе могу только я и никто больше в целом мире...

— Напомни мне: ты кого выбирала себе в мужчины: беспомощного котенка или страшного, безжалостного «Ангела», видящего насквозь каждое твое движение? Держащего ниточку твоей жизни на лезвии своего ножа? — сделал шаг вперед юноша, от которого сразу повеяло угрозой и потусторонней жутью, а голос его замогильно звучал из всех динамиков корабля, да еще освещение начало медленно тухнуть, оставляя молодых людей в быстро густеющей темноте. Температура также начала падать. Мгновение и девушка потеряла из виду юношу.

Озноб помимо воли прошелся по спине девушки. Из рта ее вырвалось облачко пара. В следующее мгновение она вздрогнула, почувствовав пальцы на своем горле и жаркое дыхание над ухом.

Колени ее ослабели и она привалилась к горячей груди парня, стараясь устоять на предательских ногах.

— Не знаю, — севшим голосом выдавила из себя она. — Не знаю! Тебя! Разного... — с усилием провернулась она в руках партнера и впиалась ему поцелуем в губы.

Свет и температура в помещениях корабля быстро вернулись к прежнему состоянию.

Лишь через несколько минут молодые люди смогли оторваться друг от друга.

— Не сейчас, — с сожалением сказала девушка, проводя ладошкой по щеке парня. —

Надо заканчивать дело. Пока они не опомнились...

— Все готово?

— Да.

— Инъекции правильно нанесены? Нужными препаратами?

— Да, я внимательно следила за допросами по взломанным тобой камерам. И манипуляции повторяла с клоном своевременно. Так что, если ты сам ничего не напортачил, то с этой стороны они не заподозрят подмены.

— Что ж, пора, — сказал парень, отключая от аппаратов тело в таком же комбинезоне, в каком был сам. Да и вообще, картинка получалась сюрреалистичная, когда юноша вскинул «самого себя» на плечо и понес его в шлюзовую камеру. Там усадил в спасательную капсулу, поместил на лицо клона свои компьютерные очки, предварительно проделав какие-то манипуляции с ними и с самим ноутбуком. Достал из кармана вторые такие-же очки, поместил их уже на свои глаза. Снял с пальца кольцо, надел его на палец клона, достал из кармана запасное и надел себе.

Потом закрыл капсулу. Сходил в угол шлюза и взял там заранее приготовленную кувалду со сходящимся на конус битком на одном конце. Более того, биток был с покрытием из феррита, а в рукоятке находились весьма мощные аккумуляторы.

Парень активировал феррит, и хорошенько размахнувшись, звезданул по спасательной капсуле. Раз, другой, третий, пока не пробил дырку в герметичном корпусе, как раз напротив лица клона.

Потом молодые люди вышли из шлюзовой камеры и закрыли за собой переборку. Вскоре индикатор сообщил, что давление в камере сравнялось с забортным и капсула благополучно отправилась в свободное плавание-дрейф по бескрайним просторам космоса.

— Не будешь наблюдать за «своей» смертью? — поинтересовалась девушка.

— Нет, не буду, — ответил парень, усаживаясь во второе пилотское кресло. — Нет времени на это. Необходимо еще как следует почистить логи капсулы и память ноутбука, чтобы случайно упущенная деталь не поломала всей красоты картины.

— Прагматичен, как и всегда, — вздохнула девушка. — Послушай, Сашка Сомова упоминала в разговоре с тобой, который я подслушала, одну вещь, которая не дает мне покоя.

— Какую же? — не отвлекаясь от работы сразу на бортовом компьютере катера и запасном ноутбуке, что был извлечен из небольшого встроенного в пульт сейфа, уточнил он.

— Александра сказала, что ты не можешь ничего чувствовать. Что она имела в виду?

— Ты видела комплекс, где я выращивал клонов?

— Да. И для такой функциональности, он неоправданно огромен.

— В этом лабораторном комплексе я провел свои «бега». В качестве подопытной мыши.

— Ужасно. В восемь лет... — нахмурилась девушка.

— Из всех, кто там работал, и тех, над кем там работали, выжил я один.

— Ужасно...

— Ничего ужасного — я всех их убил, — повисло молчание. Девушка пыталась осознать и уложить в голове услышанное. Юноша просто работал.

— Как же ты смог, в восемь лет?

— Сначала устроил «несчастный случай» в одном из секторов. В результате убил девяносто шесть человек. Всех кто там работал и над кем работали. Это оказалось просто... Потом я затаился на какое-то время. Думал, анализировал, планировал. А потом организовал

бунт подопытных. Подбил их на бунт, спровоцировал и подстроил возможность его реализовать. Устроил организованный хаос. Под этим прикрытием сорок шесть человек прикончил лично. Остальных добили штурмовики, подавлявшие бунт. Я выжил один. Был, правда, один охранник, которому я оставил жизнь — он кормил меня конфетами иногда. Он сейчас на Урале-3 работает. Женился, детей завел...

— Я начинаю привыкать, что твои истории всегда кончаются фразой «я их всех убил».

— Я такой, какой есть, — пожал плечами юноша. — Не пытаюсь себя обелять или казаться лучше.

— И все же, причем тут чувства?

— Сашка не совсем правильно выразилась. Не чувства, эмоции. Надо мной ставили эксперименты. В результате я потерял возможность испытывать эмоции. Я могу их только имитировать.

— Ты убил их за это?

— За это? Нет. Я их просто убил. Как бы тебе объяснить, — задумался он. — Целью всего комплекса было создание суперсолдата, эффективной, высокоинтеллектуальной, безжалостной и бесстрашной машины для убийства. У них получилось. А полевые испытания я перенес на сам комплекс. Отличный, надо сказать, получился полигон...

— За что боролись, на то и напоролись, выходит?

— Можно и так сказать, — отозвался юноша. — Я просто хотел жить. А они бы мне не дали. Раньше или позже, я погиб бы на очередном эксперименте. Поэтому, рассудив логически, чтобы этого не произошло, я прекратил все эксперименты в комплексе. И не прогадал — меня вернули в детский дом.

— Послушай, — нахмурилась девушка и очень серьезно посмотрела на парня. — Если ты не можешь чувствовать, значит и ко мне ты не чувствуешь ничего. Так зачем тебе я? — и вопрос этот был действительно важен для девушки. — Сперва, я думала, что тебе была необходима помощь второго человека для исчезновения, но ты наглядно продемонстрировал мне ошибочность этого мнения. Но зачем тогда? Зачем эти проверки и испытания?

— Проверка была одна — когда ты без вопросов позволила утянуть тебя под воду в озере Нево.

— Я на самом деле приготовилась в тот момент умирать, — остановившимся взглядом уставилась на пульт девушка. — Думала всё, конец.

— Почему же не стала сопротивляться? Не закричала, не попыталась вырваться, уплыть?

— Это все было бы бесполезно. В той ситуации шансов у меня не было никаких. Реши ты меня утопить, утопил бы, я б и не пикнула, не успела бы просто.

— Хорошо, что ты правильно оцениваешь свои силы.

— Никогда не забуду, как посреди воды вдруг раскрылся зев шлюза! Я ведь уже с жизнью прощалась, так как на всплытие мне воздуха бы точно не хватило уже...

— Классика жанра — Прыжок Веры, — пожал плечами он.

— Но оптический комуфляж и стэлс-режим у этого катера невероятны! Я ж его в воде с двух метров не разглядела! И потом водолазы со спасателями, чуть не топтались по нему и ноль внимания! Не представляла даже, что у нас что-то подобное разрабатывалось.

— Штучная работа. Прототип. И таких больше не будет.

— Почему?

— Главный конструктор этой машинки, дедок-склеротик, уже забыл все что

«придумал». А в НИИ небольшая авария произошла, ничего серьезного, но данные за два года работы института потеряны.

— Постой, я правильно понимаю, что это ты «придумал» тому старичку этот катер?

— Ну, у меня было много времени. А для Плана требовался быстрый и незаметный транспорт. Можно сказать, ключевой момент. Пришлось постараться. А так, использовать существующую производственную базу значительно проще, чем самому с нуля пытаться собрать что-то сложнее табуретки.

— Ладно, — остро взглянула на него девушка. — Ты не ответил. Зачем тебе я?

— Ох, женщины! — тяжело вздохнул он. — Затем, что быть одному — смертельно скучно!

— То есть, я просто развлечение?

— Нет, — не согласился он. — Ты партнер по развлечениям. Ты человек, с которым можно придумать и воплотить очередную шалость. Тем более, что ты первый человек, который смог меня просчитать. И да, предворяя твой вопрос, в сексуальном плане ты меня более чем привлекаешь.

— Хам. Нахал. Машина бездушная, — перечислила она спокойным голосом, стрельнув перед этим глазами. — И что дальше?

— Не знаю, — пожал плечами он. — План я реализовал. Глобальный эксперимент над человечеством поставил. На сцене Большого Драматического Театра роль сломленного виной грешника сыграл. Из-под опеки и надзора госструктур выскочил.

— Тогда, чур я теперь выбираю!

— Без проблем, — не отвлекаясь от работы, сказал он.

— Жду тебя в каюте, — мурлыкнула она. — Обсудим варианты, — нежно прикусила мочку его уха и походкой пантеры покинула капитанский мостик.

— Женщины, — пробормотал он себе под нос. — Слушают, но не слышат... Может эмоций у меня и нет, но про чувства я ничего не говорил...

— Ну, долго тебя ждать?! — раздался голос девушки из каюты.

* * *

Александра Сомова усаживалась поудобнее на своем месте в зрительном зале Большого Театра. Московского Большого Театра.

Сегодня она была здесь вместе со всей своей семьей. Отец не рассказывал, откуда и как достал билеты. А она и не спрашивала.

Сперва, Саша думала было выведать, пустившись на различные девичьи уловки и хитрости, против которых у мужчин нет защиты и сил к сопротивлению. Но потом, потом ей в руки попала программка предстоящего спектакля. И вопросы сразу же сами собой отпали.

Достаточно было всего пары строчек, чтобы понять, что у попадания билетов к семейству Сомовых, окажется какое-нибудь совершеннейше будничное и неинтересное объяснение. Притом абсолютно ЛОГИЧНОЕ...

И вот она в зрительном зале. И стоит расположиться поудобнее, чтобы как следует насладиться сказкой, которую сегодня покажет ей старый друг, исполняющий свою мечту.

Девушка достала из сумочки ту самую программку и вновь перечитала те самые строки.

А значилось там следующее:

«Уильям Шекспир. Ромео и Джульетта.

В главных ролях:

Джульетта — Елена Гончая.

Ромео — Леонид Кашин...»

* * *

— Сегодня, первое сентября. День Знаний. И начало нового учебного года. В этом году, дети, у вас будет новая классная руководительница. Ее зовут Гончая Елена Васильевна. Поприветствуйте её!

— Здравствуйте, Елена Васильевна! — не стройным хором отозвались тридцать детских голосов.

— Ну, а с новым трудовиком вы познакомитесь завтра на уроке... Его зовут Кашин Леонид Васильевич.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Дождик, дождик, уходи

Дождик, дождик,
Уходи!
Приходи в другой день.
Папа хочет играть.
Дождик, дождик, уходи!
Дождик, дождик,
Уходи!
Приходи в другой день.
Мама хочет играть.
Дождик, дождик, уходи!
Дождик, дождик,
Уходи!
Приходи в другой день.
Братик хочет играть.
Дождик, дождик, уходи!
Дождик, дождик,
Уходи!
Приходи в другой день.
Сестрёнка хочет играть.
Дождик, дождик, уходи!
Дождик, дождик,
Уходи!
Приходи в другой день.
Мальш хочет играть.
Дождик, дождик, уходи!
Дождик, дождик,
Уходи!
Приходи в другой день.
Вся семья хочет играть.
Дождик, дождик, уходи!